

"В полночный час"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Шеннон Дрейк

В полночный час

Пролог

Луна была полной. Она казалась громадной. Сверкающий, переливающийся диск с холодной насмешкой поглядывал на бrenную землю.

Он не нуждался в ярком свете, чтобы видеть происходящее; освещения, даваемого луной, ему вполне хватало.

Он выбрал место на самой высокой точке собора не случайно. Отсюда, со звонницы, открывался роскошный обзор. Город предстал перед ним во всем своем блеске. Он смотрел на людей, любовался совершенной красотой ночного неба и чувствовал, как растет в нем знакомое напряжение. Он слишком хорошо знал, чем оно вызвано.

Карнавал.

Венеция.

Первая ночь праздника. Первая ночь, открывающая карнавал. Сегодня первый бал. За ним последуют многие и многие, но этот — особенный, ибо он первый.

Второй день последней недели перед Великим постом, называемый Жирным вторником.

Исступление безумных оргий.

Это случится сегодня. Сегодня они нанесут удар. Ибо все располагает к нему.

Все улицы, переулки и каналы города там, далеко внизу, заполнила разноликая толпа. Люди и маски, неизменно присутствующие на каждом карнавале. Музыканты и клоуны, ряженые на ходулях, богатые и бедные. Наступала ночь превращений и притворства, ночь, когда каждый становился актером, ночь загадок и тайн. Сегодня миром правили тени, тени и мрак. Мир как таковой сегодня стал лишь тенью. Тенью и мраком, несмотря на залипающие город огни. Несмотря на обилие ярких фонариков, сверкавших в руках едва ли не каждого участника действия.

Жирный вторник.

Пир перед постом.

Да, сегодня им захочется настоящего пиршества. И они получают желаемое. Насытятся до отвала. Если только не...

Тихо, с непринужденной грацией прирожденного хищника он спрыгнул с высоты.

И вошел в город.

Джордан Райли распахнула ставни и выглянула на улицу из окна своего номера в отеле «Даниэль», чтобы посмотреть на нарядную толпу, гудящую и радостную. Отсюда она могла наблюдать за оживленным движением по каналу Сан-Марко вплоть до впадения его в Большой канал: на катера, гондолы, на потоки людей, сходящих на берег. На другом берегу подпирал небо величественный купол церкви Санта-Мария делла Салуте. И, если высунуться из окна,

можно разглядеть справа кусочек площади Св. Марка, самое сердце карнавального праздника. Ночь наполнилась звуками смеха и музыки, повсюду царила атмосфера беззаботной радости, когда каждый встречный казался товарищем и другом. В других городах мира тоже бывают карнавалы, особенно накануне поста, но Джордан, как и большинство жителей Земли, совершенно уверена в том, что веселиться и праздновать во время карнавала так, как в Венеции, никто не умеет. У венецианского карнавала своя особенность — его участники умели оставаться изысканно-элегантными в любом наряде и при любых обстоятельствах.

— Готова, Джордан?

Она обернулась. Ее кузен Джаред стоял на пороге. Впрочем, если бы она не знала, что, кроме Джареда, из мужчин никто к ней зайти не может, то ни за что не догадалась бы, что это он. Он нарядился в весьма здесь популярный костюм дотторе — средневекового доктора. Когда-то Венецию почтила своим посещением весьма грозная гостья — чума, и доктора носили особую одежду — длинные балахоны с капюшонами и полностью закрывающие лицо маски с громадными носами, часто напоминающими клювы. Считалось, что такой костюм защищает доктора от флюидов смертельной болезни. Позже об основном назначении костюма люди стали забывать, и он превратился в таинственный и грозный символ смерти. Маски встречались самые затейливые и часто пугающие. Джаред, выбирая для себя наряд дотторе — глухую маску и просторный плащ с капюшоном, — руководствовался, по-видимому, нежеланием показаться пижоном вроде тех, что щеголяли в броских нарядах эпохи Возрождения. Плащ и маску достать не составляло труда, да и подгонять ее по размеру не было необходимости. Так что для тех, кто прибыл на карнавал в последний момент, заранее о костюме не позаботившись, наряд дотторе казался выходом. Возможно, только простотой и безыскусностью объяснялась популярность костюма.

— Готова? Конечно! Скорей туда, в толпу! Здесь так славно! Джордан бывала в Венеции не раз, но только не во время карнавала. В этом году Джаред и его жена Синди уговорили ее поехать вместе в дни карнавальных празднеств, чтобы повеселиться на славу. Джордан чувствовала себя неловко — на сегодняшний костюмированный бал они шли втроем, она осталась без партнера. Пятое колесо в телеге. Владения итальянским языком Джордан хватало, чтобы объясняться в отеле и спросить дорогу, если заблудится, но поддерживать светскую беседу она была не в состоянии. Хотя многие итальянцы неплохо говорили по-английски, она все же опасалась, что за столом окажется в окружении незнакомцев, с которыми не сможет поддержать разговор. И все же желание испытать острые ощущения — неприменный атрибут карнавала — пересилило ее страх.

— Слава Богу! А я уже подумал, что ты попытаешься улизнуть! — вздохнул Джаред.

— Чтобы я отказалась от праздника? Ни за что! — Конечно, она кривила душой. Еще пару часов назад она совсем не хотела идти на бал. Но наступила ночь, искушающая, таинственная, с улиц в окна полилась музыка, город ожил, как оживает струна, взволнованно вибрируя под чуткими пальцами музыканта, и душа ее запела в унисон. Она вдруг почувствовала себя беззаботной и взбалмошной, жаждущей приключений, такой, как все вокруг. Вне сомнений, в городе найдется кто-нибудь, с кем она сможет поговорить, потанцевать и весело провести время.

Ты сногшибательно выглядишь, между прочим, сообщил ей Джаред.

Она прошла на середину комнаты и сделала реверанс.

Благодарю.

Джоржан успела взять напрокат костюм в последнюю минуту, и все же наряд производил впечатление. Эпоха Возрождения была здесь в фаворе. Все в блесках, украшенное «драгоценными» камнями, с кружевной пелериной. Платье досталось ей лишь потому, что Джордан повезло родиться миниатюрной — меньше метра шестидесяти, даже на каблуках, носила она чуть больше сорока килограммов. Платье сшили на заказ для одной молодой женщины, которая была вынуждена отказаться от него еще месяц назад, и больше никого с такими размерами не нашлось.

— Сногшибательно. И ты кажешься выше.

— Все дело в обуви, — сообщила она кузену, вытягивая ножку, обутую в туфельку шестнадцатого века. Впрочем, ей представлялось весьма сомнительным, что женщины того времени носили такие невозможные каблуки. Вне сомнения, высокий каблук-шпилька — недавний поклон женскому тщеславию.

— Будем надеяться, что ты не усохнешь, как бабушка Джей, а то от тебя вообще ничего не останется.

— Давай не стесняйся. Говори мне гадости — у тебя-то в крови «высокие гены». — Странно. Он такой высокий, а она такая миниатюрная. Но от своей общей бабушки Джей они оба унаследовали глаза глубокого зеленого цвета. Зеленые глаза и врожденное любопытство к новым местам и людям, ко всему, что обладало уникальностью.

— Усохнешь до нуля, — шутливо вздохнув, повторил Джаред. Наверное, он улыбался — под маской было не видно. — Ты сможешь в них идти?

— Вообще-то мне доводилось не раз ходить на каблуках, — заверила его Джордан. — Видишь ли, с моим ростом каблуки — единственный способ дотянуться до прилавка и вскарабкаться на табурет в баре.

— Эй, вы! Пора выходить, мы и так опаздываем.

Синди, одетая в черное траурное платье Викторианской эпохи, выглядывала из-за плеча Джареда. Она была высокой, как и ее муж.

— Джордан! Отличные туфли! Может быть, сегодня тебя не станут принимать за мою дочь.

— И ты, Синди, туда же? — со стоном отчаяния возопила Джордан. — Вы что, сговорились меня мучить?

— Мучить тебя? Я всего на пять лет старше тебя, а люди спрашивают, не прихожусь ли я тебе мамой! — Синди передернула плечами.

— Вы обе сногшибательные! — заверил женщин Джаред. — Две первые красавицы. А теперь мы можем идти?

Несколько минут спустя они уже находились в холле отеля — здания, насчитывающего не одно столетие. Что теперь стало особенно заметно. Все, даже коридорные, носили маски. Все приветствовали друг друга на старинный манер. Сегодня наступала ночь комплиментов, веселья и не сходящих с лиц улыбок.

Выйдя из отеля, троица присоединилась к толпе, идущей по пешеходному переходу вдоль канала. В такой толкотне не избежать столкновений, и извинения звучали на дюжине разных

языков. Джаред вытянул голову — рост позволял ему видеть над толпой. Водные такси, частные катера и гондолы теснились у пристани возле отеля, и поскольку иного транспорта, кроме водного, в Венеции не существует, народу на пристани не меньше, чем судов у причала, — сплошное людское море.

— Девочки, подождите минутку! Наш экипаж, кажется, ждет за углом. Пойду проверю.

Джордан и Синди старались держаться ближе к воде, чтобы не мешать пешеходам. Джаред отправился на поиски частного катера, который должен был отвезти их троих до одного из знаменитых исторических дворцов, где ежегодно проводился бал, считающийся весьма престижным. Джаред носил фамилию Райли, как и Джордан, но мать Джареда родилась в Генуе. Влюбленный во все итальянское, Джаред представлял в Венеции сразу несколько американских туристических фирм. Здесь он проводил не меньше времени, чем на родине, в Штатах. И итальянский он знал превосходно.

Увы, Джордан не могла похвастаться столь блестящим владением языком. Как раз сейчас ее случайно толкнул некий солидный господин и, приподняв шляпу, пустился в долгие извинения. Не имея представления, о чем он говорит, Джордан с улыбкой сказала: «Прего, прего!» — что в дословном переводе с итальянского означает «я молюсь за тебя», но, по сути, может выручить в абсолютно любой ситуации. Салидный господин улыбнулся, приподнял шляпу и пошел своей дорогой.

— Придется как следует присматривать за тобой сегодня, — заявила Синди. Господин крот собирался тебя подцепить!

— Синди, ты зануда! Откуда ты знаешь, что он крот?

Синди засмеялась, откинув на спину свои длинные светлые волосы. Сегодня они выглядели совсем не так, как обычно, — ничего похожего на шелковистый гладкий каскад: вместо него буйство золотистых тугих пружинок.

— Он был одет как крот, неужели ты не заметила?

— Разве? — пробормотала Джордан. — Я заметила хвост и мех на плечах, но...

— Крот, — решительно заявила Синди. — Даже крот эпохи Ренессанса не перестает быть толстым, слепым и надутым. Короче, крот есть крот. Будь осторожнее, Джордан. Думаю, сегодня нам предстоит встретиться с большим количеством грызунов-вредителей. Грызунов с повадками хищников и просто хищников. Крысы здесь шныряют повсюду... И еще волки. А ты выглядишь лакомым кусочком для голодного хищника, моя маленькая Красная Шапочка.

— Девочки! — крикнул им Джаред издали, помахав рукой. — Нам надо пройти к площади Святого Марка, наш экипаж ждет там.

— Надо, — значит, пойдём. Но будем торопиться. Настала ночь — для хищников время охоты. Нашей маленькой Красной Шапочке нельзя рисковать — встреча с волком может обернуться для нее большим несчастьем.

— Маленькая Красная Шапочка? Ты о Джордан? — недоумевая, переспросил Джаред и, нахмурясь, неодобрительно посмотрел на нее. Но точно сказать, что именно он чувствует, Джордан, как и в тот раз, не могла. Маска полностью закрывала его лицо. — Маленькая — верно, но где же красная шапочка? Где корзинка с пирожками и деревянные башмаки? Нет, на Красную Шапочку она совсем не похожа.

— Не обращай на него внимания, Джордан. С воображением у него туговато, да и с чувством юмора дела обстоят не лучше, — со смехом шепнула Джордан Синди. — Я всего лишь хотела сказать, что нам следует хорошенько присматривать за нашей кузиной, дорогой, — ласково объяснила Синди мужу. — Смотри, какая она хрупкая — как фарфоровая статуэтка.

— Я понял, — пробормотал Джаред, и Джордан догадалась, что он пристально смотрит на нее. — Может, ты и права. Эй, сестричка, эти буфера — они твои или из ваты?

Джордан рассмеялась, подбоченясь по-крестьянски.

— Да, Джаред. Все тут мое. А как насчет тебя? Что там, за гульфиком из ваты?

— Слава Богу, мы в Италии и не все вас понимают! — воскликнула Синди. — Может, пойдем уже?

И они пошли сквозь толпу. Джордан была рада, что Джаред крепко держит ее под локоть. С ним она как за каменной стеной — глазеешь по сторонам и ни о чем не думаешь.

В такую прохладную, но не сырую, ясную и звездную ночь город предстал во всем своем праздничном великолепии. Огни уличных фонарей и дрожащие огоньки фонариков, что несли в руках многие, отражались в водах каналов, преломляясь, подергиваясь рябью, создававшей ощущение таинственной зыбкости. Весь город отражался в черных водах как в волшебном зеркале, и не поймешь, какой из городов настоящий — тот, что наяву, или тот, что в воде. Тот, что в воде, сегодня казался более ярким и красочным. Ночь-перевертыш, ночь-обман. То, что в иное время вызвало бы лишь снисходительную улыбку, сегодня казалось исполненным смысла. Смысл виделся даже в абсурдном. Нелепость обретала убедительность красоты. Все смешалось — ориентиры утеряны. Сегодня здесь можно увидеть костюмы всех эпох, костюмы, имитирующие животных, фантазийные наряды, воплощающие безудержный полет авторской выдумки. Птицы с невероятным оперением, кошки — изящные и гибкие, черные шкурки усыпаны драгоценностями. Репортеры, повсеместно берущие интервью у людей из толпы, жужжание камер, звуки музыки с площади Св. Марка и беззаботный счастливый смех, парящий над людской суетой. Да, вновь подумала Джордан, карнавал бывает не только в Венеции, но то, что происходит здесь, воистину неповторимо. Венеция уникальна в своей любви к замысловатой элегантности нарядов, когда местные жители и гости города состязаются в стремлении к совершенству.

Джаред вел их к пристани прямо перед площадью Св. Марка. Джордан обернулась. Ей показалось, что за ней наблюдают. Она подняла голову. Венецианский лев восседал на мраморном пьедестале, глядя на нее снизу вверх. Она оглянулась на собор Сан-Марко и Дворец дождей. Сейчас, с наступлением ночи, тени встrepенулись, отделились от предметов, их отбрасывающих, обрели способность двигаться сами по себе, зажали собственной, независимой от своих дневных хозяев, жизнью. Но стоит взглянуть на них, как они замирают, притворяясь бездушными, прячутся за горгульями, гордыми конными изваяниями и прочими архитектурными украшениями, сотворенными величайшими гениями человечества.

Зазвонил церковный колокол.

Потом другой, третий. И вот уже десяток колоколов раскололи небо звоном. Джаред крепче взял Джордан под руку. Уверенным шагом он вел ее к пристани, где ждал катер. Один шаг и они на борту. Загудел мотор, и катер отошел от берега. С натужным гулом судно тронулось в путь, разрезая воды канала. Пассажиров — полное судно. И здесь толпа — не менее густая, чем на улицах города.

— Смотрите, там впереди наш дворец.

Джордан старалась припомнить все, что ей довелось узнать о сегодняшнем мероприятии. Бал давала графиня Триесте. Нарри Триесте — женщина, чье состояние сопоставимо с богатством всего города. Несколько раз она очень удачно выходила замуж и, будучи изначально далеко не бедной, сумела преумножить состояние за счет имущества мужей. Однако ничто и никого в жизни она не любила так, как искусство. Палаццо Триесте с самого начала строилось скорее как дворец, призванный радовать глаз, чем как замок, предназначенный быть укрепленной крепостью. Изящные кованые решетчатые ворота украшали вход во дворец прямо с каналов. Причудливые полукруглые лестницы парадного входа радовали глаз. Лакеи в маскарадных костюмах помогали дамам сойти на берег. В величественном фойе, сверкающем мрамором, гостей встречала сама хозяйка.

Женщина среднего роста, чей возраст можно определить очень приблизительно — дама средних лет, — была необыкновенно красива. Белоснежный наряд графини украшали громадные белые перья. Ослепительно белые, касающиеся мраморного пола, они венчали подол и испанский воротник, в котором любая женщина невольно держалась бы с королевским величием. Те же перья, еще более длинные, украшали и маску, которую графиня носила с изяществом и непринужденностью. Графиня небрежно отодвинула маску, радушно улыбнулась пришедшим ранее гостям и поприветствовала новоприбывших.

— О, Джаред, бенвенуто! Синди, чао, моя дорогая!

Графиня подплыла к ним и расцеловала, затем взяла Джордан за обе руки, широко развела их в стороны, любуясь новой гостьей.

— О, Джаред, твоя кухня просто красавица! Вы говорите по-итальянски? Немного? Грацие, спасибо, что пришли на мою маленькую вечеринку. Благодарю.

— Спасибо большое, — по-итальянски ответила Джордан.

— Вы говорите по-итальянски!

— Нет, совсем чуть-чуть. Увы.

— Не важно. Танцуйте, веселитесь. Английский язык здесь в ходу, и к тому же, согласитесь, иногда гораздо лучше, когда вы не понимаете того, что говорит мужчина?

Графиня многозначительно усмехнулась, скользнула взглядом по Синди и Джареду, и Джордан вдруг испытала странное чувство дискомфорта. Ей вдруг почудилось, что хозяйка бала знакома с ее кузеном гораздо ближе, чем он хотел показать. Джордан постаралась поскорее избавиться от странной мысли. Джаред и Синди выглядели любящей красивой парой, и не хотелось думать, что их семейная идиллия — всего лишь видимость.

— Буфет наверху, а шампанское подают и здесь, уведомила их графиня, взяв бокал с подноса проходящего мимо официанта. — Танцевать можно повсюду — и здесь, и наверху.

Задерживаться, не рискуя создать затор, они не могли: прибывали новые гости. Едва они расстались с графиней, Джаред виновато произнес:

— Прости меня, Джордан, за ужином, обещаю, ты одна не останешься, а пока мне надо поговорить кое с кем из деловых партнеров. Так что, надеюсь, вы меня извините...

— Передо мной он не счел нужным извиниться, лишь перед тобой, — с шутливой обидой высказалась Синди.

— Ты здесь многих знаешь.

— Разве в масках можно кого-то узнать? — протянула Синди, оглядываясь по сторонам. Костюмы поражали своей пышностью. Гости бала в своей массе были одеты много лучше тех, кто праздновал на улице. Каждый из нарядов тянул на несколько тысяч долларов, а иногда и на несколько десятков тысяч. Джордан чувствовала себя бедной родственницей в своем наряде с фестонами и фальшивыми драгоценностями. Платья большинства дам сверкали настоящими рубинами и жемчугами, и сшиты они были из драгоценного бархата. Какая-то дама в средневековом наряде прошла мимо, сверкнув огнями дюжины изумрудов. Настоящих, не поддельных.

Джордан, видишь ту павлиниху с круглой попкой и громадным веером? Это миссис Мерони. Я должна перебраться с ней парой слов. Пойдем со мной...

— Не беспокойся. Я тут сама поброжу. Иди, поболтай.

Но...

— Со мной все будет в порядке.

— Берегись хищников.

— Если какому-нибудь волку удастся завладеть моим вниманием, не сомневайся — он будет из числа очень состоятельных хищников.

— И нестарых, — посоветовала Синди. — Или, наоборот, пусть он будет очень старый волк, такой старый, чтобы умер сразу после свадьбы, без промедления, и оставил тебя очень и очень богатой вдовой.

— Учту твои пожелания.

Синди весело помахала рукой и удалилась.

Он видел, как она шла к буфетной стойке. Миниатюрная и изящная, превосходно сложенная, она сразу же привлекала внимание. От этой маленькой женщины с темными волнистыми волосами, рассыпавшимися по плечам крупными кольцами, невозможно было отвести глаз. Чтобы волосы не падали на лоб, она заплела у висков две тонкие косы — по моде эпохи Ренессанса и в полном созвучии с нарядом из темно-малинового бархата, соответствовавшего той же эпохе. Конечно, многие одеты куда роскошнее, но ни одна из дам не выглядела здесь в своем платье так естественно и органично, как она.

В руках у нее, как и у большинства присутствующих, была маска, сверкающая из золотистой и серебряной фольги. Маска крепилась на тонкой деревянной ручке. Девушка попала в затруднительное положение. Отодвинув маску от лица, она глотнула шампанского и, озадаченно взглянув на блюдо с креветками, очевидно, задумалась над решением непростой проблемы — как удержать в руках одновременно маску, шампанское и креветку.

Он слетел с балкона на террасу, ни на миг не упуская ее из виду. Подойдя к ней, он присел рядом за стойку и стал говорить по-итальянски. Заметив ее смущение, немедленно перешел на английский.

— Добрый вечер. Извините мою дерзость. — Он сделал паузу и, слегка понизив голос, добавил:
— Наверное, здесь положено представлять гостей друг другу, но поскольку у вас, кажется, проблема, я рискнул предложить свою помощь, не дожидаясь официального представления.

Он протянул руку, предлагая взять бокал, маску либо то и другое.

Девушка подняла взгляд и встретила с ним глазами. Зеленые глаза, способные посрамить чистотой и яркостью все изумруды, украшавшие платья некоторых гостей, зажглись интересом. Она улыбнулась. Дерзко. Насмешливо.

Джордан приняла условия игры и ответила ему в том же тоне и с теми же вкрадчивыми интонациями.

— Не уверена, что должна принимать вашу помощь. Жена моего кузена строго-настрога наказала мне избегать крыс и волков, а также прочих ночных хищников.

— Да, но только если они не богаты, как дожи, — пробормотал он.

Она засмеялась несколько виновато и, оглядевшись, чуть нахмурила лоб.

— К несчастью, вас я должна избегать, — заключила Джордан, пристально глядя на собеседника. — Вы — волк.

— Волк? — с шутливой обидой переспросил он. Джордан имела в виду его костюм. Черная кожаная маска с волчьим оскалом. Черный плащ, а под ним виднелись полоски серого меха.

— Но, быть может, я молодой и очень, очень богатый волк. Рискните. Потанцуйте со мной. Доешьте креветку, допейте шампанское, а потом потанцуйте со мной.

— Да, но...

— Живите легко. Вы в Венеции. И сегодня карнавал.

Джордан улыбнулась без прежней скованности, протянула ему маску и быстро доела креветку. Одним глотком допив шампанское, она кивнула.

Через минуту они уже находились на танцевальной площадке, расположенной за буфетной, на террасе, выходящей на другую сторону канала. Лунный свет струился по воде, в которой отражались танцующие. Играли вальс.

Джордан предупредила, что будучи американкой, она многого не знает и не умеет, но она кокетничала: вести ее было легко, словно они танцевали вместе не один год. Она плавно скользила, смеясь, но вдруг споткнулась и скорчила рожицу.

Вы слишком высокий, — заявила она ему.

А вы немного мелковаты. Но ничего, мы справимся.

— Вы не итальянец? — Вопрос ее звучал как утверждение, даже скорее как упрек.

Увы, я волк, и к тому же не итальянец, — признался он.

— Но вы и не американец.

— Я гражданин мира, — сообщил он. — А вы, разумеется, американка.

— Но я могла бы быть и англичанкой.

— Никогда.

— Или канадкой.

— Вы самая типичная американка, — решительно заявил он.

— Разве так заметно? — Но он прав. Отчего-то американцев здесь все узнавали за версту еще до того, как они открывали рот. Словно национальность была написана у них на лбу.

— Я из Чарлстона, Южная Каролина, — сообщила она. — А вы?

— Италия — мой дом, когда я вдали от дома. И является моим домом в настоящий момент. На земле мало таких дружелюбных и приветливых людей, как итальянцы.

— Но ведь вы же где-то родились? Где? — спросила она. Ее зеленые глаза светились любопытством.

Он улыбался. Он уже решил, что ничего ей не скажет. Не надо было вообще с ней заговаривать из-за того, что неизбежно должно случиться. Но она заставила его обратить на себя внимание, она затронула его чувства или, возможно, инстинкты.

А душу?

— Сэр? Сэр Вулф? Вас так зовут? Откуда вы родом?

— Издалека. Из очень далекого далека, — игриво проговорил он и закружил ее. Затем кто-то похлопал его по плечу, и он остановился.

— Синьор, прошу прощения, позвольте потанцевать с вашей дамой, — обратился к нему некий джентльмен, скорее всего англичанин.

Он не стал возражать.

— Берегите себя, американка, — уступил он ее с почтительным поклоном. — Чао, белла. Чао, белла.

Она улыбнулась ему, в глазах ее читалось сожаление. Так ему подумалось. Или он увидел то, что хотел увидеть? Он смотрел, как ее закружил в танце другой.

Ноги болели. Джордан привыкла ходить на каблуках, но эти оказались слишком уж высоки. И бал никак нельзя назвать скучным. Вначале — волк. Загадочный, очень высокий, такой очаровательный волк. Она не имела ни малейшего представления о том, как он в действительности выглядел. Он носил маску. Но такой рост не спрячешь. Узнает ли она его, если увидит вновь? Она подумала, что узнала бы его запах. В самом деле. Такой приятный запах. Одеколон с запахом свежести и свежеструганного дерева и... с такими чувственными мускусными обертонами.

После волка англичанин.

Затем арлекин или джокер.

Он сделал комплимент ее наряду, потом — ее глазам, потом — волосам. Затем — ее длинной и стройной шее.

Она засмеялась и чуть отодвинулась, насколько позволял танец.

— Вы слишком цветисто выражаетесь, сударь.

— Что вы, я нисколько не преувеличиваю. Такая красивая белая кожа. И жилка на шее... Как трепетно бьется.

И вот с этого момента она начала испытывать некое беспокойство. Джек Потрошитель в костюме из коричневой кожи и шелка подхватил ее и закружил в танце. Высокий, импозантный, он представился испанцем и помог ей избавиться от чувства тревоги, зарядил ее энергией — словно солнечный луч пробился сюда сквозь пелену ночи. И все стало на свои места.

Она поблагодарила его. Лицо его, согласно образу испанца, было в сером гриме, но глаза, очень темные и лучистые, притягивали к себе своей необыкновенной красотой и чувственностью, подумала она.

Синди права. Здесь полно хищников. Искушенных хищников, которые в совершенстве овладели искусством охоты.

Когда они с Потрошителем остановились, чтобы отдышаться и поговорить, на террасу вышел мужчина в костюме шута — в малиновом трико и малиновой куртке, в колпаке со звенящими бубенцами. Следом за ним появилась карлица. Она хлопала в ладоши.

Он произносил фразы на итальянском, тут же переводя их на английский, учитывая интернациональный состав гостей.

— Слушайте, слушайте! Маскарад начинается! Когда-то давным-давно во дворце жил Одо, граф Кастелло. Сыновей у него не было, но зато он произвел на свет дочь. Он ничего для нее не жалел, и такая она была красотка, что самые знатные из господ считали его счастливым. Еще бы — обладать таким сокровищем! Но Одо все не мог утешиться. Наследника-то у него не было. И вот он схватил свою жену...

Фигляр подхватил женщину средних лет с прической по моде двенадцатого века и тихо спросил ее, согласна ли она ему подыграть. Она, смеясь, закивала. Игра ей нравилась.

— Схватив свою жену, он так начал трясти бедняжку! — Шут притворился, что трясет женщину. — И подарил ей поцелуй смерти!

Со стороны казалось, будто он что-то прошептал ей на ухо, и женщина, обмякнув, опустилась на пол. Шут выпустил ее, оставив лежать на полу без движения, а сам весело запрыгал по кругу.

— Итак, — продолжал шут, — Одо женился вновь! Но и вторая жена не смогла подарить ему сына! — Из толпы, которой все прибывало, актер выудил матрону в средневековом костюме, охотно закивавшую в ответ на его предложение сыграть роль второй жены Одо. Фигляр что-то шепнул и ей, и та обмякла. Он осторожно опустил ее на пол.

— И вновь он решил жениться!

Фигляр потащил за собой еще одну женщину, которая захихикала и закивала, не дожидаясь приглашения. С ней произошло то же, что с двумя предыдущими.

— Увы! Одо все никак не мог остановиться. Он перевел больше жен, чем Синяя Борода! — Шут в малиновом трико вальсировал по комнате, хватая женщин одну за другой.

Наконец он остановился, сокрушенно качая головой.

— И все же ни одна из женщин так и не смогла родить ему сына! И вот пришла пора выдавать замуж его чудесную, блистательную дочь!

Фигляр медленно прошелся по комнате. Он выглядел высоким и отлично сложенным, как заметила Джордан. Мышцы так и играли под плотно облегающей одеждой.

Джордан поняла, что он направляется к ней, и попятилась.

Я американка! — прошептала она.

— Не важно, — ответил он и протянул ей руку. Джордан отчаянно затрясла головой, но он уже вытянул ее на середину. Она находилась в гостях и не хотела показаться грубой.

— Итак, он обещал отдать свою душу самому дьяволу, лишь бы найти для дочери подходящего мужа, чтобы не прервался род. Ах, где же дьявол?

Фигляр прошелся по комнате, подыскивая кандидатуру для дьявола, а между тем гости начинали со смехом расходиться.

И вот тогда Джордан увидела на полу малиновую струйку, сочившуюся из-под тела первой из женщин, получивших «смертельный поцелуй Одо».

Кровь.

Джордан вскрикнула, зажала рот рукой и завизжала.

Фигляр заметил ее реакцию и сжал в объятиях. Джордан изо всех сил пыталась вырваться. Но он оказался весьма сильным, сильнее, чем она могла бы представить. И в тот момент, к своему ужасу, она увидела, что комната полна...

Чудовищами. Демонами. Нет, ей не пригрезилось. Она явственно видела мужчин в плащах и мехах, женщин, разом истошно завизжавших, обнаживших... клыки.

— Пошли!

Она боролась изо всех сил, яростно пинаясь и визжа. Но фигляр в малиновом трико оттаскивал ее все дальше в темный закуток на террасу, и цвет его костюма был точно таким, как у стекавшей на пол струйки крови. Той крови, которую он только что пролил.

Внезапно шут оказался отброшен далеко в сторону, и Джордан увидела перед собой глаза волка.

Фигляр злобно зарычал, выплевывая слова на языке, которого Джордан не знала. Волк ответил. Фигляр напал на волка, волк принял вызов. Началась драка.

Джордан кричала как резаная, глядя на то, как тяжелая рука волка опустилась на голову шута.

Хрустнул шейный позвонок, и голова в малиновом колпаке бессильно упала набок.

Все чудовища ада, казалось, прибыли из преисподней и заполнили собой элегантный дворец.

Джордан пятилась, не зная, верить ли своим глазам.

Чудовища хлынули из дворца. Настоящие чудовища! Порождения самых неумных и жутких фантазий. Звери с громадными тонкими клыками, и кровь капала с их клыков.

И тут Джордан начала кричать с новой силой, ибо волк рванулся к ней. Она изогнулась и ударила его головой в живот, но он был нечеловечески силен. Он схватил ее за руку и...

И прыгнул с террасы вниз...

В густой туман! Сплошной туман. Ночной туман, такой плотный, такой черный. Ей показалось, что они летят в черную дыру, в преисподнюю...

Ступни ее ударились обо что-то твердое. Палуба. Судно закачалось под ними. Джордан принялась запоздало кричать от страха. Она могла бы упасть на камни, на мрамор, она могла бы сломать себе шею...

Она могла бы падать вечно, погружаться в туман, в бесконечную глубину.

Он усадил ее на скамью судна, оказавшегося небольшой лодкой, и приказал ошалелому лодочнику:

— Гребни! Скорее, тебе говорят!

Парень стал грести.

И тогда волк прыгнул с лодки на тротуар.

Обернулся.

И исчез в тумане.

Глава 1

Кое-как Джордан смогла донести до ошалевшего лодочника, что он должен отвезти ее в ближайший полицейский участок. И ей удалось его убедить, несмотря на то что от пережитого страха и ужаса она забыла напрочь все итальянские слова. К счастью, «полиция» звучит почти одинаково на всех языках, и лодочник ее понял и доставил в участок. Там ей удалось разыскать милого офицера, говорившего по-английски, и он заверил ее, что расследование начнется немедленно, хотя, узнав, что речь идет о палаццо графини делла Триесте, он несколько смутился. Вначале Джордан была близка к истерике — слишком сильно ее потрясло увиденное и слишком силен оставался страх за находившихся на балу Джаред и Синди, потом она несколько успокоилась и смогла более или менее связно поведать полицейскому о театрализованном представлении, закончившемся настоящим кровопролитием и смертью. Она сказала и о том, что люди в маскарадных костюмах вдруг превратились в настоящих монстров, бросавшихся на ничего не подозревавших зрителей. Кофе, изрядно сдобренный бренди, подействовал благотворно. Тогда она заговорила так, чтобы слова ее могли показаться убедительными не верящему в вампиров офицеру. Настолько убедительными, чтобы они решились явиться во дворец весьма известной в городе женщины в ночь Жирного вторника, то

есть тогда, когда по всему городу каких только причудливых спектаклей не разыгрывали.

Джордан осталась в полиции. Вскоре карабинеры вернулись туда в сопровождении Джареда, Синди и графини. Все трое выглядели весьма обеспокоенными, но графиня — единственная из всех — не выглядела смущенной. Скорее, ситуация ее забавляла. Может, дело в особенном, одной ей присущем чувстве юмора? Графиня извинилась перед Джордан, но сочла нужным заметить, что никак не ожидала такой наивности от современной девушки, к тому же американки. Она вела себя чертовски надменно, смотрела на Джордан с брезгливой снисходительностью. Джаред, к чести его будет сказано, в тот момент вел себя как старший брат — выражал глубокую озабоченность и сочувствие. Он обнял сестру, и в глазах его читалась искренняя тревога. Слова он подбирал очень аккуратно, терпеливо разъясняя, что кузина его стала свидетельницей шоу, оказавшегося слишком сложным для восприятия наивной американки. Он говорил, что жанр театра ужасов весьма популярен во время карнавала и что никакого насилия на самом деле не было и, уж конечно, никаких убийств.

Джаред ничего не знал о запланированном графиней представлении, но и графиня ничего не знала о Стивене. Наверное, нет ничего необычного, что Джордан так сильно испугал спектакль в духе «дома с привидениями». Но теперь, когда она знает...

Но Джордан не унималась. Она твердо стояла на своем. Она пыталась убедить графиню в том, что некоторые из ее гостей безумцы и что, быть может, сама хозяйка дома не имела представления о происходящем у нее на балу. Джордан продолжала утверждать, что убийства имели место. Графиня лишь качала своей красивой головой, удрученно и с сожалением. Добродушный англоговорящий офицер прочистил горло и сообщил Джордан, что палатки обыскали. Ничего подозрительного не нашли, если не считать того, что костюмы некоторых гостей перепачканы клюквенным соком. Соком, которым Джордан по наивности своей приняла за настоящую кровь.

— Но я же вам говорю, я видела, как люди умирали! — говорила Джордан. — Вернитесь! Они успели убрать кровь. Я не очень-то разбираюсь в полицейских процедурах, но, может быть, вы используете люминал...

Джордан помнила, что именно тогда графиня разозлилась, ибо она вдруг начала быстро говорить с офицерами на итальянском, рассерженно втягивая носом воздух. Произнеся речь, графиня вновь обратилась к Джордан.

— Моя дорогая, поскольку ты кузина Джареда, я прощаю тебе твою ужасную выходку, но ты просто должна забыть глупые фильмы, которые вы, американцы, так любите смотреть, и принять как факт, что у нас тоже есть свое представление о смешном и забавном. И, — добавила она, понизив голос, — конечно, забыть о том, что случилось с твоим женихом. Джаред, разумеется, ввел меня в курс дела, и я, дорогая моя девочка, хорошо тебя понимаю и сочувствую тебе. Ты мне дорога как кузина Джареда; как-нибудь ты должна зайти ко мне — конечно, не сегодня, а потом, когда все закончится, — и убедиться, что мы не монстры и все, что ты видела, — просто маленький безобидный спектакль. В духе карнавала. О, бедная моя девочка. Мне так жаль тебя. Но, пожалуйста, постарайся подойти к увиденному тобой рационально и рассудительно, и ты поймешь, что все совсем не так, как ты себе напридумывала.

— Да, мы должны отпустить графиню домой, — твердо заявил Джаред, и, не дожидаясь повторных просьб с его стороны, полицейские извинились перед графиней и выпроводили их всех на улицу. Графиня холодными губами поцеловала Джордан в щеку, настойчиво приглашая заглянуть к ней еще. Несмотря на растущее раздражение, полицейские вели себя по

отношению к Джордан корректно, гораздо корректнее, чем Джаред. После того как графиня отбыла на собственном катере, в него словно бес вселился. Когда Джордан в который раз принялась объяснять, что ей ничего не привиделось, что она видела настоящую кровь, что сама едва не сгнула и что ее спас мужчина в костюме волка, Джаред просто осатанел.

— Где мужчина, о котором ты говоришь? — спросил ее Джаред.

— Он спрыгнул со мной с балкона, а потом... исчез в тумане.

Они смотрели на нее так, будто она совершенно свихнулась. Да, бедная Джордан. Быть может, ее стоит отправить в ближайший сумасшедший дом.

В отеле Синди нашла консьержку, которая заварила Джордан чаю, и спросила, не хочет ли Джордан, чтобы Синди переночевала у нее в номере. Раздраженный вздох Джареда заставил Джордан отклонить предложение. Но, оставшись одна в номере одного из лучших отелей в Европе, со всей его антикварной обстановкой, уснуть она так и не смогла. В который раз она прокручивала в памяти разговор с графиней, и даже не слова, а неуловимые интонации заставили Джордан забыть о сне и отыскать в кипе привезенных книг ту самую, написанную голливудским продюсером. Джордан пыталась читать до тех пор, пока не поняла, что Синди подсыпала ей валиум в чай. Она так и заснула с книгой в руках. К несчастью, валиум не избавил ее от сновидений. Вновь и вновь она переживала события злосчастной ночи. Ей снилось, что она бодрствует и что огромный волк сторожит ее окно. Силуэт его чернел в оконной раме. Окно было распахнуто. Еще пару часов назад оттуда доносился смех, по тротуарам ходили пешеходы, по каналам сновали гондолы и катера, но сейчас город спал и только ночные тени да лунный свет хозяйничали на венецианских улицах.

Итак, виной всему, конечно, валиум — из-за него кошмары воспринимались как явь. Но ни валиум, ни зловещие сны не могли разубедить ее в том, что возможно...

Думать об увиденном ею было почти физически больно, и Джордан запретила себе делать какие-либо предположения, но как отключить мозг?

Возможно, несколько посвященных из какой-то оккультной секты устроили шабаш...

Но вот наконец утро.

Яркий свет.

Ни ключев тумана, ни дьявольского шепота. Лишь лазурная синева неба и прохладная ясность потрясающе красивого зимнего дня. И еще звон посуды, приглушенный гул разноязыкой толпы и вездесущий смех.

— Я думаю, — весьма осторожно заметил Джаред, — что все из-за Стивена. Мне очень жаль, что я вынужден поднимать эту тему, и я действительно очень старался не заводить, но, Джордан, ты ведь не унимаешься! Ты не хочешь успокоиться даже после того, как все разъяснилось. Как бы терпеливо и сочувственно к тебе ни относились, ты не желаешь понимать, что все было лишь театрализованным представлением, частью программы бала, веселой шуткой, только и всего!

Джордан положила ложечку. Тон кузена заставил ее внутренне сжаться. Она посмотрела себе на руки и принялась считать до десяти. Стивен умер больше года назад. Она смирилась с его смертью. Она не страдала психической неуравновешенностью. После его смерти она была вне себя от горя, она была подавлена, но паранойей никогда не страдала.

Она окинула Джареда ледяным взглядом.

— Происшедшее никакого отношения к Стивену не имеет. Совершенно никакого. Речь идет о прошлой ночи. И все. История человечества знакома с чудовищами. Чудовищами в человеческом облике. И многие из тех людей весьма богаты и занимают важные посты.

Джаред раздраженно вздохнул. И перегнулся через стол к Джордан.

— Джордан, давай начистоту. Ты попала впросак. Накололась. Я видел, что ты напугана, взволнована и прочее. Но тебе объяснили, что все произошедшее — часть действия, маскарад. Развлечение! Если ты будешь настаивать на своем, то разрушишь мои отношения с графиней и лишишь средств к существованию. — Когда он начинал говорить, в голосе его были нотки усталости, но закончил он, едва сдерживая ярость; — Поверь мне, графиня на самом деле весьма влиятельная персона, она общительна, вхожа во многие круги и очень ответственна. Она жертвует огромные суммы на благотворительность и ей нравится развлекать своих гостей, в том числе и такими постановками, которые некоторым кажутся пугающими. Но она не связана с оккультизмом.

Последнее слово словно стегнуло Джордан по щекам. Она приказала себе не обращать внимания на его тон.

Про себя она решила, что таким утром, как сегодня, за завтраком в отеле «Даниэль» с его заботливыми официантами и жизнерадостными, такими нормальными людьми вокруг, ей следовало бы забыть о событиях минувшей ночи.

Ей все объяснили.

И все же Джордан не оставила попыток объяснить себе самой, что же на самом деле видела она прошлой ночью!

Она явно воспротивилась против себя всю венецианскую полицию; ее попытки дать подробный отчет о том, чему она стала свидетельницей, привели лишь к раздражению служителей закона. К исходу ночи они окончательно уверились, что имеют дело с экзальтированной и наивной до глупости американкой с полным отсутствием чувства юмора.

Все так.

И все же...

Джордан справедливо полагала, что ей повезло с работой, которая состояла в том, что она писала обзоры для целого издательского синдиката, и работа была у нее всегда. С собой в отпуск она прихватила целую кипу изданий, и среди пилотных экземпляров книг и версток, в числе которых находилась литература и художественная, и документальная, ей посчастливилось наткнуться на одну книжку голливудского продюсера. Автор книги поставил несколько самых кассовых ужастиков последнего десятилетия. Книга оказалась хорошей и далеко выходила за рамки сценария. В ней приводились факты, взятые не из одних лишь легенд и мифов, которыми богата история, но и из судебных расследований тоже.

Сначала ей пытались открыть глаза на то, что именно происходило во дворце графини. Она не желала принимать предложенных разъяснений. Отчаявшись достучаться до ее рассудка, полицейские перешли к тактике увещеваний. Когда и она не помогла, над ней принялись откровенно насмехаться. Насмешки сменились неприкрытой злобой. Ей говорили, что она стала свидетельницей шоу. Шоу! Чертовски извращенное шоу, надо сказать! Если графиня

полагала, что так можно развлекать гостей, то у Джордан было иное мнение. Ничего забавного в ночном шоу, если даже предположить, что вчерашняя оргия была лишь театрализованным представлением, Джордан не нашла. Джаред ни о каком расследовании и слышать не хотел. Он даже не мог допустить мысли, что во дворце графини могло произойти нечто непотребное. Графиню он считал существом высшего порядка, а ее дом — чем-то вроде храма, осквернить который нельзя по определению. Предположение, что в доме графини могло произойти нечто, о чем она сама не знала, Джаред с негодованием отвергал. Обсуждать эстетические достоинства шоу он также наотрез отказался.

* * *

— Джаред, ты заблуждаешься. Очень заблуждаешься. Я не шизофреничка и не страдаю галлюцинациями. Я не верю в духов, гоблинов и привидения, но я точно знаю, что в нашем мире случаются преступления. И помимо просто плохих людей среди нас есть и те, которые верят в собственную сверхъестественную природу. Послушай меня, прими к сведению и помни, что произошедший случай всего лишь один из десятков документально зарегистрированных, в которых принимали участие реальные люди. Антуан Лежер, французский массовый убийца, был каннибалом и пил кровь, — убеждала его Джордан. Говоря так, она держала в руках книгу и, глядя на Джареда, держала палец на нужном месте, призывая книгу в свидетели. — В 1624 году его казнили на гильотине, и поделом. Как он убивал? Прятался в лесу и нападал на своих жертв из засады, как зверь. Жертвами его в основном становились юные девушки. Он их насиловал, потом убивал, выпивал их кровь и закусывал их сердцами.

Синди, до сих пор хранившая молчание, в тревоге подняла глаза на Джордан. С бесконечным терпением, которого так не хватало ее супругу, она коснулась руки Джордан и, нежно погладив, проговорила:

— Ты приводишь в пример книгу, Джордан. Всего лишь сборник рассказов.

— Но речь не идет о художественном вымысле! — запротестовала Джордан. — Я же объяснила, что такой человек действительно существовал...

Джаред со стуком поставил чашку на блюдце. Еще немного, и оно расколосось бы.

— Нет, Джордан, это выдумки! Чтиво для домохозяек — смешанные в кучу легенды, сказки и прочая чушь!

— Передо мной книга о вампирах в кино, литературе и в истории человечества, — с нажимом на последнем слове поправила его Джордан, стараясь не повышать голоса.

Они с Джаредом оба вели себя как дети. Как тогда, когда действительно были детьми. Они росли вместе и обычно ощущали себя братом и сестрой, будто рождены от одних родителей. Она всегда понимала его, понимала и теперь. Понимала, что он любит Венецию и что ему важно состоять в дружеских отношениях с такими влиятельными людьми, как графиня, хотя кое-чего Джордан все-таки не могла понять: как мог Джаред так дорожить добрыми отношениями с человеком, способным устраивать подобные забавы.

— Джордан...

— Джаред, я ведь не прошу от тебя невозможного. Попробуй лишь взглянуть на события вчерашней ночи с иной точки зрения. Я хотела бы ошибаться, но вдруг я действительно стала свидетельницей преступления? Почему ты не хочешь меня понять?

Джордан понимала, что рискует окончательно испортить отношения и с Джаредом, и с Синди, и с венецианской полицией, но закрыть глаза на то, что видела собственными глазами, она не могла. Ни безмятежность февральского утра, ни скепсис окружающих не разубедили ее в том, что преступление имело место, а следовательно, виновные должны быть наказаны.

Она пока доверяла пяти своим чувствам. И, невзирая на самые убедительные объяснения, которыми в полицейском участке ее напичкали сполна, остаток ночи она провела, страдая от гротескных и жутких в своем правдоподобии видений, навеянных шоу, которому она стала свидетельницей.

Сейчас вокруг нее сидели обычные люди. Они пили свой кофе, читали газеты, болтали и смеялись, короче, вели себя совершенно нормально. Убедительно нормально. И воздух в зале ресторана, пронизанный солнечным светом, словно лучился радостной беззаботностью праздника. Никто не имел никаких проблем. Разве что малыш, дремавший в коляске возле дальнего столика. Он вдруг проснулся и заплакал. И младенческий плач показался Джордан таким жизнеутверждающим, что она едва не усомнилась в правильности своего поведения. И все же...

Джаред перегнулся через стол, буравя ее глазами.

— Джордан, прекрати! — потеряв терпение, воскликнул он. — Я живу в Венеции, я работаю с теми, кто присутствовал на балу! Нормальные отношения с графиней — для меня все! От нее зависит моя работа, мое положение, моя карьера, моя жизнь, наконец! Если ты будешь продолжать в том же духе, ты меня уничтожишь! Неужели ты не можешь понять? Вечеринка, маскарад, костюмы, «дом с привидениями», спецэффекты, некая излишняя экстравагантность, согласен, но пусть будет так, как ей нравится! Графиня тщеславна. Она стремится быть лучшей во всем. Ее бал должен быть самым роскошным, она не постоит за ценой! Она любит, когда о ней говорят. Ну и Бог с ней! Вся Венеция станет говорить об этом случае, а пострадаю я! Ты не понимаешь?

— Джаред, я повторяю...

— И в полиции тебе повторяли. И графиня оставила гостей, чтобы приехать и все тебе объяснить. Приехала, потому что ты напугана. Все готовы вывернуться наизнанку, лишь бы объяснить тебе, что на самом деле происходит, а ты отказываешься внимать доводам разума!

— Джаред, тебя там не было.

Он встал, смял салфетку и швырнул ее на стол.

— Мне надо идти, Джордан. Так что давай, держись крепче, чтобы уж если рвать мою жизнь, то в клочья!

— Джаред! — воскликнула Синди. Наконец и она обрела голос. — Джордан твоя сестра! Одной с тобой плоти и крови!

— О чем она, кажется, забыла. Ты сидишь тут и слушаешь, как она сочиняет дикие сказки и убеждает себя в существовании монстров. — Он оперся ладонями о стол и хмуро взглянул на Джордан. — Мне жаль, мне искренне жаль, что со Стивеном случилось то, что случилось. Мы старались быть тебе опорой. И ты держалась молодцом, Джордан. По крайней мере не сходила с ума. Но обстановка карнавала, очевидно, как-то на тебя повлияла. Затронула какую-то тайную струну. И вот все для тебя началось опять. Мне жаль, но с меня довольно. Я устал. И еще, не догадываешься? Мне нужно заново навести много мостов. Исправить то, что

разрушила ты. Мне надо встретиться со многими людьми и извиниться перед ними за твое безумное поведение.

И он пошел прочь, широко шагая. Синди тоже поднялась. Сидеть осталась только Джордан.

— Джордан, — промямлила Синди, — я знаю, что он не хотел так вести себя...

— Синди, ты не должна извиняться за Джареда, — пробормотала Джордан.

И зря. Синди сразу перешла к обороне. Она вновь села и в упор посмотрела на Джордан.

— Джордан, ты должна понять, что ставишь под удар его карьеру. Ведь все держится на дружбе с людьми, о которых ты рассказывала в полиции. Если он поссорится с графиней, все для него рухнет. — Синди вздохнула. — Если честно, Джордан, я знаю, что ты здорово испугалась. Мы должны были быть рядом и совершили непростительную ошибку, оставив тебя одну... Но правда и то, что тебе все неоднократно объяснили. Объяснили спокойно, толково, с сочувствием и симпатией. А ты со своей глупой книжкой все только осложняешь.

— Еще кофе, синьорина?

Джордан подняла глаза. Даже их любезный официант и то поглядывал на нее с сочувствием. Успел ли до него дойти слух о безумной американке, которая свихнулась вчера на балу у графини и пригласила полицию поразвлечься? Возможно, она и в самом деле спятила и ей надо посмотреть на все глазами Джареда. Подумаешь, развлечение. Чертовски гнилое развлечение. Но если так, графиня права в одном — кровь, пролитая на балу, не лучше той, что ручьями льется в американских фильмах, к которым она давно должна была бы привыкнуть. Хотя насчет американского кино она могла бы поспорить, поскольку итальянец Марио Брава умеет делать сцены и пострашнее.

Джордан отказалась от идеи переубедить Синди. Она все равно не поверит в то, что здесь, в Венеции, спокойно разгуливают монстры. Возможно, она перегнула палку. Возможно, слишком много читала, слишком долго. Солнце весело сияло. Утро выдалось на удивление светлым. Особенно для такого времени года.

Джордан улыбнулась официанту. Не было смысла пытаться кого-нибудь здесь переубедить. Ни Джаред, ни Синди там не находились. Они не видели того, что видела она. А кто видел? Группка незнакомцев в масках, которых ей ни за что не узнать. Довольно пить кофе. Пора прогуляться.

Ей хотелось побыть одной.

— Спасибо, не надо, синьор, — поблагодарила она по-итальянски и встала, чтобы уйти. Синди вдруг всполошилась.

— Джордан?

— Да, синьорина? — с улыбкой обратился к Синди официант. Конечно же, кто-то захочет еще кофе.

— Спасибо, все. Счет, пожалуйста, — по-итальянски попросила Синди. — Джордан, подожди, куда ты?

— Не беспокойся. В полицию я не пойду. Просто прогуляюсь по площади.

Официант ушел, чтобы выписать счет. Синди осталась ждать. Джордан старалась большинство счетов выписывать на себя в качестве благодарности Джареду и Синди за приглашение в Венецию. Но сегодня пусть счет подписывает Синди. Благодарности к Джареду Джордан сегодня не испытывала.

— Не думаю, что тебе следует идти одной, — нахмурившись, заговорила Синди.

— Отчего нет? Вы же убеждали меня, что здесь не водятся монстры. Просто у меня в голове завелись тараканы. Все развлекаются.

— Но ты расстроена...

— И, очевидно, мне придется справиться с моим настроением.

— Джордан, куда бы ты ни пошла, я иду с тобой...

— Я просто хочу пройтись. В одиночестве.

— Джордан, пожалуйста...

Синди выглядела такой несчастной, что Джордан готова была забыть отчасти и о собственном страхе, и о том чувстве, что в настоящий момент питала к Джареду. Она нежно потрепала Синди по щеке.

— Со мной все в порядке, честно. Я собираюсь прогуляться по площади и поглазеть на витрины ювелирных магазинов.

— Но на площади лучше ничего не покупать. Там все равно ничего не найдешь, кроме взвинченных цен. Я бы отвела тебя туда, где цены умеренные...

— Синди, ты такая душка! Я очень тебя люблю и нисколько не обижена. Увидимся позже.

— Не забудь, что сегодня мы идем к художникам... — Не забуду.

Засунув книгу о вампирах в сумку, она решительным шагом вышла из ресторана. Джордан не стала дожидаться лифта. Спускаться по лестнице было приятно — декор радовал глаз. Но сегодня она не замечала ни лепнины, ни причудливой ковки. На первом этаже царил суеда. Целую неделю каждый день будут проходить вечеринки и балы. Прямо в вестибюле работал прокат костюмов, и народ толпился вокруг. Кто-то сдавал свой костюм, кто-то, наоборот, брал напрокат, и все одновременно говорили. Делились впечатлениями. Рассказывали друг другу о разных вечерах и событиях. У регистрационной стойки тоже царил суеда. Туристы продолжали приезжать, а деловые люди, наоборот, покидали город. В баре и холле тоже народу много. Пробираясь сквозь толпу, Джордан вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Она обернулась, злясь на себя. Неужели такое ощущение будет преследовать ее весь день?

Но ощущения ее не обманули. За ней действительно наблюдали, не скрываясь.

Привлекательная молодая женщина смотрела на нее, шепча что-то на ухо плотному пожилому господину, стоявшему рядом. Она видела, что Джордан на нее посмотрела, но не покраснела, не отвернулась и вообще ничем не выдала своего смущения. Закончив шептать, женщина подошла к Джордан. Когда женщина приблизилась, Джордан поняла, что дама не так молода, как ей показалось издали. С расстояния нескольких метров ей можно было дать лет двадцать пять. Отсюда — уже ближе к сорока. Женщина была отлично сложена, имела высветленные до платинового цвета, блестящие и ухоженные волосы, уложенные с помощью безукоризненной и

весьма стильной короткой стрижки. Улыбаясь, дама протянула Джордан узкую, в кольцах руку и представилась:

— Хэлло, мисс Райли. Я Тиффани Хенли, ваша соотечественница, американка. Можно просто Тифф. Джордан пожала протянутую руку.

— Хэлло. Как поживаете? Да, я действительно Джордан Райли, но...

— Мы с вами не общались вчера, но я тоже присутствовала на балу. Я очень рада, что у вас все хорошо. Вчера вы устроили переполох.

Джордан почувствовала, как щеки заливают краска.

— Простите, я вас не видела...

— Похоже, вы находились на втором этаже во время представления, но большинство гостей, и я в том числе, ужинали и танцевали на первом. Лично я шоу не видела, но я знаю, что графиня славится своей экстравагантностью, убеждена: вам показывали что-то на редкость гнусное. Говорят, графиня никогда не покидает дом, если там еще остаются гости, она, должно быть, весьма вами дорожит. Вы-то сами как? В порядке?

Итак, наманикюренная львица тоже была на балу. И шепталась о Джордан. Джордан Райли. Об американке, которая вызвала полицию к одной из самых влиятельных фигур в городе. Отлично! Возможно, все о ней уже слышали, и теперь им остается лишь перешептываться и указывать на нее пальцем.

Здесь, в залитом ярким светом вестибюле, в нарядной толпе она почувствовала себя довольно глупо. Неужели так хорошо было поставлено действие и так безупречны спецэффекты, что она в самом деле унеслась на крыльях собственного разыгравшегося воображения?

— Полагаю, я и в самом деле устроила переполох. Тот еще. Но, боюсь, все выглядело слишком уж реально, — ответила Джордан. Женщина продолжала цепко держать ее за руку. Ради Джареда, каким бы бессовестным козлом он ни был, Джордан не станет распускать нюни. Те, кто смотрит на нее сейчас, пусть убедятся в ее полной вменяемости.

— Вы писательница? — спросила Тифф Хенли. Она в самом деле выглядела как очень дорогая штучка, Эксклюзивный экземпляр. Тиффани — стильная, нарядная, сверкающая бриллиантами. И оттенок ее волос — золотистое шампанское с отливом в серебро — и длинное светлое шерстяное платье и жакет, идеально сидящий на идеальной фигуре.

— Книжный критик, — ответила Джордан. — Если бы могла писать, писала бы. Но боюсь, мое призвание открывать таланты, заложенные в других. А вы?

Тифф насмешливо улынулась.

— А я просто чертовски богата. Но не слишком захожу в высокие круги. Понимаете, о чем я? Ну а теперь, когда я вам во всем призналась, согласитесь ли вы как-нибудь выпить со мной кофе?

Женщина вела себя дружелюбно, держалась с некоторой бравадой и, очевидно, обрела свое «чертовское богатство» каким-то скандальным путем.

— Конечно, с радостью, — ответила Джордан.

— Может, завтра?

Отчего бы нет, подумала Джордан.

— Отлично. Вы здесь остановились?

Тифф покачала своей великолепной головой.

— Нет, я здесь с другом. Мак — вон там, — она кивнула в сторону дородного мужчины, который выбирал себе костюм. — Ищет, что бы надеть сегодня на бал. А вы идете?

— Да, вроде бы.

— Вам понравится. Билеты дешевые, еда так себе. И если все прочее оставляет желать лучшего, то напитки там подают, как правило, крепкие. Бал художников устраивается в пользу часто талантливых и еще чаще разоренных творческих личностей.

— Тогда увидимся вечером, — сказала Джордан.

— Меня вы там вряд ли сможете разглядеть. Я ведь буду в костюме, разумеется. Но мы найдем друг друга. И договоримся насчет кофе. Я сняла виллу недалеко отсюда, на острове. Знаменитое старинное местечко, когда-то принадлежавшее семейству дожа, о котором можно рассказать замечательную историю с привидениями. Если хотите, приходите туда. Я расскажу вам кое-что из того, что когда-то рассказали мне. О, простите, я не хотела вас напугать!

— Меня на самом деле запугать не так просто, — заверила ее Джордан.

— Ну вот и славно. — Тиффани улыбнулась и пошла к своему приятелю. Но на полпути остановилась и повернула обратно.

— Не смущайтесь, если люди будут перешептываться, глядя на вас сегодня. Пусть вас их поведение не трогает. Обо мне без конца шепчутся, а я, как видите, живу и процветаю!

Не дав Джордан ничего ответить, Тифф ушла к другу. Джордан с удивлением отметила, что после разговора с повстречавшейся ей весьма прямолинейной женщиной почувствовала себя много лучше. Она улыбалась, выходя из отеля. Джордан даже не пришла в голову задаться естественным вопросом: отчего посоветовавшая ей не обращать внимания на сплетни Тиффани сама постоянно жила в окружении слухов и домыслов. Какая разница, что заставляет обывателей сплетничать. Каждый живет как хочет.

Прямо перед отелем разложили свои товары уличные торговцы. Традиционные футболки с эмблемами карнавала, куклы и маски сотен видов и разновидностей. Сейчас, днем, публика по большей части носила обычные наряды, но некоторые не желали снимать карнавальные костюмы даже при свете дня. Гуляя по городу, Джордан видела людей в масках и карнавальных костюмах самого необычного вида. Удивительно, маски не скрывали, а, наоборот, помогали выявлять истинную сущность того, кто за ними скрывался. Карнавальный костюм служил способом самовыражения. Надев костюм, человек снимал маску обычной сдержанности и становился озорником и веселым обманщиком, настоящим ценителем праздника перевоплощений и незлобивого обмана под названием «венецианский карнавал». День выдался погожий и ясный, воздух был чист и прохладен, на небе — ни облачка. Перейдя через мост, Джордан постояла немного, любуясь каналом и мостом Вздохов, соединяющим Дворец дождей и старых заключенных с новыми. Много несчастных прошли через этот мост. Кого-то ждала тюрьма, кого-то смерть. Так было когда-то. А сейчас под мостом проплывала

черная гондола, и молодой гондольер, катавший юную пару, пел по-итальянски любовную песню. Вот он заметил Джордан и перешел на английский.

— Когда лунный свет отражают глаза ваши, это amore! Он подмигнул, Джордан подмигнула в ответ и помахала счастливой парочке.

Гондольер перестал грести и медленно по течению подплыл к ней.

— Доброго вам дня, синьорина! Не желаете прокатиться?

— У вас есть пассажиры!

— Да, но они влюблены друг в друга, а я одинок.

— Ах, такова жизнь! — насмешливо ответила Джордан. — Ваша гондола занята.

— Тогда в другой раз. Меня зовут Сальваторе. Сальваторе Д'Онофрио. Я лучше всех. Со мной всегда интересно, и я самый красивый.

— И самый скромный! — добавила она. Он усмехнулся и пожал плечами.

— Не самый скромный. Но все же ищите меня, когда захотите прокатиться. Договорились?

— Обещаю, сказала Джордан.

Девушка в гондоле, обнимавшая паренька, которому на вид было не больше двадцати, крикнула Джордан с французским акцентом:

— Он и вправду лучше всех! Джордан засмеялась.

— Спасибо! Приятного дня!

Гондола поплыла под мост, а Джордан продолжала путь. Площадь Св. Марка была запружена народом. Проходя мимо входа в базилику, Джордан приподнялась на цыпочки, чтобы увидеть парад, возглавляемый музыкантами-любителями. Шеренга людей в костюмах приближалась с противоположного конца площади. Музыканты играли, и шут представлял участников парада на итальянском и английском, то и дело пересыпая свою речь французскими словами. Люди в самых импозантных костюмах позировали возле колонн, окружавших площадь, на радость туристам, с удовольствием их фотографировавшим. Маски, полностью закрывавшие лицо, гарантировали полную анонимность их владельцам, поэтому не представлялось возможным определить не только национальность обладателя костюма, но даже возраст и пол.

Анонимность... Вот ключевое слово, подумала Джордан. Так легко приехать сюда, нацепить маску, смешаться с толпой и...

И не успела она подумать, как давешнее чувство дискомфорта вернулось к ней. На самом деле она не смогла бы узнать никого из тех, кого видела на балу. За исключением графини, конечно. Они встречались лицом к лицу. Но другие, те, что стояли на террасе, так и останутся неузнанными. Они сейчас вполне могли находиться здесь, с ней рядом, на площади. А она их никогда не узнает.

Джордан ускорила шаг, лавируя в толпе. Внезапно ей захотелось как можно скорее оказаться где-нибудь за пределами площади, где поменьше людей. Роскошный Наполеон в сопровождении свиты оказался рядом с ней. Он остановился, глубоко поклонился и жестом

дал знать, что пропускает ее вперед. Она быстро его поблагодарила и устремилась прочь с площади.

Проходя мимо стеклянной витрины с выставленными в ней манекенами в разнообразных костюмах, Джордан вдруг остановилась как вкопанная. Она во все глаза смотрела на мужской манекен в карнавальном плаще.

Просто манекен. Мужской манекен с короткой стрижкой в темно-коричневом парике. На миг ей показалось, что у манекена лицо Стивена. Серьезные ореховые глаза, худое лицо, твердый подбородок. Но ведь смотрела она на пластиковую куклу, лишенную души, а потому и выражения. На манекене не было шляпы, и маски тоже. Просто хорошо выполненная кукла, удачно раскрашенная, в самом популярном здесь плаще. И все же сердце ее учащенно забилось. Никогда еще она не относилась так недоверчиво к собственным ощущениям. Может, Джаред все же прав. Всего год, как умер Стивен. Он погиб, преследуя чертовски изощренных любителей игры со смертью. Апологетов весьма опасных оккультных игр. Верящих в силу жертвоприношений и необходимость ритуальных убийств. Джордан вновь окинула взглядом манекен, призывая себя мыслить рационально.

Да, теперь она понимала, отчего ей показалось, что увидела Стивена. Глаза и цвет волос совпадали. И рост тоже.

Джордан почувствовала, как от острой тоски сжалось сердце. Год не такой долгий срок.

Стивен вошел в ее жизнь внезапно. И она откликнулась на его чувство. Обаятельный, умный, впечатляющий, благородный, он служил в полиции в отделе убийств. Он ненавидел насилие и верил в возможность исправления для каждого человека. Категорически выступая против смертной казни, он был убежден, что подозреваемого надо брать живым и с поличным. Он доверял людям.

И его убеждения стоили ему жизни.

Она поняла, что случилось, когда услышала вой сирен среди ночи. Открыв дверь, она увидела полицейскую машину и офицера, идущего к ней по дорожке. Она не готова была к худшему. Она знала, чем он занимался. Но знание не помогло ей, не избавило от чувства подавленности, от отчаяния и страха. Она прошла все этапы скорби: отказ принять очевидное, злость, боль. Но она оставалась вменяемой.

Она уже подошла к стадии приятия. Ни разу она не теряла рассудка и не впадала в психоз.

Или все же теряла рассудок, со злой усмешкой напомнила она себе, если в истукане, стоящем в витрине, узнает своего мертвого жениха.

Стивена больше нет. Ей все еще тоскливо без него, но жизнь продолжалась. Он умер жестокой смертью, и никто, и она в том числе, не смог бы забыть обстоятельств его гибели.

Ветерок прошелестел у нее над ухом. Нежный, прохладный. «Прошлое должно принадлежать прошлому, — сказала она себе. — Я люблю Италию, обожаю Венецию и не позволю какой-то там графине испортить мне праздник».

Джордан отвернулась от витрины и продолжила свой путь. Ей не в чем себя упрекнуть. И полицейские, и Джаред, и Синди не имели права так с ней обращаться. Если все увиденное — спектакль, то спектакль недостойный. Ладно венецианцы. Может, они и в самом деле мыслят как-то не так, как американцы, но Джаред... Они росли вместе. Кому, как не Джареду,

следовало к ней прислушаться. Но Джаред думает лишь о себе, о своей дурацкой карьере, как будто на графине клином сошелся. Джордан пришла к выводу, что обида ее вполне основательна.

Улица за площадью, куда свернула Джордан, изобиловала уютными магазинами и ресторанами. Сквозь стекло витрин насквозь просматривались залы ресторанов. Джордан остановилась возле одной такой витрины. Ресторан специализировался на рыбной кухне. Джордан заметила, что многие посетители сняли маски, чтобы без помех насладиться едой. Они выглядели такими... нормальными. Толстенный маленький бизнесмен снял плащ и повесил его на свободный стул, а его маска дотторе, такая вроде бы пугающая, сейчас вполне безобидно покоилась на сиденье. Маска с изображением полумесяца и громадная шляпа с плюмажем лежали на столе подле его компаньонки, такой, же пухленькой женщины с заразительным веселым смехом, доносившимся из ресторана на улицу. Американцы, подумала Джордан. Отпускники, как и она, любители пофантазировать.

Эта пара заставила ее улыбнуться. Но и сейчас, разглядывая людей за столиками, она не переставала ощущать неладное. Она встретилась взглядом с женщиной в ресторане, они улыбнулись друг другу, а между тем страх, холодный и липкий, уже полз у нее по спине.

«Прекрати!» — приказала она себе.

Но ощущение тревоги не проходило. Наоборот, оно становилось все отчетливее и настойчивее.

И дело было вовсе не в воспоминаниях о покойном Стивене. Она сейчас совсем не думала о Стивене, однако внезапно откуда-то появился отвратительный страх и начал обволакивать ее.

Джордан явственно ощущала, что за ней наблюдают. Ей показалось, что она слышит шепот. Потом налетел ветерок, и шепот растаял. Шепот обретал ритм. Ритм убыстрялся. Как будто кто-то бил тревогу. Повеяло холодом, словно из пропасти. Холод едва коснулся мочек ушей, шевельнул капюшон плаща, пробрался вниз, тронул затылок. На мгновение ей показалось, что улица опустилась во мрак. Отраженная в ресторанной витрине, темнота казалась сгущенной. Было так, словно гигантские крылья закрыли солнце.

Женщина за столиком продолжала смеяться. Тьма растворилась так же быстро, как сгустилась. Словно улетела на тех же крыльях. И все же что-то осталось.

Осталось ощущение тревоги.

Чьего-то присутствия. Чего-то или кого-то. Совсем рядом. И запах серы, и угрожающий шепот.

Джордан стремительно обернулась. Ей показалось, что чьи-то ледяные костлявые пальцы коснулись ее плеча.

Джино Мерони не мог сказать, что ему совсем не нравилась его работа.

Несколько лет назад, когда он был еще ребенком, родители его иммигрировали в Америку. В Нью-Йорке он ходил в школу, но продолжать образование в университете или колледже не захотел. Когда Джино исполнилось восемнадцать, родители его продолжали с завидной регулярностью производить на свет все новое потомство, так что парню ничего не оставалось, как становиться на ноги и дальше жить уже самостоятельно. Родители ждали от него, что он пойдет работать и будет помогать им деньгами и по дому, но Джино устал от детских криков и запаха пеленок. Устал он и от родительских наставлений и постоянных молитв, и от материнской печали в глазах, когда та выговаривала ему за то, что он водится с дурной

компанией. Джино нравились его друзья.

Они знали, где найти самые дешевые бары, и всегда готовы одолжить ему денег, когда он на мели. И знали, где деньги добыть. Они знали, какие ветки метро хуже всего охраняются полицией. У них прекрасно получалось избавлять прохожих и пассажиров надземки от кошельков и сумок. Знали, как незаметно обчистить задний карман у беспечного зеваки. Однажды, когда они занимались привычным ремеслом поздно ночью на Пятой авеню, Джино совершил роковую ошибку, грабанув полицейского офицера, которому случилось быть не в форме.

И угодил в участок. Он позвонил домой, но отец отказался вывозить его из беды. Джино так и не сел в тюрьму. Адвокату удалось выторговать для него несколько месяцев исправительных работ. Так он попал в Центральный парк — отличное местечко, чтобы отточить умение стремительно нападать из засады.

Однажды ночью удар по голове, который Джино нанес старому греховоднику, выбравшему не ту проститутку, убил старикана. Вначале Джино не понял содеянного. О происшествии он прочел в газете на следующее утро. Джино не боялся, что его поймают, он научился надевать перчатки, когда шел на дело, он наносил удар быстро и так же стремительно убегал. Никто его не видел. Сук, которым он убил беднягу, лежал рядом с трупом на тропинке и не имел отпечатков пальцев. Проститутка, которая визжала и молила Джино о пощаде, не видела его лица и не слышала его голоса. Она убежала быстрее, чем Джино, когда тот ударил ее кавалера.

Джино и сам удивился тому, что нисколько не боится разоблачения, и тому, что совсем не раскаивался в убийстве. Тот человек уже стар, и удар по голове, возможно, избавил беднягу от грядущих бед.

Но самое главное, Джино получил удовольствие, увидев смертный страх в глазах старикана. Ему очень понравилось то ощущение, которое он испытал, со всех сил ударив по голове скулящего от ужаса бродягу.

Грабить зевак показалось ему недостаточно. Ему надо было найти работу на день. Единственная работа, на которую он мог рассчитывать и при приеме на которую не задают лишних вопросов, где нет профсоюзов, была работа грузчика в доках. Там начальство предпочитало нанимать людей без рекомендаций. Там не давали премий, не доплачивали за сверхурочные. Джино был крепко сбит и ладно скроен. Он мог работать много и тяжело. Английский его был безупречен, никакого акцента, но при желании он легко мог прикинуться с трудом разбирающим английские слова нелегальным иммигрантом, и если надо, поступал именно так.

Как-то в баре он повстречался с человеком, который полупрозрачно намекнул ему, как улучшить свой заработок.

И Джино согласился встретиться с незнакомцем еще раз.

Тот открыл для него новый мир, в котором, во-первых, существовали наркотики. Как сильно меняли они его жизнь после целого дня тяжелой работы! Джино обладал привлекательной внешностью. И незнакомец снабжал его не только наркотиками, но и женщинами, которые любили его. Им нравился акцент, который он мог имитировать по собственному желанию. Каждую ночь, стоило ему захотеть, он мог выбрать для себя какое-нибудь приятное вознаграждение за труды.

Конечно, он знал, что ничего в этой жизни не дается бесплатно. Он ждал, что от него потребуют ответных услуг. Но работа, которую приходилось выполнять, не казалась ему трудной. Ему доверяли — начальство знало его как усердного трудягу. Новые, наделенные властью друзья лишь просили его о том, чтобы определенный груз на определенном корабле прошел без инспекции. Чтобы груз тщательно охраняли, но не вскрывали. Джино был всегда рад услужить. Теперь он имел новую машину и приличную квартиру. Иногда он проводил ночь в роскошном номере дорогого отеля. Он теперь мог себе позволить практически все, что угодно, причем без всякого напряжения.

И вот однажды летом, когда рабочий день уже близился к концу, в док нагрянули два инспектора. «Звезда Востока», по бумагам принадлежавшая ближневосточной корабельной компании, вот-вот должна была покинуть порт. На борту корабля имелось несколько контейнеров, которые погрузили туда нелегально. Джино специально предупредили, что груз весьма важный. Матросы, заподозрив неладное, таинственным образом исчезли. Джино оказался наедине с двумя представителями закона. Один из инспекторов опустил лом, которым собирался вскрыть контейнеры, и Джино воспользовался этим ломом, убив контролеров.

Он затащил два трупа за контейнеры. «Звезда Востока» отчалила, как планировалось, но тела обнаружили. В спешке Джино забыл избавиться от лома. К тому же его видели вместе с инспекторами. Контейнеры дошли до места назначения невскрытыми, а Джино, обвиненный в убийстве, был взят под стражу.

Друзья, естественно, прислали к нему адвоката, весьма привлекательную женщину. Предприняв попытку завязать с ней флирт, Джино понял, что она не только красива, но и очень умна. Его немедленно поставили на место и с убийственной ясностью обрисовали всю серьезность положения.

В камере предварительного заключения не слишком уютно, сказала ему адвокат, но в тюрьме будет еще хуже. Там найдутся ребята куда крупнее Джино. И все, что делают там с другими, могут сделать и с ним. И, если поработать с очевидцами... Короче, она может просить суд о смягчении приговора, но в тюрьме он окажется чем-то вроде подушечки для иглолок в руках тех, кто действительно принадлежит к отбросам общества. Чем больше Джино говорил с адвокатом, тем очевиднее становилось ее предложение бежать из-под стражи и из страны. Она имела дом в Италии, так что он мог вернуться на свою историческую родину. Сам Джино был родом из Бари, она родилась в Венеции. Как он расплатится за дом? Пока все не важно. Он многое сможет для нее сделать впоследствии. Ему выправят документы, а что касается побега — для друзей Джино устроить его не составит труда. Предложение бежать нравилось ему куда больше, чем долгие годы тюрьмы.

Они договорились, что побег состоится в тот день, когда сю будут перевозить из одного следственного изолятора в другой. Водитель машины был, очевидно, в сговоре с друзьями Джино: полицейский эскорт остановила другая полицейская машина, и его стражники просто исчезли. Как все происходило, Джино никогда не спрашивал.

В отеле неподалеку от аэропорта ему дали новую одежду и новый паспорт. Фамилия у него тоже теперь стала новая. В Венецию ему следовало лететь через Париж. Его предупредили, что он должен лечь на дно и затаиться на какое-то время. Искать заработка ему не пришлось, всем необходимым его снабжали друзья. В течение нескольких лет Джино не раз задавался вопросом, кем он, по сути, является и чего на самом деле стоит. Он работал на женщину, занимающую очень высокое положение, но был всего лишь курьером и капитаном судна. Нанимательница его отсутствовала по многу лет. Женщина с таким положением имела немало

социальных обязанностей не только на родине, но и в других странах.

Такие, как она, не подчиняются правилам, обязательным для все прочих.

Через некоторое время он понял, за какие из его талантов так ценила его высокая покровительница.

Он не возражал.

Нельзя сказать, чтобы он так уж сильно не любил свою работу. Его не раздражал ни холод, ни резкий соленый ветер, ни зимние штормы. Да и суть того, что он делал, не слишком ему досаждала. По Сеньке и шапка, как говорится.

И вдруг его словно молнией ударило. Джино испугался.

Его нанимательница была великолепна во всех отношениях. Но не терпела, когда ее выводили из себя.

Во время плавания, во время погрузки или разгрузки он вдруг мог оказаться на дне Адриатического моря. Джино внезапно очень явственно ощутил пронизывающий холод ветра.

Весь дрожа от возбуждения, он принялся опорожнять все те бочки, что сам наполнял. Джино бешено озирался, вращал глазами, считал пересчитывал груз.

Страх ледяной хваткой сжал его горло. Страх холоднее, чем зимнее море.

Он потерял часть груза.

Глава 2

Ничего.

Джордан все еще стояла перед стеклянной стеной ресторана, замороженная странным шепотом, что звучал у нее в ушах. Она заставила себя медленно обернуться, и ей показалось, будто какая-то птица задела ее крылом. Над ней словно нависла тень. Раньше ничего подобного с ней не происходило. Джордан захотелось вдруг увидеть кого-то знакомого, Тиффани например. Тифф, со своей шокирующей прямоотой и вызывающей манерой поведения, была бы сейчас как нельзя кстати.

Но никому на запруженной людьми улице, казалось, не было никакого дела до Джордан. Туристы гуляли в основном группами, общались между собой и смеялись над шутками друг друга. Она слышала обрывки разговоров на разных языках:

итальянском, английском, немецком, французском, — но в их речах ничего похожего на злое свистящий шепот, что ледяным дыханием обдавал затылок, не улавливала.

И внезапно она услышала, как кто-то окликнул ее по имени.

— Джордан! Джордан!

Она стремительно обернулась на голос. Линн Мэллори, американская художница, работавшая в магазине, том самом, где она брала напрокат костюм, весело махала ей рукой с порога магазина. Джордан и не заметила, что ушла так далеко от площади Св. Марка. Она оказалась совсем рядом с магазином под названием «Арте делла Анна Мария», названном так в честь

венецианки, организовавшей корпоративную сеть магазинов, где молодые и талантливые художники могли бы продавать свои работы.

— Линн!

Джордан бросилась навстречу Линн, но вынуждена была отскочить в сторону: уже знакомый представительный Наполеон со свитой катился ей навстречу.

— О, подождите! — воскликнул кто-то. Сверкнула вспышка фотоаппарата. Наполеон царственно улыбнулся и помахал рукой. Пространство освободилось — император продолжал шествие с подобающей важностью.

— Джордан, салют! — Линн поприветствовала ее так, как было здесь принято: расцеловала в обе щеки. Глаза ее светились весельем. — Где твой костюм? Ты же знаешь, стильные дамы и господа не снимают костюмов даже днем. Гут так принято.

— Боюсь, что сейчас я не в том настроении, — с той же мерой веселости ответила Джордан. Линн — примерно одних с Джордан лет — обладала красивыми темными волосами, подстриженными коротко, по нынешней моде. В ее больших серых глазах запросто можно было утонуть. Джордан, которая почти не говорила по-итальянски, обрадовалась возможности завязать разговор со своей ровесницей-американкой, тем более что Линн понравилась ей с первого взгляда. Мать Линн, американка итальянского происхождения, учила дочь родному языку еще с пеленок. Когда Линн подросла, она поняла, что любит все итальянское просто потому, что оно итальянское. Прочувшись один семестр в колледже во Флоренции, Линн окончательно укрепилась в мысли, что хочет провести в Италии по меньшей мере несколько ближайших лет. Кооператив «Анна Мария» предоставил ей возможность продавать свои произведения: деревянные марионетки, одетые в весьма изысканно выполненные костюмы прошлых веков.

— Ах, действительно... Джордан заметила, как смешалась Линн, и все поняла.

— Ты тоже слышала?

— Некоторые из наших клиентов побывали на том балу. — Линн вытащила из кармана жакета пачку сигарет, прикурила, глубоко и с наслаждением затянувшись, и выпустила колечко дыма. — За несколько часов первая сигарета. Едва выкроила время. Здесь, в Италии, все еще можно курить везде, не то что в Штатах, но наш магазин — исключение. Курить там — все равно что курить на пороховой бочке. Сухое дерево, краска и прочее! Не дай Бог прожечь дырку в костюме! — Линн жизнерадостно трещала, но Джордан не могла не заметить изучающего взгляда собеседницы. — Сейчас-то ты в порядке? — все-таки решилась спросить Линн.

— Сейчас — да. Но, должна признать, у графини несколько мрачноватое чувство юмора. Все выглядело очень реально. — Линн могла бы подумать, что она оправдывается. А может, так и было?

— Вообще-то графиня если и устраивает представления, то не скупится на спецэффекты. — Линн тряхнула головой и весело улыбнулась. — Но зато сегодня тебе бояться нечего. На нашем балу ничего такого не будет. — Линн усмехнулась, заметив растерянность подружки. — Ты ведь идешь на артистический бал? Там, разумеется, будут почти все наши. А в ночь с пятницы на субботу мы устраиваем бал узким кругом — только для членов нашей корпорации, Венецианский бал Анны Марии. Все как положено — бал в настоящем дворце, а не как сегодня — в шатре на площади. Разумеется, ни у кого из нас своего дворца нет, но на один вечер мы

имеем возможность его арендовать. И там тоже никто никого не будет пугать. Все, на что ты можешь рассчитывать, — это музыка, гадания на картах Таро, пантомима, паяцы — все такое, и никаких «домов с привидениями».

— Ну, думаю, что у Джареда уже есть билеты, но ты уверена, что хочешь меня там видеть? — спросила Джордан.

— Конечно же, у Джареда есть билеты! — со смехом произнесла Линн. — Все делается заранее, за несколько месяцев до мероприятия. Не может быть, чтобы он не рассказывал тебе о нашем празднике!

— Он лишь поставил меня в известность о том, что чуть ли не каждый вечер у нас выход в свет, но я очень рада, что один из вечеров проведу с вами. Джаред рассказал мне только о том приеме, что дает графиня. Наверное, отношения с графиней весьма важны для его бизнеса.

— Ах, значит, Джаред решил, что ее бал самый важный!

— Может, я его не так поняла... Линн философски пожала плечами.

— Графиня — аристократка. Она богата. Ее вечера — праздник для избранных, для тех, кто считается здесь сливками общества. Быть приглашенным уже считается большой удачей. Если честно, ни одного из нас — я имею в виду из нашего магазина — так ни разу и не пригласили на ее вечера. В ее глазах мы всего лишь бедные крестьяне.

— Хотела бы я тоже выглядеть в ее глазах бедной крестьянкой. Где бы я сегодня ни появилась, на меня все пялятся. Так и хочется повесить на себя табличку: «Да, я та самая сумасшедшая американка, что испугалась до полусмерти ряженых вампиров и вызвала полицию сражаться с чудовищами».

Линн сочувственно улыбалась.

— Ты права, слухи разлетаются быстро. Но, знаешь, есть люди, которые графиню не любят. Откровенно говоря, она до противного заносчива. Ты бы видела, как она ходит по улицам, словно ей с нами по одному тротуару ступать зазорно.

— Линн!

Анна Мария, высокая, стройная, красивая женщина около сорока, вышла из магазина как раз в тот момент, когда Линн рассказывала о графине, активно сопровождая речь мимикой. Урожденная венецианка, Анна Мария поражала на редкость красивым в своей безупречной правильности лицом, волосами, колорированными золотом самой природой. Вкупе с деловыми качествами, недюжинной энергией и железной волей она слыла выдающейся личностью. Английский ее был близок к совершенству, а акцент просто обворожителен.

Линн поперхнулась дымом и закашлялась.

Анна Мария напустила весьма строгий вид, но озорной огонек в глазах ее выдал.

— О, простите, — не осталась в долгу Линн, — графиня просто очаровашка!

— Линн! К чему так опускаться! Зелен виноград, так, кажется, говорила лиса в известной басне? Не можешь получить то, что нужно, так не притворяйся, что тебе это ни к чему! — пожурила Анна Мария свою коллегу. — Нас не пригласили, значит, надо обвинить графиню в

снобизме. Прости нас, Джордан.

Джордан рассмеялась.

— Если вы не станете передавать моих слов Джареду, то я признаюсь, что вполне согласна с мнением Линн!

— Графиня красива. И она многое сделала для Венеции.

— Возможно. Но она все равно сноб: вы тоже немало сделали для Венеции, а она вас игнорирует! — стояла на своем Линн.

— Линн, Джордан у нас гостя, не надо выносить грязное белье из избы.

— Сор из избы.

— Хорошо, пусть сор. Линн, я когда-нибудь потешалась над твоим итальянским?

— При каждом удобном случае!

— Джордан, вы не должны нас слушать! Линн, ты куришь свои американские сигареты? Угости меня одной. — Анна Мария достала из пачки сигарету и с наслаждением затянулась.

— Честно говоря, в свете недавних событий гадости о графине словно бальзам на мои раны, — чистосердечно призналась Джордан. — Даже если все мною увиденное было только спектаклем, меня не переубедить — ставить та кое шоу, а тем более показывать ни о чем не подозревающим людям, жестоко и безнравственно.

— Даже если?.. — тихо повторила Линн с нажимом на каждом слове.

Джордан пожала плечами.

— Каждый пытается меня убедить в том, что все произошедшее — лишь инсценировка. Полиция злится на меня, Джаред злится, а графиня... Графиня ведет себя не лучшим образом.

— Стены порой имеют уши, — пробормотала Анна Мария. — Мне очень жаль, что так случилось. Я обожаю свой город, и карнавал тоже. У всех должно остаться хорошее впечатление о городе и карнавальных торжествах.

— Я люблю Венецию, — поторопилась заверить ее Джордан, — и бал у графини не в силах заставить меня пересмотреть отношение к городу.

— Но, бедняжка, как вы настрадались! Если верить слухам, вас ужасно напугали. Мне жаль, что с вами такое случилось, но, — Анна Мария понизила голос почти до шепота, — когда я представляю себе графиню, которая ночью несется через весь город в полицейский участок... Вот ей расплата за любовь к пафосным жестам, за стремление поразить во что бы то ни стало, за желание показать, что она может позволить себе то, что не могут позволить другие. Наверное, ее балы можно считать эксклюзивными, но вы правы — такого рода развлечения дурно пахнут. Обещаю вам, сегодняшний бал вам понравится, но еще один, в пятницу, будет самым лучшим. Итак, что вы намерены надеть?

— Я рассчитывала, что одного наряда хватит на весь карнавал...

— Ни в коем случае! Заходите скорее, мы найдем для вас что-нибудь интересное. На

миниатюрную женщину всегда можно что-то подобрать. — Анна Мария выбросила окурок и потащила Джордан за собой в магазин. — Вот так. Сейчас мы найдем какой-нибудь свеженький и оригинальный костюм для сегодняшнего бала и для нашего бала в пятницу.

— Не стоит беспокоиться, меня вполне устраивает мое платье, — вяло запротестовала Джордан.

— Стоит, стоит беспокоиться! Я знаю, о чем говорю. Здесь Венеция, девочка моя. Венецианский карнавал. И ты должна вкусить карнавального веселья полной мерой. — Анна Мария бросила суровый взгляд на Линн. — Так, чтобы наш карнавал не показался парадом высокомерных снобов.

— Да нет же, посмотрите, в магазине толпа, вы все слишком заняты... — залепетала Джордан.

— «Слишком заняты» — такого понятия у нас нет. — Анна Мария решительно направилась в костюмный отдел. — Многие наряды уже расхvatаны, но... праздник продолжается, ведь мы в Венеции!

— Шоу продолжается! — согласилась Линн.

— Кстати, если платье не будет сидеть как надо, Линн все исправит. Она у нас замечательная портниха.

— На все руки от скуки! — усмехнувшись, прокомментировала Линн.

— Уверена, я сама могла бы что-нибудь придумать, — снова принялась за свое Джордан.

— Нет, нет, — решительно оборвала ее Анна Мария. — Линн сочтет за счастье доставить удовольствие той, кто разделяет ее нелюбовь к графине. — Анна Мария сделала приглашающий жест, распахнув перед Джордан дверь. — Пойдем займемся делом.

Джордан не знала, правильно ли поступает, задерживаясь здесь. Быть может, ей следовало немедленно вернуться в отель, где ее ждут родственники, но перспектива продолжать перепалку с Джаредом совсем не выглядела радостной. В конце концов, Джордан имела право находиться среди тех, с кем чувствовала себя комфортно, среди людей, сочувствующих ее проблемам, но не считающих ее безнадежно безумной. Ей хорошо здесь, и от мысли, что у нее будет новый костюм, делалось еще приятнее.

Пожав плечами, следом за Линн и Анной Марией Джордан прошла в глубь помещения.

Джаред любил пользоваться венецианским общественным транспортом. Ему нравилось вместе с разноязыкой толпой, в которой мешались туристы и местные, плыть по каналам на вапоретто — водном трамвае, частые остановки которого давали возможность лишний раз увидеть Венецию в новом ракурсе. Джаред легко ориентировался в городе и любил его архитектуру.

Однако сегодня он воспользовался частной лодкой. По приезде во дворец его встречала компаньонка графини, высокая, тощая и костлявая как скелет женщина с седыми, отливающими сталью волосами и лошадиным лицом. Сегодня она даже не пыталась скрыть своего неодобрительного отношения к Джареду, хотя словесно никак его не выразила. Она, как всегда, торжественно молчала и сурово глядела из-под насупленных бровей.

Джаред провела в спальню графини, огромную, размером с целую квартиру. Декор спальни — от резьбы на громадной кровати под балдахином до рисунка на роскошных персидских коврах

— был строго выдержан в стиле ренессанс. По обе стороны камина разместились два громадных кресла. Каминная полка была сделана из лучшего мрамора и украшена весьма детально выполненными усмехающимися горгульями. Создавалось впечатление, что парочка уродцев охраняла огнедышащий зев камина, весьма напоминавший ворота, ведущие прямоком в преисподнюю.

Графиня в элегантном белом шелковом пеньюаре полулежала на кушетке с малиновой атласной обивкой напротив камина и читала утреннюю газету. Она принадлежала к той редкой категории женщин, которые просыпаются не менее красивыми, чем засыпают. Идеально ясные глаза, которые не знали, что такое мешки, гладкая кожа... длинные и блестящие волосы ее выглядели так, будто всю ночь их расчесывали щеткой. Графиня смотрела на Джаред с холодной яростью. Но тот, кто мог бы подумать, что она способна дать волю своему гневу, совсем не знал ее.

— Графиня, — заикаясь, начал Джаред.

— Я сделала для тебя все, — перебила она с нехорошей улыбочкой. — Все. А ты не мог удержать глупую девчонку во время бала при себе?

— Я не знаю, как она забрела...

— Возмутительно.

Графиня не предложила ему присесть. Джаред постоял минуту-другую, неловко переминаясь, затем неуверенно приблизился к кушетке, на которой вальяжно расположилось невозможно совершенное тело графини. Она посмотрела ему в глаза, и он опустил перед ней на колени и униженно склонил голову. Мельком он подумал о том, что ведет себя так, как, должно быть, мог вести себя какой-то сикофант в Древних Афинах, но отчего-то в ее комнате такое поведение казалось уместным. В графине было нечто такое, что заставляло людей относиться к ней с униженной почтительностью. Она не просто ждала от них подобного поведения, она его требовала.

— Я прошу прощения, — пролепетал Джаред. — Покорнейше прошу.

Она швырнула ему местную газету, ту, что читала, когда он вошел. Первая страница. Репортер кое о чем пронюхал, но деталей не знал, и поэтому обрисовал все лишь в общих чертах, представив графиню в гораздо более выгодном свете, чем се гостью, устроившую много шума из ничего. Ситуация, в которой упоминалось имя графини, а Джордан фигурировала как «молодая наивная американская туристка», преподносилась журналистом с большой долей юмора.

— Мне так жаль, — вздохнул Джаред.

— Ты позаботишься о том, чтобы она прекратила разносить свои бредни, — приказала графиня.

— Я поговорил с ней очень жестко. Графиня рассмеялась.

— Ты поговорил с ней жестко. — Пронзительный, резкий, жуткий смех графини вызвал у Джаред мурашки, которые поползли по спине. — Мой дорогой, ты способен говорить жестко? Ну ладно, посмотрим. Если мне придется брать дело в свои руки...

— Я способен повлиять на Джордан.

— Молись, чтобы так произошло. ~ Вы велели мне привести ее сюда!

— Но я ожидала, что ты сможешь держать ее в руках! Джаред по-прежнему стоял на одном колене с опущенной головой.

— Ты приехал сюда, ты живешь припеваючи... у тебя все есть лишь благодаря мне.

Он кивнул, проглотив вставший в горле комок вместе с мужской гордостью.

— Ты разжалован в рядовые.

— Я... Я вас сейчас покину.

Она прикоснулась к его волосам. Чуть-чуть поворошила их, словно легкий прохладный ветер налетел. Или нет, как будто рядом прошуршала змея. Неприятно... и в то же время странно волнуяще.

— Нет, — выдержала она паузу. — Ты можешь остаться. Ты можешь остаться, потому что мне скучно сегодня. Я позволю тебе... выпить со мной чаю. Ты бы этого хотел, не так ли?

Он осмелился поднять глаза и встретиться с ней взглядом.

— Я готов умереть за то, чтобы выпить с вами чаю, графиня, — произнес он.

Наконец она улыбнулась, небрежно подернув плечом.

— Да, ты бы умер, не так ли?

Графиня поднялась. Быстротечный шелест, сияющая волна переливчатого шелка, и вот она встала перед камином во всем своем ослепительном совершенстве.

— Да, мой дорогой мальчик. Для меня ты бы умер.

— Видите? Вот так это надо носить! — Рафаэль Гамби надел набекрень расшитый бусинами колпак. И сразу стало понятно, что колпак — вещь красивая и стильная.

Рафаэль прогнул спину дугой, сделал губы бантиком, указательным и большим пальцами коснулся подбородка. Вычурная, но весьма соблазнительная поза. Джордан от души рассмеялась. Рафаэль был настоящим художником, не только по ремеслу, но и по жизни. Ужимки Рафаэля заставили Джордан забыть и о графине, и о ее дурацком шоу. Рафаэль потрясал своей увлеченностью. Исторический костюм стал его жизнью. Он знал все про покрой и ткани, разбирался в тонкостях стиля каждой эпохи. Перед тем как примерить костюм, шляпу или маску, он объяснял Джордан, как они носят, когда их носили и с кого тогда брали пример заправские модники. Примерив шутовской колпак, Рафаэль поощряемый искренним смехом Джордан, схватил с полки маску и, кокетливо прикрыв ею глаза, принялся танцевать вокруг Джордан, выделявая пируэты.

— На вас смотрится чудесно. Но не уверена, что будет так же красиво выглядеть на мне, — с сожалением сказала Джордан.

Рафаэль просто душка. Не слишком высокий, но отчаянно голубоглазый и озорной, он настоящая находка для бизнеса, ибо от него с пустыми руками не уходил ни один клиент. Надо сказать, что в магазине каждый имел свою специализацию, и в отделе карнавальных костюмов сегодня было особенно людно. Когда Анна Мария попросила его найти для Джордан

идеальный костюм, Рафаэль ни вздохом, ни жестом, ни даже взглядом не дал понять, что недоволен еще одним поручением, ведь у него и так работы через край. Напротив, он отнесся к поручению со всей серьезностью. Окинув Джордан быстрым наметанным взглядом и мгновенно определив ее размер, он перебросился с Анной Марией парой быстрых фраз на итальянском, после чего, с невероятной скоростью проглядев целую стойку нарядов, отобрал для Джордан костюмы. Их оказалось столько, что все они едва помешались в примерочной. Джордан примерила футуристический костюм из винила — произведение известного английского дизайнера — и вошла во вкус. Эпоха сменяла эпоху, стили мелькали как в калейдоскопе: Вот она — венецианка эпохи Ренессанса, а вот уже римлянка эпохи заката империи. Джордан слышала, как приходили и уходили клиенты. Периодически она выходила из примерочной, чтобы полюбоваться собственным отражением в огромном, во всю стену, зеркале. Она слышала, как Рафаэль с сожалением вздохнул, когда так и не смог угодить запросам очень красивой израильянки. Несмотря на занятость, Рафаэль умудрялся каким-то образом оценить, как смотрелся на ней каждый из нарядов, подсказать ей, как держать зонтик, маску и прочие аксессуары, прилагавшиеся к определенному костюму. Более того, Анна Мария и Линн тоже успевали взглянуть на Джордан, оценить, как смотрится на ней тот или иной костюм. В качестве ценителей выступали и другие продавцы, среди которых была юная и очень симпатичная коренная венецианка Анджелина — создательница замечательных масок, и Джина, урожденная австралийка, для которой Венеция стала домом десять лет назад. Джина потрясла Джордан своей способностью без видимых усилий переходить с одного языка на другой. Как выяснилось, Джина свободно говорила на семи языках.

— Увы, вынужден с вами согласиться, — покачал головой Рафаэль. Костюм шута подчеркивает миниатюрность форм, но вы достойны лучшего! Лично мне больше всего понравился винил. Секси, не так ли? Но зато как выгодно подчеркивает вашу точеную фигурку!

— Винил? — в сомнении протянула Джордан. Она никогда не носила винил, у нее даже из кожи ничего не было, если не считать туфель и сумок. Ей казалось, что такая подчеркнута облегающая одежда хорошо смотрится лишь на высоких длинноногих блондинках. — Винил? Для меня? — с сомнением переспросила она.

— Именно! — воскликнул Рафаэль. Он картинно опустил ладонь на бедро, сорвав с себя шутовской колпак. — Костюм шута? Только не для нашего бала! Вы должны быть гораздо элегантнее! Но для сегодняшнего бала — почему бы нет? Откровенно, дерзко, вызывающе, сексапильно! Вас нельзя будет не заметить!

Я не слишком уверена в том, что так уж хочу привлечь к себе внимание, — пробормотала Джордан.

После вчерашнего? — Рафаэль грустно покачал головой. — Увы, я слышан. Какая ужасная женщина!

Джордан вопросительно приподняла бровь. Рафаэль пожал плечами.

— Мы для нее плебеи. Она считает себя королевой Венеции, хотя Анна Мария трудилась изо всех сил на благо города задолго до того, как здесь появилась эта выскочка, решившая, что она тут будет править! Она устраивает ужасные танцы смерти, от которого у нормального человека мурашки по коже, а сама беспокоится лишь о том, как бы не испортилась ее репутация! — Рафаэль презрительно фыркнул, и его жест никак не вязался с его всегда элегантной и грациозной манерой поведения. Голубые глаза Рафаэля озорно сверкнули. — Поверьте мне, только винил! В нем вы ее переигрываете! И еще вы наденете сапоги на шнуровке от Джастина, нашего французского друга, с которым вы еще познакомитесь. Тогда вы будете казаться выше,

и все будет просто прекрасно. И не забывайте, вы будете в маске!

— Я не знаю. Я подумаю насчет винила. Что же касается вашего бала...

— Тут все ясно — фантазийный сказочный костюм, — убежденно заявил Рафаэль.

Костюм, о котором он говорил, в серебристо-золотой гамме, сочетал в себе элементы, характерные для Ренессанса и Революции. И талия подчеркнута тонка, и декольте весьма смелое. К платью полагался головной убор — тиара, украшенная пером и шелковой драпировкой, ниспадающей на спину.

— Вы думаете? — спросила Джордан.

— Не думаю, а знаю, — заверил ее Рафаэль. Анна Мария появилась на вершине винтовой лестницы, которая вела в примерочные.

— Прошу прощения. Роберто Капо пришел. Он говорит, что ты что-то отложил для него на вечер.

— Да, да! — Рафаэль захлопал в ладоши. — Роберто Капо мой друг — мы ходили вместе в школу. Во время карнавала он по большей части работает, но вот сегодня у него иыдался свободный вечер. Он любит артистические балы. Вернусь через пару минут.

— Конечно, конечно, Рафаэль. Иди позаботься о друге, я и так отняла у тебя слишком много времени.

— Пойдемте выпьем кофе, — предложила Джордан Анна Мария. — Со мной и с Линн. А потом вернетесь и сделаете свой выбор.

— Она уже сделала выбор, — ответил за Джордан Рафаэль. — Но вы обязательно должны вернуться и убедиться в том, что я прав. А винил... Обязательно возьмите его прямо сейчас. Сегодня такой хлопотливый день, боюсь, что в отель его могут доставить только перед самым выходом.

Рафаэль бегом помчался вниз.

— Так мы идем пить кофе? — еще раз спросила Анна Мария.

— Мне надо возвращаться в отель. Сегодня утром я буквально удрала от жены моего кузена.

Анна Мария философски пожала плечами.

— Синди — душка. Я позвоню ей и скажу, что вы здесь, выбираете костюмы.

— Спасибо. Тогда я с удовольствием пойду с вами, только переоденусь. — Джордан все еще была одета в костюм шута.

— Хорошо, — кивнула Анна Мария. — Мы будем ждать на улице.

Джордан переделась в свою обычную одежду. Спускаясь по лестнице, она заметила, что Рафаэль беседует с довольно высоким темноволосым мужчиной. Когда собеседник Рафаэля обернулся, Джордан поняла, что они уже встречались. Он оказался одним из полицейских, с которыми ей довелось общаться ночью. Он вошел вместе с графиней, когда та приехала в участок с Джаредом и Синди. С ним Джордан общалась мало — его английский был немногим

лучше итальянского Джордан. Он улыбался, но как-то не очень искренне.

— Добрый день, синьорина Райли, — любезно поздоровался он. Да, теперь она вспомнила. Его действительно звали Роберто Капо.

Джордан почувствовала, как щеки залила краска. Все в участке здорово рассердились на нее. А Роберто Капо в ту ночь не спускал с нее своих темных, вдумчивых глаз и по большей части молчал, пока она сбивчиво и нервно отвечала на вопросы его коллег.

Джордан видела, что и сейчас он собирается с мыслями. Для него задать простой вопрос на английском совсем не просто.

— Сегодня... вы в порядке? — вымучил наконец он. — Да, спасибо, но, — не удержалась от добавления Джордан, — все действительно было очень реально. Капо кивнул.

— Понимать.

— Понятно, — поправил его Рафаэль. Красивый молодой офицер смущенно покраснел.

— Понятно. Загадки. Маскарады. Они... они... — Роберто Капо беспомощно взглянул на друга.

— Они увлекают, затягивают, — предложил Рафаэль. Капо кивнул.

— В Венеции все красиво. Мы стараемся не уходить от традиций. Не так, как у вас в Новом Орлеане.

Джордан хотела выступить в защиту Нового Орлеана, но до того, как она придумала, что сказать, Капо снова заговорил быстро, как принято у итальянцев.

— Новый Орлеан — красивый город. Но карнавал там другой. Здесь — маски, костюмы... Целое представление. Игра. Иногда игра заходит слишком далеко. Графине не надо играть с такими вещами, как кровь и убийства.

Джордан улыбнулась Роберто.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Меня зовут Роберто, — представился он.

— Я помню, Роберто Капо.

— Пожалуйста, зовите меня просто Роберто.

— Хорошо, Роберто. Спасибо вам.

— Не за что. Мне жаль, что все так получилось с вами.

— И еще раз спасибо. Ну что же, Роберто, не смею вам мешать — выбирайте костюм.

Джордан уже хотела выйти на улицу, где ждали ее Линн и Анна Мария, но Роберто остановил ее, позвав по имени. Роберто привлекал своими бездонными черными глазами, классически правильными чертами лица и крепким сложением. Джордан не могла не отметить его необыкновенной мужской красоты.

— Если что-то вас пугает, пожалуйста, приходите ко мне. Я не буду... — Тут Роберто оставил попытки найти нужные слова и быстро заговорил по-итальянски, глядя на Рафаэля в надежде, что тот переведет.

Он не станет над вами смеяться, и злиться тоже не будет, — перевел Рафаэль.

Роберто снова быстро заговорил, и Рафаэль опять перевел:

— Всегда лучше разобраться в том, что происходит. Пожалуйста, не стесняйтесь обратиться к нему, и если он чем-то сможет вам помочь, то обязательно придет на выручку.

Джордан искренне тронули его забота и искренность.

Она улыбнулась и кивнула.

— Спасибо. Я обязательно обращусь к вам, если у меня возникнут какие-нибудь проблемы. Я живу в Венеции, и если вы хотите спросить меня о чем-то, то знайте, что я остановилась в «Даниэль».

Роберто с серьезным видом кивнул.

— Мне бы хотелось побольше узнать о том, каким образом вы оказались в участке.

— Меня доставили на лодке, — пожав плечами, напомнила ему Джордан.

— Вы убежали из дворца.

— Волк... — Джордан колебалась, понимая, что, помимо языкового барьера, между ними неизбежно возникнет еще один, если она станет настаивать на том, что волк схватил ее и прыгнул вместе с ней с балкона второго этажа. — Гость, одетый как волк, усадил меня в лодку, — объяснила она.

— Кто он? Вы не догадываетесь, кто он такой? Он не назвал вам своего имени?

— Нет, — покачав головой, ответила Джордан. Вчера она говорила примерно то же самое, но тогда полицейские принимали ее за сумасшедшую или пьяную. Сегодня Роберто, казалось, доверял ее словам.

— Если вы увидите того мужчину или разыщете его, вы должны мне сказать. Я хочу с ним поговорить.

— Боюсь, если я его и увижу, то все равно не узнаю. Он был в маске.

— Но вы знаете его голос.

— Если я услышу его голос на улице, то непременно дам вам знать, — заверила Джордан и, попрощавшись с Роберто и Рафаэлем, вышла на улицу.

— Ах, вот вы и появились.

— Простите, что заставила вас ждать так долго.

— Наоборот, спасибо, что дала нам передышку. Сегодня просто сумасшедший день, — вздохнула Линн. — Запоминай дорогу, если хочешь выпить хорошего кофе и недурно поесть не

переплачивая. Вдоль по этой улице почти до конца.

Анна Мария свернула в переулок, который Джордан раньше не замечала. Здесь шла совсем другая жизнь. Ни дорогих магазинов, ни нарядных витрин. Анна Мария поприветствовала двух мужчин, одетых в синюю робу, и женщину, подметавшую кафельный пол перед небольшим магазинчиком.

На мгновение Джордан показалось, что туча закрыла солнце. Налетел холодный ветер, и Джордан, поеживаясь от озноба, приподняла воротник пальто. Джордан показалось, что над улочкой пронеслась тень, силуэтом напоминая птицу с огромным размахом крыльев, налетела и унеслась.

— Стоит только выйти отдохнуть, как солнце прячется, — недовольно пробурчала Лини, ничего сверхъестественного не заметив. Погода у моря всегда переменчива.

Джордан тоже не хотела поддаваться суеверному чувству, но помимо своей воли притормозила шаг и прислушалась.

Неужели опять: хриплый многоголосый шепот?

Нет, показалось...

— Джордан? Линн обернулась.

— Простите, — прибавила шаг Джордан. Она чувствовала себя весьма глупо.

К ее удивлению, маленькое кафе оказалось битком набито. Она хотела предложить пойти куда-нибудь еще, решив, что им придется ждать не меньше часа, пока их обслужат, но две девушки работали на удивление быстро, так быстро и ловко, как никто в Америке не работает, и в считанные минуты все трое уже пили кофе, пристроившись у стойки в углу.

— Город кажется огромным, когда тут столько людей, — обвела рукой толпу Анна Мария, — но на самом деле Венеция не так велика. Мы тут все друг друга знаем. Вы не должны переживать из-за того, что оскорбили графиню, даже если Джаред расстроен.

— Переживай, если обидишь Анну Марию, — усмехнулась Линн. Анна Мария поморщилась. — Правда и ничего кроме правды, — продолжала Линн. На самом деле графиня не так давно вернулась в город. Карнавал, как тебе, должно быть, известно, вернулся в Венецию лет двадцать назад благодаря усилиям некоторых американских деловых людей, и Анна Мария с самого начала им помогала. Они обратились не к кому-нибудь, а к ней. За это время мир не так уж сильно изменился, особенно здесь, в Европе. У графини есть деньги и титул. У Анны Марии талант и профессионализм. Анна Мария скромно покачала головой.

— Не надо морочить Джордан голову. Карнавал существовал в Венеции уже много веков назад. Американские бизнесмены, среди них несколько с двойным гражданством, заинтересовались Венецией и сделали инвестиции в город не только с целью получить прибыль, но и ради чего-то более благородного: чтобы люди мира смогли увидеть и понять, какое сокровище — Венеция. Именно поэтому люди дали деньги на реставрацию гибнущих исторических памятников. Вы знаете, что с нами происходит: море — наше благословение, но оно же — наше проклятие. Я подружилась со многими людьми, работающими над спасением Венеции. Я всегда любила пышные зрелища, костюмы, праздники и так далее, вот поэтому и оказалась вовлеченной в эту работу. В какой-то степени.

— В какой-то степени?! — воскликнула Линн. — Когда какая-нибудь крупная компания собирается ставить здесь сцены для фильмов, они всегда обращаются к Анне Марии.

— И моим коллегам, — поправила Анна Мария.

— Я понимаю, почему они идут к вам, — улыбнулась Джордан Анне Марии и, допив кофе, поставила чашку на стойку.

— Не надо думать обо мне слишком хорошо, — твердо заявила Анна Мария. — Линн пытается успокоить вас и внушить, что вам не следует переживать из-за случившегося. Графиня может серьезно затруднить работу вашего кузена здесь, в Венеции, и она может быть вредной, как шkodливая кошка, но большинство людей, которые трудятся на благо Венеции, не так злопамятны, хотя и не так богаты и титулованы. Больше того, они даже не всегда венецианцы.

— Ты нам нравишься и потому должна быть в порядке! — заключила Линн.

Джордан засмеялась.

— Большое спасибо вам обеим. Должна признать, что чувствовала себя прескверно, а теперь я чувствую, что меня любят, и мне дышится легче.

— Увы, нам пора возвращаться, — произнесла Анна Мария. — Запоминайте дорогу. Если захотите еще раз заглянуть в кафе, найти его нетрудно.

По дороге Линн рассказывала об истории улиц, которые они пересекали.

— Смотрите! — Она указала на здание с рестораном на первом этаже, то самое, возле которого еще недавно стояла Джордан, глаза на обедавших людей. — В этом доме в пятнадцатом веке жила любовница одного скандального дожа. Вы знаете, что дожей избирали, но в основном из числа аристократии, из наиболее знатных фамилий. Говорят, в доме до сих пор обитает призрак той несчастной женщины. Почему несчастной? Точно ничего не доказано, но, по слухам, ее зарезали в постели, на самом пике экстаза, за то, что она изменила дожу с одним из его министров.

Джордан обводила взглядом дома. Здесь почти каждое здание имело свою долгую и интересную историю. Каждый дом уникален, каждый — произведение искусства. Помимо изящных резных балконов дом, о котором рассказывала Линн, привлекал внимание скульптурами львов, расположенными на пьедесталах по обеим сторонам парадного входа. Львы теперь казались Джордан грозными стражами, охранявшими покой призрака убиенной.

Увлечшись, Джордан случайно наткнулась на что-то, вернее кого-то.

Ей не дали упасть чьи-то крепкие руки. Прямо перед собой она увидела стену из черной шерсти. Через секунду поняла, что упирается глазами в грудь очень высокого и крепкого мужчины, одетого в американского покроя длинное и дорогое шерстяное приталенное пальто. Она подняла глаза. В мужчине было не меньше шести с половиной футов роста. Светлый натуральный блондин. Рок-звезда? Первое, что пришло ей на ум. Но далеко не всякий музыкант так атлетически сложен. Спортсмен? Скорее всего прославленный спортсмен или актер-культурист.

Волосы его опускались ниже плеч, но отнюдь не выглядели небрежно — тщательно ухоженные, густые и блестящие. Глаза неправдоподобно голубые, льдисто-голубые, которые смотрели на нее оценивающе.

— С вами все в порядке? — спросил он по-английски.

— Да, спасибо.

— Надо бы посмотреть, куда идете.

— Конечно. Извините.

— Рагнор! Чао! — воскликнула Анна Мария.

Здравствуй, красавица, — ответил исполин на итальянском, который для неподготовленного уха Джордан казался абсолютно лишенным акцента. Так же, как и его английский. Они о чем-то быстро заговорили, и из разговора Джордан успела уловить лишь одно или два слова.

После Анны Марии пришла очередь Линн обменяться с ним приветствиями. Кивнув в сторону Джордан, Линн предложила перейти на английский.

— Рагнор, позволь представить мисс Джордан Райли. Рагнор — наш друг. Наш — значит не только тех, кто работает в магазине, но и друг всей Венеции. Джордан впервые на карнавале.

— Добро пожаловать, — поприветствовал ее мужчина, расцеловав в обе щеки, как было здесь принято. Но у Джордан родилось странное чувство: ей показалось, что он совсем не рад их встрече. Губы его, коснувшиеся ее щек, были холодны и поджаты. Ей даже захотелось отстраниться. Целовать его в ответ Джордан не стала.

В конце концов, ей, неуклюжей американке, простительно не соблюдать этикет.

— Здравствуйте, — сухо ответила она, — и еще раз прошу прощения.

Высок, очень высок. Такой же высокий, как тот волк, с которым она танцевала на балу графини. Волк, что был так куртуазен с ней. Тот волк, что унес ее с кровавого представления и отправил прочь из дворца. Но мужчина никак не показывал того, что они знакомы. В глазах его не было и искорки узнавания.

«Сколько же людей в Венеции имеют такой рост? Ну-ка, подумай, сколько ты видела таких великанов здесь?»

Во всяком случае, больше ни одного, сухо напредила себе Джордан. И, несмотря на расхожее представление об итальянцах как о людях невысоких и темноволосых, Джордан встречала в Венеции немало высоких блондинов, говорящих на итальянском бегло и без акцента.

— Вы были вчера на балу у графини? — напрямик спросила его Джордан.

— Нет, — ответил он.

В самом ли деле в глазах его блеснула искра? Или у нее развивается паранойя, и Джаред прав насчет того, что ей пора лечиться?

Рагнор не мог быть у графини, — с удовольствием пояснила Линн. — Он находит ее крайне неприятной.

— Линн! — осуждающе воскликнула Анна Мария. Рагнор продолжал смотреть на Джордан. И, как показалось Джордан, он, как и графиню, находил ее крайне неприятной. Что заставило его возненавидеть совершенно незнакомую женщину, имея в виду себя, подумала Джордан. Или

он злится на нее за то, что она спросила его про бал? А может, ей только чудится? Тогда у нее и в самом деле развивается паранойя.

— Разве ты так не говорил, Рагнор, когда мы столкнулись с ней в кафе? — продолжала о своем Линн. Она посмотрела на Анну Марию. — Я не выдаю ничьих секретов, я просто пытаюсь успокоить Джордан. Ей станет легче от мысли, что графиня не нравится не только ей одной.

— Я не говорила, что она мне не нравится, — пробормотала Джордан.

— Графиня меня не пригласила бы, — просто отозвался Рагнор. — Вы куда-то спешите, и я не стану вас задерживать.

— Мы возвращаемся в магазин, — сказала Анна Мария. — Наш перерыв затянулся. Ты зайдешь как-нибудь? Будешь сегодня на художественном балу?

— Да, конечно. И в магазин заскочу. — Он снова расцеловал Анну Марию и Линн в обе щеки и протянул Джордан руку, как принято в Америке. — Приятно было познакомиться, мисс Райли.

— Спасибо, мне тоже. — И совсем ему их встреча не была приятна.

— Ты должен поскорее к нам забежать. Мы все пытаемся уговорить Джордан надеть винил сегодня на бал. Ты мог бы высказать ей свое мнение, — предложила Линн.

— Попробую найти время, — вежливо попрощался он, уступая дамам дорогу. Анна Мария и Линн уже углубились в дискуссию о том, что могло бы подойти в качестве маскарадного костюма для мужчины такого роста и сложения.

— Кто он такой? — спросила Джордан, чуть задыхаясь — все ускорили шаг.

— Рагнор — бизнесмен, — туманно пояснила Анна Мария.

— Мы недавно с ним знакомы, — добавила Линн.

— Ты со всеми здесь недавно знакома, — напомнила ей Анна Мария.

Вот уже магазин в двух шагах.

Он не итальянец? — спросила Джордан.

— Нет, — ответила Анна Мария.

— Он напомнил мне одного человека, с которым я познакомилась вчера ночью.

— Совершенно невозможно, — отмахнулась Линн. — Рагнор действительно не мог быть в числе приглашенных графиней. Он, что называется, из старой гвардии. В тот день мы сидели в кафе. И тут вошла графиня. Должно быть, они где-то встречались раньше. Их представили друг другу, и оба вели себя цивилизованно, но все заметили, что они враги. Рагнор сразу ушел. Знаешь, что я думаю?

— Боюсь, нам, так или иначе, предстоит узнать, — проговорила Анна Мария.

— Я думаю, она ему завидует. У него нет ни титула, ни известной фамилии, но все равно в городе ходят слухи о том, что Рагнор происходит из весьма необычной семьи. Он не рисуется, не льстит никому, но к нему тянутся люди. У него есть харизма, он притягивает к себе людей.

Анна Мария вздохнула.

— Красивый мужчина, не лишенный обаяния. К тому же умный и интересующийся историей, в том числе и историей Венеции.

Линн мечтательно улыбалась.

— К тому же сложен — как говорят в Америке, — как кирпичный сортир.

Анна Мария закатила глаза.

— Линн никогда не стеснялась в выражениях.

— Я пытаюсь научить тебя настоящему английскому языку! Хочу, чтобы ты чувствовала себя своей на улицах Бруклина, когда решишь поехать в Америку.

— В самом деле? — Анна Мария остановилась на пороге. — Линн всего лишь пытается сказать, что она по нему сохнет и что она готова отдать руку и ногу, чтобы с ним подняться.

— Чтобы с ним поладить, — насмешливо поправила ее Линн. Глаза ее озорно блеснули. — Это ему надо, чтобы у него поднялось.

Анна Мария безнадежно вздохнула.

— Пойдемте, Джордан, примерьте еще раз виниловый костюм. Раз Рафаэль настаивает на том, чтобы вы его надели, надо прислушаться к его мнению. Признаюсь, я и сама думаю, что он на вас потрясающе смотрится.

Несмотря на обилие посетителей в магазине, Рафаэль сразу их заметил и, лавируя между покупателями, подошел к ним.

— Винил, только винил! Давайте еще раз примерим.

— Винил так винил, — согласилась Джордан. — И, пожалуйста, Рафаэль, подберите такую маску, чтобы меня никто не узнал. — Она понизила голос. — Вот уж дам повод для пересудов!

— Пусть шепчутся — будьте вопиюще возмутительной!

Глава 3

Нари чувствовала себя усталой, изнывала от скуки, голода и беспокойства. Прошлой ночью, когда случилось несчастье на балу, она так и не смогла получить удовольствие от праздника.

Ей следовало бы отдохнуть, незачем было отправляться бродить по улицам с такой беспечностью, пусть даже и в маске. Ей было за что держаться в жизни. Но спать она не могла, и дома сидеть тоже не могла. Надев маску, она вышла на прогулку.

Да. Определенно она была... голодна.

Голодна.

Надо было найти кого-то, с кем можно разделить ужин.

Находиться дома ей не хотелось по одной причине.

Она могла быть застигнутой врасплох неожиданным визитером, поскольку он не мог не прийти. Он наблюдал за ней, поджидал. Он думал, что сможет так запросто войти, призвать к ответу и заставить изменить образ жизни.

Ах, он не знал и половины того, что знала она.

Он не знал, кем она сейчас была в Венеции и с кем поддерживала отношения.

И все же... О, эта несносная головная боль! Сегодня ей не хотелось с ним встречаться.

Внезапно ею овладела тоска. Нечто вроде ностальгии по прежним временам. Нет, более сильное чувство. Боль. Больно видеть его вновь. Вспоминать о том, что было. Хотеть...

Когда-то...

Когда-то все было, да прошло.

И все же...

Как она ненавидела американцев!

Мысленно тряхнув головой, она заставила выбросить глупые мысли из головы. Боль она испытывала лишь оттого, что была голодна.

Она прошлась по площади Св. Марка, послушала музыкантов, искала глазами кого-нибудь, кто гулял один, кого-то, кто мог разделить с ней компанию на время.

Она нетерпеливо постучала ногой в такт музыке. Что за глупцы приезжали на карнавал! Люди с деньгами, способные весь год убить на разработку фасона и покроя карнавального костюма. О, костюм должен непременно смотреться элегантно, но они совсем не заботились о комфортности. Вот проплыла мимо группа: луна и звезды. Носить на себе такое количество проволоки, необходимой для того, чтобы удерживать белые, золотые и серебряные шлейфы, струящиеся со звезд. В таком наряде даже присесть нельзя. В нем ты не человек, а ходячий манекен.

Многие носили традиционные маски, полностью скрывающие лицо. Попадались люди, разгуливавшие без костюмов. Многие из них приехали сюда дешевыми автобусными турами из бедных стран Восточной Европы, выделяясь своей простой неброской одеждой. Они восхищенно вертели головами. Глаза их удивленно горели. Часто им просто негде укрыться от дождя, негде приткнуться голову, кроме как в своих автобусах. Есть им тоже было почти нечего. Подружиться с кем-нибудь из несчастных — чем не акт доброты? Они вели такую жалкую жизнь.

Все люди рождаются для того, чтобы жить, страдать и умереть. Такова природа вещей.

Нари вдруг заметила знакомую американку, Тифф Хенли. Она тоже гуляла без костюма. Тифф, внешне интересная женщина, не слишком молодая, относилась к числу людей, которые идут по жизни смело, берут свое без лишней щепетильности и двигаются дальше. Если способ, которым можно добыть желаемое, не слишком приятен, смущаться она не станет. Иногда приходится терпеть неудобства. Нары слышала, что последнему мужу Тифф исполнилось почти девяносто, когда он на ней женился, но старик протянул куда дольше, чем можно было предположить, и Тифф пришлось мириться с обстоятельствами.

Должно быть, теперь Тифф наверстывает упущенное. Как раз сейчас она смотрела на выставленные в витрине ювелирного магазина драгоценности.

Нари улыбнулась и направилась к ней. Тифф будет рада, если ее пригласят на ленч.

Но тут к Тифф подошел дородный седой мужчина, а с ним еще двое мужчин помоложе в причудливых масках и плащах. Все они устали в витрину, принялись о чем-то спорить, очевидно обсуждая качество выставленного товара.

Еще одна женщина подошла к ним.

Нари вздохнула и покачала головой.

Слишком много народу собралась вокруг себя Тифф. Нары ничего не имела против компании из двух-трех человек, но шесть — уже перебор. Нары чувствовала себя разбитой после событий вчерашней ночи. Та ночь ее иссушила. У нее действительно не было сил на шестерых. В настоящий момент.

И все же...

Она действительно должна что-то перехватить. Совсем чуть-чуть. Она так проголодалась.

Нари подняла капюшон, запахнула плащ поплотнее, прячась от зимнего ветра, и смешалась с толпой.

Еще светло.

Просто не пришло ее время.

Но ночь придет, непременно придет.

— Повернитесь, повернитесь, — отчаянно жестикулируя, повторял Рафаэль. — Классно! Сексапильно!

Джордан надела костюм наверху в примерочной, но Рафаэль привел ее вниз, в главный зал, чтобы наряд могли оценить Анна Мария и Линн.

Затянутая в кроваво-красный винил, Джордан смущенно улыбалась.

— Я похожа на проститутку.

— Нет, ни в коем случае! — Рафаэль решительно покачал головой, оглядывая ее с головы до пят. — Нет, нет. Если добавить плащ, то вы станете походить на героиню комиксов. А теперь сапоги. Сапоги — прекрасное дополнение.

— Дайте ей плетку и цепь, — услышала она позади себя хорошо поставленный знакомый баритон, — и она сможет укрощать львов.

Джордан испуганно оглянулась. В магазине появился тот самый высокий блондин. Он стоял, небрежно прислонясь к стене. Она не заметила его вначале из-за марионеток, свисавших с потолка, и множества костюмов и плащей, развешанных по всему магазину. Он отделился от стены, сделал шаг к ней. Он смотрел на нее так же внимательно, как Рафаэль, но все же по-другому. В его взгляде она чувствовала враждебность.

— Рагнор, наряд просто потрясающий! — оценила Анна Мария.

— Потрясающий, — согласился он. Под его пристальным взглядом она чувствовала себя голой. — По у меня создалось впечатление, что мисс Райли не хочет казаться такой... броской сегодня ночью. — Легкая улыбка коснулась его губ. — В таком наряде ее может не заметить разве что совершенно слепой.

Джордан в самом деле рассчитывала смешаться с толпой. Но непрошенный комментарий с явным негативным оттенком побудил ее поступить вопреки собственному решению и взять винил напрокат. Она почувствовала, как волосы у нее на затылке встают дыбом.

Джордан посмотрела на Рафаэля.

— Я думаю, вы правы. — И, обернувшись к незнакомцу, добавила: — Я возьму костюм.

— Без комментариев, — заявил Рафаэль, озадаченно взглянув на Рагнора.

Рагнор безразлично пожал плечами, рассеянно взял бархатный плащ, висевший поблизости.

— Остается надеяться, что полиция будет на посту. Наряд действительно очень сексуальный. Провоцирующий, я бы сказал. — Он рассеянно погладил бархат и вдруг резко убрал руку. — Надеюсь, что вы хорошо проведете время, мисс Райли. — Поклонившись Джордан и расцеловав на прощание Анну Марию, он вышел из магазина.

— Странно! — заметил ему вслед Рафаэль.

— Возможно, наряд в самом деле слишком... — пробормотала Джордан.

— Слишком совершенен, — вставила свое слово Линн. — Это карнавал, Джордан, и выглядеть ты должна на пятерку!

Джордан взглянула на часы. Она чувствовала себя виноватой перед Синди.

Я думаю, мне лучше вернуться в отель поскорее. Но косном я непременно надену.

— Бояться нечего, — приободрила ее Анна Мария. — Мы все там будем, и мы защитим вас от блудливых волков.

Сказанное в шутку замечание породило в Джордан неприятное чувство тревоги и беспокойства. Но она постаралась от него отмахнуться.

— Вот и славно. Покуда я среди вас, все со мной будет прекрасно. Побегу переоденусь, и пора прощаться до вечера.

— Я провожу вас, — вызвался Рафаэль. — На площади сейчас безумные толпы.

— Не беспокойтесь, со мной все будет в порядке.

— Мне все равно по пути. Надо принести в «Даниэль» заказанные костюмы.

— Тогда благодарю.

Снимая костюм в примерочной, Джордан уже не испытывала былой уверенности в том, что сделала правильный выбор. Может, стоило прислушаться к совету блондина.

— Проститутка, — сказала она отражению в зеркале. — Но очень дорогая.

Джордан переделалась в уличный костюм. Внизу ее уже ждал Рафаэль с огромным пакетом.

— Сногшибательно! — весело проговорил он.

— Не бойся, мы тебя сразу найдем! — бросила ей вслед Линн.

— Держитесь ко мне поближе. Сейчас начнем пробивать дорогу локтями, — обратился к ней Рафаэль.

Джордан улыбкулась. Она старалась не отставать от Рафаэля. Провожатым он оказался великолепным, обладая талантом стремительно передвигаться в густой неторопливой толпе.

— Простите! Извините! — то и дело повторял он, прокладывая дорогу себе и ей, расталкивая исторических персонажей, чудовищ, гоблинов, монстров, всяких загадочных существ, солнца, луны и все прочее. Джордан поймала себя на том, что не перестает поражаться человеческой выдумке и изобретательности. Спасибо Венеции за то, что подарила людям праздник! Я люблю тебя, Венеция.

Они прошли мимо собора Сан-Марко, перешли через мост от Дворца дождей к отелю «Даниэль» и расстались в заполненном народом фойе. Рафаэль поцеловал ее в щеку.

Вы всех сегодня затмите, — предсказал он ей на прощание.

— Грацие, чао, — поблагодарила она и подумала, вернулся ли в отель Джаред.

Рафаэль поднял большой палец.

— Отличное произношение. Вы действительно великолепны, — серьезно добавил он. — Мое произведение.

— Я постараюсь не посрамить вас, — шутливо пообещала она и стала подниматься по лестнице.

Рагнор приплыл к палаццо на частной лодке, вышел на пристань перед дворцом графини, постоял, прислушиваясь к плеску воды. Несколько шагов — и вот он уже у двери. Постучал. Не дождавшись ответа, решительно распахнул дверь, не обращая внимания на натужный стон засовов. Как он и ожидал, слуги графини: тощий седой мужчина лет шестидесяти в черной ливрее и женщина примерно одного с ним возраста с седыми, в стальной отлив, волосами — ждали его внутри. Они прекрасно знали о его прибытии, но почему-то никак не отреагировали на стук. Должно быть, они решили, что он войдет независимо от того, закроют они дверь на засов или оставят открытой.

— Где она? — рявкнул Рагнор.

— Ее нет дома, — ответил мужчина, неодобрительно поглядывая на дверь. — А вы ворвались во дворец, разломали дверь, покусились на частную собственность...

— Вызовите полицию, — бросил Рагнор. Не обращая внимания на слуг, он пошел, широко ступая по мраморному полу, к лестнице. На полпути вверх Рагнор оглянулся. Слуга зачем-то схватил меч, висевший на стене в холле, и уже собирался нанести удар, хотя до шеи Рагнора ему все равно было не дотянуться из-за разницы в росте. К тому же он находился на несколько

ступенек ниже, чем незванный гость, и весовые категории у них совсем не совпадали.

Легко избежав удара, Рагнор ударом кулака выбил меч из рук престарелого фехтовальщика. Металл с жалобным звоном ударился о мраморный пол. Как следует тряхнув старика, Рагнор продолжал путь наверх. Дверь в спальню графини он открыл ударом ноги.

Оказалось, что слуги не солгали. Графини в спальне не было. Рагнор прошел на середину комнаты, распахнул шкафы, заглянул в гардеробную и ванную. Графини не было и там.

Злой и разочарованный, Рагнор вышел из спальни и пошел в бальный зал, расположенный на втором этаже, тот самый, где вчера все происходило. Мраморный пол сверкал — видно, скребли не один час. Все сияло первозданной чистотой — и мраморные колонны камина, и дверь на террасу. Рагнор вошел в зал. Все чувства были в нем обострены до предела: и зрение, и слух, и особенно обоняние. Он опустился на одно колено, притронувшись к полу. От него несло хлоркой.

Рагнор поднялся и стремительно обернулся. Обезоруженный слуга привел подкрепление. Двое мужчин, примерно одного с Рагнором роста и сложения, взирали на него с порога зала. Грузные, как битюги.

И хорошо вооруженные. Где она раздобыла последних двоих?

Рагнор сделал приглашающий жест рукой.

— Джентльмены, я в вашем распоряжении. Идите и берите. — И посмотрел на часы. — Но прошу торопиться. У меня мало времени.

Если графини нет во дворце, то где же ее носит?

Глава 4

В отличие от бала, который давала графиня, куда попасть можно только по специальным приглашениям, артистический бал был открытым мероприятием, и казалось, что половина населения Венеции решила прийти сюда. Проходя по улицам, Джордан кожей чувствовала, как заряжена атмосфера. Смех, праздничные ожидания. Люди дружескими группами проходили по улицам, смех не замолкал, все раскланивались друг с другом.

Джордан шла под руку с Синди, не обращая внимания на Джаред. Джаред строил из себя обиженного. Джордан уже успела с ним поругаться, когда накануне он пытался отговорить ее от сегодняшнего мероприятия.

— Ты не должна идти, Джордан. Особенно после вчерашнего...

Я не собираюсь вгонять тебя в краску перед твоими знакомыми.

— Джордан, ты переигрываешь...

— Ты беспокоишься обо мне, Джаред, или волнуешься за свою репутацию?

Несмотря на то что лицо Джаред закрывала маска — та же маска доктора, что была на нем вчера, — Джордан чувствовала, что он поморщился.

— Какая разница? Если ты намерена всем и каждому рассказывать о том, что видела вчера: о потоках крови, вампирах, зубастых чудовищах...

— Джаред, знаешь что я тебе скажу? Я к тебе даже не подойду, так что никто и не догадается о том, что я прихожусь тебе родственницей.

Такое заявление его расстроило еще больше. Бедная Синди не знала, к кому бросаться. Она не понимала, что происходит с Джаредом, и в то же время беспокоилась за Джордан.

Джордан искренне сожалела о том, что ее ссора с Джаредом отразилась на Синди.

И еще ей хотелось, чтобы Джаред куда-нибудь провалился. Хотя бы в канал.

— Ты собираешься в одиночестве разгуливать? В таком наряде? Вчера тебя всего лишь пригласили поучаствовать в спектакле, а ты сама перепугалась и всех до смерти перепугала, причем заметь — на тебе было вполне приличное платье. Сегодня же, когда каждая бродячая собака в Венеции станет хватать тебя за пятки...

— Спасибо, Джаред, за комплимент.

— Джаред, прекрати, она же не гувернанткой идет наниматься, в самом деле! Прекрасный наряд для костюмированного бала!

— Она могла бы с тем же успехом просто покрасить тело в красный цвет и пойти голой!

— Ей идет этот костюм! Она вполне может его носить, Джордан выглядит красиво, и ты должен ею гордиться! — настаивала на своем Синди.

— Синди...

— Джаред, назад мы все равно поворачивать не станем, — напомнила Джареду жена.

— Да, конечно. И знаете, что я вам скажу? — Джордан не хотела, чтобы Синди из-за нее сражалась с мужем. — Пойду-ка я вперед, и тогда вам обоим не придется за меня краснеть, когда я буду делать глупости. Например, рассказывать вашим друзьям о кровососах и убийцах, с которыми познакомилась на вечеринке у вашей графини.

Джордан сдержала слово и ускорила шаг, но Джаред догнал ее и, положив руку на плечо, попросил:

— Прости! Не убегай одна.

Джордан остановилась в нерешительности. Она не могла видеть его лицо, одни лишь глаза. Он выглядел как старый добрый Джаред.

— Ты знаешь, Джаред, один из вчерашних полицейских зашел в магазин, где я сегодня брала напрокат костюм, и сказал, что не считает меня идиоткой. Он тоже думает, что преступления случаются в самых неожиданных местах.

— Но ты была так агрессивна настроена против графини. Ты не знаешь, кто она такая. Ты не понимаешь...

— Я понимаю, кто она такая, Джаред, и что она значит для тебя.

— Нет, Джордан. Нет, ты действительно не понимаешь. Ты в самом деле не понимаешь, кто она... — Он выглядел таким несчастным и жалким.

— Знаешь, Джаред, я иду веселиться и не собираюсь думать о твоей графине. Постараюсь с ней не встречаться сегодня.

— Она вряд ли придет.

— Слишком плебейское общество для нее, да?

— Она не любит большую толпу.

— Тогда о чем нам волноваться? С нами все будет в порядке, не так ли?

Джордан испугалась, когда он вдруг прижал ее к себе.

— Да, Джордан, да, но, пожалуйста, ради меня...

— Я не буду говорить ничего плохого ни о графине, ни о ее вечеринке. Если меня спросят, я просто скажу, что испугалась. Что все было для меня слишком непривычно.

Джаред кивнул. Он явно чувствовал облегчение. Синди тоже вздохнула с облегчением.

— Мы почти на месте. Джордан, в прошлом году тут показывали такие замечательные номера!

— Никто не резал друг друга на куски? — поинтересовалась Джордан и тут же прикусила язык.

Синди засмеялась несколько принужденно.

Нет... Мне очень понравился акробатический номер. Его выполняли двое — мужчина и женщина. Почти обнаженные, с совершенными телами... Ты сама увидишь. Смотри, какая толпа собралась!

Площадь буквально кишела народом. Люди стояли в очередь перед входом в шатер, возле которого билетер с лицом в черно-белом гриме, в костюме шута проверял билеты. Джордан присмотрелась к нему внимательно. Нет, она никогда не видела его раньше.

Под огромным тентом были расставлены столы. В центре возвышался помост, импровизированная сцена. На сцене музыканты играли что-то из классики в современной роковой обработке. Джаред вызвался сходить принести что-нибудь выпить, пока дамы найдут свободные места.

Не успел Джаред отойти, как к девушкам подошла королева в изысканном бархатном, расшитом блестящей мишурой платье и маске.

— Привет! Привет!

— Рафаэль? — изумленно протянула Джордан.

Рафаэль рассмеялся, довольный произведенным эффектом.

— Так точно, я! Пойдем, у нас там за столиком есть места. Синди, здравствуй, красавица, ты ведь с нами, верно?

— Джаред сейчас придет, он пошел за выпивкой...

— Вот и прекрасно! У нас и для него найдется место. Рафаэль взял Джордан под руку и повел

дам к столу. Анна Мария в элегантном костюме египтянки, в невообразимом головном уборе, со змеей вокруг шеи, весьма напоминающей настоящую, поднялась им навстречу. Линн в трико телесного цвета и юбочке из фиговых листьев — фантазия на библейскую тему — расцеловала Джордан в обе щеки и поздоровалась с Синди. За несколькими сдвинутыми вместе столами собралась довольно большая компания: продавцы из магазина, поставщики, в числе которых был и Джастин, дизайнер сапог, красовавшихся на ногах Джордан, два художника по коже из Уэльса и несколько постоянных клиентов. Музыка играла громко, и разговаривать было трудно. В зале стоял гул — вавилонское смешение языков. До того как Джаред вернулся с напитками, Джордан уже оказалась на танцевальной площадке с кавалером в костюме шестнадцатого века.

Джордан заметила, что на нее поглядывают и перешептываются, и ей стало не по себе. Но когда молодая симпатичная женщина, явно ее соотечественница, похлопав Джордан по плечу, восторженно сообщила, что ни разу не видела такого потрясающего костюма, у Джордан отлегло от сердца.

— Где вам удалось его раздобыть? — спросила американка. Сделав очередное танцевальное па, Джордан с удовольствием ответила:

— В самом замечательном магазине в Венеции...

— Вы должны сообщить мне, как его найти! Я обязательно загляну туда завтра.

Через мгновение Рафаэль, забыв о том, что сегодня он дама, перехватил Джордан у ее кавалера.

— Превосходно! Я знаю толк в костюмах! Все спрашивают о вас, вашем костюме и о том, где вы его взяли! Ну, теперь ваша душа довольна?

— Я просто вне себя от счастья!

— Вам будет еще лучше, если вы выпьете шампанского. — Рафаэль подвел даму к столу, где в пластиковые стаканы уже разлили шампанское. Она едва успела пригубить искристое вино, как музыканты заиграли старый добрый рок-н-ролл — песню из репертуара «Роллинг Стоунз».

— Пойдемте, пойдемте! Я обожаю эту песню.

Джордан залпом проглотила шампанское и вновь оказалась на танцевальной площадке.

С начала бала не прошло и часа, а она успела поговорить с десятками людей. Рафаэль устроил для нее экскурсию, показал произведения искусства, развешенные по стенам тента. Джордан натацевалась всласть, с удовольствием посмотрела первое представление — пианист играл на рояле, на крышке которого закрепили сверкающий шест, и на нем исполняла танец миниатюрная и очень изящная танцовщица. Слово ожившая сцена из музыкальной табакерки. Убедительности сцене добавляли бело-розовая балетная пачка танцовщицы и кружевной зонтик в ее руке. Джордан аплодировала изо всех сил, а Рафаэль поддерживал ее восторг отчаянным свистом — знаком высочайшего одобрения.

После первого выступления взял слово распорядитель бала. Снова заиграли музыканты. Появился Джаред, на сей раз без маски, и попросил Рафаэля уступить ему на минуту кухню. Джаред выглядел счастливым и довольным, и Джордан весело улыбалась ему, отплясывая свинг. Джаред сам научил ее этому танцу несколько лет назад.

— Тебе хорошо? — спросил он Джордан.

— Да, а тебе?

— И мне... Здорово! Классно!

— Классно!

— Прости, Джордан.

— Прости и ты меня, если я тебя обидела, Джаред. Я ничего больше никому не скажу, но твоя графиня — не от мира сего.

— Графиня... другая.

— Я ничего больше не скажу, если только кто-то не упадет трупом у моих ног.

— Джордан...

— Джаред... — Джордан внезапно нахмурилась. — Я знаю, что ты считаешь, что я... струхнула и понесла, как пугливая лошадь. Но я знаю...

— Тсс. Давай забудем. Мы на балу. Нам весело. И я зря выражал недовольство по поводу твоего костюма. Ты слишком сексуальна, и как старший брат я должен был высказаться против такого наряда.

Не успела Джордан ответить, как к ним подошел Рафаэль. Он нес шампанское для себя и Джордан.

— Прошу прощения, но вам придется за своей порцией сходить самому. И пригласите жену! Следующий танец будет медленный — итальянская версия Элвиса Пресли.

— Вы теперь будете мне приказывать? — шутливо, но слегка обиженно спросил Джаред.

— Да, ибо сегодня я королева. И я танцую лучше вас. Королева требует к себе леди в красном винуле. А вы убирайтесь!

Джаред подмигнул Джордан и отправился на поиски Синди. Джордан с улыбкой смотрела ему вслед. Она была искренне рада, что Джаред опять стал прежним — тем парнем, которого она знала и любила.

— Салют! — Рафаэль поднял импровизированный бокал. Джордан выпила залпом, как Рафаэль. Голова слегка кружилась.

— Ого! Сколько мы уже выпили?

— Считаете промилле? — Рафаэль обнял ее за плечи и улыбнулся. — Бросьте! Разве нам надо садиться за руль? Нет! В этом-то и вся прелесть Венеции. — Рафаэль принялся подпевать музыкантам. На итальянском песня Пресли звучала странно, но не сказать, чтобы плохо. — Винил! — вдруг воскликнул он, отстраняясь от дамы. — Об вас можно обжечься. Хотите отдохнуть?

Джордан только сейчас заметила, как ей жарко. Она благодарно улыбулась «королеве». Рафаэль проводил ее за столик, и сразу распорядитель объявил следующий номер программы.

Свет в зале погас. Освещенной осталась лишь площадка в центре зала.

Джордан сидела к сцене лицом. Она сняла маску, вытерла пот с лица и взбила волосы. На сцену вышла отлично сложенная молодая женщина. Ее похожий на неоновое свечение наряд оказался почти прозрачен. Длинные волосы черны как смоль. С потолка вдруг опустился нейлоновый шнур. Медленно, чувственно, женщина приблизилась к шнуру. Схватив его, она с потрясающей ловкостью взобралась повыше. Зацепив конец за лодыжку, она начала двигаться под музыку. Гимнастка с потрясающей легкостью принимала совершенно невыносимые позы. Казалось, что она пластичнее самого шнура. Публика наблюдала за представлением не дыша. Весь зал смотрел застывшим.

Девушка замерла в шпагате, свет стал чуть приглушеннее, музыка приняла иное, более мрачное звучание. Атмосфера накалилась ожиданием. На сцене появился юноша в золотистом наряде, таком же полупрозрачном, как у его партнерши. Он уцепился за шнур, поднялся повыше и начал свое представление. Затем оба гимнаста словно слились в одно. То, что выделяли их тела, не поддавалось пониманию. Музыка изменилась — ритм стал четче, быстрее. Спустившись на сцену, гимнасты стали исполнять четкий акробатический танец. Затем музыка вновь стала медленной и чувственной. Движения гимнастов отличались техничностью, но кроме того, они были одухотворены чувственностью и эротизмом. Никто не смел ни кашлянуть, ни хрустнуть фольгой. Только музыка слышалась в огромном зале.

Джордан была заворожена представлением не меньше других. Но где-то в середине номера она вдруг почувствовала чье-то присутствие. Словно кто-то дыхнул ей в спину, прошелестел, прошептал в темноте. Джордан не решилась обернуться сразу, но когда обернулась, увидела Рагнора. Он сидел рядом и смотрел на танцоров, но знал, что она заметила его появление.

— Совершенно непостижимая гибкость, не так ли? — прошептал он.

Джордан не заметила, чтобы он пошевелился или сменил позу, но ей показалось, что он стал еще ближе. Она была уверена в том, что он обращался к ней одной. Он говорил тихо, глубоким баритоном. Затылок обдало теплом, словно он ласкал его своим дыханием.

— Возможности человеческого тела и ума продолжают потрясать, когда уже все испробовано.

Внезапно взгляды их встретились, и ради того, чтобы продлить это мгновение, Джордан принялась с ним спорить.

— Ничего сверхъестественного. Вероятно, они тренируются с детства, вот и достигли такой потрясающей гибкости и слаженности.

Он лениво улыбнулся.

— В вас говорит практический ум. Но в том, что они создают с помощью цвета и музыки... есть какая-то магия, не правда ли?

Он творил тепло, которое проникало в нее, распространялось по телу.

— Я бы сказала, что они великолепные исполнители, и освещение подобрано удачно, и музыкальное сопровождение прекрасное.

— Значит, вы не чувствуете магии, эмоционального притяжения? — Он не шевелился, но опять стал еще ближе.

— Естественно, я чувствую красоту.

— А вы действительно способны почувствовать красоту?

— Может, вы продолжите семантические игры с кем-нибудь другим? — раздраженно ответила она. — Да, красоту можно почувствовать. Красоту нежной души, красоту поступка.

Он снова смотрел на гимнастов, и на губах его играла все та же улыбка.

Она раздраженно вздохнула.

— А как насчет магии? — внезапно спросил он.

— Чувствую ли я магию? Нет, — прошептала она. Магия? Нет, скорее дискомфорт от того, что он находился так близко. Дискомфорт от ощущения, что он касается ее, при том, что каждое движение гимнастов было заряжено эротизмом. Представление возбуждало. Очень возбуждало, но именно такого воздействия и добивались танцоры. Джордан вдруг заметила, что многие в зале обмахиваются веерами. Словно хлопают крылья. И шепчутся. Вкрадчивый шепот пронесся по залу. И еще Джордан заметила, что мужчины склонили головы к своим женам. Или любовницам. Или знакомым, с которыми повстречались здесь же, только что, или просто к незнакомкам с лицами, закрытыми масками.

Если бы он прикоснулся к ней, инстинкт заставил бы ее склонить голову к нему на плечо, положить руку ему на колено. Ей бы понравилось почувствовать его пальцы у себя на затылке, нежно массирующие кожу. Касание тыльной стороны ладони к щеке... Нет, больше! Его одежда, разбросанная по полу, ее рука у него на груди...

В зале стало невыносимо жарко. Джордан поискала рукой бокал. Ей было все равно, что пить. Подошла бы и вода, лишь бы она была холодной.

Он подал ей бокал. Она даже не заметила, как он оказался в его руке. Руки их соприкоснулись на мгновение, но их касание обожгло ее, словно он сам огонь. Одним глотком она выпила весь бокал. Голова страшно закружилась. Она была готова упасть к нему в объятия, и ей стало все равно, что он о ней подумает. Они смотрели глаза в глаза, и в его глазах она видела смех, уверенность, глубину и холод бездны, которая манит, затягивает... Да!

Зажегся свет, и зал ожил, взорвавшись громом аплодисментов.

Джордан держала в руках пустой бокал из-под шампанского. Стул его стоял совсем не так уж близко к ее стулу. За столом смеялись и разговаривали люди, и Синди нежилась в объятиях Джареда. Он наклонился к ее уху и шептал ей что-то такое, отчего глаза ее сверкали, а на губах играла улыбка.

Джордан вскочила со стула, напугав Рафаэля, сидевшего рядом с ней.

— Я увидела подругу, — солгала она. — Извините. Джордан хотела подойти к бару и взять стакан воды, но на полпути ее остановила женщина в костюме эпохи Возрождения. Джордан едва не вскрикнула от неожиданности, но женщина заговорила, и недоразумение разъяснилось.

— Джордан, я — Тифф. Тифф Хенли! Я подумала, что это ты, когда увидела твой костюм, но не решилась подойти — а вдруг не ты, ты же была в маске. Просто классный прикид!

— Тифф, привет, как поживаешь? Ты тоже выглядишь великолепно. Красивый костюм.

— Спасибо, костюм сделан на заказ. Но, честно говоря, рядом с твоим он теряется. — Тифф быстро окинула Джордан взглядом. — Сидит как влитой. Не иначе винил? Тебе, наверное, очень жарко?

— Невыносимо.

— Может, тебе стоит выйти на воздух? Попить чего-нибудь? Роберто, не подашь воды синьорите?

Джордан посмотрела на того, к кому обратилась Тифф. Она должна была давно заметить полицейского Роберто, того самого, что встретила в магазине. Он протягивал ей пластиковый фужер с минеральной водой.

— Добрый вечер, — с улыбкой сказал он Джордан по-английски.

Она ответила на итальянском, принимая бокал.

— Может, вы хотите прогуляться? — предложил Роберто. — Снаружи гораздо холоднее.

— Прохладнее, — поправила его Тифф с улыбкой.

— Не надо, спасибо, — запротестовала Джордан. — Зачем вам уходить из зала...

— Я сам с удовольствием прогуляюсь, — перебил ее Роберто.

— Давайте, давайте, погуляйте! — замахала рукой Тифф, потянувшись к бокалу шампанского. — Значит, завтра пьем кофе вместе?

— Конечно, — согласилась Джордан.

Роберто повел ее к выходу, пробираясь в лабиринте столов. Полная луна светила уже высоко, желтым камнем зависнув над шатром. Старинные здания, окаймлявшие площадь, отбрасывали тени, так что шатер казался единственным островком света в море мрака. Должно быть, Роберто угадал ее мысли, понял, что Джордан не хочет находиться в темноте, и повел ее к каменной скамье посреди площади, туда, где было относительно светло, и зажег сигарету. Джордан села, следуя его приглашающему жесту, Роберто остался стоять. Он лишь поставил ногу на скамью и, опираясь локтем о колено, заговорил:

— Больше... нет проблем? Джордан покачала головой.

— Никаких.

— Я счастлив. Я люблю свой город. Венеция красива. Такого города нет нигде в мире.

Джордан еще ничего не успела сказать в ответ, как Роберто кто-то окликнул. Джордан обернулась на голос. Другой полицейский, знакомый ей по прошлой ночи, шел к ним.

— Привет, Роберто! Привет, мисс Райли.

Казалось, коллега Роберто совершенно забыл о той неприязни, что испытывал к Джордан во время прошлого их общения. Он поднял руку, давая понять, чтобы не вставала, и, положив руки ей на плечи, по итальянскому обычаю расцеловал в обе щеки. Джордан лишь кивнула в

ответ.

Альфредо Манетти, так звали коллегу Роберто, что-то быстро сказал своему приятелю. Джордан не поняла ни слова.

— Мисс Райли прекрасно проводит время, — ответил Роберто по-английски.

— Я рад. Вам понравилось представление? — спросил у нее Альфредо.

— Понравилось. Ни крови, ни вспоротых животов.

— Артистический бал совсем не такой, как балы у графини. Приятное развлечение для всех. Вы знаете, что бы там ни говорили, графиня тоже где-то здесь. Она категорически отрицает то, что ей может быть весело с простолюдинами, но в зале я видел библейскую Изабель в весьма красивом костюме. Бьюсь об заклад, то была графиня.

— Вечеринка выдалась на славу, — проговорила Джордан и встала. — Простите меня, но я хотела бы вернуться в зал. Праздник идет к концу.

— Конечно, конечно. Джордан обратилась к Роберто:

— Спасибо за прогулку. На воздухе действительно гораздо прохладнее.

Джордан не стала ждать ответа и сразу пошла к шатру. Билетер уснул у входа. Джордан прошла мимо него в зал. Ей пришлось двигаться против течения — многие уже покидали зал. Кто-то из толпы схватил Джордан за руку. Она вздрогнула.

— Джордан, я взяла твою маску, — уведомила ее Линн Мэллори. — Все пошли танцевать, за столиком никого не осталось. Если тебе она больше не будет нужна сегодня, я ее возьму с собой.

— Возьми, пожалуйста. Вы уже уходите?

— Да, завтра опять на работу. Карнавал продолжается.

Линн выглядела усталой, но счастливой.

Где все? Танцуют?

Наверное. Джаред и Синди ведут себя прямо как молодожены после того, как насмотрелись на акробатов! Слава Богу, что потом выступали клоуны, а то нам, тем, кто возвращается домой без пары, совсем было бы тяжело. Анна Мария... Я думаю, что она уже ушла. Рафаэль, когда я видела его в последний раз, танцевал еще с одной королевой. Они сравнивали свои наряды и драгоценности.

— Спасибо, Линн. Спокойной ночи.

— Увидимся завтра?

— Конечно. Завтра я пью кофе у Тифф, но где-нибудь ближе к вечеру обязательно заскочу.

Линн весело помахала Джордан рукой на прощание и пошла к выходу. Джордан продолжала путь к своему столику. Кто-то снова схватил ее за руку.

— Вы убежали от меня, — услышала она бархатный голос Рагнора.

Он снова был в костюме эпохи Реформации в Англии — пуританские строгие черные бриджи, черная хлопчатобумажная рубашка и стеганный жилет. Волосы его казались особенно светлыми на фоне черного одеяния, а льдисто-голубые глаза горели так ярко, что вполне могли бы составить альтернативу освещению танцевальной площадки. Плащ с капюшоном — неременный атрибут едва ли не каждого карнавального костюма здесь, в Венеции, — дополнял его наряд.

— Вы убежали, — повторил он.

— Я не убегала. Я едва заживо не испеклась в своем костюме. Пришлось выйти подышать.

Джордан только сейчас поняла, что он ведет ее к танцевальной площадке.

— Уже поздно...

— Вы снова хотите убежать?

Джордан сама не заметила, когда начала танцевать. Музыканты опять играли свинг. Рагнор оказался неплохим танцором.

— Действительно, уже поздно...

— Я думаю, что вам следует спастись бегством. Отправляйтесь домой.

— Да, я бы хотела вернуться в отель...

— Я имел в виду то, что сказал. Возвращайтесь домой. В Штаты. В свой маленький уютный домик на юге.

Джордан недоуменно подняла бровь. Она только что сделала крутой поворот, следуя ритму танца, и слегка задохнулась. Когда она вновь оказалась к нему лицом, она громко бросила ему:

— Вы непростительно грубы.

— Боюсь, что ваше пребывание здесь приносит беду.

— Я приношу кому-то беду? Женщина, обладающая властью и влиянием, устраивает у себя в доме отвратительное представление, а я создаю проблемы? Вы защищаете графиню?

— Нет, нисколько. Но я думаю, что вы должны уехать. Я не могу представить себе, как вы оказались там, где оказались, в то время как...

— Меня туда пригласили. Вот и все.

— Заметьте, многие из тех, кто был приглашен, в тот зал не попали.

— Откуда вы знаете, где я была? Вы же сказали, что вас там не было.

— О произошедшем говорит вся Венеция.

— Я в курсе. Но все в прошлом.

- В самом деле? За вами наблюдает полиция.
- Отлично. Я ничего предосудительного не делаю.
- Но вы разозлили графиню.
- Знаете ли, мне в самом деле на нее наплевать.
- А зря.

— Я американка. И мы не привыкли заискивать перед европейской знатью.

Он закрутил ее в танце. Прекрасный момент, чтобы выскользнуть и исчезнуть.

Но выскользнуть не удалось. Ладони его были крупными, а пальцы длинными. И в руках чувствовалась пугающая сила. Он крепко держал ее, хотя, казалось, совершенно не заметил того, что ей захотелось сбежать. Когда же наконец закончится песня?

— Мне дали понять, — продолжала она разговор, — что вы не любите графиню, но, очевидно, ее мнение так же важно для вас, как и для многих других.

— Совершенно не важно, — с вызовом ответил Рагнор.

— Тогда я вас не понимаю, — пожала плечами Джордан.

— Вы просто должны уехать домой. Иначе вы навлечете на себя опасность.

— Отчего же? Графиня наймет киллеров? Она связана с преступным миром?

— Вы хотите узнать мое частное мнение? Да, связана.

Уверена, что здесь я в абсолютной безопасности. Как вы заметили, полиция следует за мной по пятам.

— Я совсем не уверен в том, что вам стоит полагаться на полицию.

— Не хотите ли вы сказать, что полиция заодно с преступниками?

— Я никогда бы такого не сказал.

— Тогда о чем вы вообще говорите? — спросила она повышенным тоном.

— Что вы в опасности! Уезжайте домой!

— С какой стати я в опасности? Я...

— Потому что вы слабая.

Джордан все же перестала танцевать. Она просто встала посреди площадки. Она не собиралась никуда бежать.

— Да, я невысокого роста и вес у меня не слишком велик, но, уверяю вас, я вовсе не так немощна, как вам кажется.

— Насколько я понимаю, вы недавно пережили трагедию и страдаете...

— То, что я пережила, не повредило мой рассудок, смею заметить. Я была обручена с полисменом, хорошим человеком;

его убили преступники из плоти и крови, люди, которых он уважал и которым сочувствовал. Придавай он меньше значения ценности человеческой жизни, сейчас он не оказался бы мертвым. Он был полицейским, не провидцем, не мистиком. И он убит. Отсюда я могу заключить, что существуют на свете плохие люди. Люди, а не монстры. Хотя и человеческие создания могут уподобляться чудовищам. Я думаю, что полиция отнеслась к делу спустя рукава, что они могли бы провести расследование более тщательно. Постараться вникнуть серьезнее в обстоятельства того представления, что устроила графиня. По все это не делает меня слабой!

— Вы в опасности из-за того, что настаиваете на происшествии, случившемся у графини.

— Вероятно, мне следует просто забыть о нем?

— Вам просто надо ближайшим же рейсом отправляться домой. Вам следует дать знать тем, кто разбирается в своем деле, о том, что здесь происходит.

— Так, значит, все-таки что-то происходит? Он раздраженно вздохнул, почти зарычал.

— Ничего, что должно вас заботить.

— Простите меня...

Вы все равно ничего не можете сделать.

— А вы можете? — язвительно спросила она.

— Доверьтесь мне, мисс Райли, для вас будет лучше всего отправиться домой. Вы недавно пережили потрясение...

— С того времени прошел год. Я не обезумела от горя.

— Возможно, вы стали подвержены кошмарам и страхам.

— Нет! Или да?

Манекены смотрят на нее глазами Стивена...

— Возвращайтесь домой! Пока не причинили большего вреда.

— Кому?

— Поезжайте домой!

Музыка прекратилась. Он уронил руки и пошел прочь, не сказав ни слова. Ошеломленная его грубостью и злясь на себя за то, что не ушла первой, Джордан смотрела ему вслед. Выйдя из транса, она поспешила к столику, где сидели ее друзья.

Все уже разошлись. Через пару минут распорядитель бала объявил об окончании вечера на нескольких языках. Джордан обвела взглядом зал, но ни Джаред, ни Синди не увидела. Она еще немного подождала за столом. Не могли же Джаред и Синди просто уйти, не взяв ее с собой. Джордан нетерпеливо забарабанила пальцами по столу. Закончился последний

медленный танец.

Под сводом шатра еще слышались смех и обрывки разговоров, но оркестр перестал играть и даже те, кто после всего выпитого передвигался с трудом, потянулись к выходу. Джордан поняла, что Синди и Джаред, решив, должно быть, что она ушла со своими новыми друзьями из магазина Анны Марии, тоже ушли. Джордан ничего не оставалось, как возвращаться в отель в одиночестве.

Она встала, поискала глазами Тифф или Роберто, но столик, за которым они сидели, также был пуст.

Ну что ж, одной так одной.

Джордан пошла к выходу. Она знала, в каком направлении находится отель, и решила, что не заблудится. К счастью, многие гости шли в ее сторону. Рыцарь в полном вооружении едва на нее не упал. Джордан помогла ему принять вертикальное положение, а он, в свою очередь, рассыпался перед ней в извинениях. От него сильно пахло виски.

— Не хотите выпить стаканчик на сон грядущий? — предложил ей рыцарь. — Давайте с нами.

Спасибо, но мне с утра на работу, — солгала она и ускорила шаг. Пройдя через арку между двумя зданиями постройки пятнадцатого века, Джордан прислушалась. Звон рыцарских доспехов стих.

Джордан дошла до развилки. Одна улица вела к мосту, другая, как казалось Джордан, кружным путем выводила опять на площадь.

Венеция великолепна, красива, изобилует архитектурными памятниками мирового значения. Но в темноте все дома похожи друг на друга как капли воды.

— Черт! — громко выругалась Джордан.

Что-то пролетело мимо ее уха, не жук, а что-то побольше. Джордан ясно слышала шелест крыльев.

Летучая мышь? Волосы встали дыбом от страха.

Решено, через мост. По крайней мере там она окажется подальше от угрюмого и мрачного дома справа от нее. Полуразрушенное здание с осыпающимся фасадом наверняка стало приютом сотен летучих мышей.

Ни один магазин не работал. Джордан пристально вглядывалась в черные витрины, гадая, проходила ли мимо них накануне. Если вернуться на площадь Св. Марка, она сможет отыскать дорогу домой.

Если бы только встретить кого-то, кто указал бы ей, куда идти, но никого не было.

Джордан увидела вывеску на здании и поспешила к ней. Стрелка указывала влево. Конечно, имелась в виду не обязательно площадь, но и весь остров, но надо же с чего-то начинать. Там опять повторится то же самое — петляющие улочки, мосты, дворцы... Но вдруг взгляд зацепится за что-то знакомое.

Джордан шла по стрелке. Следуя указанному направлению, она вновь прошла под аркой между

двумя домами. Дома отбрасывали густые тени, закрывая лунный свет. Но и сама луна превратилась в тусклый голубоватый диск — ее закрывали тучи. Джордан хотела двинуться вперед, но замерла, остолбенев от ужаса. Тень от одного из зданий, казалось, начала удлиниться, приближаясь к ней.

Что-то опять пролетело мимо, задев волосы. Джордан вскрикнула. Летучие мыши. Теперь они уже касались ее. Она побежала, гонимая настоящим ужасом.

Отвратительные маленькие создания, напавшие на нее в ночи. Ничего страшного — всего лишь летучие мыши, повторяла она себе.

Джордан остановилась, тряхнула головой, судорожно глотая воздух. Куда бежать? Впереди чернела еще одна арка. Не та ли самая, через которую она проходила в прошлый раз? Нет, не она.

И снова...

Крылья...

Они пролетали совсем близко, но не касались ее. Джордан инстинктивно пригнулась.

Теперь она расслышала шелест крыльев. Или шепот? Или злобное шипение? Казалось, звуки складываются в слова, но слов она разобрать не могла, понимая лишь, что слышит угрозу. Джордан чувствовала, что опасность вполне реальна.

В ужасе она побежала к арке. За ней она увидела еще один мост, поменьше. За ним, таким маленьким, виднелся другой мост, побольше, и на нем Джордан различила фигуру в плаще и маске доктора.

— Джаред! — окликнула она мужчину на мосту. Он стоял, поджидая ее.

— Джаред! — снова прокричала она. Еще ни разу в жизни она не была так рада увидеть живого человека. Ей показалось, что он поманил ее, после чего пошел дальше.

— Джаред, черт тебя побери!

Неужели он не мог ее подождать?

Джордан бегом пересекла мост, зацепилась носком сапога за камень мостовой и, как ни старалась сохранить равновесие, не удержалась на ногах и упала. Кляня на чем свет стоит свои сапоги на высоких каблуках, Джордан потеряла ушибленную ногу. Слава Богу, костюм цел. И только сейчас Джордан заметила, что тень надвигается на нее, скользит, приближаясь, по земле.

Забыв о боли, Джордан бросилась бежать. Обернулась. Тень выросла из-под земли — и то не была тень от какого-то дома или постройки. Тень обрела форму, сгустилась. Превратилась в человека в плаще. Джордан бежала что есть сил, стараясь отыскать улицу, которая вывела бы ее на тот, другой мост.

Теперь крылья хлопали возле самого лица, громко, угрожающе. Летучие мыши, тени...

И вновь шипение. Трепет крыльев. Речь, которая не была речью. Шепот теней...

Джордан бежала что есть сил и внезапно выскочила на освещенную площадь. Теперь она ясно

видела улицу, ведущую к тому мосту, на котором стоял человек. Теперь на мосту никого не видно.

— Джордан!

Она ясно слышала, как ее окликнули. Но голос ей совсем не знаком, он вообще не был похож на человеческий голос. Словно крылья сотен существ забились в унисон и трепет их крыльев родил звуки ее имени. Ветер подхватил звук, понес его дальше, отбросил эхом от стен.

— Джордан!

Впереди маячила темная глыба моста. Он был там. Джаред. Или не Джаред, а некто в костюме дотторе.

— Джаред, черт тебя дер!

Она слышала ужас в собственном голосе.

Джордан бросилась к мосту. Джаред уже перешел через него и провалился в темень. Должно быть, свернул на какую-то темную улицу.

— Черт, Джаред, подожди!

Она снова побежала, приказав себе не оглядываться.

Но не смогла удержаться. Тени, судорожно извиваясь, отлеплялись от фасадов домов и пускались за ней вдогонку. Еще немного, и они настигнут ее, накроют собой, и тогда она сама станет тенью, частью темноты.

Джордан чуть не врезалась в стену. Улица привела ее в тупик. Она повернула назад. Тени обступили ее со всех сторон. Она чувствовала себя загнанной в угол. Она знала, что должна выбраться из тупика как можно скорее. Доводы рассудка ничего не значили. Ее гнал страх.

Джордан метнулась в сторону проулка, едва успев уйти от невероятно вытянувшейся тени.

— Джордан! — прошепестело у нее в ушах. Трепет крыльев, шепот, а теперь уже и злое лающий смех. Ни мужской, ни женский — голос из ада.

Хлопанье крыльев, смех, шепот.

Джордан резко остановилась. Тени плясали у фасадов домов прямо перед ней. В их танце было что-то жутковато-красивое. Танец ночи. Джордан смотрела на них как замороженная. Она пыталась урезонить себя, уверить в том, что тени не могут жить своей жизнью. Не могут сами по себе устраивать танцы. Тени — всего лишь порождения игры света. Шепот, шелест, шипение и жуткий смех — всего лишь плод ее измученного страхом воображения. Игра воображения, измотанного беспричинным страхом, и все!

Но тени обретали формы. Они походили на танцоров, а стены домов служили экраном для их невероятного выступления.

Внезапно ей показалось, что кто-то тряхнул ее за плечо. И голос, повелительный и жесткий, произнес у нее над ухом:

«Иди!»

Повинуясь то ли голосу извне, то ли зову инстинкта самосохранения, она побежала вновь. Кто-то толкал ее, задавал направление. А за спиной волной накатывали на нее шепоты и шорохи, присвисты и шипение.

Она все бежала и бежала.

Прямо перед ней выросла тень.

И Джордан врезалась в нее.

Она услышала отчаянное ругательство на итальянском. Старик, которого она сбила, поднялся, тряся головой.

— Чертов карнавал, — пробурчал он, — и чертовы туристы! Джордан не стала тратить время на извинения.

— Площадь Святого Марка! — задыхаясь, проговорила она. — Пожалуйста!

Старик ткнул пальцем в сторону арки.

Джордан кивнула и поблагодарила его. Она снова пустилась бежать, но заметила, что находится на улице, которая ведет прямо к отелю «Даниэль», и что она выходит на хорошо освещенный сквер прямо перед каналом Санта-Мария делла Салуте.

Джордан выскочила на свет. Там, на широком тротуаре, служившем пристанью, стояли люди. Не так много. Парочка, целующаяся под луной. Троица, ждущая вапоретто. Работник ресторана, метущий улицу перед своим заведением.

Джордан остановилась, тяжело дыша. Чтобы прийти в норму здесь, на свету, ей понадобилось всего несколько секунд.

Да, она заблудилась и запаниковала. Летучая мышь выпорхнула прямо на нее и запуталась у нее в волосах. Она испугалась и бросилась бежать как идиотка. Да, она споткнулась, упала и повредила ногу. Но костюм цел и сама она цела и невредима.

Чертов Джаред! Что ему стоило подождать ее подольше! Джордан сказала себе, что он просто не видел повода для беспокойства. Наверное, он просто не понял, что она заблудилась.

Джордан оглянулась. Если тот старик все еще там, где она его встретила, надо помахать ему в знак благодарности. Но старика уже не было.

Джордан вновь чуть не задохнулась от ужаса.

В потоке лунного света она увидела волка. Огромного серебряного волка, сидящего посреди улицы.

Не смущаясь ее взглядом, волк поднялся на все четыре лапы. Глаза его, странно блестящие, сверкнули ей в ночи.

Волк неспешно развернулся и исчез во мраке.

Глава 5

Войдя в отель, Джордан обнаружила, что еще не все гости отеля легли спать. Несколько

полуночников все еще околачивались в баре. За столиками сидели парочки и небольшие компании. На диване у стены, завешенной персидским ковром, она увидела Джаред и Синди. На кофейном столике перед ними стояли пустые чашки из-под кофе. Даже со стороны было заметно, что парочка пребывает в самом романтическом настроении.

Джордан уже собралась напуститься на Джаред и высказать ему все, что она о нем думает, но тут взгляд ее вновь упал на его чашку. Пуста. Он сидел, обняв жену за плечи, откинувшись на спинку кушетки, и маска его упала на пол. По всему видно, что он сидит здесь уже довольно долго. Значит, ее манил за собой не Джаред?

— Джордан! — воскликнула Синди, распрямившись, и тут же встала. — Я уже начала за тебя волноваться. Мы знали, что ты ушла с ребятами из магазина Анны Марии, но бал закончился уже довольно давно.

— Я не уходила с ребятами из магазина Анны Марии, — сообщила им Джордан.

Официант оказался уже рядом и любезно улыбался.

— Если хочешь что-нибудь выпить, закажи. У них есть кофе без кофеина.

— Спасибо, я бы предпочла чай. Если можно, покрепче. Джордан села на диванчик, обтянутый роскошной тканью, напротив Джареда и Синди.

Синди смотрела на Джордан во все глаза, Джаред хмурился.

— Где ты была? — сурово спросил он, перегнувшись к ней через стол.

— Я знала, что нам не надо было уходить. Я подумала, что ты забрала свою маску и ушла. Честно говоря, я даже разозлилась на тебя: ты не сказала, что уходишь.

— Вы вместе ушли? — спросила Джордан.

— Разумеется. А почему ты спрашиваешь? Вы уже довольно давно здесь?

— Около получаса, — ответила Синди.

— Джордан, с тобой все в порядке? — спросил Джаред. Тон у него был тревожный.

— Вполне.

— Но ты разве не была с ребятами из магазина? — уточнила Синди.

Джордан покачала головой. Она переводила взгляд с Джареда на Синди и обратно.

— Они подумали, что я ушла с вами, вы — что я ушла с ними.

— Но где ты была? В зале, когда мы уходили, тебя тоже не было, — спросил Джаред.

— Я случайно наткнулась на парочку копов. Джаред сдвинул брови. Но Джордан не дала ему задать следующий вопрос.

— Не волнуйся, я никого ни в чем не обвиняла. Я прекрасно вела себя и была на удивление очаровательна и нормальна. Мы говорили лишь о том, какой сегодня замечательный бал, и о том, какая красивая Венеция. И, конечно, о том, как жарко в виниле.

— Ты просто сногшибательна, — с улыбкой заключила Синди. Джордан улыбнулась ей в ответ. Синди все-таки чудесная подруга. Когда надо — посочувствует, когда надо — защитит. И радуется каждому твоему малейшему достижению.

— Спасибо, Синди.

— И все же твой наряд слишком смелый, — рассеянно проговорил Джаред. Он все еще хмурился. — Ты одна пришла? Я хочу сказать, в таком завлекательном красном костюме ты не могла не встретить голодного волка. Сейчас в Венеции их полно бродит по улицам.

— На самом деле, именно волка я и встретила. Вернее, увидела его на улице. Он сидел прямо посреди мостовой.

Ты видел кого-нибудь в костюме волка сегодня, Джаред? — спросила у мужа Синди. — Я — нет.

Джордан решила не говорить о том, что встреченный ею волк был настоящим.

— В костюме волка — нет, — согласился Джаред. — Но хотите верьте, хотите нет, я видел огромную мартышку. Прости, Джордан. Не надо было нам без тебя уходить. Как сказала Синди, я беспокоился и злился, решив, что ты ушла, не предупредив нас.

Джордан покачала головой.

— Я бы никогда так не поступила.

— Но ведь ты нашла дорогу домой, так что все в порядке. Джордан вскинула руки.

— Я здесь, с вами. Ура! — Улыбкой поблагодарив официанта, принесшего ей чай, она, наклонившись к Джареду, произнесла: — На самом деле я была готова тебя убить. Я так долго добиралась, потому что пошла не за тем дотторе.

— Что? — удивленно протянул Джаред.

— В самом начале я сбилась с пути. Потом я увидела впереди дотторе. Я подумала, что это ты, и пошла следом. А ты, вернее, тот, другой дотторе все время куда-то сворачивал, меня не дождавшись. Признаться, мне хотелось тебя убить.

— Мы пошли сразу в отель. Это был не Джаред, — объяснила Синди. — Джордан, здесь каждый третий носит такой костюм. Мне так жаль. Надеюсь, ты не испугалась.

— Нет, совсем нет, — не моргнув глазом солгала Джордан. Огонь весело трещал в камине. В холле слышались приглушенные разговоры. Консьерж оставался за стойкой у парадной двери, с ним несколько дежурных. Здесь превалировало ощущение абсолютной нормальности, нет, более того, ощущение домашнего уюта. Так легко стало поверить в то, что она просто пошла на поводу у беспричинного страха. С ней явно что-то не так. Разве она не признала Стивена в манекене?

— Так, значит, ты хорошо провела время? — спросила Синди.

— Да, на славу. Ребята из магазина Анны Марии — замечательные люди.

— Ты права, — согласилась Синди.

И Джаред, и Синди продолжали смотреть на нее. Джаред несколько скептически, как будто не

совсем верил в то, что она чувствует себя отдохнувшей.

Не надо было нам уходить, — пробормотал он.

Бросьте! Я здесь. А вам пора спать, — кивнула на пустые чашки Джордан. — Идите спать.

Мы подождем тебя, — зевнул Джаред. Джордан решительно покачала головой:

— Не надо. Я в порядке. Допью чай и тоже пойду. У меня есть своя комната, я уже совершеннолетняя, и если я смогла найти дорогу в отель одна, среди темных улиц, то дорогу в свой номер я точно найду.

— Тебе не обязательно пить чай в одиночестве, — начала Синди.

— Идите к себе! Я хочу немного тут посидеть одна. Синди поднялась. Джаред нерешительно последовал за ней.

— Идите! — повторила Джордан.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спросил Джаред. Джордан раздраженно вздохнула.

— Я прекрасно себя чувствую. И время провела прекрасно. Я хочу лишь допить чай и тоже пойду к себе.

Синди чмокнула ее в щеку и потянула Джареда за руку. Он пошел за женой, оглядываясь на Джордан.

Дождавшись ухода родственников, Джордан расслабленно откинулась на спинку дивана. Она была рада тому, что они выбрали столик возле камина. После всего пережитого ее била дрожь. Тепло от открытого огня не просто согревало, а дарило чувство душевного комфорта.

Подошел официант, чтобы забрать пустые чашки. Он улыбнулся Джордан. Она улыбнулась в ответ и, наклонившись к нему поближе, спросила:

— Простите, а в Венеции есть волки?

— Волки? — переспросил он по-английски. Джордан старалась вспомнить, как это будет по-итальянски. И вспомнила.

— Да, да, понял, синьорита. Нет, волков нет. Большие собаки — да. Люди держат больших собак даже в маленьких квартирах. Но волков... Волков нет. — Молодой человек недоуменно пожал плечами. — А почему вы спрашиваете?

— Мне показалось, что я видела волка на улице. Официант глубокомысленно кивнул.

— Во время карнавала здесь много волков. Легко охотиться, спрятавшись под маской, верно?

Она улыбнулась, покачав головой.

Нет, то волки в человеческом облике. Но я говорю про настоящего волка.

— То была большая собака, синьорина.

— Да, скорее всего.

— Там, в конце улицы, люди держат двух овчарок. И примерно с четверть мили за мостом владелец рыбного ресторана держит маламута — эскимосскую собаку, очень большую. Ее можно принять за волка.

— Конечно, должно быть, я ее и видела, спасибо. Официант кивнул, довольный тем, что сумел помочь. Джордан встала из-за стола.

— Доброй ночи, синьорина.

— Спасибо. И вам доброй ночи, — ответила Джордан и пошла к лестнице. Зайдя в номер, Джордан тщательно закрыла дверь на засов.

Пройдясь по номеру и заметив, что ставни окна, выходящего на канал, остались открытыми, Джордан подошла к окну и уже взялась закрывать их, но помедлила.

Днем, выглянув из окна, она могла наслаждаться уличной суетой и блеском воды. Отсюда, если посмотреть вдаль, можно увидеть колонны перед Дворцом дождей и площадь Св. Марка.

Сейчас... ночь безмолвствовала.

Наверное, самые запоздалые гуляки уже пошли спать. Так и не закрыв ставни, Джордан присела у окна. Ей нравился ее номер. Кровать располагалась в дальнем углу комнаты и отделялась от прочего пространства портьерой с золотыми шнурами. Там, где стояла кровать, тоже было окно. И оттуда открывался роскошный вид. Обставленный настоящей антикварной мебелью и аксессуарами, номер содержался в идеальном порядке. Каждый вечер, возвращаясь сюда, она находила на столе блюдо со свежими фруктами и бутылку минеральной воды.

Джордан открыла бутылку с водой и вернулась к окну. Она снова села в кресло и уставилась вдаль, прислушиваясь к тихому плеску моря.

Чай был вкусен, минеральная вода еще лучше. Сегодня она выпила слишком много шампанского. Откинувшись на спинку кресла, Джордан закрыла глаза. Прохладный ветерок обвеивал лицо. Совет Рагнора не выходил из головы. Может, действительно стоит уехать отсюда домой? Перед ней проплывали картины последних дней жизни Стивена.

* * *

Стивен Мур поступил на работу в полицию в отдел убийств как раз тогда, когда весь город всколыхнула целая серия ритуальных убийств. Всех жителей Чарлстона глубоко потрясло произошедшее не только потому, что гибли люди, но и потому, что на глазах гибла репутация города. А она была дорога всем чарлстонцам. Так уж случилось, что южане всегда стояли на страже традиций, хотя не чурались и прогресса. Чарлстон — красивый город: особняки и скверы, парки и сады, сверкающая гладь океана. Город со славной историей, город, никогда не остававшийся в стороне от ключевых событий истории нации и во времена Войны за независимость, и во времена Гражданской войны. Чарлстон — город с богатым прошлым, но к тому же устремленный в будущее. Проблемы, конечно, были и есть. Не так-то легко двигаться в будущее с таким багажом. Но традиционные южные шарм и гостеприимство не тот багаж, который следует сбрасывать за борт. Всякое происходило в истории Чарлстона, но чтобы такое...

В окрестностях города имелось немало развалин и пустошей. И там стали обнаруживать страшные находки. Расчлененный труп молодой женщины нашли в подвале заброшенного дома у реки. Одежды не осталось, да и труп успел разложиться, так что причину смерти

обнаружить не удалось. ФБР дало заключение, что найденные останки принадлежали женщине от восемнадцати до двадцати четырех лет, белой. Ни одной пломбы в зубах у нее не было, так что идентифицировать останки по зубам не представлялось возможным.

Потом по городу поползли слухи о другом заброшенном особняке колониальной постройки, в ближайшем пригороде. Там видели свет, звучала странная музыка, и жители соседних ферм божились, что слышали еще смех и заклинания. Дом обследовали и пришли к выводу, что там действительно жили люди. Нашли кострища, бутылки, одеяла, даже решетку для гриля. Все выглядело так, будто там жили бездомные. Но потом нашли еще одно тело, на котором обнаружили странные следы. По зубам девушки дантист составил карту, по которой удалось идентифицировать тело. Оказалось, что о пропаже девушки несколько месяцев назад было заявлено в округе Колумбия. Как раз тогда Стивен занял свой пост. Он оказался в числе полицейских, обнаруживших останки.

Потом нашли еще одно тело. На заброшенной мельнице. Отпечатки пальцев на бутылке вывели полицию на след одного трудного подростка из местной школы. Бравый парень, попав к специалистам по молодежной преступности, превратился в хныкающего ребенка. Он и рассказал жуткую и странную историю о сатанинском культе, о главе общества, который побуждал паренка и других парней завлекать молодых женщин, желательно бездомных или сбежавших от семьи, в определенные места.

Парень клялся, что не имеет никакого отношения к убийствам и главу секты в лицо узнать не сможет. Но когда дело дошло до официального допроса в полиции, он как воды в рот набрал и никакие силы не могли заставить его говорить.

Его обнаружили мертвым в камере при юношеской исправительной колонии. Где-то он раздобыл лезвие и перерезал себе горло. Весь город обсуждал судьбу юноши и перипетии дела.

Джордан познакомилась со Стивеном в местном ресторане. Они разговорились за кофе. Он сразу понравился ей тем, что с глубоким сочувствием отнесся к парню, который, конечно, не был невинным ягненок, но все же оставался ребенком. Он пригласил ее на свидание, и она согласилась. Ей нравилось в нем, что он так любит свою работу, а еще больше понравилось, что он, по-видимому, умел держать равновесие между работой и личным временем. Он часто бывал на вызовах, но Джордан ничего не имела против. Ей всегда было чем заняться — работы хватало, а в свободное время она любила почитать для собственного удовольствия. В Чарлстоне она выросла, и у нее было немало друзей, с которыми можно и по городу прогуляться, и в музей сходить, и в кино. Родители оставили Джордан дом недалеко от океана, и во дворе под магнолией висел гамак, в котором она вечерами лежала с книгой в ожидании Стивена. Она слышала, как скрипела железная калитка, а потом тихо подходил он, целовал ее волосы, щеки и ложился рядом. Здесь, в гамаке, он сделал ей предложение.

Джаред и Синди устроили им классную вечеринку в честь помолвки, как раз перед Рождеством. Они уже начали строить планы на будущее. Решили завести собаку и кошку, а может, даже птичку в саду. Одного мальчика, одну девочку. Они даже стали придумывать им имена, перебирая и традиционные, и необычные. Они смеялись, дразнили друг друга, и сошлись на том, что им надо завести двух мальчиков и двух девочек, чтобы не спорить из-за имен. А если родятся только мальчики или только девочки, они назовут оставшимися именами домашних любимцев.

А потом, вскоре после Рождества, нашли еще одно тело. На заболоченной пустоши. На болоте процесс разложения значительно ускоряется, за несколько дней от тела не остается ничего, кроме нескольких костей. Все из-за животных и насекомых. На этот раз медицинские эксперты

обнаружили надрез в области шеи, и полиция увидела, что культ не умер, просто затаился. ФБР настояло на продолжении изысканий.

Возле пустоши нашли следы от колес. Оказалось, что тело на болото привезли в грузовике новейшей модели, а нож, найденный неподалеку, привел полицию к владельцу грузовика.

Но и владелец грузовика, и сама машина таинственным образом исчезли, и след оборвался. Поиски продолжались.

В последний раз, когда Джордан видела Стивена живым, он заехал к ней, чтобы сказать, что напал на след. Он сказал, что вернется домой очень-очень поздно. У него был свой ключ от ее дома. Он мог приходить и уходить, когда ему захочется.

Но он не вернулся.

В ту ночь в заброшенном амбаре случился пожар. Ночью пожарные безуспешно пытались потушить огонь, но, кажется, поджигатель действовал весьма опытно.

Когда пожар в конечном итоге удалось потушить, нашли обгорелые останки восьми человек. Несколько дней спустя останки идентифицировали. Тело Стивена оказалось первым в списке. Уцелела пряжка на ремне и полицейский значок. Среди остальных были еще два полицейских, с которыми Стивен выехал на задание, двадцатитрехлетняя проститутка, жертва оккультистов, и пятеро участников ритуала. Одного из них, водителя грузовика, смогли опознать по зубам. Собрав воедино все свидетельства, ФБР пришло к выводу, что Стивен и его коллеги решили застать оккультистов на месте преступления. Завязалась перестрелка, и керосин, который предполагалось использовать для заметания следов, загорелся раньше времени. Свечи, расставленные вокруг жертвы, довершили дело, и амбар вспыхнул, как коробок с порохом.

Джордан, как ни скорбела, знала: Стивен прожил жизнь не зря, отдав ее за то, чтобы положить конец культу, унесшему столько юных жизней...

Холодный ветер, дувший из окна, напомнил Джордан об их последней зиме. Она почти явственно слышала поскрипывание гамака в саду, где она ждала его в любую погоду.

Такой успокаивающий звук.

Джордан не заметила, как уснула. Воспоминания оформились в видения.

Она чувствовала себя легкой, как воздух. Она лежит в гамаке зимой, и повсюду снег. Но снег не холодный, он мягкий и пушистый, и струится, и влажный на ощупь. Нет, пожалуй, даже совсем не снег, а облака, внезапно догадалась Джордан. Облака, и она шла сквозь облака.

Стивен. Черные, слегка встрепанные волосы. Как обычно. Он улыбался немного виновато, как улыбался всегда, когда опаздывал не без причины. Он знал, что она его поймет. Джордан хотела встать с гамака, чтобы поприветствовать его, но дрема сковала члены. Он подойдет к ней сам. Он сам ляжет в гамак. Она чувствовала его дыхание затылком, она чувствовала прикосновение его пальцев, скользнувших под воротник свитера.

Он рядом с ней.

— Твой старый гамак, — пробормотал он.

— Слишком холодно, сейчас зима, — прошептала она. Но пальцы его были горячи, горячее,

чем винил, чем тот танец акробатов...

— Там, где ты, никогда не бывает холодно, — заметил он. Ей хотелось поговорить с ним. Она хотела сказать, что увидела его черты в лице манекена.

Но вдруг он исчез. Он снова оказался где-то за снежной пеленой. Нет, то не снег, то облака. Он шел сквозь облака, шел и шел, подходил к ней, но никак не мог подойти, дотянуться.

— Я люблю тебя, Джордан.

— Я тоже тебя люблю и скучаю по тебе.

— Я вернусь к тебе, Джордан.

— Ты не можешь, Стивен, — тихо прошептала она. Она больше ничего не сказала. Во сне ей показалось слишком грубым напоминать ему о том, что он умер.

— Я могу, и я вернусь.

Она улыбнулась, потому что Стивен был упрямым и во сне не мог знать, что никогда не вернется к ней.

Сон, в котором присутствовали облака и воспоминания о тепле, о нежности, рождающей жар, способный растопить любой снег, уничтожить само представление о зиме! Джордан улыбнулась и протянула руку.

Она смотрела в странные, круглые и желтые, как медяки, глаза волка.

Волк был огромен. Он заполнял собой весь черный проем окна. Волк зарычал, оскалился, обнажив светящиеся в темноте клыки.

— Джордан, проклятый волк стоит у меня на пути.

— В Венеции нет волков, — сообщила она ему, — только большие собаки.

Облака струились, обволакивая и Стивена, и волка. Шел снег, и снег был холодный, он жег кожу.

Джордан резко проснулась и едва не закричала: рядом с ней стоял мужчина. Она все еще сидела возле окна, и мужчина низко склонился к ней. Джордан сначала не узнала его, разглядев лишь темный силуэт.

— Джаред! — воскликнула она. Он вздрогнул и выпрямился.

— Джаред! — Джордан потянулась к выключателю. Щелчок, и зажегся свет.

Он был в пижамных штанах, но без куртки, с обнаженной грудью. Он выглядел растерянным — так, должно быть, выглядит лунатик, которого разбудили во время ночной прогулки.

Растерянность сменилась смущением. Глядя в окно, он начал пятиться. Джордан, нахмурившись, выглянула на улицу.

В Венеции шел снег. Крохотные кристаллы снега кружились в воздухе, залетали в окно.

— Джаред, с тобой все в порядке? — спросила Джордан, тревожно посмотрев на кузена.

— Да, — быстро ответил он. — Я беспокоился за тебя.

— Почему?

— Я постучал, чтобы удостовериться, что ты поднялась к себе и у тебя все в порядке, но ты не ответила.

Джордан быстро оглянулась на закрытую дверь. Она смотрела на кузена во все глаза.

— Я заперла дверь, — сообщила она ему.

Он пожал плечами и попятился к двери.

Она была открыта.

— Клянусь, я ее заперла.

— Задвинь щеколду.

Казалось, что он не хотел находиться возле окна. Понятно, ведь холодно.

Шел снег. Снег в Венеции! Такое нечасто случается.

У Джареда была мощная грудь, высокая, стройная, широкоплечая фигура. Сложен как атлет. Но кожу его сейчас покрывали мурашки.

— У тебя к утру может начаться воспаление легких! Закрой ставни и затвори наконец окно! И заберись под одеяло! — проговорил он.

Джордан решила, что стоит последовать его совету.

— Джаред, я уверена, что заперла дверь.

— Может, ты решила, что заперла дверь, но на самом деле забыла.

Она кивнула и поежилась.

— Ложись в постель, Джордан. Я действительно очень за тебя волнуюсь. Пожалуйста, укройся потеплее. Не хватает тебе только заболеть.

Джордан улыбнулась.

— Джаред, — подошла она к нему и положила ладони на его озябшие плечи, — я в порядке. И сейчас я лягу спать. Сейчас я заберусь под одеяло и крепко-крепко усну. И буду спать допоздна. — Она поцеловала кузена в щеку. — Я хорошо провела время сегодня.

Он выглядел глубоко несчастным.

— Я рад.

Джордан отступила, нахмурившись.

— По тебе не видно, что ты рад. Почему?

— Потому что... Мне не надо было позволять тебе приезжать сюда, не надо приводить на бал к графине, не надо было...

— Со мной все в порядке.

Она солгала. Не все с ней было в порядке. Ей снился сон о покойном женихе и о волке, что встретился ей на темной улице.

Но, что бы ни происходило с ней, какие бы чудеса ей ни мерещились, она не собиралась Джареду ни о чем рассказывать.

— Я прекрасно себя чувствую и замечательно провожу время, — упреждающе взмахнула она рукой. — Да, верно, я не разделяю представлений графини о том, как следует развлекать гостей, но когда я снова ее увижу, ту буду с ней любезна и мила. Никаких проблем я больше создавать вам не буду.

Джаред покачал головой и облизнул губы.

— Мне очень жаль.

— Джаред, прекрати. Все хорошо. Иди к себе и ложись спать.

— Ты не понимаешь, мне действительно жаль.

— Джаред, ты мой кузен, мой лучший друг, мой родственник и все такое. Я люблю тебя. А теперь убирайся из моего номера и возвращайся к себе.

Он задумчиво посмотрел на нее, кивнул и пошел к двери. У порога он оглянулся, помедлив.

— Иди сюда и закрой дверь на засов.

— Слушаюсь, сэр.

Когда он ушел, Джордан заперла дверь на засов, нарочно погромев им, чтобы Джаред услышал звук.

— Иди к своей жене! — сказала она из-за закрытой двери.

— Эй, осторожнее, — шепнул он ей в ответ. — Ты знаешь, что можно подумать, когда так говорят? Джордан рассмеялась.

— Знаю, и вид у тебя тоже соответствующий! Давай торопись к себе!

— Спокойной ночи.

Когда Джаред ушел, Джордан вдруг с удивлением обнаружила, что совсем не хочет спать. Она включила телевизор, гадая, показывают ли что-то по телику в такое позднее время. Она попала на какое-то игровое шоу. Она ни слова не понимала из того, что говорили воодушевленные участники, но смысл игры она поняла: при неправильном ответе на вопрос участник игры снимал с себя какой-то предмет туалета, а потом все мазали друг друга взбитыми сливками.

Оставив телевизор включенным, Джордан забралась в постель.

Свет она тоже оставила включенным. Свет прогонял тени из углов.

И спать она решила при свете.

* * *

Синди Райли проснулась внезапно. Она не знала, что ее разбудило. Какое-то время она просто вглядывалась в темноту.

Впотьмах она пошарила рукой рядом с собой. Место Джаред а пустовало. Но в тот же миг она поняла, что он в комнате. Он открыл окно, несмотря на холодную погоду, и стоял около него, глядя вдаль.

— Джаред?

— Прости, что разбудил тебя.

— Нет, нет, ты меня не будил. — Синди встала с кровати и подошла к мужу, прижавшись щекой к его спине и обняв за талию.

— Ты весь заледенел! Разве можно вот так стоять у окна голым?

Какое-то время он молчал, а потом очень медленно проговорил:

— Видишь, идет снег. В Венеции не так часто идет снег.

— Ну и что? Мокрые белые крупинки. Ты уже видел их раньше.

— Но не в Венеции.

— Джаред, ты холоден как лед.

— Я знаю, — подтвердил он.

— Возвращайся в постель. Я тебя согрею. Он обернулся со стремительностью, напугавшей ее. Глаза его горели.

— Согреешь? Мне очень, очень холодно.

Он не в себе. Что-то с ним не так.

Они женаты не первый год. И все годы им было хорошо друг с другом. Она любила его, он ей нравился, ей нравилось его общество, и очень нравилась их с Джаредом сексуальная жизнь. И все же этой ночью...

Руки его казались сильнее. Он был натянут как струна. Мышцы готовы выскочить из кожи, которая оставалась странно холодной. И даже простое прикосновение его ладоней к коже воспринималось ею как нечто сверхэротичное.

Сегодня ночью они уже любили друг друга. Придя в номер после кофе, который они пили внизу, оба чувствовали себя приятно расслабленными и, забравшись в постель, начали целоваться, ласкать друг друга, и ласки естественным образом перешли в акт любви.

Но потом все пошло не так, как раньше... Ласки показались ей на грани дозволенного. Предельно острые ощущения рождались всего лишь от прикосновений, жара его ладоней у нее на плечах, от того, как он смотрел на нее. Да, все дело в его глазах...

Окно оставалось открытым. Из него тянуло холодом. Он наклонился и поцеловал ее открытым, влажным, голодным ртом, со страстью, способной растопить любые льды. Страстью, входящей в волнующее, возбуждающее противоречие с холодом его кожи. Она чувствовала, как зубы его скользят по ее зубам; язык его змеей проникал в глубину ее горла. Поцелуй подействовал на нее как вспышка молнии, от которой занялись огнем все эрогенные зоны ее тела. Секунда, и он поднял ее на руки. Оказавшись на кровати, Синди краем сознания успела отметить, что ночная рубашка разорвана от ворота до подола.

Небольшая потеря...

Его губы, язык были повсюду. Он скользил губами вдоль ее горла, к ключице. Поцелуй. Наслаждение, острое, как удар током. Синди начало трясти, но не от холода, а от возбуждения.

— Господи, что мы сегодня такое выпили? — пробормотала она.

Он не ответил. Он находился у нее между ног. У нее начались спазмы экстаза. Руки взметнулись вверх, она ничего не слышала и не видела, она пылала в огне. Он целовал ее. Он становился все напористее, поцелуи его стали почти болезненными, почти мучительными... Но и в боли ощущалось наслаждение. Болезненное наслаждение. Она захотела прошептать ему, что так не надо... Она не могла — не было голоса, ее била крупная дрожь. Волны оргазма накатывали одна за другой. Он поднялся над ней, она изо всех сил обхватила его ногами, прижимая к себе. На грани полного забытья она успела подумать, что кровать развалится, что люди внизу могут проснуться, что крыша рухнет...

Позже, она не знала, насколько позже, она не могла сказать, как долго страсть держала их в плену, несколько бешеных минут или всю ночь, она снова почувствовала холод. Она протянула руку, Джаред был рядом.

— Окно, — пробормотала она.

—Угу.

— Окно... Холодно.

Он не шевелился. Она соскочила с постели нагая и подбежала к окну, чтобы закрыть ставни и запереть их, а потом закрыть массивное окно. Ее трясло от холода. Она обхватила себя руками и тут решила, что должна заскочить в туалет, прежде чем лечь в постель. Она закрылась в ванной — Синди не относилась к тем, кто считает, что в браке закрываться необязательно, и, когда с нуждой было покончено, она вымыла руки и ополоснула лицо водой. Взглянув в висевшее над раковиной зеркало, она заметила царапины на шее. Из крохотной ранки на груди капала кровь. И на бедре тоже ранка и след крови.

Она приняла наскоро душ. Подумаешь, царапины. Выключив в ванной свет, она юркнула в постель, под одеяло, и обняла мужа. Какое-то время он не шевелился. Он лежал на спине, но в темноте она не могла сказать, открыты у него глаза или нет.

— Джаред?

Он нежно провел рукой по ее волосам.

—Угу.

— Ты был потрясающим!

— Ну, я старался.

Ей показалось, что он делает над собой усилие, чтобы говорить непринужденным тоном.

— Совсем по-другому. Не знаю, хочу ли я такого каждую ночь.

— Почему нет?

— Ты укусил меня.

— Укусил тебя?

— Ну, ты знаешь...

— Любовные засосы.

Синди не стала говорить, что после засосов кровь обычно не течет. В конце концов, то, что было... Незабываемо.

— Джаред?

— Хм?

— Я люблю тебя.

Он долго не отвечал. Но потом повернулся к ней лицом, прижал ее к себе и стал нежно гладить по спине. Его била дрожь.

— Джаред, что случилось?

— Ничего. Я просто замерз. О, как мне холодно!

— Сам виноват, глупый ты человек! Зачем так долго стоять у открытого окна и смотреть на снег!

Он нежно поцеловал ее в лоб. Как не похож этот поцелуй на те, другие! Легок, как дыхание ветра, нежен, как лепесток цветка.

Его продолжало трясти.

Я принесу еще одно одеяло.

Она встала с постели, наткнулась на что-то в темноте, стукнулась пальцем ноги о ножку кровати и выругалась.

— Джаред, хорошо бы зажечь свет.

— Синди, иди ко мне. Просто иди ко мне.

— Я пытаюсь найти одеяло. Для тебя, — с нажимом на последнем слове сообщила она.

— Не надо одеяло. Иди полежи со мной. — Джаред нетерпеливо вздохнул. Секунда, и он был на ногах, сгреб ее в охапку. — В тебе все тепло, которое мне нужно.

Она улыbnулась. Он, наверное, и представить себе не мог, как тронул ее сказанными словами.

Но когда они вернулись в постель, прижавшись друг к другу плотно, как горошины в стручке, дрожь его так и не унялась. Но Синди больше ничего не говорила. Она просто изо всех сил старалась его согреть.

Хотелось бы, чтобы и Джордан знала, каким он может быть временами нежным. И красивым. Джаред по-настоящему красивый мужчина.

А если подумать...

Нередко в последнее время она начинала думать, что сама превращается в монстра.

Зеленоглазого монстра — воплощенную ревность.

Как могла она сомневаться в нем!

Сомневаться после того, что произошло сегодня! Синди стало стыдно за себя.

Он любил ее. Любил без всяких оговорок.

Синди заснула с блаженной улыбкой на губах.

Маленькие ранки... несколько капель крови ничего не значили.

Совсем ничего.

Глава 6

Утром Синди и Джаред не пришли на завтрак.

Джордан усмехнулась. Она помнила, какими голубками они смотрелись ночью накануне. Она рада за них.

Джаред, должно быть, покинув ее номер, во второй раз за вечер набросился на жену. Для новобрачных в самый раз, но для пары, прожившей вместе не один год, не слишком ли резво?!

Джордан заказала кофе и круассан, вспомнив, что ей еще предстоит выпить кофе с Тифф. Вчера ночью Тифф пригласила ее к себе, в арендованный ею в Венеции дворец. Джордан прихватила с собой в ресторан сигнальный экземпляр книги о вампирах. Попивая кофе, Джордан помечала галочкой те места, к которым собиралась написать комментарий. Вторая чашка кофе уже допита, а идти к Тифф еще рано. Джордан решила вернуться к себе, по дороге прикидывая, который теперь час в Штатах.

Час ночи.

Джордан получала работу не через редактора, а через агента, что снимало определенные барьеры при общении. К тому же агент Лиза Шульц — ее близкая подруга любила засиживаться за работой допоздна. Через нее Джордан и получила работу, которой занималась сейчас. Тогда Лиз тоже только начинала. Обе рисковали, обе проходили через все стадии, которые неизбежно проходят люди, начинающие заниматься новым для себя делом. Были и разочарования, и откаты назад, и сожаления, но были и победы. Пережитый опыт упрочил их отношения. Лиз можно позвонить в любое время.

Джордан набрала номер через купленную здесь карту и удивилась, когда Лиз ответила почти немедленно, да и связь была такая, словно Лиз находилась за стенкой.

— Привет, Лиз, это Джордан.

— Джордан! Привет, девочка моя, как здорово, что ты позвонила! Знаю, что ты мне скажешь! Сейчас ты скажешь, что тебе не до работы. Все подождет, я не против. Еще бы, Венеция, карнавал!

Джордан засмеялась в ответ.

— Нет, я хотела сказать, что книга про вампиров мне очень понравилась. Молодец режиссер. Я собираюсь в скором времени выслать тебе рецензию по факсу, я уже практически закончила работу. Короче, сегодня я напечатаю рецензию, и ты ее сегодня же получишь.

— Хорошая книга, говоришь? А как там Венеция?

— Прекрасный город. Развлекаюсь вовсю. Я всегда этот город любила. Но карнавал — особый случай. Хотела бы я, чтобы ты могла увидеть все костюмы и тех, кто их носит. Я имею в виду близкого расстояния. Познакомиться с ними, так сказать, лично. Они просто великолепны.

— А балы? Как там на балах? Попадают хорошие мужчины?

Джордан медлила с ответом. Перед глазами стояло увиденное у графини.

— О, Джордан, прости, пожалуйста! Может быть, я слишком рано...

— Нет, Лиз, все в порядке. Я просто подумала о том, что в жизни бывают странные совпадения. То, что при мне оказалась книга о вампирах, так странно...

На том конце линии Лиз беззвучно вскрикнула.

— Не надо было мне давать тебе эту книгу...

— Нет, Лиз, подожди. Просто послушай. Ты помнишь, как я рассказывала, что Джаред очень волнуется по поводу одного бала...

— Бала, который должна давать какая-то виконтесса или герцогиня...

— Графиня. Графиня делла Триесте.

— Да, помню. Для Джареда ее приглашение было равносильно тому, что его позвали в Белый дом. Ну как, бал произвел на тебя впечатление?

— Да, ужасное впечатление. Странное. Пугающее. Я была наверху, танцевала, как в старые добрые времена, и вот тогда некто в наряде шута стал рассказывать сказку об ужасном мужчине, который убивал своих жен. Он хватал женщин, одну за другой, и они начали падать... потом все люди в зале стали хватать друг друга, и там, где упала одна женщина, я увидела лужицу крови на полу.

— Господи, Джордан!

— Как бы там ни было, волк вынес меня из зала...

— Волк?

— Мужчина в костюме волка. Он посадил меня в лодку и сам исчез.

— Господи! Ты сообщила в полицию? Я не читала о таком в газетах, хотя, ты знаешь, я получаю газеты со всего мира...

— Как выяснилось, таково представление графини о веселье. И, кстати, обо мне писали местные газеты.

— Что?

— Я была в полиции, полиция приехала во дворец, они забрали графиню, Джареда и Синди в участок и объяснили мне, что проходил спектакль в жанре «дома с привидениями».

Естественно, на следующий день газеты написали о том, что американская туристка свихнулась на почве переизбытка впечатлений, так как не сумела отличить шоу от резни.

— Шоу?

— Я подумала, что такое шоу просто отвратительно, но...

— Но она графиня, а что дозволено Юпитеру... Я правильно тебя поняла?

— Да, правильно. Но на следующий день я стала читать книгу о вампирах, и она оказалась еще более захватывающей.

На другом конце линии Лиз молчала.

— Не знаю, Джордан, — неуверенно заговорила она, — может, я неправильно сделала, что отправила тебе книгу. Может, тебе стоит прямо сейчас вернуться домой. Может, книга испортила тебе весь праздник.

— Нет, Лиз, честное слово, я рада, что ты прислала мне ее. И тебе понравится моя рецензия.

— Я уверена, что автор будет доволен. Странный материал, но... популярный. Ты понимаешь, о чем я.

— Что ты говоришь?

— У меня есть еще одна книга по той же тематике, готовится к публикации в октябре.

— Про вампиров?

Лиз опять медлила с ответом.

— О вампирах, оккультистах. Сатанизм, подражание вампирам, слухи... там есть кое-что интересное о том, как защититься от вампиров. Автор — полицейский.

Джордан до судороги сжала трубку.

— Полицейский?

— Парень из Нового Орлеана, который работал над несколькими подобными делами. Он не говорит, что вампиры существуют, но предлагает свой подход к людям, которые считают себя вампирами. Его книга приводит несколько старинных легенд. Короче — довольно интересное чтение.

— Пошли ее мне.

— Джордан, учитывая твои обстоятельства, может быть, не стоит?

— Я не маньячка и не шизофреничка. Если книга написана офицером полиции, я хочу ее прочесть. Отправь ее по «Федерал экспресс». Как можно быстрее.

— Ты ведь не думаешь, что шоу у графини...

— Было не шоу? — Джордан не торопилась с ответом. Она помнила разговор с Рагнором во время танца.

Да, он считал, что графиня — преступница. Опасная преступница.

— Лиз, я не буду совать нос куда не следует. Я буду вести себя рационально. Я всего лишь цивилизованная посетительница красивого города, и, хотя бы ради Джареда, буду хладнокровной, собранной и вежливой насколько могу. Но я хочу получить твою книгу.

— Ты должна хотеть совсем другое: взять билет на ближайший рейс и линять оттуда как можно быстрее. Если эта женщина опасна...

— Лиз, я остановилась в одном из самых красивых отелей мира. Кстати, со мной там проживают кузен и его жена. Со мной все в порядке. Правда, полиция считает меня слегка свихнувшейся, но это к лучшему: они за мной присматривают. Пошли мне свою чертову книгу. Прошу тебя.

— Хорошо. Хорошо. По только звони почаще. Я прошу тебя.

— Обещаю.

Они распрощались, Джордан повесила трубку и взглянула на часы.

Пора спускаться вниз и спросить у консьержа, как добраться до того дома, что снимала Тифф.

* * *

Сальваторе Д'Онофрио любил свою работу и любил Венецию. Сейчас, во время карнавала, утром пассажиров мало. В городе тихо по утрам. Туристы спали. По карнавал — хорошее время, потому что во время его проведения в Венеции так много гостей. Много гостей — много работы. Каждый человек, в котором еще теплится романтическое чувство, не откажет себе в удовольствии прокатиться в гондоле.

Сальваторе уже успел покатав двух англичанок — жаворонков, наверное, — устроив им двухчасовую экскурсию по каналам Венеции. Любознательные туристки захотели увидеть те здания, которые стоят в стороне от туристских маршрутов. Он увез их далеко от центра. Сальваторе пел, и им нравилось его пение.

И они щедро заплатили ему за труды.

По Сальваторе пел не ради денег. Он пел, потому что любил петь. Одна из англичанок в шутку сказала, что приятный певческий голос должен быть одним из условий контракта для гондольера. Он сказал им, что некоторые из его коллег ни ноты не могут взять. Пусть знают — им повезло. Он еще им сказал, что не все гондольеры так хороши собой, как он. Им, англичанкам, повезло вдвойне. И далеко не все гондольеры обладают его способностями к

иностранным языкам. Он никогда не тратил слишком много времени на учебу — учился только самому необходимому, он всегда знал, как до него знал его отец, что станет гондольером. Сальваторе с легкостью перенимал чужой акцент и обладал завидной памятью, так что для него суший пустяк научиться беглому французскому, испанскому и английскому. Он немного мог изъясняться по-немецки и умел ругаться по-русски. Но итальянский язык словно создан для того, чтобы на нем петь. Те, кто нанимал гондолу, обычно просили спеть что-нибудь по-итальянски, песня так славно подчеркивала красоту всего, что видел глаз.

С англичанками Сальваторе расстался, и пока другие пассажиры не подошли, он не грустил — совсем неплохо заработав за два утренних часа, мог позволить себе отдохнуть. Сальваторе напевал, медленно скользя по каналу к причалу, где можно подождать, когда появятся еще пассажиры. Но он все же надеялся, что пение привлечет к нему внимание еще до того, как гондола причалит к берегу.

Все они любили «О мое солнце!».

Сальваторе пел, настроение у него было прекрасное, когда он заметил что-то покачивающееся на воде. Сальваторе прищурился, всматриваясь в неизвестный предмет; он продолжал петь, но тише и рассеянее.

С помощью шеста он ловко притормозил.

Пение его оборвалось на середине ноты, когда он приблизился к тому, что плавало на воде.

— Нет...

Он согнулся и схватил рукой похожий на шар предмет. Пальцы его в чем-то запутались.

Волосы.

Еще до того, как он догадался о своей находке, Сальваторе увидел выловленный им предмет. Всего в нескольких дюймах от своего лица.

Он закричал от ужаса, уронив находку, словно она обожгла его.

Кровь отхлынула от лица. Яйца, съеденные на завтрак, перевернулись в желудке.

Он согнулся пополам, и его вырвало в гондолу. Сальваторе зачерпнул рукой воду из канала, чтобы сполоснуть лицо, но тут он вспомнил, что нашел в воде, и его снова вырвало.

Распрямившись и расправив плечи, Сальваторе отдышался.

Та... вещь... сейчас плавала на воде в нескольких футах от него. Он смотрел на предмет, судорожно дыша.

Сальваторе недолго пребывал в прострации. Он знал, что должен делать.

* * *

Прогулка до дома, который снимала Тиффани, оказалась приятной во всех отношениях и, на счастье, прошла без всяких приключений.

Джордан пересекла несколько мостов, но ей очень внятно объяснили дорогу, так что палаццо она нашла без труда — ухоженный дом возле академии.

К парадному входу вела невысокая лестница, и Тифф сама вышла открыть дверь, когда Джордан постучала, воспользовавшись массивным медным кольцом, вдетым в львиную пасть.

— Ты пришла! — обрадовалась Тифф. В облегающих, спортивного покроя брюках стрейч леопардовой расцветки и свитере из кашемира с воротом, отделанным мехом, отнюдь не синтетическим, Тифф выглядела довольно элегантно. Не по сезону на ногах Тифф красовались сандалеты на плоской подошве, и она звонко шлепала ими по мраморному полу вестибюля.

— Ты сама увидишь, — говорила Тифф, провожая Джордан в дом, — у меня нет ничего слишком уж роскошного, как в замке графини, но все равно местечко очень уютное.

Джордан с интересом огляделась, передавая Тифф пальто. Маленькое и уютное фойе, лестница, ведущая наверх, узкая и крутая, закрученная спиралью, с перилами, которые представляли собой настоящее произведение искусства из мрамора с голубыми прожилками. На ступенях лестницы лежало пушистое светло-голубое ковровое покрытие, теплое даже на вид и уж точно на ощупь.

— Палаццо построили в шестнадцатом веке, и до сих пор оно принадлежит той же семье. Хозяин — вот умора — сказал, что они аристократия лиры! Никаких дворянских титулов в семействе не водилось, но зато они заставляли крутиться деньги, и немалые деньги.

— Здесь очень здорово, и у тебя мне понравилось больше, чем у графини.

Тут уютнее. Впрочем, — с усмешкой добавила Тифф, — тебе у меня понравилось бы больше, чем у графини, даже если бы я арендовала не палаццо, а сарай. — Тифф подождала, пока Джордан что-нибудь скажет, но Джордан молчала. — Откровенно говоря, — продолжала Тифф, — я готова и в шалаше жить, лишь бы шалаш находился в Венеции. Пойдем скорее наверх! Я заказала «Беллини» или как там у них это называется, из бара «У Гарри» — ты ведь там бывала, не правда ли?

— Да.

Джордан любила бывать в знаменитом кафе, некогда излюбленном местечке Хемингуэя в Венеции. Цены были высоки, но зато еда всегда превосходна.

— Джаред часто там бывает, — добавила Джордан.

— А как же? На самом деле Джаред мог бы объяснить тебе, как ко мне добраться, он помог мне снять это палаццо. Фактически твой кузен выполнил для меня все необходимые формальности. Он хороший парень, твой брат.

— Спасибо, он мне и самой нравится.

— И жена у него душка. Надо было и их тоже пригласить.

— Не расстраивайся, они еще спят.

— В любом случае мне хотелось познакомиться с тобой поближе. Пойдем, пойдем, посидим в патио на втором этаже.

Джордан последовала за Тифф наверх.

Лестничная площадка второго этажа оказалась больше, чем ожидала увидеть Джордан. По

правую и левую стороны располагались двери в комнаты, а прямо перед ними открывалось пространство, с мраморным полом и колоннами у застекленной двери, ведущей на террасу с роскошным видом на канал.

— Там у меня есть специальные обогреватели, так что мы не замерзнем, — заверила приятельницу Тифф и повела за собой на террасу.

Едва Джордан села за столик с бокалом «Беллини» в руке, как Тифф, перегнувшись к ней через стол, спросила напрямик:

— Я не хочу показаться грубой, но ты бы не могла рассказать мне, что сделало тебя столь чувствительной ко всякого рода ужасикам?

— Я не чувствительна...

— Твой жених был убит. Джордан вздохнула.

— Тифф, я вменяема.

Разумеется! Кто спорит? — раздраженно воскликнула Тифф, как будто не понимала, как кто-то может сомневаться в очевидном. — Я просто хочу сказать, что мне очень, очень жаль. Это ужасно. Говорят, он был копом и его убили как раз при исполнении? Будто он охотился за какими-то убийцами...

— Я вижу, ты уже в курсе.

— Ну, твою историю мне рассказала одна девушка из магазина Анны Марии. А она, насколько я знаю, получила информацию от Синди. Не слишком длинная цепочка, но ты ведь знаешь, как может сработать «испорченный телефон».

— В нашем случае телефон оказался в исправности.

— И ты все еще носишь траур по бедняге? Наверное, им правда не следовало тебя сюда привозить. Я знаю, что они думали. Венеция! Карнавал! Вот что ей надо, чтобы развеяться! Все в масках, молодых красивых мужчин полно, и почти все говорят на английском. Хотя, когда мужчина не говорит по-английски, даже лучше — ситуация приобретает некоторую пикантность, — тихонько рассмеялась Тифф. — Еще «Беллини»?

— Спасибо, достаточно. Вообще-то для меня еще рано пить вино.

— Да брось! Это же компот. К тому же нам за руль не садиться. Ну, давай до дна!

Тифф опустошила свой бокал и налила еще.

— Итак, ты все еще в трауре по своему жениху, и возможно — позволь мне только предположить, — поэтому слегка более ранима, чем обычно.

— Я его очень любила. — Джордан сделала паузу, ясно давая понять, что хотела бы сменить тему. — Насколько я слышала, ты тоже недавно овдовела.

— О, я побывала вдовой не раз. Уверена, что ты слышала.

— Да. Что же касается Стивена, я по нему все еще скучаю. Я действительно любила его. Но он умер. И мне нравится бывать на вечеринках, встречаться с людьми...

— И танцевать.

— И танцевать.

— Я видела тебя вчера с Рагнором. Вы красиво смотрелись вместе. Я чертовски тебе завидовала. Конечно, он для меня слишком молод, но какого черта? Я все время выходила замуж за стариков, и молодой мужчина стал бы весьма приятным новшеством.

Джордан вскинула руки.

— Дерзай! Путь свободен.

— Да, но он интересуется тобой. Я внимательно за ним вчера наблюдала. Он весь вечер с тебя глаз не спускал.

— Я даже не заметила его, когда пришла. Но он там уже был. И смотрел на тебя. Джордан не знала, нарушило ли ее душевный покой откровение Тифф.

Расстроило или возбудило? Джордан пожала плечами.

— Тифф, я совсем не против того, чтобы ты попыталась его добиться. Для меня он слишком груб.

— Груб? — озадаченно переспросила Тиффани.

— Груб. Он сказал мне, что я должна уехать домой, что... Ну, я просто не знаю, как сказать. Что я создаю проблемы, что я подвергаю опасности себя и других.

— Опасность! — Тифф пришла в восторг. — Как соблазнительно!

— Рагнор меня не интересует, — заявила Джордан. Она знала, что лжет. Рагнор очень даже ее заинтересовал. Заинтересовал, потому что разозлил.

Все так, но вчера случилось что-то...

Джордан опять почувствовала прилив крови. Как прошлой ночью. Как тогда, когда они смотрели на танец акробатов. Какое-то беспокойство. Не описать словами. Если уж быть откровенной, она вся пылала, горела синим пламенем, умирала от желания дотронуться до него, почувствовать его прикосновение, почувствовать то, что она не испытывала с тех пор, как...

— Тифф, ты должна знать, каково бывает, когда теряешь близкого человека. Ты учишься жить без него, но чувство внезапной потери никогда не исчезнет совсем...

— Я никогда не испытывала чувства внезапной потери, — заметила Тифф, поглощая копченую рыбу. — На самом деле последняя потеря случилась гораздо позже, чем мне бы того хотелось. Чем я планировала. Но зато мне есть чем гордиться. Я вышла замуж за старика ради его денег, но только не стоит говорить об этом его другим наследникам! Врачи предрекали ему всего несколько месяцев, но благодаря мне он прожил счастливо целых полтора года!

— Весьма похвально, — с вымученной улыбкой ответила Джордан.

Да, я согласна. А теперь давай вернемся к Рагнору. Ты знаешь, что я думаю?

Джордан вопросительно смотрела на Тифф, зная, что поощрять Тифф ни к чему: она все равно скажет то, что хотела сказать.

— Я думаю, что он здесь инкогнито. Что он скрывается от кого-то или чего-то.

— Скрывается? Он совершенно открыто появляется там, где считает нужным.

— Но о нем никто ничего толком не знает. Он уже появлялся в Венеции, говорят, у него серьезные дела с американцами, которые вкладывают деньги в фонды восстановления Венеции. Он популярен среди нужных людей — графиня исключение. Я думаю, он темная лошадка — один из тех, кто занимается подпольным бизнесом.

— Не думаю, что он итальянец, — заметила Джордан.

— Нет, но мафия есть не только в Италии. Скорее всего он в юности попал в переплет и с тех пор...

— Может, нам обеим стоит держаться от него подальше?

— Господи, ну конечно, нет! Загадки, которыми он окружен, делают его еще более интересным. Наряду с тем фактом, что он, кажется, действительно и очень серьезно не в ладах с графиней.

— Возможно, единственный притягательный аспект его личности, — сухо заметила Джордан. Тифф пожала плечами.

— Не скажи. Я должна признать, что испытываю слабость к настоящей аристократии. Мне просто смерть как хочется поближе с ней познакомиться. Я имею в виду графиню. Не беспокойся, я никогда не приглашу вас одновременно. На самом деле мне очень хочется, чтобы она пригласила меня к себе во дворец.

Джордан решила не говорить Тифф о том, что графиня настойчиво приглашала ее зайти к ней вновь.

— Должна сказать, Тифф, — глотнув «Беллини», заметила Джордан, — что я считаю графиню просто мешком с дерьмом! Тифф одобрительно рассмеялась.

— Ты вела себя со мной откровенно, Тифф, — оправдываясь, произнесла Джордан, — и я решила отплатить тебе той же монетой.

Спасибо. А теперь вернемся к Рагнору. Если я смогу поговорить с ним и пригласить к себе, можно я использую тебя как приманку?

Джордан несколько покорило слово «приманка».

— Как приманку? — повторила она.

— Знаешь, если бы я могла сказать ему, что устраиваю ужин, или ленч, или просто вечеринку, на которую приглашена ты, я сумела бы заманить его к себе, в свою пещеру. В нем есть что-то такое... обольстительное. Если удача мне улыбнется, я попробую очаровать его шампанским и устрицами. Знаешь, устрицы весьма полезны в таких делах.

Джордан рассмеялась и отодвинула бокал.

— Тифф, даже не знаю, как тебя назвать!

— Как ни назови, я по крайней мере говорю все как есть. Так можно мне назвать твое имя?

— Конечно.

— Отлично! Спасибо. Обещаю, я буду осторожна. Я не стану ничего устраивать слишком близко по времени с балом у Анны Марии или чем-то вроде того. Эй, я обещала тебе тур по дому с привидениями. Хочешь послушать несколько страшных историй?

— С удовольствием.

— Однажды, кажется, в шестнадцатом веке, младшая дочь хозяина дома, красotka, конечно, полюбила не того парня. В то время ее дядю выбрали в дожи, а парень оказался сыном его соперника.

— Прямо Ромео и Джульетта.

Ты не знаешь конца. Двое полюбили друг друга, но обе семьи были против их отношений. В любом случае такой молодой человек не может просто так взять и исчезнуть. И знаешь, что случилось?

—Что?

— Он упал с балкона и сломал себе шею.

— Как ужасно. И с тех пор его призрак живет в доме?

— К сожалению, все было именно так. — Тифф вздохнула. — Но я ни разу его не видела.

— Плохо.

— Девушка, конечно, уверена, что за несчастным случаем стоит ее семья. Поэтому она тоже решила покончить жизнь самоубийством и прыгнула с того же балкона.

Тогда понятно, почему призрак юноши никогда не заглядывал к тебе в спальню. Они бродят по дому парой. Тифф покачала головой.

— А вот и не угадала! Дочь прыгнула с балкона, но угодила в канал. Она собиралась, конечно, утонуть, но не тут-то было! Ее спас юный гондольер. Она вышла за парня замуж, они уехали в Рим и живут себе счастливо долгие годы. Разве не счастливый конец?

— Конечно, если не брать в расчет первого юношу, в которого была влюблена младшая дочь.

— Но в жизни не бывает счастливых концов для всех! — возразила Тифф. — Пойдем погуляем по дому, я тебе расскажу еще что-нибудь.

Палаццо привлекало своим великолепием, особенно спальня. Владелец дома с самого начала собирался делать деньги на том, чтобы сдавать его. Большую комнату он переоборудовал в ванную с мраморным джакузи, настолько просторным, что там запросто могли разместиться несколько человек. Там же душ Шарко, пушистое ковровое покрытие и массивные двойные раковины. В самой спальне стояла не только кровать, но и кресла у кофейного столика, размещенного у окна, но большую часть комнаты занимала кровать, покрытая роскошным темно-бордовым шелком.

— Соблазнительно, да? — Тиффани хищно улыбалась. — А теперь... если бы я только сумела заманить сюда мужчину с молодой горячей кровью, того, кого я действительно хочу соблазнить...

— Я думаю, у тебя получится. — Джордан взглянула на часы. — Спасибо за завтрак и экскурсию. Место в самом деле замечательное. Определенно подходит для твоих планов.

— Спасибо. Я тоже надеюсь. Я стараюсь держать палаццо в порядке. Через день по утрам приходит уборщица, но я и сама отлично готовлю и умею быть организованной и опрятной. До противного! — со смехом призналась Тифф.

Она проводила Джордан вниз и пожелала приятного дня.

Уже на улице Джордан вдруг осознала, что не может думать о прямолинейной манере общения своей новой подруги без улыбки. Тифф в самом деле та еще штучка!

Джордан прекрасно провела утро и, возвращаясь в отель, от души наслаждалась красотой старинного города.

И днем никаких теней в нем не было.

* * *

Рагнор сидел за столиком уличного кафе на площади Св. Марка и наблюдал.

День выдался прохладным, хотя снег, выпавший ночью, исчез без следа. Солнце выглянуло из-за туч, музыканты пока не играли, и люди, приходящие на площадь и покидавшие ее, смотрелись как на ладони.

Из-за солнца он надел темные очки. Ему всегда нравилось оставаться в тени. С тех пор как он приобрел первую пару солнцезащитных очков. Отличное вспомоществование, когда хочешь видеть, но не хочешь, чтобы кто-то читал твои мысли.

Он никогда особенно не любил игр с переодеваниями и маскарадных костюмов днем не носил. Он сидел в своем длинном черном кожаном пальто и черной водолазке. Черные удобные ботинки отлично согревали ноги.

Он очень любил черное.

Черный цвет — цвет ночи.

И цвет кофе. Кофе, который он любил. Тот кофе, что он пил сейчас, просто превосходен. Он любил пить кофе в кафе на площади, потому что здесь подавали его в больших кружках, называя кофе по-американски, хотя он знал, что редко кто из американцев пьет такой крепкий кофе. Однако с течением времени он привил себе вкус к кофе, сваренному из хорошо обжаренных зерен, такому, как варили здесь. Кроме того, кафе служило превосходным наблюдательным пунктом. Отсюда открывался вид на площадь от базилики до новейшей части Сан-Марко, возведенной по приказу Наполеона Бонапарта, и, глядя в противоположном направлении, он мог видеть людей, выходящих из собора и звонницы, и даже тех, кто шел сюда со стороны канала.

На площади работали жонглеры, художники по гриму. Каждый стремился привлечь клиента к себе. Детям нравилось, когда им рисовали бабочки на щеке или раскрашивали лицо под

кошачью мордочку, нравился праздничный, яркий, сверкающий грим. Взрослые выбирали взвешенно, большинство отдавали предпочтение маскам.

На площади было полно голубей. Уличные торговцы продавали пакетики с кукурузой специально для птиц, вернее, для туристов — птицы, так или иначе, находили чем полакомиться.

Самое приятное время для тех, кто любит понаблюдать за людьми. Как всегда во время карнавала, те, кто выглядел особенно странно, ошеломляюще, позировали для туристов возле колонн. Вспышки следовали за вспышками. Были и те, кто пришел сюда, только чтобы поглазеть, полюбоваться представлением или товарами, выставленными в витринах.

Рагнор размял плечи, глотнул кофе и откинулся на спинку стула. Он знал, что, если подождет еще немного, увидит Нари. Она, конечно, притворяется, что редко выходит погулять по улицам. Особенно днем. Но он слишком хорошо ее знал.

Американка истошно завизжала. Они с мужем подзывали голубей, чтобы позабавить своих двух отпрысков. И голуби сделали то, что они обычно делают, — прямо ей на руку.

Муж ее старался изо всех сил помочь беде, бегая вокруг жены с салфетками в руках.

Затем он увидел ее.

Нари шла через дорогу в длинном платье, в плаще с капюшоном и маске. Он оставил деньги на столе и пошел за ней. Догнал ее за пределами площади. Но близко не подходил, держался на расстоянии, следуя за Нари в толпе. Прошел мимо магазинов, завернул за угол ресторана, приблизившись к ней.

У канала Рагнор почти поравнялся с ней, и вдруг кто-то наскочил на него. Оглядывая толпу поверх головы женщины, он, придержав незнакомку за плечи, быстро извинился.

— Рагнор! Привет! Это я, Тифф Хенли! Как забавно, что я вас встретила.

Он смотрел в лицо женщине, пытаясь ее припомнить. Да, верно, Тифф Хенли, очень богатая американка, хорошо сохранившаяся, привлекательная, вышедшая замуж за мужчину втрое старше себя и недавно овдовевшая. Яркая блондинка, но совсем не глупая. Знает, как распорядиться деньгами и получить то, чего хочет.

— Здравствуйте, Тифф. Как поживаете? Нари уходила. Он терял терпение.

— Я так рада, что с вами встретилась.

— Простите, что натолкнулся на вас. Я очень сожалею, но мне нужно бежать...

— Конечно, я только хотела пригласить вас выпить завтра перед балом у Анны Марии. Вы ведь туда, конечно, идете.

Она положила руки ему на грудь, не давая ускользнуть. Ему страшно хотелось отшвырнуть ее от себя. Но вокруг были люди. Он заставил себя успокоиться и смириться. Держать себя в руках. Он едва ли слышал ее, он все еще искал глазами Нари в толпе за спиной Тиффани.

— Тифф...

— Американская девушка там будет.

— Американская девушка? — переспросил он, отвлекшись от поисков Нари. Он знал, кого имела в виду Тифф, и знал, что она намеренно сказала ему о ней.

— Джордан Райли и ее родственники. И другие. Глядя на Тифф, он лишь краем уха слышал, что она ему говорила. Перечисляла гостей.

— Вы придете? Я буду очень рада, если вы сможете заскочить. — Она продолжала упираться ладонями ему в грудь, не давала уйти. — Я хочу сказать, что рада вам в любое время. Палаццо в самом деле очень милое.

— Я знаю.

— Вы там были?

— Несколько лет назад.

— Пожалуйста, приходите.

— Да, конечно. Я попытаюсь. А сейчас, если вы меня извините...

Он шарил взглядом по толпе, глядя вверх ее головы. Он должен был найти Нари. Он знал, что ему придется ее найти.

Уже снова сгустился сумрак.

Глава 7

От Тиффани Джордан собиралась пойти прямо в отель, но неожиданно для себя обнаружила, что идти туда ей совсем не хочется. Она медленно побрела по улицам, глаза на витрины. Заметив в витрине красивые изделия из кожи, она заглянула в магазин и приобрела себе жакет, который на удивление ловко сидел на ней.

Лиха беда начало — в пару к жакету она купила сапоги до колен на высоких каблуках. Обе покупки оказались ей очень удачными. И жакет, и сапоги ей должны были принести прямо в отель, так что руки у нее оставались свободными. Не будучи обремененной тяжелой поклажей, Джордан решила прогуляться по городу еще, может быть, заглянуть в кофейню и выпить эспрессо. И вот там, в кафе, стоя у прилавка и рассеянно глядя в зеркало в деревянной раме, Джордан увидела мужчину в маске дотторе и маскарадном плаще. Он смотрел на нее. Ей показалось, что она увидела его глаза в щели маски. Конечно, впечатление могло быть обманчивым. С такого расстояния она не видела его глаз, но отчего-то Джордан пребывала в абсолютной уверенности, что мужчина на нее смотрит.

У нее возникло странное чувство, что человек тот самый, за которым она шла накануне ночью, думая, что он — Джаред.

Джордан допила кофе, напомнив себе, что костюм дотторе — самый распространенный в Венеции и нет никаких причин полагать, будто он — тот самый.

Тем не менее она быстро вышла из бара и пошла туда, где заметила мужчину в маске.

Но, выйдя из кафе, она его не нашла. Он исчез. Джордан огляделась. Слева от нее находился маленький мост над узким каналом. Пути до него примерно полквартала. Там она заметила его — человека в черном плаще. Он обогнал пару в костюмах Викторианской эпохи. Джордан

поспешила за ним.

Не вполне понимая, что заставляет ее так упорно преследовать его, она прошла еще один квартал вдоль канала.

Она не упускала его из виду и заметила, как он свернул за угол.

Джордан проходила мимо магазинов, где продавались товары от Версаче, Диора и Ральфа Лорена, магазинов с богатыми витринами, расположенных в домах с нарядными фасадами. Она опять оказалась в толпе туристов. Те, кто гулял накануне ночью, уже проснулись и вышли подышать свежим воздухом. Кто-то надел костюмы, кто-то нет. Джордан пребывала в приподнятом настроении. Она не испытывала страха и не видела причин для него. До наступления сумерек оставалось еще несколько часов.

Как бы быстро она ни шла, мужчина в плаще все время оставался на несколько шагов впереди, и между ними все время оказывались люди. Джордан вновь ускорила шаг, завернула за угол и прошла через арку между двумя домами.

Балконы с горгульями и львы на постаментах внезапно показались ей знакомыми. Джордан поняла, что уже проходила здесь ночью.

Джордан приостановилась и огляделась. Она старалась не упускать из виду того, кто шел впереди.

В конце улицы, в стороне от торной дороги, полной людей, показался еще один мост. Человек в черном плаще стоял на мосту и смотрел на нее.

— Эй! — крикнула Джордан. — Вы кто?

Очевидно, он ее не услышал, поскольку повернулся к ней спиной и продолжил путь.

Еще один мост — и все, сказала она себе. Пора прекращать глупую погоню.

На следующем мосту Джордан остановилась. Мужчины нигде не было. Впереди, сразу за мостом, находилась небольшая площадь. В дальнем конце площади стояла красивая старая церковь. Стены облупились, витражные стекла разбиты, оконные проемы кое-где заколочены досками. Однако строение само по себе привлекало своей красотой, мраморными ступенями и каменными ангелами, сторожившими вход. Деревянные двери украшала резьба. В свое время, очевидно, еще и позолота.

Забыв о таинственном человеке в плаще, Джордан подошла к церкви. И вдруг услышала, как кто-то окликнул ее.

— Синьорина!

Она оглянулась. Гондола вот-вот готова была нырнуть под мост. Она узнала красивого гондольера, того, с кем разговаривала два дня назад.

Он сказал, что его зовут... Сальваторе Д'Онофрио, кажется. Он еще сказал, что она должна обратиться к нему, если решит покататься на гондоле. Он так красиво пел тогда, когда она заметила его у отеля. Но сейчас, когда пассажиров в его гондоле не было, он выглядел очень мрачным и усталым.

— Привет, — откликнулась она, еще раз бросив взгляд на церковь и окинув глазами площадь — нет ли где фигуры в плаще. Но мужчина исчез. Глупо идти за ним. Вероятно, он и не смотрел на нее вовсе. Увидеть его глаза сквозь щели в маске с такого расстояния все равно невозможно.

Гондольер покачал головой.

— Красивая леди, вы не должны здесь бродить. В таком районе людей немного, да и смотреть тут особенно не на что.

— Разве вы не слышали, что туристы всегда хотят увидеть то, что другие не видят?

Он не засмеялся, он даже не улыбнулся.

Он покачал головой и с помощью шеста причалил к невысокой стене парапета, ограждавшего площадь.

— Венеция — красивый город. Но сейчас вам надо возвращаться туда, где много людей, на Святого Марка. Покормите голубей. Все туристы кормят голубей.

— Я не очень-то представляю, где нахожусь.

— Я привезу вас на площадь.

— Вы знаете, я на самом деле хочу покататься на гондоле. И я действительно думаю, что вы — самый лучший гондольер. Но только мне бы хотелось совершить прогулку ближе к закату...

— Я не возьму с вас денег, синьорина. Я просто привезу вас к отелю, и все.

— Уверена, что смогу найти дорогу.

— Пожалуйста, позвольте мне вас проводить.

— Здесь нет причала.

— Вы могли бы спрыгнуть с парапета.

— Но здесь нельзя садиться...

— Нет... Но пожалуйста, я вас прошу. Тут не место для прогулок.

— Я думала осмотреть церковь...

— Нет, — он отчаянно замотал головой, — теперь это больше не церковь. Понимаете, о чем я? Пожалуйста, дайте мне отвезти вас в отель.

Он был таким серьезным и встревоженным. Он так искренне волновался за нее, что Джордан сдалась.

— Забирайтесь на парапет.

Она сделала так, как он просил. Сальваторе обладал великолепной координацией и потрясающей ловкостью. Он подал ей руку и, подхватив за талию, опустил в гондолу.

Гондола слегка покачнулась, но Сальваторе не дал Джордан упасть. С явным облегчением он усадил пассажирку в гондолу и оттолкнулся шестом от берега.

Сальваторе то и дело отталкивался шестом, разгоняя гондолу что есть сил.

Только когда они оказались на большой воде, он обернулся к пассажирке.

— Венеция — хорошее место, действительно хорошее. Преступности мало, но когда сюда приезжает так много народу, людей с деньгами, драгоценностями... Всегда найдутся те, кто захочет получить им не принадлежащее.

Спасибо вам за заботу, — ответила Джордан. Она пристально смотрела на парня, и вдруг ей пришло в голову, что она свалила дурака. Он вполне мог оказаться одним из таких вот любителей поживиться за чужой счет. Возможно, он хотел отвезти ее куда-нибудь подальше, на какой-нибудь пустынный канал, отнять сумочку, дать шестом по голове и сбросить в воду.

Нет, не может быть. Сальваторе не пел, не рассказывал ей о городе, он быстро греб, стараясь как можно скорее добраться до района, где много людей. Вскоре она поняла, что они находятся позади собора Сан-Марко — места, которое Джордан знала. Здесь много магазинов, ресторанчиков и людей.

— Вы сегодня такой серьезный. Что-то случилось? — спросила она.

Он не торопился с ответом, но потом улыбнулся и покачал головой.

— Нет, ничего. Но вы должны быть осторожны. Здесь так много людей. Не все люди хорошие. Среди них встречаются воры, а бывает и похуже.

— Я очень осторожна.

— Будьте еще осторожнее. Пожалуйста. Держитесь рядом с теми, кого вы знаете.

Он говорил так торжественно и серьезно, что она кивнула без улыбки. Ей совсем не хотелось ответить ему дерзостью.

А гнаться за незнакомцем в маске и плаще — осмотрительно? — насмешливо напомнила она себе.

— Я буду еще осторожнее, Сальваторе. Обещаю. Перед тем как гондола нырнула под мост, Джордан заметила Рагнора. Она увидела его сразу, потому что он отличался от всех своим ростом и светлыми волосами, словно маяк белевшими на черном фоне его одежды.

Он стоял не один и не заметил ни Джордан, ни гондолы. Джордан улыбнулась. Тифф нашла объект своей страсти. Американка без комплексов просто заступила ему дорогу. Она так серьезно с ним говорила, так трогательно положила руки ему на грудь.

— Я буду осторожна, — повторила Джордан, почувствовав, как волоски зашевелились у нее на затылке. Рагнор предупреждал ее об опасности. Теперь то же самое делал гондольер. А Джаред считал, что она сходит с ума. Возможно, он прав. Она узнала в манекене мертвого Стивена. Она видела волков. Она слышала шепот крыльев в ночи.

Надо лететь домой. Такое решение, пожалуй, самое разумное.

Нет...

Она не могла лететь домой. Не могла, пока не выяснит, что тут происходит.

Да, она здорово испугалась. Тогда, на балу, да и вчера тоже. Но вместе со страхом она испытывала странное чувство, будто ею манипулируют. Будто она игрушка в чьих-то руках. В ней крепла решимость во что бы то ни стало создать заслон чужой воле.

Ее вовлекали в игру? Ее соблазняли?

Тифф уже употребляла это слово. Для Тифф Венеция полна соблазна. Джордан готова остаться здесь по той же причине. Она будет осторожной, как обещала Сальваторе, потому что по собственному опыту знала, что в жизни случаются плохие вещи. Не во сне. В реальном мире.

— «Даниэль», — объявил Сальваторе, причаливая к входу в отель. — Прошу нас, не гуляйте одна. Обещаете?

Портье протянул ей руку, чтобы помочь выйти. Джордан поцеловала Сальваторе в щеку.

— Обещаю вам, я буду держаться с друзьями. И спасибо вам большое. Вы — самый лучший гондольер. Он улыбнулся ей.

— Спасибо. До свидания, красавица.

— Чао, Сальваторе.

Джордан поблагодарила портье и вошла в отель. В вестибюле, как обычно, было много людей. Кто-то смеялся, слышалась речь на разных языках, продолжалась карнавальная суета, связанная с выбором костюмов и обменом впечатлениями. Джордан остановилась у входа, блаженно улыбаясь.

Люди вокруг такие красивые.

И все так славно проводили время.

Джордан испытывала странное чувство, словно она должна защитить Венецию от зла. Если здесь происходило что-то такое, что могло замарать репутацию красивейшего города, она должна положить этому конец.

* * *

Сальваторе Д'Онофрио с помощью шеста выводил гондолу из узкого канала, огибая вапоретто, ждавший пассажиров у отеля. Он проехал мимо собора Сан-Марко и Дворца дождей и вошел в Большой канал. Он никому из своих друзей не стал рассказывать об утренней находке, он просто доставил ее в полицейский участок, своему приятелю Роберто Капо. А сейчас...

Ему все еще не хотелось петь. Он ехал домой. Утром, как следует отдохнув за ночь, он снова станет самим собой.

В такой час гондол на канале было полно. Сальваторе проплыл мимо одной из стоянок. Джузеппе Донати, приятель-гондольер, помахал ему. Он только что взял на борт пару в карнавальных костюмах. Сальваторе помахал в ответ. Джузеппе указал на мужчину в плаще и маске, очевидно, желавшего покататься в гондоле.

Сальваторе жестом поблагодарил приятеля. На самом деле он не собирался брать пассажиров, но, быть может, работа поможет ему развеяться. Сальваторе причалил к берегу. Он делал над

собой усилие, чтобы выдерживать жизнерадостный тон.

— Хотите покататься, синьор? — спросил он на английском.

Мужчина в маске лишь мрачно кивнул в ответ. Он прыгнул в гондолу ловко. В помощи он не нуждался. Мужчина говорил низким голосом, объясняя маршрут на английском с акцентом, но с каким — Сальваторе не понял. Сальваторе был рад — пассажира он высадит недалеко от своего дома и немного заработает.

Они плыли по каналу, глядя на пешеходов, владельцев магазинов, детей, собак и тех, кто их выгуливал.

Они двигались в стороне от торных путей. Здесь мало туристов, в основном местные жители. Старик, направлявшийся в трактир или бар, женщина в черном, возвращавшаяся со службы из церкви. Молодая домохозяйка с коляской.

Еще один поворот, и они уже в самом сердце рабочего города. Смеркалось. В окнах зажигали свет — отцы семейств возвращались с работы, некоторые чтобы поужинать и лечь спать, многие — чтобы перекусить и снова на улицу — успеть заработать, пока в городе много туристов.

Это был его, Сальваторе, родной город. Ласковый и теплый. Такой щемяще родной. Такой узнаваемый трудовой город.

Впереди был широкий мост, соединяющий два острова. Достопримечательностей тут не было — на островах жили местные трудовые люди. Отсюда рукой подать и до острова, на котором жил сам Сальваторе.

Гондола нырнула под мост.

Сальваторе не услышал, как пассажир встал.

Ему показалось, что пассажир что-то шепнул ему, и Сальваторе повернул голову.

Он почувствовал ладони у себя на плечах. Сильные руки, которым ничего не стоит сломать шею. Он открыл рот, чтобы закричать, но захлебнулся в собственной крови.

Он даже не заметил лезвия бритвы, тускло блеснувшего у горла, прежде чем погрузиться в плоть.

* * *

Нари была в центре площади, в маске, в окружении веселящейся толпы. Она тихо стояла, уставившись в небо, ожидая, пока угаснет день. Ночь... Скоро наступит ночь. Она слышала смех, обрывки разговоров на разных языках. Она слышала музыку — на площади играл ансамбль. Но, если напрячь слух, она могла расслышать и нечто другое.

Биение пульса.

Тук-тук... Удар за ударом. Какой сладкий, какой изысканный звук.

Дыхание...

Жизнь... Сущность живого... Эликсир жизни...

Сегодня ночью. Это может случиться сегодня ночью. У нее был план, и незначительные отступления от него ее не пугали. Даже наоборот, разнообразие веселит душу. Как игра. Игра в кошки-мышки. Погоня, рождавшая сладостное чувство страха. Вкус страха...

Нари вздрогнула от прикосновения чьей-то руки и в ужасе повернулась.

— Хватит, — отчеканил он.

Она хотела гневно стряхнуть его руку, но знала, что не сможет.

— А если я не хочу останавливаться, что ты намерен предпринять? Убить меня?

— Убрать тебя, — тихо ответил он.

— Ну, у тебя всегда было такое желание. — Все равно Нары не могла от него сбежать. Так почему бы не насладиться моментом близости? Она провела по его щеке тыльной стороной ладони.

— Рагнор...

Он отвел ее руку. Она улыбнулась дразнящей улыбкой.

— Ты думаешь, я могу забыть? — спросила она.

— Ты думаешь, я могу забыть? — хрипло спросил в ответ он. — Говорю тебе, Нары, пора тебе прекратить. Я предупреждаю тебя. Угрожаю, если так тебе больше нравится. Ты можешь иметь все, что захочешь. Красивую жизнь, роскошное палаццо, титул, положение. Ты...

— Ты забываешься, Рагнор. Забываешь, кто ты есть, верно? Я знаю легенды, я знаю, что ты считаешь себя другим, но, если честно, так ли ты далеко ушел от нас всех?

— Всех? Многие живут...

— Как куры в курятнике. Запертые в своем мире как в клетке.

— Будь рациональной, Нары. Оглянись вокруг — у тебя есть все!

Она внимательно смотрела на него несколько долгих мгновений и лишь затем веско сказала:

— Нет, не все, Рагнор. Но я знаю, кто я такая.

— Ты могла бы быть лучше, чем есть.

Она поднялась на цыпочки и шепнула ему в ухо:

— Мне нравится то, что я есть.

— Последний раз предупреждаю. Я могу...

— Что ты можешь? Уничтожить меня здесь и сейчас? На глазах у людей? Они арестуют тебя, посадят в тюрьму. Конечно, ты сбежишь... но тогда... Ты потеряешь лицо, Рагнор, а ведь для тебя так важно не потерять лицо. Ты ведь не сможешь просто так гулять среди милых и наивных людей. Прокляни меня, Рагнор, и ты проклянешь себя.

— Мы уже прокляты, — просто констатировал он.

— Ты — нет! — благоговейно прошептала Нарн. — Она почувствовала голодный спазм, настолько сильный, что едва сдержалась, чтобы не показать, насколько она голодна.

Ей хотелось снова дотронуться до него. Все годы... он продолжал оставаться Рагнором. Твердым, несгибаемым. Красивым. Резкие черты лица, грудь, крепкая как стена. Старые сожаления умерли. Ну что же, она выбрала свой путь. Она сама принимала решения. Она его недооценила. И сейчас, глядя в его глаза, она понимала, что уже слишком поздно.

— Существуют законы...

— Их законы? Наши законы? Чьи законы? — насмешливо спрашивала она. — Мир погрузился в хаос, Рагнор. Разве ты не заметил? И мы превалируем. Глупец, разве ты не знаешь...

— Я знаю, что могу уничтожить тебя. И я уничтожу.

— Так ли легко тебе будет убить меня? — спросила она нежно, придвигаясь к нему.

Легко. Одним щелчком. Она отстранилась.

— Все из-за этой молодой американки?

— Все из-за того, что ты творишь.

— Ты лжец. Ты наблюдаешь за девчонкой.

— Если я и заинтересовался девушкой, то из-за тебя.

Нарн улыбнулась. По крайней мере ей удалось нащупать его слабое место.

— Ты ей не нравишься, знаешь ли, — сообщила она. — Она чувствует, что ты... ну, что ты ей совсем не пара.

— Почему она оказалась... среди избранных гостей на твоей вечеринке.

Нарн помедлила с ответом, потом решила солгать:

— Что я могла сделать, если дурочка забрела не туда, куда надо? — Впрочем, разве она так уж кривила душой? Но очевидно, он хотел знать всю правду.

Правду о том, что девушка была действительно избрана.

— То, что ты устроила — тот ужас и та смута, что ты посеяла здесь, — заходит слишком далеко и американкой не ограничивается. Но есть и обходные пути.

Нарн пожала плечами:

— Зачем их искать? Сегодня в мире орудуют по разным оценкам от нескольких сот до тысяч серийных убийц. И полиция большинство из них найти не может.

— Ты обрушишь на нас весь гнев ада.

— На тебя — может быть. Но мы и есть — гнев ада. — Нарн внезапно заговорила тише и

вкрадчивее. Она выдохнула слова, и шепот ее был влажен и сладок. — Неужели ты никогда не тоскуешь по старым временам? Вспомни наше прошлое. — И тут она осторожно погладила его по груди.

И вновь он убрал ее руку. Она едва не вздрогнула, столько ярости содержалось в его жесте.

— Что ты за осел! А что до американки... Я, по крайней мере, вожу дружбу с ее родственниками. На самом деле у меня есть планы относительно ее на сегодняшний вечер.

Он так сжал ей руку, что она побоялась, как бы он не сломал ей кость. Она почувствовала, как бледнеет, как силы уходят из нее.

— Если ты только к ней притронешься...

— И ты говоришь, что озабочен судьбами человечества? Нари презрительно усмехнулась. — Если я притронуся к ней? — Нари засмеялась. — О, Рагнор!

И вновь он крепче сжал ее руку. Она вскрикнула от боли. Нари пыталась собраться с силами, но не могла. Она чувствовала такую слабость.

— Если ты думаешь, что тебе придется иметь дело только со мной...

— Что? О чем ты, черт возьми, говоришь?

— Рагнор, отпусти меня! Ты делаешь мне больно, — выкрикнула она. Их мог услышать кто угодно. На площади дежурили полицейские. И все же он ее не отпускал. Глаза его горели синим пламенем. И вновь она испытала агонизирующее, жестокое чувство безвозвратной утраты. Жуткую боль, которую рождает ревность, боль, которую, как полагала, она уже не способна чувствовать.

— Скажи мне, что происходит, — повторил он. — Что у тебя на уме? Где ты намерена с ней сегодня встретиться? О чем ты вообще говоришь?

— Она будет в баре «У Гарри»! — выдохнула Нари. Она больше не могла терпеть, тем более что сломанные кости ей сейчас ни к чему. — Больше я тебе ничего не скажу, хоть убей. И все же, если ты меня убьешь, ты никогда ни о чем не узнаешь, ты будешь охотиться вечно, и твоя маленькая американочка навеки сгинет...

— Даже не пытайся меня шантажировать, Нари. Я сказал тебе, что твоя кипучая деятельность должна прекратиться. Это не имеет никакого отношения к отдельному человеку...

— Вот и хорошо, — Нари расслабилась, — потому что, если ты причинишь мне боль сейчас, я сама займусь ею. До последнего... глотка.

Он ослабил хватку, но продолжал смотреть на нее с ненавистью.

— Хорошо, Нари, расскажи мне, о чем идет речь. Нари сделала над собой усилие, чтобы не поддаться его чарам. Несказанное очарование заключалось уже в том, чтобы стоять рядом с ним, находиться рядом с ним после стольких лет. Когда-то он принадлежал ей. Грубый, неотесанный, податливый, готовый на все, нагой. Покрытый шрамами, разрываемый внутренним конфликтом, страстный и голодный, огневой, как молния в ночи...

Нет. Все давно ушло. И она не могла уступить, ему суждено поплатиться за то, что он есть. Как

ни горько, она должна думать о возмездии. У нее только одна жизнь — та жизнь, которой она живет. Жизнь, которую она могла бы иметь. Свободная, необузданная, дикая — жизнь, в которой она вольна ослабить муку внутри себя, утолить свой голод...

И тут она разозлилась. Разозлилась по-настоящему. Она нащупала его слабое место. Он беспокоился из-за американки. И правильно делал, ибо он еще даже близко не подошел к пониманию того, как все запуталось. К тому, что происходило здесь.

— Хорошо, Рагнор. Ты правильно делаешь, что беспокоишься за нее. Потому что... Знаешь, вы оба умрете!

Нари видела, как гнев исказил его благородные черты. Вот сейчас, здесь, на площади, ей придется от него убежать. Она должна сделать первый шаг до того, как он прикоснется к ней вновь. Поступив слишком беззаботно, она почти все испортила, заставив его насторожиться...

Нари почувствовала, как обретает силу, отступив и растворившись в толпе. Она почувствовала, как он потянулся к ней, почувствовала, как сила исходит от него, ощутимая, как дыхание. Но людей слишком много. Нары нырнула в толпу и стала неразличимой — одной из сотен в плащах с капюшоном.

Планы на вечер оказались разрушены. И все же...

Он не мог последовать за ней. Не мог так рисковать. Он угрожал ей, и она его предупредила. И у него есть слабое место, как бы он ни отрицал.

Теперь пусть он боится.

И, как всегда, ему придется быть настороже.

И пока кошка очень, очень занята, мышка может поиграть.

Наверху, в своем номере Джордан обнаружила записку от Синди, просунутую под дверь.

«Привет, детка. Ты где? Глупый вопрос, если ты это читаешь, то ты у себя. Сегодня так тебя и не застали. Встречаемся в баре „У Гарри“ в восемь. Приходи, пожалуйста, или позвони, иначе я буду так волноваться, что не смогу до поросячьего визга насладиться своими любимыми макаронами!

С любовью.

Синди».

Улыбнувшись, Джордан отложила записку в сторону. Бар находился неподалеку от Дворца дождей — немного пройти вдоль канала. Вечером там всегда много народу, очень много. Ей нравилось там бывать. Ну и что, что людно. Можно пережить. Посидеть в баре. Правда, в баре тоже всегда околачивался народ, и Джордан знала, что столика придется ждать долго, если Джаред, конечно, не заказал его заранее. Но, скорее всего он так и поступил. И обслуживающий персонал он тоже, наверное, знал неплохо. Джордан предвкушала приятный вечер в приятной компании.

Она взглянула на часы. Времени у нее более чем достаточно.

Она набрала воду в ванну, добавила ароматическое масло, удостоверившись в том, что вода не очень горячая.

Раздевшись донага и облачившись в банный халат, она позвонила, чтобы ей принесли горячего чая.

Открыв окно, выглянула на улицу. На мостовой полно народу, на канале оживленное движение. Венеция оживала в ожидании праздничной ночи. Отойдя от окна, она включила телевизор и стала смотреть местные новости, стараясь понять, что могло так расстроить Сальваторе.

Она успела посмотреть только прогноз погоды, когда в дверь постучали.

— Войдите! — рассеянно проговорила она.

Жизнерадостный портье принес ей чай. На подносе, кроме чайника и чашки, стояло блюдо с печеньем. Она поблагодарила официанта, подписала чек и закрыла дверь после его ухода.

С чашкой чаю в руках она вошла в ванную. Залезла в горячую воду и закрыла глаза. Вода пахла чудесно. И тут ей пришлось в голову еще раз просмотреть книгу о вампирах.

С чего бы?

Книга могла бы навести ее на мысли, заставить ум работать. Завтра, если повезет, исполнительные сотрудники «Федерал экспресс» разыщут ее, и она получит еще одну книгу.

Джордан закрыла глаза. Ароматный пар щекотал ноздри. Сегодня никаких костюмов. Она наденет весьма провоцирующие туфли на шпильках, которые купила в Чарлстоне перед отъездом, и платье для коктейля с голой спиной. Возможно, выпьет немного лишнего. И, как и Синди, наестся до отвала макарон.

Она так приятно расслабилась, что не сразу поняла внезапно появившееся ощущение страха.

Она села в ванне, нахмурилась, огляделась, пытается понять, что вывело ее из состояния комфортной релаксации.

Прислушалась.

Ничего.

Джордан встала из воды, накинула халат. Вышла из ванной и, зайдя в комнату, тут же поняла, в чем дело. Она оставила окно открытым. Холодный воздух проник в номер, и обогреватель бессильно пытался справиться с напором холода. Ей показалось, что ветер шелестит у нее в ушах. Или то звучал уже знакомый зловецкий шепот?

Она закрыла окно.

Ей было по-прежнему холодно.

Джордан тряхнула головой и мысленно заставила себя встряхнуться. Но не смогла удержаться от того, чтобы, пройдясь по комнате, не заглянуть во все углы: в кладовку, под кровать. Она чувствовала себя полной дурой. И все же ощущение смутной тревоги ее не покидало.

Настроение было испорчено.

Ей совершенно не хотелось возвращаться в ванну.

Но и в комнате она не чувствовала себя уютно. Ей захотелось поскорее уйти отсюда.

Слишком рано, чтобы встречаться с Джаредом и Синди.

Но совсем не рано для того, чтобы зайти в ресторан и посидеть в баре.

Она быстро оделась, наспех подкрасила ресницы и пару раз провела щеткой по волосам. Все.

* * *

Когда в дверь постучали, Тифф находилась наверху. Она как раз успела залезть в джакузи, добавив в воду ароматические кристаллы. Она никого не ждала сегодня и решила не спускаться. Она чувствовала такое замечательное расслабление. Сама мысль, что придется вставать, вытираться и открывать кому-то дверь, была ей отвратительна.

И снова в дверь постучали.

Тифф пришло в голову, что, может быть, он, ее последняя пассия.

Он вел себя вполне радушно на улице, хотя, судя по всему, очень торопился.

Возможно, все бывает...

Она выпрыгнула из ванны и схватила халат. Поскольку халат был шелковый, он облепил ее влажное, горячее тело. Может, и неплохо. У нее все еще очень неплохая фигура. Ну ладно, может, уже не вполне ее фигура... Нет, ее! Она за нее заплатила, значит, ее!

Размышляя таким образом, Тифф вытерла голову полотенцем, встряхнула волосы и поспешила вниз.

Слава Богу, что люди изобрели пушистое напольное покрытие. Не будь его, она поскользнулась бы на мокром мраморе. Она могла бы упасть с лестницы, вот до чего доводит страсть! Она могла бы сломать шею... и что тогда?

— Держи штаны крепче! — весело крикнула она, подбегая к двери.

Тифф должна была бы заглянуть в глазок, который установил в двери хозяин палатки, но когда она подбежала к двери, ей было не до глазков.

Она настежь распахнула дверь... перед женщиной среднего роста в карнавальном костюме — в маске и длинном, до пола, плаще с капюшоном.

— Да? — спросила Тифф, машинально подметив, что наряд дорогой, а маска украшена стразами, очень дорогими.

— Тифф?

Она узнала ее низковатый, хорошо поставленный голос, голос с легким акцентом, хотя произнесено всего одно слово.

— Графиня? — в недоумении протянула Тифф, слишком удивленная, чтобы скрыть свою растерянность.

— Я находилась неподалеку. Знаю, что вы арендовали палатку. Понимаю, что не следовало являться без предупреждения, и все же...

— Нет, что вы! — Тифф торопливо отступила в сторону. — Я очень рада, что вы пришли.

— Вы кого-то ждали.

— Нет... — Она засмеялась несколько нервно. — Немного разволновалась, как видите. Хотела добежать до двери, пока не перестали стучать. Я рада, что успела.

Графиня улыбалась.

— Простите мой вид, — засуетилась Тифф.

— Но вы заняты, — продолжала настаивать графиня. — Ваш халат и мокрые волосы.

— Я чистила перышки, собиралась выйти. Пожалуйста, заходите.

— Ну хорошо, я долго не задержусь. — Графиня прошла в фойе, скинула с плеч плащ и сняла маску.

Позвольте за вами поухаживать. — Тифф очень осторожно взяла маску и положила на резной дубовый комод в прихожей. — И ваш плащ...

Графиня огляделась.

— Очень мило. Несколько лет назад здесь было совсем не так. Очень мило.

— Да, здесь очень удобно. Гораздо лучше, чем в отеле, хотя в Венеции много хороших отелей, — ворковала Тифф. Она старалась не тараторить, чтобы не выглядеть дурочкой. Сама графиня пришла к ней с визитом. Почти так же восхитительно, как если бы к ней пришел тот мужчина, которого она надеялась увидеть. Конечно, принимать графиню в халате, с мокрыми волосами не совсем удобно.

— Если вы дадите мне буквально минутку, я найду что-нибудь... одеться.

Графиня только махнула рукой, и ее красивые, лишенные возраста черты сложились в улыбку.

— Нет, не надо! Я пробуду совсем недолго, и вы снова можете залезть в свою ванну. Я бы чувствовала себя очень несчастной, если бы испортила вам ванну.

— Тогда я принесу вина. Мы посидим наверху.

— Красного вина, пожалуйста. Можно мне побродить здесь?

— Да, конечно. Бар наверху.

— Замечательно.

Тифф все еще испытывала неловкость. Ошеломленная, она чувствовала себя незаслуженно обласканной. В смятении она поднялась наверх, графиня последовала за ней. Но когда Тифф пошла к бару взять вино, графиня в самом деле отправилась бродить по дому. Вернувшись в холл второго этажа с двумя бокалами лучшего красного вина, что смогла найти, Тифф не увидела графиню.

— Графиня!

— Я здесь.

Графиня находилась в спальне. При появлении Тифф она обернулась и с улыбкой приняла бокал.

— Превосходно! — оценила она. — Тут поработали на славу. Комната, где сейчас ванная, когда-то представляла собой мрачное, никчемное помещение. Ну а теперь у вас тут очень милое любовное гнездышко.

Тифф вспыхнула от смущения.

Должна признать, я люблю телесный комфорт.

Тут мы похожи, — проговорила графиня. Она подошла к стрельчатым окнам, откуда открывался вид на террасу, — Очень мило. К тому же сейчас мое любимое время суток. Когда закат догорел, день угас и на землю спускается ночь... Со всеми ее темными тайнами и загадками.

Графиня стояла у окна и смотрела вдаль как замороженная. Тифф подошла к большой, застеленной шелком кровати и села, глядя на гостью.

— Так много драгоценного времени тратится на сон, — объяснила графиня и, подойдя к Тифф, села рядом, потягивая вино. — Фруктовый привкус есть, но вино по-настоящему сухое, густое и бодрящее. Прекрасный выбор, благодарю.

— Могу я налить вам еще?

— Нет, нет, сидите. Дайте мне насладиться вашим обществом. Я не тороплюсь, когда пробую что-то новое, — нежно проговорила она. — Итак, вы меня восхищаете.

— Я вас восхищаю? — Тифф не верила своим ушам.

— Да, я искренне восхищаюсь такими женщинами, как вы. В нашем мире женщинам трудно. Слишком многие мужчины слишком часто и слишком долго охотились на женщин.

— Ну, я не уверена...

— Но только подумайте! Бизнесмен с юной секретаршей, которая так остро нуждается в его одобрении, чтобы продвинуться. Пожилой дельца заводит романчик с молоденькой девушкой, в то время как его уже немолодая жена сидит дома и молча терпит его измены, поскольку ее благополучие и сама жизнь всецело от него зависят. Кинозвезды, готовые закатиться, находят юных старлетов и берут их в жены. Но вы, моя умница и красавица, умудренная опытом, вы и такие, как вы, перетасовываете карты, и вот вы — на коне, а мужчины лишь средство к достижению цели. Вы — женщина, значимая сама по себе. Вам не нужно ни перед кем кланяться, потому что вы сами себе хозяйка. И пока вы относительно молоды, вы имеете все возможности и средства для того, чтобы делать то, что вы хотите и с кем хотите.

Тифф несколько принужденно улыбнулась.

— Скажем так: существует немало людей, в том числе мои пасынки, которые считают меня всего лишь жадной до денег наглой сукой. И, увы, я не так молода, как хотелось бы.

Тифф приняла соблазнительную позу, неосознанно открыв взгляду графини идеальной формы, без следов варикоза ноги. Но сейчас она заметила, что графиня смотрит на ее обнаженную плоть. Тифф почувствовала, что ее обволакивает тепло, и покраснела. Она хотела запахнуть халат, но графиня остановила ее, положив ладонь ей на колено.

— Достаточно молода. И посмотрите, как красива! Вы держите себя в форме, что я тоже весьма уважаю в женщинах.

Длинные пальцы графини, унизанные драгоценностями, поглаживали колено Тифф, чуть-чуть вниз к икре, чуть-чуть вверх, к внутренней части бедра.

Тифф не так-то просто смутить, но сейчас ей казалось, что кровь хлынула к конечностям, ей стало жарко так, что от нее словно шел пар. Ей следовало встать, уйти...

Но графиня смотрела ей в глаза, смотрела откровенно чувственно. Тифф обнаружила, что не может пошевелиться, взгляд графини гипнотизировал. Гостья лениво улыбалась, а между тем пальцы ее продолжали движение.

— Скажи мне, красавица, — продолжала она нежным ласкающим шепотом, — ты когда-нибудь была с женщиной?

Тифф стоило сказать что-то остроумное и категоричное, но она смогла лишь выдохнуть:

— Нет...

Графиня пожала плечами, ее умелые пальцы все поглаживали плоть.

— И я тоже — много, много лет. Но когда я поняла, что мужчины — обманщики, что они играют с тобой, и только... Я решила, что вполне возможно соблазнять самой молодых и красивых. И я узнала, что женщины могут тоже быть соблазнительными, привлекательными... такими аппетитными.

Тифф с трудом проглотила слюну. Нет, она никогда не была с женщиной, но...

— Бедная Тифф! Так много лет провести с престарелыми мужчинами, добивающимися удовольствия лишь для себя! О, можно только представить, что тебе приходилось делать, чтобы подвести их к точке... возможности!

Графиня, казалось, читала ее собственные мысли. Пока она говорила, Тиффани почувствовала весьма острый приступ желания. Желание овладевало ею с потрясающей остротой. Вещи, которые ей приходилось делать, терпение, которое ей приходилось проявлять, удовольствие, которое она приносила... сама не получая ничего взамен.

Я могу показать тебе, что такое удовольствие, — прошептала графиня. Ее губы были так близко. Ее слова, как шелковые покрывала, окутывали Тифф плотнее и плотнее.

Она хотела, чтобы графиня продолжала и делала больше. Намного больше. Пусть ее искусные пальцы поднимаются выше и выше, касаются тех мест, которые сейчас, кажется, гудят от напряжения.

— Позволь мне...

Ладонь графини легла Тифф на плечо. Прикосновение казалось столь нежным и в то же время

столь властным. Тифф упала на спину, халат распахнулся, ноги раскинулись.

Графиня нависала над ней. Пальцы ее медленно продвигались по шее и ниже.

— Какая красивая грудь... — Графиня говорила еле слышно, слова ее шелестели как теплое дуновение, но они возбуждали так, что Тифф едва держалась.

Она никогда не была с женщиной.

Почему бы нет?

Тем более что с ней не просто женщина, с ней — графиня...

Если бы даже она захотела остановиться сейчас, все равно бы не смогла. Нежные, униженные кольцами пальцы касались ее груди, скользили вдоль голубоватых прожилок вен. Тифф лежала, раскинув ноги. Она вся млела, превратившись в жидкий огонь. И не могла пошевелиться.

— Красивая, красивая...

— Подтянутая и подкачанная, — с удивлением услышала Тифф собственный голос.

Графиня засмеялась, и смех ее был нежен и приятен, как перезвон серебряных колокольчиков. Тифф почувствовала, как увлажнился ее рот. Язык проворный, словно змеиный, рождал сполохи огня. Вот она лизнула раз, другой — огненные капли наслаждения. Она делала с ней что-то такое упоительно запретное...

Графиня склонилась ниже. Если бы Тифф могла пошевелиться, она бы схватила голову графини и притянула к себе. Она изогнулась, дрожа, она чувствовала, как тело ее наливается.

Быстрые движения языка прослеживали узор вен, касались ее живота, внутренней поверхности бедер. Тифф готова была улететь на небо. Господи, какой ослепительный оргазм! У нее потемнело в глазах, она едва не потеряла сознание. Видит Бог, те недоноски, за которых она выходила замуж, — просто никчемные создания! Так хорошо, что можно умереть...

Она никогда, никогда не испытывала ничего подобного, она не верила, что такое существует. Она качалась на волнах удовольствия, забывшись, отключив сознание, но графиня не оставляла ее в покое, она двигалась ниже, вдоль бедра. Легкая боль как от укола, и снова величайшее наслаждение, и снова, как говорят французы, маленькая смерть.

* * *

Нари ужинала не торопясь, с расстановкой.

Когда она насытилась, то откинулась на спину, глядя на смертельно белое тело женщины на кровати.

Графиня встала, все еще глядя на останки с явным удовольствием.

Женщина умерла счастливой. Нары знала множество великолепных способов сделать процесс принятия пищи праздником. Вены на горле что надо, а вот на бедре — не очень. Хорошо бы кровь текла более плавно.

Откинув волосы Тифф со лба, графиня с удовольствием разглядывала тело, которое принесло ей так много удовольствия, и рассмеялась — громко, от души. Тифф с такой радостью приняла

ее у себя.

— Бедняга Тиффани, ты так спешила навстречу своей кончине, верно, детка?

Она потянулась — сыто потянулась, как уличная кошка, которой посчастливилось вылакать целую миску молока спокойно и без драки — вылакать одной, ни с кем не делясь, до самой капли.

Нари подошла к окну и выглянула на улицу. Теперь там царила ночь. Графиня снова была полной жизни и сил. Великолепное ощущение!

После столь чудесной трапезы Нары с удивлением обнаружила, что во рту остался привкус горечи. Нет, дело не во вкусе еды. Нары сжала кулаки и сжала зубы. Она его ненавидела и пришла сюда, потому что...

Он оставил ее... голодной, такой голодной... Но голод она не могла утолить, сколько ни пей. И тот факт, что соблазнить добычу, прежде чем утолить голод, всегда так приятно, ничего не менял.

Графиня снова взглянула на Тифф. Что-то надо делать с останками. Какая досада!

Она вновь выглянула в окно и нахмурилась. Сколько полиции! С чего бы?

У нее промелькнула мысль, что он мог бы разозлиться. Пировать нехорошо в одиночку. И, быть может, она выбрала не ту жертву...

У него свое расписание.

Она покачала головой. Были времена, когда он легко забывал, что она такое.

А сейчас...

Сейчас она чувствовала сосущую пустоту внутри. Горечь, ненависть, жажду возмездия.

Ну что тут скажешь: у нее свои цели. И, насытившись, она чувствовала себя вполне в силе.

Она очень давно не чувствовала себя такой изумительно сильной.

Нари закрыла окно.

Ночь молода, сказала она себе.

Глава 8

В баре «У Гарри», как всегда, полно народу.

Люди ждали, пока освободятся столики, толпились у стойки бара, стояли в проходах.

Уже в дверях Джордан чуть не передумала. Сидеть негде, идти тоже некуда. Она решила вернуться на улицу, не подходя к стойке бара, но ночь выдалась сырая и промозглая. Джордан не захотела оставаться в номере, но торчать на холоде тоже радости мало.

Джордан внезапно ощутила себя потерянной и никому не нужной, но жалеть себя ей долго не пришлось. К ней шел швейцар. Она улыбнулась, решив, что освободилось место и он хочет

взять у нее пальто, но с некоторым запозданием поняла, что он приветствует кого-то, кто стоял у нее за спиной.

— Добро пожаловать, синьор.

Джордан почувствовала чью-то руку у себя на плече. Испуганно оглянувшись, она увидела Рагнора. Он приветствовал швейцара.

— Добрый вечер, мы с дамой хотели бы выпить.

Джордан увидела, что, разговаривая со швейцаром, Рагнор смотрит не на него, а на пару у дальнего конца стойки. Мужчина и женщина встали, освободив два места.

Проходите, проходите, — пригласил их швейцар.

Джордан огляделась. Она готова отказаться от места, в ресторане были и те, кто пришел раньше их.

— Проходите, пожалуйста, — настаивал швейцар. — Столики для остальных уже почти готовы.

Не успела Джордан сесть за стойку, как к ним подошел бармен. Джордан заказала старый добрый «Южный», Рагнор — «Дьюар» со льдом.

Джордан рассеянно помешивала коктейль соломинкой. Подняв глаза, она увидела, что Рагнор смотрит на нее.

— Как вам все удается? — спросила она.

— Что именно?

— Обеспечить места в переполненном баре.

Рагнор пожал плечами.

— Кто-то уходит совсем, кто-то переходит в ресторанный зал.

— Удобное объяснение.

— Ну хорошо. Я знаю бармена и швейцара, но не волнуйтесь, очередь я уважаю. Просто так совпало. А вы что решили? Что я загипнотизировал тех людей взглядом?

Он явно забавлялся. Джордан чувствовала, что своим вопросом поставила себя в дурацкое положение. И разозлилась. Решила занять оборонительную позицию.

— Вы шли за мной? — спросила она не слишком любезно. Похоже на то, иначе получилось бы, что совпадений слишком много.

Он ответил не сразу. Джордан выдержала его оценивающий взгляд.

— В таком миниатюрном сосуде такая бездна самомнения. Джордан почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Я думала, что вы еще раз велите мне уехать из Венеции. — Джордан смотрела прямо перед собой, помешивая соломинкой коктейль.

Зная, что он наблюдает за ней, она вдруг очень остро ощутила, насколько открытое и облегающее на ней платье. Ее поразили его красивые руки — широкие, сильные ладони, уверенные и властные, с длинными, гибкими пальцами. У него отлично получилось бы сыграть роль викинга в каком-нибудь историческом фильме из жизни варваров, но и костюм от Армани он носил так, будто в нем родился.

— Так вы уезжаете из Венеции? — спросил он и повернулся на табурете так, что колени их соприкоснулись.

— Разумеется.

— Но билетов на самолет у вас еще нет.

— Нет.

Она подумала, что он затеет с ней дискуссию, примется ее убеждать, но он просто пожал плечами.

— Может, оно и к лучшему.

— Чтобы я осталась? Как мило с вашей стороны.

— Как вам «Даниэль»? — спросил он как бы невзначай.

— Замечательно. Вы там останавливались?

— Да, но довольно давно. Хотелось бы узнать, все ли там по-прежнему. Может, я провожу вас домой и вы пригласите меня зайти?

— Вы всегда можете зайти туда и выпить кофе в холле. Он насмешливо улыбнулся.

— Вы не разрешите проводить вас домой?

— Мы здесь встречаемся с Джаредом и его женой.

— И, похоже, с Анной Марией, Рафаэлем и Линн, — уточнил Рагнор.

С того места, где он сидел, повернувшись к ней лицом, Рагнор мог видеть дверь. Джордан обернулась как раз в тот момент, когда в ресторан вошли Джаред и Синди, а следом за ними и все остальные.

Яркие глаза Рафаэля округлились при виде Джордан.

— Дорогая!

Рафаэль, ловко лавируя в толпе, пошел к ней. Расцеловав Джордан в обе щеки, он подал ей руку, помогая встать. Джордан покрутилась перед ним, хвастая платьем.

— Просто восхитительно! Весьма аппетитно. Рагнор, а ты что скажешь?

— Боюсь, что так, — пробормотал Рагнор. Он тоже встал с табурета, протянув руку Анне Марии. Линн подошла к нему, сияя от восторга. Последовали традиционные поцелуи в обе щеки — стандартный обмен приветствиями. Синди, кажется, тоже обрадовалась, увидев Рагнора, только Джаред держался немного скованно. Он говорил вежливо и не протестовал,

когда Анна Мария предложила Рагнору присоединиться к ним за столом. В компании Джаред казался чужим, и Джордан заметила, что во взгляде кузена, обращенном к ней, сквозила подозрительность.

Она пожала плечами, давая Джареду понять, что пригласить Рагнора поужинать с ними не ее инициатива.

Подошел уже знакомый швейцар и сказал, что столик для них готов. Джордан почувствовала руку Рагнора у себя на спине, он вел ее через толпу к столику в одном из обеденных залов. И вновь Джордан почувствовала, что прикосновение его пальцев к обнаженной спине вызывает незабываемые ощущения. Как ласка огня, холодного огня. Не слишком уютно. В баре ей страшно хотелось прислониться к нему, почувствовать щекой текстуру ткани его костюма, вдохнуть пьянящий аромат его чисто выбритых щек. С тех пор как они вместе наблюдали танец акробатов, чувственный запах, казалось, все еще стоял в воздухе. Линн нашла бы для ее желаний более грубое определение. Но Джордан не могла мыслить настолько грубо или честно. Голова у нее кружилась просто от того, что он, прикоснувшись к ее спине кончиками пальцев, вел ее к столику. Его руки были невероятно мужественными. Хотелось бы знать, каково чувствовать, как они скользят по ее обнаженным плечам.

И по другим местам.

Хотелось бы знать, так ли широка и крепка его грудь, так ли она возбуждает, когда он наг.

Она размышляла, каково бы было быть нагой рядом с ним, тереться телом о тело. Интересно, так ли он силен, и ловок, и велик во всем остальном?

Он выдвинул для нее стул. Джордан села. Лицо ее стало пунцовым. Она вся горела, даже дышать нормально уже не могла.

Может, он сядет куда-нибудь в другое место, не рядом с ней?

Нет, зря надеялась. Он сел по левую руку от нее, Линн — по правую.

Официант поставил перед ней ее бокал с остатками коктейля. Джордан взяла его и сделала большой глоток. Подали меню, и Линн склонилась к ней, рассказывая о каждом блюде. Джордан машинально кивала и что-то говорила в ответ, но что именно — она и сама не вполне понимала. Джаред и Анна Мария разговаривали о тех людях, которых Джаред пригласил на ее вечер, намеченный на завтра. Все места уже расписаны, все формальности выполнены, но Анна Мария хотела знать больше о тех, кто придет к ней на бал. Если нужно, можно изменить позиции, чтобы люди, сидящие рядом, были интересны друг другу.

— Итак, куда ты сегодня ходила? — вдруг спросила у Джордан Синди.

— На кофе к Тифф.

— Красивый у нее дом? — спросил Рафаэль.

— Да, очень.

— Мрамор пола, говорят, добыт с руин античного Рима, — сообщила Анна Мария.

— Вы весь день пили кофе? — не слишком любезно спросил Джаред. Джордан не понравилась его резкость. Все разговоры за столом стихли, и взгляды обратились к ней, словно она перед

всеми присутствующими должна держать отчет.

— Я выпила кофе, прошлась по магазинам, просто гуляла.

— Могла бы заскочить в магазин, — попеняла ей Линн.

— Я знала, что вы очень заняты, — ответила Джордан.

— Тифф хороша, верно, Джордан? — сменил тему Рафаэль.

— На самом деле Тифф просто хорошо оплачиваемая проститутка, — сказал Джаред.

— Джаред! — воскликнула Синди.

— Разве нет? Она выходит замуж за богачей ради их денег. Разве не это называется проституцией?

— А как насчет старых и среднего возраста мужчин, которые бросают своих тридцатилетних и более старших жен и отправляются в погоню за молоденькими фигуристыми девчонками? — спросила в ответ Джордан, стараясь защитить подругу. — Их как следует назвать? Мне Тифф нравится.

— Что вы думаете о миссис Тиффани Хенли, Рагнор? — спросила Синди.

Рагнор приподнял бровь.

— Полагаю, каждый имеет право на свои предпочтения. Но что я могу сказать точно, она прямолинейна до грубости.

Линн захихикала.

— Ну, насчет вас она могла бы сказать куда больше.

— Она отличная женщина, иногда заходит слишком далеко, но старается держаться в рамках, — пожав плечами, пояснил Рагнор. — Впрочем, я ее не настолько хорошо знаю.

— Я видела вас сегодня с ней, — вдруг сообщила Джордан. Рагнор развернулся к ней всем корпусом.

— В самом деле? И с какой точки вы меня видели?

С канала.

А что ты делала на канале? — нахмурившись, спросила Синди.

Я была не на канале, а на гондоле.

— Ты в одиночестве отправилась кататься на гондоле? — спросил Джаред.

Он вновь задавал вопрос тем тоном, которым родители отчитывают нерадивых отпрысков.

— А что, кататься на гондоле теперь опасно? — с улыбкой спросила Джордан.

— На гондоле следует кататься с любовником, — заявил Рафаэль.

— На самом деле я оказалась на гондоле из-за тебя, Джаред. — Джордан хотела бы не так остро ощущать на себе взгляд голубовато-серых глаз Рагнора.

— Из-за меня?

— Вчера ночью я думала, что иду за тобой, но это, конечно, был не ты, а другой человек, одетый в костюм дотторе.

— Это точно был мужчина? — спросил Рагнор.

— Полагаю, да.

— И какое отношение имеет вчерашнее приключение к твоему катанию на гондоле из-за меня? — надувшись, спросил Джаред.

— Я подумала, что снова увидела того мужчину, и пошла за ним.

— Ты пошла следом за незнакомцем в костюме дотторе? — переспросила Анна Мария.

— Какой идиотский поступок, — проговорил Джаред.

— Сейчас все ходят в костюмах, Джаред, — напомнила брату Джордан. — И одни люди в костюмах ходят за другими людьми в костюмах, чтобы сделать снимки. И так целыми днями.

— Каким образом мужчина в костюме связан с гондолой? — уточнила Анна Мария, стараясь разрядить обстановку.

— Гондольер оказался моим знакомым. И он привез меня домой.

— Подожди, подожди. С каких пор у тебя в друзьях ходят гондольеры? — не унимался Джаред.

— Джаред, у тебя много друзей, которых я не знаю, а у меня могут быть друзья, которых не знаешь ты.

— В Венеции?

Да, в Венеции.

Итак... Что же хотела Тифф? — спросил у Рагнора Рафаэль. — Он мог с тем же успехом спросить: «Ну как тебе эта пташка?»

— Ах да. Она пригласила меня на вечеринку с коктейлями, которую она собралась устроить перед балом у Анны Марии.

— Тифф Хенли устраивает вечеринку? — переспросила Синди.

— Она заверила меня в том, что вы туда идете, — произнес Рагнор.

— У меня не было возможности вам сказать о вечеринке, — быстро вставила Джордан.

— Ты знала, что она устраивает вечеринку? — спросил у сестры Джаред.

— Я узнала о ней только сегодня утром.

Официант с картой вин, который уже давно стоял неподалеку, деликатно покашлял, обращая

на себя внимание. Джаред извинился перед ним на итальянском, и разговор перешел в другое русло: предстояло выбрать вино к ужину.

— Я думаю, вы сами только что узнали о ней. Джаред вздрогнула. Рагнор говорил ей на ухо, лаская дыханием щеку, и сам шепот его был как ласка.

— Я думаю, что огромное самомнение может помещаться и в больших сосудах.

Голова его оставалась совсем близко к ее голове, а взгляд прожигал. Он стал очень серьезным.

— Я вам не нравлюсь, мисс Райли?

— Да, — прошептала она.

— Почему?

— Возможно, потому, что вы оскорбляете меня при каждой встрече.

— Я даже не думал вас оскорблять.

— Разве не вы предположили, что в красном виниле я выгляжу как проститутка.

Он слегка улыбнулся. Одними губами.

— Я мог бы извиниться, но вы ведь не дали настоящий ответ на мой вопрос. Так почему вы меня не любите?

— Может, потому, что вы лжец, — услышала она свой ответ.

— О какой лжи вы говорите?

— Вы присутствовали на балу у графини, но отрицаете это.

Он сел прямо.

— Мы с ней совсем не друзья, и тут никакой лжи нет, уверяю вас.

Она могла бы поверить ему, но тут Рафаэль внезапно задал Рагнору вопрос:

— Рагнор, я видел вас с графиней на площади сегодня. Я, по крайней мере, абсолютно уверен, что с вами разговаривала графиня. Ее лицо закрывала маска, но походка, манера двигаться, жесты — все говорило о ней. Вы должны со мной согласиться. Может, вы с ней уж не такие заклятые враги? — Рафаэль весело подмигнул и поднял бокал. — Со стороны вы совсем на врагов не были похожи.

— Мы с ней как солнце и луна, друг мой, — веско заметил Рагнор.

Все за столом смотрели только на него.

— Как ночь и день, — пробормотала Анна Мария. Джордан внезапно встала и, проворчав, что должна удалиться в дамскую комнату, поспешила прочь. В туалете, плеснув в лицо холодной воды, она уставилась на свое отражение в зеркале.

— Поезжай домой, беги подальше от окружающего бедлама, пока не спятила! — сказала она

себе. Но чем очевиднее для нее становилась необходимость бегства, тем сильнее ей хотелось остаться до конца и посмотреть, что будет.

Рагнор лжец. Он встретился сегодня с Тифф, а потом с графиней. Но его встречи не могли изменить того непреложного факта, что он заставлял ее разрываться между враждебностью к нему и всеподавляющим желанием.

— Он хорошо сложен, — сообщила она своему отражению. — Правильные, точеные черты лица, красивые сильные руки. Ты долго оставалась одна. Ты год назад потеряла жениха. Ты человек, и ничто человеческое тебе не чуждо. Только и всего.

Джордан вдруг поняла, что не одна в помещении. Какая-то женщина смотрела на нее во все глаза.

— Простите, простите, — пролепетала женщина.

— Нет, вы меня простите, — сконфуженно извинилась Джордан и выскользнула за дверь.

Отлично. Как будто в мире мало говорят о том, что все американцы сдвинутые.

Джордан налетела прямо на Рагнора. Он, наверное, пошел следом за ней и ждал, пока она выйдет.

Я хочу, чтобы вы поняли: я ни в коей мере не являюсь другом графини.

Джордан покачала головой.

— С кем вы водите дружбу — исключительно ваше дело, мистер... Мистер... — Джордан вскинула руки. — Я даже не знаю вашей фамилии.

— Важно, чтобы вы мне верили.

— С чего бы?

— Потому что в один прекрасный момент ваше доверие ко мне может решить многое.

— Простите, но я и в лучшие времена привыкла не доверять незнакомым людям.

Она смотрела на него в упор, он схватил ее за руку.

— Я не должен быть для вас таким уж незнакомцем.

— Поверьте мне, — с упором на последнем слове ответила Джордан, выхватив руку, — вы для меня совершенно чужой.

Она рванулась прочь. Каким-то чудом он вновь оказался перед ней.

— Честно, Джордан, я сожалею, что оскорбил ваш виниловый костюм. Я не хотел вас обидеть. Вы просто были слишком соблазнительны.

— Спасибо. Извините меня, — пробормотала она, и на сей раз он не стал ее останавливать.

— Джордан! Я надеюсь, что тебе понравится то, что я для тебя заказала, — заметила Линн, когда Джордан подошла к столу.

— Уверена, что понравится, — одобрила Джордан, садясь за стол.

Джордан обрадовалась, что у нее появилась возможность пообщаться с кем-то еще, кроме Рагнора.

— И что мы будем есть? — жизнерадостно поинтересовалась Джордан.

— Отличный антипасто, вот он, на столе. Затем ригатони фунгетти — макароны с грибами, оливковым маслом и чесноком, а потом сепию.

— А что такое сепия?

— Каракатица. Примерно то же самое, что осьминог или скат. Не может быть, чтобы ты ни разу не видела это блюдо, ведь оно особенно популярно в Венеции, — объяснила Линн.

Джордан почувствовала спазм в желудке. Конечно, она должна знать. Она читала о нем в путеводителях, видела в меню. Джордан любила морепродукты — любые морепродукты, которые не слишком похожи на морепродукты. Целая рыбина, глядящая стеклянными глазами, — для нее, пожалуй, чересчур.

Или что-то по форме напоминающее осьминога. Она знала, что в Венеции любят осьминогов. Наслаждаться любой едой, когда рядом на столе на тарелке лежит каракатица с множеством щупальцев, Джордан не под силу.

Она надеялась, что улыбка не сошла с ее лица.

— Прекрасно! — выдавила она.

Джордан пыталась войти в курс разговора, который вели за столом. Рагнор ответил на какое-то замечание Синди.

— Легенды всегда завораживают, и, что еще более интересно, они сочетаются друг с другом. — Рагнор улыбнулся Синди. — Даже ангелы, которые были низвергнуты с неба в иудаизме и христианстве, имеют немало сходства с языческими римскими богами, ассирийскими божествами и властителями севера Валгаллы у скандинавов.

— Ангелы в одной компании с языческими божествами? — скептически переспросила Синди и улыбнулась официанту, принесшему макароны.

— Люцифер, прекрасный, светоносный, — падший ангел. Сатана был ангелом.

— Вы хотите сказать, что Бог — легенда? — нахмурившись, спросила Анна Мария.

Рагнор покачал головой:

— О нет. Я верю, что Бог есть. Я просто хочу сказать, что то, что мы называем язычеством, не так сильно отличается у разных народов. Знания — отличаются. Истории — отличаются, но в мире всегда действовала концепция добра и зла, и смерть всегда оставалась великой тайной. Разные общества пытались по-разному объяснить ее, но во всем мире и на протяжении всей истории мира существовала вера в ад, в иной мир. Греки пересекали реку Стикс. Ад всегда находился внизу, рай — наверху.

— Что доказывает, что люди всегда оставались людьми. Человеческая природа не меняется, — заметила Линн.

— Мы все любим сверкание золота, — вставил Рафаэль.

— И мы все боимся чудовищ и представляем их одинаково, — согласилась Анна Мария. — Большой волосатый человек — недостающее звено — универсален. Большая Нога в США, саскуотч в Канаде, йети в Азии.

— Повсюду темнота и тени прячут зло! — объявил Рафаэль. Все посмотрели на него. Он пожал плечами. — Истина! Во всем мире дети одинаково боятся темноты.

— Темнота — то, что мы не можем разглядеть или понять, и она всегда пугает.

Темнота и тени и то, что, кажется, движется в темноте, подумала Джордан. Она принялась за макароны. Блюдо действительно оказалось вкусным. Она прикончит макароны, потом покрутит на тарелке каракатицу и сделает вид, что она ей тоже понравилась.

— Итак, Рагнор, на ваш взгляд, лох-несское чудовище существует? — спросила Линн.

— Если и существует, я ни разу его не видел, — приятно рассмеялся Рагнор. — Но кто знает? Было немало очевидцев, только вот ученым не повезло выманить чудовище на берег для подробного изучения.

— Таких феноменов, как лох-несское чудовище, не существует, — безапелляционно заявил Джаред.

Пришел официант и забрал пустые тарелки из-под макарон. Джаред морщился и хмурился. Беседа, которую остальные находили приятной, его раздражала.

— Но многие легенды позже объяснила наука, — вымолвила Синди. — Легенды о морских чудовищах не беспочвенны. Взять, к примеру, гигантского ската или голубого кита. Они больше, чем динозавры! Но их существование вполне укладывается в наше сознание.

— Мы видели голубых китов, их видели с тех пор, как человек стал выходить в море, — вот твоё доказательство, — язвительно заметил Джаред.

— Но лично я никогда голубых китов не видела, — возразила Синди. — Их видели другие люди, но другие люди видели и лох-несское чудовище.

— Синди, — едва ли не прорычал Джаред, — но ты видела фотографии голубых китов.

— Я смотрю канал «Дискавери», и там я тоже видела съемки лох-несского чудовища.

— Я думаю, что существование голубых китов более подтверждено документально, — попыталась найти компромисс Линн.

Принесли тарелки с основным блюдом. Джордан посмотрела на свою тарелку, заранее приготовив улыбку для Линн. Каракатицы там не было. На тарелке красовался цыпленок в вине. Она подняла глаза и встретила взглядом с Рагнором. Он улыбался.

Каракатица была у него.

— Линн для меня ее заказала, — прошептала она. — Не надо было...

— Все в порядке. Я ужинал и более причудливыми созданиями.

Линн не заметила подмены. Она продолжала говорить о легендах, далеких местах и морских созданиях. К тому времени, как она повернулась к Джордан, тарелки чудесным образом поменялись местами.

— Ну как тебе сепия?

— Испытание новым вкусом.

— Тебе не понравилось.

— Не уверена, что я бы попробовала ее снова, но...

— Но ты можешь сказать, что попробовала каракатицу, — закончила за нее Линн. — Прошу прощения, надо было мне сначала спросить...

— О нет. Спасибо. Еда изумительна! — К счастью, лгать ей не пришлось.

Вечер катился дальше. Вполне приятный вечер. Не торопясь с десертом и кофе, друзья говорили о предстоящем бале. Да, согласилась Анна Мария, приготовления всех сильно утомили, но результат должен того стоить.

— Так вы думаете, графиня придет? — спросила у Анны Марии Синди.

— О нет. У нее нет билета — она ни за что не стала бы его приобретать.

— А что, если она захочет прийти из чистого любопытства? — предположил Рафаэль. — Графиня любопытна — она надевает маскарадный костюм и бродит по улицам, хотя никогда в этом не признается!

— Рафаэль, мы знаем, кому продаем наши билеты. И мы знаем тех, среди кого билеты распространяем — скажем, среди тех, кто помогает Венеции. Сегодня мы как раз обсуждали с Джаредом, кого с кем посадить, чтобы людям было интересно. У меня есть список всех приглашенных.

А если она просто возьмет и придет, мы ее впустим? — спросила Линн.

Анна Мария откинула назад свои красивые шелковистые волосы.

— Всяких «если» в мире полно. Я внятно все сказала? Но лично я отказываюсь жить по принципу «если». И графиня не придет на бал, который даю я. Уже поздно. Завтра у нас впереди длинный день. Пора нам попросить счет и расходиться по домам. Синьор, счет, пожалуйста, — позвала она официанта.

Чек оказался уже оплаченным.

— Я испортил вам вечеринку, так что решил внести компенсацию, — объяснил Рагнор.

Все стали его благодарить и говорить, что зря он беспокоился. Джордан с любопытством взглянула на Рагнора.

— Когда вы успели оплатить чек? — спросила она.

— Когда пошел за вами в дамскую комнату, — ответил он.

— Выходит, что вы за мной специально не ходили, просто случайно там оказались?

— Не совсем. Я и за вами тоже шел.

Рагнор отодвинул ее стул. Уже на улице все, прощаясь, снова стали целовать друг друга в щеки. Анна Мария и ее сослуживцы садились на вапоретто.

— Куда вы идете? — спросил у Рагнора Джаред.

— На самом деле я только что снял комнату в «Даниэль», — ответил он.

Джордан вздрогнула.

— Отлично! Тогда мы можем пойти вместе, — ответила Синди и взяла мужа под руку, уводя его вперед. Джордан во все глаза смотрела на Рагнора.

— Вы действительно сняли там номер?

— Да.

— А где вы раньше жили?

— У друзей.

— Так зачем переезжать в отель?

Он пожал плечами.

— Давно там не останавливался.

Джордан пошла вперед. Он шел с ней в ногу, но не пытался даже притронуться.

— Спасибо за ужин.

— Вам спасибо.

Джордан остановилась.

А чем вы занимаетесь в жизни?

Он устремил взгляд вдаль, на губах его играла улыбка.

— Вы знаете, в Европе найдется немало мест, где ваш вопрос расценили бы как грубость.

— Я американка. В представлении многих европейцев мы, американцы, склонны грубить.

— Но ведь вы исключение, не так ли? Джордан раздраженно вздохнула.

— Почему вы просто не можете ответить на вопрос? Он пожал плечами.

— Я занимаюсь антиквариатом.

— Должно быть, весьма прибыльный бизнес. — Она скользнула ладонью по его рукаву, давая понять, что имеет в виду его одежду. — Армани, Версаче, номер в «Даниэль», постоянные, как мне кажется, путешествия. И, очевидно, вы свободно говорите на многих языках, а это значит,

вы очень неплохо образованы.

— Мир сам по себе даст неплохое образование.

— О да, конечно, но я почему-то уверена, что вы получили больше, чем может предложить «просто мир».

— Вы начинаете задавать очень неудобные вопросы.

— Я весьма любопытна.

— Не хотите ли спросить, не являюсь ли я наркокурьером?

— Нет.

— Замечательно. У меня, знаете ли, весьма в избытке того, что называют «деньгами семьи».

— И откуда семья, смею полюбопытствовать? Ей показалось, что ему не хочется отвечать, и все же, пожав плечами, он сказал:

— Из Норвегии.

— Норвегия!

Он чуть склонил голову набок и посмотрел на нее.

— Да. Не думаю, что для вас мое сообщение стало таким уж сюрпризом. Я определенно принадлежу к тевтонскому типу, к тому же ношу имя Рагнор. И фамилия тоже скандинавская.

— Кстати, какая именно? Я вам уже говорила о том, что вы забыли назвать свою фамилию.

Он повернулся к ней всем корпусом и опять посмотрел в глаза.

— Вулфсон.

Вулфсон? — повторила она. — Сын волка?

В тех местах, откуда я родом, моя фамилия весьма распространена, — сухо заметил он.

Волк. Сын волка.

Высокий мужчина в костюме волка, прыгающий с балкона прямо в лодку.

Волк посреди темной улицы.

Большая собака. Да, конечно.

У Джордан слегка закружилась голова. Она почувствовала тревогу и беспокойство.

Они проходили мимо витрины, где стояли манекены в карнавальных костюмах. Джордан бросила взгляд на витрину и вздрогнула.

Там снова стоял тот манекен. Тот самый, с лицом Стивена.

— Что-то не так? — спросил Рагнор. Она не успела осознать, что Рагнор заметил, каким

взглядом она смотрит на манекен. И снова перед ее мысленным взором проплыло лицо Стивена.

Джордан тряхнула головой.

Всего лишь кукла! Хорошо одетая, сделанная из резины и пластика или из чего они там делают кукол.

— Ничего, — произнесла она.

Джордан почувствовала его руки у себя на плечах, глаза его пристально смотрели в ее глаза.

— Что ты увидела? — спросил он. Она покачала головой. Ни с кем о Стивене она больше не хотела говорить.

— В самом деле ничего. Я просто устала.

Он посмотрел на витрину, затем снова на нее.

— Хотел бы я, чтобы ты мне доверяла.

Джордан взмахнула рукой.

— Я смотрела на витрину, как видите.

Джаред и Синди остановились впереди. Джаред оглянулся и окликнул их:

— Эй, вы двое, вы идете?

Затем Джордан услышала слова Синди:

— Джаред, оставь ее в покое! Она гуляет с интересным мужчиной после года траура.

Джордан смотрела на Рагнора. Они оба слышали раздраженный шепот Синди. Джордан вспыхнула.

— Пойдем.

Она развернулась и пошла вперед быстрыми шагами, обогнав Синди и Джареда. Еще через несколько секунд, обернувшись, Джордан увидела, что все трое идут позади.

— Вот отель. Извините меня, я пойду вперед. Я что-то очень, очень устала. Спокойной ночи.

Она ускорила шаг, с силой распахнула дверь и столкнулась лицом к лицу с коридорным. Быстро извинившись, Джордан направилась к консьержу за ключом от номера. Она бросилась вверх по лестнице, словно за ней гнались.

Войдя в номер, она заметила, что горничная успела там побывать. Постель сменили. Ставни распахнули. Окно оставили открытым — ночь выдалась на редкость холодной.

Джордан вспомнила тревожное чувство, которое овладело ею накануне ухода. Сейчас с ней творилось то же самое. Джордан тряхнула головой. Она хотела спать и не желала, чтобы дурацкие страхи испортили ей сон. Методично она прошлась по комнате, заглянула в каждый угол, проверила ванную, заглянула под кровать, даже в тумбочку под телевизором. Затем она

плотно закрыла ставни и на защелку — окно.

Скинув туфли и платье, Джордан забралась в уютную фланелевую ночную рубашку.

И тогда она услышала стук в дверь. Джордан подошла к двери, заглянула в глазок и увидела Рагнора.

Распахнув дверь, она зло уставилась на него.

— Что? — спросила Джордан со злостью, раздражением и даже мольбой в голосе.

— Я просто хотел убедиться, что вы здесь в безопасности, не забыли запереть дверь и все такое.

— Я не забыла запереть дверь, до того как вы заставили меня ее открыть.

— Не возражаете, если я осмотрюсь здесь?

— Возражаю, сейчас уже за полночь!

— Глубоко за полночь, — пробормотал он.

— Точно, далеко за полночь, — подтвердила она.

— Я уйду, я не буду вам мешать, — пообещал он.

— Заходите, пройдите, осмотритесь, а потом, пожалуйста... Он прошел мимо нее в номер и стал делать то, что только что делала она. Она наблюдала за ним, скрестив на груди руки, и ждала, чем все закончится. Джордан стояла возле двери. Он уйдет. Он должен уйти. Она не хотела, чтобы он уходил. Но как попросить, чтобы он остался? Просто подойти и сказать: «Я не знаю о вас ни черта. Я все еще думаю, что вы лжете. Вы избегаете прямых ответов, ваша жизнь покрыта тайной. Может, вы серийный убийца — вполне вероятно. Ну ладно, я должна признать, что я ничем не лучше Тифф. Я чувствую невероятное желание коснуться вас, узнать, что происходит под вашей красивой одеждой, узнать, о Господи, что у вас за тело, так ли оно хорошо, как я думаю. Я в самом деле готова просто прыгнуть в кровать, выключить свет и заняться сексом, таким сексом, чтобы забыть обо всем, кроме этого мгновения...»

— Все вроде бы нормально, — уверил он ее, подойдя ближе.

— Спасибо. Я тоже так думала. Вы не наркоделец. Вы занимаетесь контрабандой антиквариата?

— Нет.

— Вы преступник?

Рагнор не торопился с ответом.

— Так вы преступник!

— Нет, не сейчас.

— Отлично! Вы призываете меня к осторожности, вы проникаете в мою комнату...

— Я уже раньше вам говорил: вы, кажется, создаете атмосферу напряженности.

— Убирайтесь, — приказала она. К ее удивлению, он так и сделал.

— Когда вам захочется объяснить мне, рассказать мне правду о... о чем-нибудь, заходите, — проговорила она ему вслед.

И в тот момент, когда он вышел за дверь, она почувствовала сожаление. Совершеннейшее безумие. Ей страшно хотелось броситься следом.

Она закрыла дверь и заперлась на ключ.

На мгновение она прислонилась спиной к двери, закусив губу. Она не слышала, как он уходил. Через мгновение она вновь распахнула дверь. Коридор был пуст. Она закрыла дверь и тщательно заперла.

Уснуть она долго не могла.

Во сне опять был Стивен, одетый как манекен с витрины, но он представлялся тем человеком, которого она знала: страстным, выдержанным, заботливым, благородным. Он звал ее по имени, старался добраться до нее сквозь море тумана, просил прощения, что не мог подойти ближе.

— Все из-за волка, — говорил он ей. — Тебе надо избавиться от волка.

В Венеции нет волков, — отвечала она ему. — Я говорила с официантом. У них только большие собаки. Очень большие.

Но волк снова появился. Серебристый, громадный, он сидел в нескольких шагах от нее, гораздо ближе, чем раньше. Стивен остался за окном, он шел к ней сквозь туман.

Волк сидел подле ее кровати.

Стивен все шел. Волк зарычал. Она видела его оскал.

— Я так по тебе скучаю, — говорил Стивен.

Ей надо объясниться по поводу волка.

— Официант уверял меня. В самом деле. Никаких волков. Я думаю, это просто эскимосская собака, только очень большая. Стивен, ты видишь глаза?

Туман клубился вокруг нее, у ножек кровати. Тумана в комнате не должно быть. Наверное, горничная оставила окно открытым.

— Джордан...

Стивен звал ее по имени.

— Я тоже очень по тебе скучаю, Стивен. — Чувство вины захлестнуло ее. Она действительно по нему скучала. В нем сочеталось все хорошее, что могло заключаться в человеке. Он был полицейским. Он жалел жертв, он хотел реформ, он сделал все — он пожертвовал собой ради дела.

«Я скучаю по тебе, но я ужасно хочу лечь в постель с другим мужчиной сейчас, Стивен».

Она не произнесла последних слов вслух. Мог ли он читать ее мысли во сне? И вообще, говорила ли она? Даже во сне она понимала, что ей пора на прием к психиатру. Но психиатр все разложил бы по полочкам, хотя и так все понятно. Она влюблена, сильно влюблена, хотя была обручена со Стивеном и не могла так легко забыть его. Прошел год, Стивен мертв, но она жива.

— Я скучаю по тебе, Стивен! — повторила она.

— Люби меня сильнее, чем волка! — крикнул он ей.

— Я и так тебя люблю!

— Верни меня в свои мысли, Джордан!

— Ты всегда в моих мыслях.

Волк снова зарычал. Туман поднялся выше. Туман заполнял комнату.

Джордан резко проснулась.

Свет проникал в комнату через закрытые ставни. Она видела пылинки, танцующие в луче света.

Тумана в комнате не было.

И не было волка.

И никаких следов Стивена, естественно.

Утро пришло, и сон растаял.

Глава 9

Она проснулась очень поздно.

Время завтрака давно прошло.

Но Джордан решила все же подняться на верхний этаж в ресторан, для того чтобы выпить кофе. Один из официантов, приятный молодой человек, которого она уже причисляла к своим хорошим знакомым, поприветствовал ее улыбкой и по собственной инициативе принес ей большую чашку кофе.

— Добрый день, синьорина Райли. Для завтрака поздновато, но... это же карнавал. Я могу принести вам яйца, если желаете.

— Кофе замечательный, спасибо. Пожалуй, завтрак я уже пропустила, можно сразу и пообедать...

— Омлет с грибами?

— Было бы прекрасно. Вы видели моего кузена и его жену?

— Синьора Райли ушла не так давно.

— Спасибо большое. О, кстати, вы не видели высокого мужчину, светловолосого?

— Нет, синьорина, не видел.

— Ну что же, спасибо.

За соседним столиком женщина доедала суп, ее спутник читал итальянскую газету.

— Даже здесь, в Венеции, — пробурчал мужчина на английском.

— Что там, дорогой?

— Голова. Отрезанная голова найдена в канале.

— Господи, как ужасно! — воскликнула женщина и тут же переспросила: — Одна голова, без тела?

— Пока без тела, но, уверяю тебя, головы без тела не бывает.

— Ну да, разумеется.

Джордан, повинувшись непреодолимому желанию узнать подробности, встала из-за стола и подошла к мужчине и женщине.

— Простите, боюсь показаться невежливой, но мне послышалось, вы сказали, в канале нашли голову?

Мужчина опустил газету и посмотрел на Джордан.

— Да, боюсь, что вы не ослышались. Но вам не следует волноваться. Нашли довольно далеко отсюда. Похоже, итальянцы сводили счеты друг с другом, вендетта, как у них называется. А город — просто чудо, и здесь вполне безопасно, моя юная леди.

— У убитого человека были враги?

Мужчина с газетой деликатно покашлял.

— Ну, на самом деле пока убитый — всего лишь неопознанная голова. Власти пытаются идентифицировать труп и ведут расследование. Не хотите ли сами почитать?

— Спасибо, — покачала головой Джордан, — но мой запас итальянских слов слишком мал.

— Ну, могу лишь повторить, что вам тут особенно бояться нечего. Честно говоря, мы с женой Алиссой, — мужчина кивнул в сторону сидящей рядом женщины, миловидной дамы с серебристыми волосами, и Джордан улыбнулась ей, — приезжаем сюда почти двадцать лет подряд на время карнавала. Здесь самые замечательные люди в мире.

— Гарольд, бедная девочка бледна как полотно. Не надо было тебе читать так громко, — упрекнула мужа Алисса.

— Нет-нет. Я сама виновата. Не надо подслушивать. Простите, а в статье ничего не говорится о том, сколько голова могла пробыть в воде?

Гарольд покачал головой.

— Нет, ничего. — Он деликатно покашлял, прежде чем осторожно пояснил: — Знаете ли, когда голова находится в море, рыбы могут ею полакомиться...

— Гарольд, мы же в ресторане! Люди едят! А бедную девушку еще даже не успели обслужить.

— Нет-нет, все в порядке. Я достаточно выносливая. Кстати, меня зовут Джордан Райли.

— Алисса и Гарольд Атуотер, — протянула руку Алисса. — Приятно познакомиться. Откуда вы?

— Чарлстон. Южная Каролина.

— Ах, родная душа. Тоже южанка, — заметил Гарольд с улыбкой.

— Мы из Техаса, — пояснила его жена.

— Ах, посмотри, вон тот высокий парень, о котором ты говорил на днях! — произнесла Алисса и улыбнулась Джордан. — Я думаю, что он кинозвезда европейского кино.

— Да нет, он рок-музыкант, посмотри на его прическу. — Алисса закатила глаза и подмигнула Джордан.

Джордан оглянулась, уверенная в том, что речь идет о Рагноре. Она не ошиблась. Рагнор держал в руках газету, и глаза его скрывали очень темные очки. Одетый в черные джинсы, приталенную рубашку и черный кожаный пиджак, он выглядел, как всегда, привлекательно. Волосы его были собраны на затылке в хвост.

Джордан неуверенно улыбнулась Алиссе.

— Он продает антиквариат.

— О, вы его знаете! — Алисса вспыхнула. — Мы не хотели сказать о нем ничего плохого... просто его трудно не заметить.

— Согласна, — любезно согласилась Джордан и несколько тише добавила: — Я его сама не слишком хорошо знаю.

— Крупный парень, — опередил Гарольд. — Немец?

— Норвежец.

— Он мог бы быть нападающим в бейсболе. Или бандитом.

— О, Гарольд! — взмолилась Алисса, заметив, что Рагнор их увидел и направляется к ним. — Не будь смешным! Нет такого понятия, как норвежская мафия!

— Мы в Италии! Потихе о мафии! — предупредил жену Гарольд.

— Доброе утро, — поздоровался Рагнор, подойдя к столу. Он кивнул Гарольду и Алиссе и обратился к Джордан: — Вы только что подошли?

— Несколько минут назад. Рагнор, позвольте представить Гарольда и Алиссу Атуотер из Техаса. Мистер и миссис Атуотер, Рагнор Вулфсон из Норвегии.

— По происхождению, — уточнил Рагнор, пожимая руку Гарольда и вежливо поклонившись

Алиссе. — Приятно познакомиться. Должно быть, Италия вам не чужая, мистер Атуотер. Я вижу, вы читаете итальянскую газету.

— О да. Я служил здесь. Мерзкая история, вы не находите? Вы читаете по-итальянски?

Рагнор приподнял бровь, принимая из рук тегасца газету.

— Да, я читаю на итальянском, — вскользь ответил он.

— Говорю тебе, Гарольд, европейцы дают нам фору во всем! Смотри, он норвежец, его английский безупречен, к тому же читает по-итальянски.

Ты хорошо говоришь по-испански, как бы невзначай сделал комплимент жене Гарольд.

— Норвежский, итальянский, английский, и, я уверена, мистер Вулфсон говорит еще на одном или двух иностранных языках, — подхватила Алисса.

Рагнор оторвал взгляд от газеты ровно настолько, чтобы, улыбнувшись Алиссе, кивнуть, и продолжал читать дальше.

— В одном из каналов нашли отрезанную голову, — уведомила Джордан.

— Да, я видел статью.

Алисса вдруг вскрикнула в ужасе.

— Джордан Райли! Боже, вы не та самая юная леди, которая решила, что оказалась свидетельницей кровавой оргии на балу у графини?

Джордан почувствовала, что краснеет. Ей стало крайне неловко.

— Да, я та самая. Вы тоже были на балу?

— Боюсь, что так.

— И вы ничего не видели...

— Мы не находились в бальном зале на втором этаже, моя милая, — объяснила Алисса. — Бедная девочка! Неудивительно, что слова Гарольда так вас расстроили. Но, честно говоря, вам незачем волноваться. Я хочу сказать, что голова могла приплыть сюда из Греции или Албании, откуда угодно.

— Не думаю, что голова могла заплывать так далеко, — предположил Гарольд.

Официант принес Джордан омлет, украшенный зеленью и томатами. Все выглядело очень красиво. Но яйца...

— О, господи, — забормотала Алисса, слегка побледнев, — вы не могли бы убрать куда-нибудь газету!

— Все в порядке? — встревоженно спросил официант. — Мистер Вулфсон, я могу принести вам кофе? Вы присоединитесь к мисс Райли?

— Да, спасибо, — поблагодарил Рагнор. Алисса встала.

— Кушайте омлет, пока он горячий, мисс Райли, — посоветовала Алисса, глядя на тарелку Джордан так, будто там были не яйца, а отрезанная голова. Она болезненно повела плечами. — Пойдем, Гарольд, нам пора.

Да нет же...

Пора. До свидания, еще увидимся. — Она положила руку на плечо мужа, и он встал: крупный мужчина, готовый последовать за своей хрупкой женой.

— Пусть газета останется у вас! — предложил он Рагнору.

— Спасибо, большое спасибо, — ответил Рагнор. Когда муж с женой ушли, Рагнор присел за столик рядом с Джордан. Как раз напротив.

— Не помню, чтобы я просила вас составить мне компанию за завтраком, — сказала Джордан.

— Вообще-то сейчас уже не завтрак, — вскользь заметил Рагнор, просматривая газету.

Увы, Джордан не знала итальянского языка. А как хотелось бы!

— Что пишут?

— Да в общем, не много. В одном из малых каналов нашли голову.

— Возле дворца графини? — спросила Джордан. Он вскинул на нее взгляд. На самом деле она не могла разглядеть выражения его глаз под очень темными стеклами.

— Да, — не отводя взгляда, медленно ответил он.

— У нее на балу убивали людей. Я убеждена. Если бы только кто-то еще верил в это.

Он не стал ее переубеждать. Он просто стал переводить статью с листа.

— Полиция пригласила художника, работающего в области судебной медицины, чтобы он мог восстановить по уцелевшим фрагментам лицо жертвы. Затем бюллетени будут разосланы во все отделения полиции в Европе. Пока никаких известий о пропаже людей, приехавших па карнавал, не поступало.

Джордан откинулась на спинку стула.

— Вы не могли бы снять очки? — попросила она.

— Нет, — просто сказал он.

— Сидеть в очках за столом очень неприлично, даже американцы об этом знают.

— Я постоянно вижу американцев, которые сидят, не снимая солнечных очков, — рассеянно ответил он.

Джордан перегнулась через стол, отодвинув тарелку с омлетом.

— Вы только и делаете, что предупреждаете меня об опасности, говорите, что я создаю проблемы, а затем между прочим сообщаете, что отрезанная голова здесь, в Венеции, — обычный пустяк.

— Я такого совсем не говорил.

— А что вы говорили?

— Что у вас нет оснований полагать, что отрезанная голова имеет отношение к графине. И если вы вновь явитесь в полицию, настаивая, что на балу графини было полно одетых в маскарадные костюмы монстров, которые высасывали из гостей кровь, они решат, что вами овладел очередной приступ безумия. Что вы сошли с ума от горя, вызванного потерей любимого человека.

Джордан начала подниматься, он схватил ее за руку.

— Почему вы злитесь, когда я говорю вам правду?

— Вы до сих пор не сказали мне ни слова правды. Ни о чем.

— Я говорю то, что вам надо знать.

— Хорошо. А теперь мне нужно заняться работой. Прошу меня извинить, но мне нора.

По лицу его нельзя было определить, о чем он думает или что чувствует, но руку ее он не отпустил.

— Куда вы идете?

— Вам-то какое дело?

— Куда вы идете? — повторил он.

— Вниз, в вестибюль. Сегодня по «Федерал экспресс» мне должны переслать корреспонденцию. А потом я вернусь в свой номер и буду работать.

— А потом?

— Потом я собираюсь отнести виниловый костюм в магазин и забрать тот, что надену сегодня.

— Я буду в холле. Не забудьте подойти ко мне, перед тем как выйдете из отеля.

— А что, если я не хочу, чтобы вы шли со мной?

— От меня трудно избавиться.

— А сейчас вы меня отпустите?

— Вы не притронулись к еде.

— Я не голодна. Кофе меня взбодрил, и я чувствую себя вполне готовой немного поработать.

Он отпустил ее руку и вновь сосредоточил внимание на газетной статье.

Джордан в лифте доехала до первого этажа и сразу подошла к стойке, чтобы спросить, нет ли для нее почты. К удивлению Джордан, посылку действительно уже доставили. Меньше чем за сутки!

Вместе с книгой пришла записка от агента. Пробежав ее взглядом, Джордан сразу принялась

читать рукопись. «Легенды о вампирах и криминальное мышление».

Джордан читала, поднимаясь по лестнице. Вначале шло вступление — заметки об авторе, о полицейском по имени Шон Кейнади, который жил в Новом Орлеане. Его послужной список украшали многие награды, в отделе убийств он работал не один год.

Первый раздел книги в основном посвящен раскрытым уголовным делам, включавшим оккультизм и вампиризм. Причем речь шла не только о недавних преступлениях, но и о тех, которые происходили и век, и два века назад. Были также собраны отчеты по делам, в которых задействован каннибализм. От современных до злодейств знаменитого Джеффри Дамера.

Книга оказалась захватывающей, В номере Джордан легла с книгой на кровать и увлеченно читала, пока до нее вдруг не дошло, что она забыла запереть дверь.

Если верить тому, что она прочла, в ее ситуации просто необходимо запирает дверь.

Джордан встала, заперла дверь и снопа растянулась на кровати с книгой в руках. Рукопись была очень хорошо написана. Подробное изложение не казалось сухим, Не слишком много терминов — язык доступен и понятен обывателю. Один из разделов книги посвящен нераскрытым преступлениям и преступлениям, которые сейчас находились на этапе расследования, включая убийство нескольких проституток в Новом Орлеане. Оккультным убийствам, случившимся в ее родном Чарлстоне, тоже нашлось место в книге.

В книге автор упомянул также Стивена. Джордан прикусила губу, чтобы не расплакаться, когда читала строки о нем.

Одна из глав, написанная в соавторстве с психологами, посвящалась мотивации преступлений и психологическим портретам серийных убийц. Автор отмечал, что серийные убийцы, как правило, белые мужчины в возрасте двадцати — тридцати пяти лет, люди, в детстве нередко мучившие животных, имеющие постоянную, часто рутинную работу, женатые и не слишком привлекательные, но нередко серийные убийства совершаются и весьма интересными мужчинами, похожими на кинозвезд, с очень мощной харизмой.

Иногда убийцы оставляют росписи. Иногда они хотят, чтобы их поймали. Иногда им просто нравится играть с полицией: пуская сыщиков по ложному следу, они получают удовольствие.

Таких людей с натяжкой можно назвать нормальными. Но среди маньяков есть и серьезно больные.

Знания о вампирах пригодились во время поимки убийцы-вампира в Колорадо. Мужчина искренне верил в то, что он вампир. Страх, который он посеял в маленьком городке, убив несколько женщин, заставил жителей вооружиться осиновыми кольями и огромными распятиями, приносить из церкви сосуды со святой водой и выставлять их у дверей, а также увешивать оконные и дверные проемы связками чеснока. Убийца действительно избегал домов, в которых хозяева не постеснялись сделать подобные приготовления. Полиции доподлинно известно, что одна из намеченных жертв спаслась именно потому, что постаралась вооружиться против вампиров по старинной методике. Отпечаток ноги убийцы был обнаружен в саду, и после поимки он признался, что его отпугнул запах чеснока. В книге имелся список предостережений и инструкции, как оградить себя от вампиров. Многое Джордан уже знала, тем не менее продолжала читать.

«Избегайте находиться в одиночестве в темном и потенциально опасном месте.

Всегда держите окна и двери закрытыми.

Держите собаку — лай отпугивает не только вампиров, но и других преступников.

Никогда не пускайте незнакомцев в дом. Никогда».

И тут послышался стук в дверь.

От неожиданности Джордан чуть не подскочила к потолку.

Она посмотрела на часы. Три часа дня. Прошло несколько часов, а она даже не заметила.

Она вскочила, затем заставила себя снова сесть. У нее есть основания, чтобы не торопиться открывать дверь. Рукопись она сунула под подушку. Прежде чем открыть, она посмотрела в глазок. Вообще-то она ожидала увидеть Джареда и Синди.

Перед ее дверью стоял Рагнор.

«Никогда не пускайте незнакомцев в дом. Никогда».

Но...

Прошлой ночью она это сделала.

Глава 10

Стук повторился.

Джордан расправила плечи и мысленно встряхнулась. Кажется, чтение оказало на нее неожиданное влияние. В тот момент, когда он поднял руку, чтобы постучать еще раз, Джордан открыла дверь.

Он выжидающе посмотрел на нее, а затем на часы.

— Вы готовы? — спросил он.

— Для чего?

— Чтобы идти к Анне Марии. Вы собирались вернуть винил и взять взамен другое произведение искусства, что выбрал для вас Рафаэль.

Ей хотелось отослать его прочь. У нее уже не было желания идти вечером на бал. Возможно, дело в книге: она увлекала. Больше всего она хотела вновь погрузиться в чтение.

А может, она на самом деле просто сошла с ума? Рагнор такой... представительный. Не просто потрясающе хорош собой, он солидный человек. И умел внушить доверие. Ей очень нравился тембр его голоса, очертания скул...

Как уже бывало, ей вдруг страшно захотелось броситься к нему в объятия, уткнуться лицом в грудь и забыться, поверить, что все идет замечательно, нормально и что он не человек с кучей темных секретов... Просто позволить себе пойти на поводу своих чувств... Выключить свет, забыть о тенях, довериться темноте и вкусить того, что обещало его тело.

Джордан отступила в глубь комнаты. Нет, она не сошла с ума.

Джордан разрывалась между двумя желаниями, и второе было — дочитать книгу. Ей хотелось больше узнать об авторе, поговорить с ним и рассказать, что она видела...

И подумать о голове, объявившейся в Венеции во время карнавала.

Но она знала, что должна пойти на бал. И ей действительно надо вернуть один костюм и взять другой. И, конечно, она обещала Тифф прийти на коктейль. Если она не пойдет, то сильно подведет новую подругу.

— Конечно. Пошли.

— Разве вам не надо взять костюм из винила?

— Да.

Костюм висел на плечиках у окна на торшере. Когда она обернулась, Рагнор по-прежнему стоял в дверях.

Она пригласила его прошлой ночью и осталась жива и здорова.

Джордан убрала костюм в пакет и взяла сумочку.

«Убийца может быть обаятельным, привлекательным внешне и обладать располагающими манерами».

Джордан едва ли не бегом помчалась по лестнице — скорее в холл, где много людей.

Сегодня в самом отеле готовился бал.

Как бы ей хотелось остаться здесь, вместо того чтобы идти на мероприятие, организованное Анной Марией.

Но это было бы несправедливо по отношению к ее новой знакомой.

Анна Мария так добра к ней, все в магазине к ней так добры. Они проявили сочувствие, когда, казалось, вся Венеция ополчилась против нее, насмеялась над ней. Линн говорила, это будет приятное, красивое развлечение. Бал обещал замечательное времяпрепровождение, и, что бы там ни было, она пойдет туда.

Даже если за спиной она слышит шаги незнакомца... Рагнора.

— Где-то пожар? — спросил он.

— Что?

Она вихрем пронеслась через вестибюль. Не прошло и секунды, как они уже шли по улице. Он взял у нее из рук костюм.

— Вы ходите удивительно быстро для такой миниатюрной женщины.

— А вы ходите на удивление медленно для такого гиганта.

— Вы меня боитесь?

— Оттого, что вы либо лжете, либо уклоняетесь от ответов на мои вопросы.

— Я же ответил на все ваши вопросы. Меня зовут Рагнор Вулфсон, я из Норвегии, продаю антиквариат.

— И вы презираете графиню, но встречались с ней на площади. И общались в очень дружественной манере, если верить Рафаэлю. Что у вас с ней?

— Между нами ничего нет. Я встречался с ней раньше, и мы пришли к выводу, что не можем иметь ничего общего.

Где вы с ней встречались?

— В Шотландии. Несколько лет назад. Мы естественные враги. Этого достаточно? Неужели вы мне не верите?

— Нет.

— Ну что ж! Придется вам довольствоваться тем, что я сказал. И если вы так мне не доверяете, отчего же пошли со мной?

— Потому что я, кажется, не могу от вас избавиться. Он не ответил, только быстрее зашагал, и теперь Джордан приходилось бежать, чтобы поспевать за ним. За несколько минут они дошли до магазина Анны Марии. Линн курила у входа на улице.

— Привет, о друзья мои! — весело крикнула она по-итальянски и расцеловала обоих в щеки. — Мы уже начали волноваться. Решили, что ты не хочешь идти на бал.

— Я бы ни за что не пропустила бал у Анны Марии.

— Заходите, заходите. Костюмы для обоих уже готовы. Рафаэль оставил клиентку выбирать костюм, а сам подбежал к Джордан, он явно обрадовался ее появлению. Он расцеловал ее в обе щеки, поздоровался с Рагнором, забрал у него винил. Костюм для Джордан был уже приготовлен, но он все равно отвел ее в дальний угол, чтобы она выбрала маску.

— Вы слышали про голову? — шепотом спросил он.

— Да, — шепнула она в ответ и кивнула.

— В Венеции! Во время карнавала! — Рафаэля раздражало, что подобные преступления могут замарать облик красивейшего города мира. — Но вас подобное не должно волновать. Никто не знает, откуда она взялась. Полиция все еще выясняет. Полиция у нас действительно хорошая, и преступникам здесь не живется вольготно. Вы видели полисменов с автоматами, не так ли?

— Да, Рафаэль.

— Вы должны все равно любить Венецию.

— Я люблю Венецию.

Рафаэль вздохнул и, погладив страусиное перо на маске, посмотрел через плечо на Рагнора.

— Но вы нашли хорошего друга. Большого! Хорошо гулять по улицам с таким другом. Мучо мачо. Это по-испански...

— Я знаю.

— Означает — «очень мужественный мужчина».

Джордан рассмеялась.

Или, иначе, шовинист, — насмешливо произнесла она.

— Простите?

— Ничего, Рафаэль, ничего. Если мне захочется прочесть итальянскую газету, вы мне поможете?

— Конечно. Я готов во всем вам помогать. После сегодняшнего бала мы снова станем свободными людьми, и я с удовольствием проведу с вами время и помогу с итальянским.

— Спасибо. — Она поцеловала его в щеку. — Кем вы сегодня будете?

Он усмехнулся.

— Кем-то весьма дерзким и вызывающим. Сами увидите.

Рагнор беседовал о чем-то с Анной Марией. Рафаэль проводил Джордан до дверей, извинившись за то, что вынужден возвращаться к другим клиентам. Открылась дверь, и в магазин вошли Джаред и Синди. Синди выглядела очень усталой.

— Привет! — поздоровалась с Синди Джордан. Лицо Синди осветилось улыбкой.

— Джордан, как я рада тебя видеть. Я уже начала волноваться.

— Не надо было.

Синди посмотрела на Рагнора.

— Да, вижу, что не надо. — Она искренне радовалась встрече с Рагнором, чего не скажешь о Джареде.

— Тебе не кажется, что ты слишком много времени проводишь с этим парнем? — злобно зашептал он ей на ухо. — Ты ведь ничего о нем не знаешь.

— Нам оказалось по пути.

— Где ты находилась весь день?

— У себя в номере, работала.

Ее ответ, кажется, удовлетворил его. Джордан хотела верить в то, что Джаред просто играет роль заботливого старшего брата, но она чувствовала, что за его поведением стоит что-то еще.

Анна Мария окликнула Джареда, и тот подошел к ней и чинно расцеловал в обе щеки, улыбнувшись в ответ на что-то ею сказанное. Синди подошла к Джордан. Она подмигнула ей и, кивнув в сторону Рагнора, поведала с хитрой улыбкой:

— Да, девочка, он настоящий разбойник. Если бы не Джаред, я бы тоже на него глаз положила.

О, я просто обожаю Джаред, и в то же время он меня искушает.

— Синди, ты ошибаешься. У нас с ним ничего нет...

— Он с тебя глаз не спускает.

Как ты можешь говорить такое, когда на нем темные очки?

Синди захихикала.

— Могу.

— Я повторяю, между нами ничего нет.

— А зря. Стивена уже год как нет, — тихо добавила она.

— Тифф имеет на него виды. Именно поэтому она устроила вечеринку с коктейлями.

— Ты уверена, что нас пригласили? Мне Тифф ничего не говорила.

— Нас пригласили, я точно знаю, хотя, должна признать, я удивлена, что она ничего не сообщила вам с Джаредом. И ко мне не заглянула.

— Девушки, вы готовы? — спросил, обернувшись к ним, Джаред.

— Я еще не взяла костюм, — ответила Синди.

— Я взял, — ответил Джаред, посмотрев на часы. — Если мы хотим заглянуть к Тифф, а потом еще успеть на бал, нам пора идти.

— Да, надо ведь еще переодеться и привести себя в порядок.

— Увидимся на балу. Кем вы собираетесь там быть, Анна Мария?

— Хозяйкой.

— А я буду... ни за что не догадаетесь кем! — заявила Линн, хотя ее никто не спрашивал.

— А вы, Рафаэль?

Рафаэль приложил палец к губам, таинственно улыбаясь.

— Он будет чем-то очень ярким, — ответила за него Джордан.

— До свидания, — попрощался Рагнор и поцеловал Анну Марию в щеку. Он первым вышел из магазина, Джордан за ним. Но Джаред поймал ее за руку.

— Почему ты с ним идешь? Джордан выхватила руку.

— Джаред, мы, честное слово, идем в одно и то же место. И, кстати, Джаред, ты слышал, что в канале выловили человечью голову? Не рыбу, Джаред, а голову!

Джаред раздраженно вздохнул.

— Да, я слышал. Значит, графиня начала избавляться от тел. Расчленила их и бросила в воду.

— Это значит, что кто-то убит и голова была отрезана.

Эй, ребята, вы загородили проход, — заметила Синди.

Джордан пошла вперед, поравнялась с Рагнором и взяла его под руку. Он удивленно посмотрел на нее — она видела, как приподнялась его бровь, — и насмешливо улыбнулся, понимая, что такой милости обязан лишь тем, что Джордан устала от придирок брата.

— Будь с ним осторожна, — шепнул Рагнор.

— Он мой кузен. Я обожаю его. Он мне не чужой.

— Бывает так, что чужими становятся люди, которых, как думаешь, ты знаешь очень хорошо. Они наиболее опасны.

— Господи, хватит говорить загадками!

Он замолчал, и в молчании они пошли вперед, в нескольких ярдах впереди Джареда и Синди. Когда он заговорил, Джордан вздрогнула от неожиданности.

— Она плохо выглядит.

— Кто?

— Синди. Она очень бледна и измучена.

— Естественно, она устала. Каждую ночь вечеринки. И снова они замолчали. Неподалеку от отеля они прошли мимо витрины, в которой стоял манекен. Тот самый, что дважды смотрел на нее глазами Стивена.

Джордан даже не заметила, как снова остановилась у витрины и посмотрела на манекен. Просто кукла. И лицом на Стивена не похож.

— Что такое? — спросил Рагнор.

— Да так, ничего. — Она посмотрела на своего спутника. Сейчас уже стемнело и он наконец снял солнечные очки. Она удивилась пристальности его взгляда. — Ничего, — повторила она. — Мне просто нравится его наряд.

— И вы называете меня лжецом! — тихо произнес он.

— Нам надо торопиться, если мы хотим посидеть у Тифф. Итак, мистер Вулфсон, в Венеции есть женщина, которая от вас без ума.

— Она приятный человек.

Джордан улыбнулась. Ей самой очень понравилась Тифф, что-то в ней было располагающее. Но Джордан не уверена, что Рагнор выбрал правильное определение.

— Мне кажется, что она находит вас куда более интригующей личностью, чем просто «приятным человеком».

Рагнор замедлил шаг, глядя на Джордан.

Возможно, ей встретится тот человек, которого она ждет. Какой-нибудь небедный джентльмен лет под девяносто. Вы ничего не знали о ее вечеринке с коктейлями до того, как я вам о ней сказал, не так ли?

— Я просто удивилась. Как я уже говорила, я видела вас вместе.

— Мы не были вместе.

— Она хочет, чтобы вы посмотрели на ее палаццо.

— Я видел ее палаццо.

— Ладно. Она хочет, чтобы вы увидели ее палаццо с Тифф внутри.

Он ничего не сказал. Когда они подошли к отелю, Рагнор вдруг спросил:

— А вы ко мне вообще не испытываете интереса?

Джордан рассмеялась. Разговор начал ей нравиться. Да, возможно, она испытывала бы к нему нечто большее, чем просто интерес... если бы они встретились раньше. И при иных обстоятельствах. Если бы не сон со Стивеном. Если бы...

— Я вам не доверяю, — промолвила она.

— Но вам приходится мне доверять.

— Если вы хотите, чтобы я вам доверяла, вы должны найти способ убедить меня в необходимости вам доверять.

Они подошли к отелю. Джордан прошла через вращающуюся дверь. Когда она попросила у консьержа ключи, Джаред оказался у нее за спиной.

— Через полчаса встречаемся здесь, в холле. Вечеринка у Тифф — одна головная боль. Джордан обернулась.

— Джаред, ты не обязан туда идти. Я пойду. Она стала мне подругой.

— Вот как!

— Джаред, она же твоя клиентка! На ней ты заработал кучу денег.

— Ну и что?! Общаться с такими женщинами в неформальной обстановке вредно для репутации.

— Она честна и откровенна. И она мне нравится. Но я не обижусь, если ты не пойдешь.

— Нет, мы с Синди пойдем. — Джаред посмотрел через плечо туда, где Синди разговаривала с Рагнором. Джордан показалось, что Джаред зло сжал зубы, и она поняла, что кузен не столько беспокоится за свою сестру, сколько злится на Рагнора. Откуда такая враждебность?

— Хорошо, через тридцать минут в холле.

Она взяла свой костюм из рук Рагнора, вежливо поблагодарила за помощь и поспешила наверх. Синди, которой Рагнор явно очень нравился, лишний раз напомнила ему о том, что они

должны встретиться в холле через тридцать минут.

У Джордан едва хватило времени принять душ и переодеться. К счастью, карнавальный костюм надевался легко, так же как и маска и головной убор в виде украшенной стразами тиары. Джордан несколько раз провела щеткой по волосам, прежде чем надеть шляпу, чуть коснулась щек гримом с блестками и была готова. Уже направившись было к двери, она вдруг остановилась в раздумье.

Горничная положила рукопись книги о вампирах на письменный стол рядом с компьютером. Джордан подошла к столу и открыла рукопись на той странице, где указывалось издательство, в котором ее должны опубликовать. Некое «Демак паблишинг», Новый Орлеан. Там же был указан адрес e-mail для запросов. Бросив на пол свою маленькую, расшитую стразами сумочку, она села за стол и напечатала послание автору, коротко представившись и сообщив, что она высоко ценит возможность с ним поговорить, скажем, через чат в Интернете.

Джордан отправила сообщение и, испытав удовлетворение, поспешила в холл.

Сегодня Рагнор выбрал облик англичанина середины шестнадцатого века, надев самый популярный здесь черный плащ и цилиндр. Синди очень шел замысловатый костюм эпохи королевы Елизаветы, а Джаред остался верен своему костюму дотторе.

— Я абсолютно уверена в том, что запомнила дорогу. Но, может быть, мне стоило вновь попросить консьержа, чтобы набросал маршрут? — спросила у собравшихся Джордан.

— Я знаю, где расположено палаццо, — сообщил Рагнор.

— Тогда вы поведете, — зевнула Синди. — Господи, все вечеринки так утомительны! Я проспала полдня и все еще чувствую себя в полном изнеможении.

Хорошо, что, несмотря на усталость, Синди пребывала в веселом настроении. Джаред казался напряженным. Выйдя из номера в маске, он не снимал ее и на улице. Рагнор был молчалив и, как показалось Джордан, держался настороже с Джаредом, проявляя неизменную вежливость и любезность к Синди.

Проходя по мосту Вздохов, они говорили об истории его сооружения и о пленниках, которые знали, что были обречены на долгие годы заточения, перейдя через него. Затронули в разговоре и знаменитых людей, которые побывали в упоминаемой тюрьме, в том числе и Казанову.

Джордан держалась впереди группы. Отчего-то ее охватила тревога, хотелось как можно быстрее добраться до Тиффани. Но когда они пришли, на стук никто не откликнулся.

Постояв немного, попробовали постучать еще — теперь стучал Джаред.

Опять никакого ответа.

Все чувствовали себя крайне неловко.

— Ну, здорово! Она всех нас пригласила, а самой дома нет. Ты уверена, что время правильное и день тот? — спросил Джаред, обращаясь к сестре.

— Перед балом у Анны Марии, — ответил за нее Рагнор. — Все верно.

Джаред еще раз постучал. Все ждали ответа.

— Ну просто ни в какие рамки не укладывается! — недовольно пробурчал Джаред.

— Я за нее беспокоюсь, — заволновалась Джордан.

— Она за нее беспокоится! Твоя подруга заставила нас прошагать пол-Венеции, а самой дома нет!

— Но разве ты не понимаешь, именно поэтому я и волнуюсь! Она действительно хотела нас видеть, — возразила Джордан. Она еще постучала в дверь, затем отошла и, задрвав голову, крикнула: — Тифф!

— Джордан, если она не слышит стук медного молотка, то уж твой голос точно не расслышит, — объяснил Джаред. Он посмотрел на часы. — Даем ей пять минут.

Все четверо стояли, неловко переминаясь, у входа в палатку.

— Я думаю, нам следует вызвать полицию, — решила Джордан.

— «Полицию»! — передразнил ее Джаред. — Из-за того, что она забыла о гостях, которых пригласила к себе?

— Она не могла забыть, я точно знаю, — уверяла Джордан.

— Подергай дверь, — предложила Синди. Джаред дернул за ручку.

— Заперто. Крепко.

— Я просто уверена, что она не могла забыть, — стояла на своем Джордан.

— Но ты сама сказала, что не получала сегодня от нее никаких вестей.

— У меня на руках много билетов на бал Анны Марии, — сказал Джаред. — Я не могу явиться слишком поздно, если она до сих пор нас даже не впустила...

— Послушайте, — предложил Рагнор, — почему бы вам троем не отправиться к Анне Марии? Я подожду здесь немного и посмотрю, не появится ли она.

— Я думаю, мне тоже следует остаться, — предложила Джордан.

Тут даже Рагнор потерял терпение.

— Иди, Джордан. Я подожду еще Тифф несколько минут, а потом вас догоню.

Джордан пожала плечами. Ну что же, если Тифф действительно вернется домой в ближайшее время, она будет в восторге, увидев Рагнора одного.

Самое уместное — удалиться.

Но Джордан чувствовала, что здесь что-то не так.

— Я буду здесь, — твердо заявил Рагнор.

— Хорошо, — наконец согласилась Джордан. Она пошла следом за Джаредом и Синди.

Оглянувшись, она увидела, что Рагнор остался ждать: высокий, в черном плаще, со скрещенными на груди руками — словно часовой на посту.

— Джордан, пошли, — позвал ее Джаред.

Джордан споткнулась, и Джаред подхватил ее под руку. Они пошли по узким улочкам к остановке вапоретто, который должен доставить их на бал Анны Марии.

Рагнор смотрел им вслед. Дождался, пока они уйдут.

Когда они повернули за угол, Рагнор снова проверил замок. Дверь действительно заперта. Рагнор огляделся.

Темень, ни одного огонька.

И тогда он проник в палаццо.

В фойе пусто. Никаких следов борьбы. Мраморные полы блестели.

Тифф! — позвал он.

Он поднялся наверх, вышел на балкон, прошелся по комнатам. Зашел в спальню. Кажется, ничего не пропало. Огромная кровать тщательно застелена шелковым покрывалом. Он хотел развернуться и уйти, как почувствовал еле уловимый запах.

Кровь.

Он подошел к кровати и уставился на шелк.

Вот она, крохотная капля.

Возможно, Нарри того и не хотела, но она оставила свою визитную карточку.

* * *

— Мариса, пойдём!

Мариса Косолович повернула голову и увидела, что ее друзья Джозеф, Эри и Лизабет ее ждут.

Она нетерпеливо тряхнула каштановой гривой роскошных волос. Они стояли у стойки трактира, и, пока ее друзья тратили собственные драгоценные деньги на кофе, ей удалось заполучить свою чашку, раскрутив высокого итальянца в красивом костюме. Он не был молодым, но и старым тоже не был. Где-то между тридцатью и сорока. Мужчина хоть куда, наверное, бизнесмен, с блестящими карими глазами и искромётной улыбкой. Она болтала с ним о приезде сюда с друзьями, и по ее рассказу выходило, что они прибыли на карнавал самолетом — небедные молодые люди, путешествующие по миру, но никак не оборванцы из страны, терзаемой войной, бедняки, чей автобус стоит припаркованным у железнодорожного вокзала. На самом деле у них почти не было денег, они спали в автобусе, который их и привез. Они приехали сюда, зная, что жить им будет негде, да и продукты из дома прихватить не могли, потому что взять там было нечего. И все ради того, чтобы полюбоваться Венецией во время карнавала.

Мариса вздохнула. Других такая ситуация, казалось, не угнетала. Но не ее. На самом деле она рассчитывала найти каких-нибудь американцев — у них, как правило, денег больше всего, и

они легко поддаются влиянию любого иностранного акцента. Ей нравились американцы, и она очень хотела попасть в Америку. Когда солдаты прибыли в их деревню, чтобы раздавать еду, они все в нее влюбились. Тогда Мариса решила, что выйдет за одного из них замуж и уедет, но войска долго не простояли. Так ей и не удалось ни с кем из них по-настоящему познакомиться. Но они говорили тем не менее, что она красива. Их взгляды были красноречивее слов.

Больше всего на свете ей хотелось вырваться из своей бедной страны.

На карнавале всегда полно иностранцев, многие из них — американцы. Она уверена, что за двое суток, пока автобус стоит в Венеции, она найдет нужного человека.

Она сама выбирала тратторию, чтобы в ней покрасоваться, но, как назло, ни одного американца там не оказалось. Впрочем, итальянцы тоже славные ребята. Один из них купил ей эспрессо и предложил что-нибудь поесть. От кофе она не отказалась, но есть не стала, бог знает почему! Она чертовски проголодалась, но не хотела выглядеть голодной, вот почему. И она не хотела походить на женщину, которая через пару лет может стать круглой, как помидор.

Лизабет стояла в дверях и вид имела суровый. Эри просто не терпелось уйти оттуда. Джозеф был озабочен.

Они четверо были просто друзья. Приехали из одной деревни. Вернее, из того, что от нее осталось.

Она подняла палец, давая понять, что хочет еще поговорить с бизнесменом, но тот, к ее разочарованию, отвернулся к друзьям. По телевизору стали показывать какое-то спортивное соревнование, и он о ней забыл.

— Мариса! На площади начнется представление через пару минут! — сообщил Джозеф. Высокий, костлявый и нескладный, Джозеф производил впечатление юноши, который годами недоедал. Так оно и было.

Мариса отошла от стойки и пошла к двери.

— Мариса, так нельзя приставать к людям. У них может сложиться о тебе превратное представление. Эри и Лизабет уже шли впереди.

— И что ты понимаешь, Джозеф? — спросила она.

— Что ты доступна, что мы все доступны, что у нас ни гордости не осталось, ни достоинства.

— А что, не так? — с вызовом бросила она.

— Наша страна через многое прошла, но зато у нас выработался характер. Сильный характер.

— Наша страна — чертова дыра, и солдаты придут туда снова и снова. И снова будут рваться бомбы.

Джозеф покачал головой.

Нет, мир уже установился. И мы все отстроим заново.

— Ты будешь строить все заново. А я домой не вернусь. Джозеф смотрел на нее с нескрываемым удивлением.

— Что ты хочешь сказать?

— Я остаюсь в Венеции.

— Ты не можешь остаться в Венеции. У тебя нет документов. Ты не говоришь по-итальянски!

— Я научусь.

— И что ты будешь делать?

— Выживать.

— Как?

— Я заведу друзей.

— Ты будешь проституткой.

— Я заведу друзей, — зашипела она на него. — Послушай, Джозеф, ты все время говоришь мне, что я красивая. Я использую свою внешность.

— Для меня ты красивая. Здесь красивых молодых женщин полно. Для меня ты особенная. Для других...

— Для других — что?

— Ты слишком... распущенная.

— Я буду тем, кем я должна быть! — сердито ответила она. — Я привлекательна только для тебя, верно?

Она сердито пошла вперед. Мимо Лизабет и Эри.

— Эй! — окликнул ее Эри. — Что ты вдруг так заторопилась?

Она смогла сшить из старого тряпья костюм наложницы, но в старых тряпках она выглядела лучше, чем многие богатые туристы в дорогих, сшитых на заказ костюмах.

— Вы ведете себя как застенчивые маленькие беженцы! — сообщила она друзьям. — Я же собираюсь повеселиться сполна.

— Она решила остаться, — понуро уведомил друзей Джозеф. — Она собирается встретить богатого американца, чтобы он ее отсюда увез.

— Джозеф сказал, что я красивая только для него, — огрызнулась Мариса.

— Мы все красивые только для наших друзей, — нахмурилась Лизабет. Она молилась на полу автобуса целый час, перед тем как забраться на свое сиденье и залечь спать.

Мариса шла впереди друзей. Люди в костюмах и масках останавливались и кланялись ей. Один высокий и стройный мужчина в костюме и маске не только поклонился, он взял ее руку, низко склонился над ней и поцеловал, что-то сказав на итальянском.

Красивая. — оценил он по-английски.

Спасибо, — ответила она.

И куда вы идете? — спросил он.

— На площадь, послушать музыку.

— А, тогда, может быть, я снова вас найду, красавица.

Он прошел мимо. Эри, Джозеф и Лизабет нагнали ее.

— Вот, видели! — обратилась она к ним.

— Мы уже придем, наконец, на площадь? — спросила Лизабет. — Мы все знаем, что ты красивая и умеешь себя подать.

— И останешься в Венеции, — язвительно повторил Джозеф. Джозеф питал к ней более сильное чувство, думала Мариса. Увы, у Джозефа ничего не было за душой и перспектив тоже никаких. Если она совершит глупость и выйдет за Джозефа, каждый год у них будет рождаться по младенцу, она растолстеет, и всю оставшуюся жизнь проведет за стиркой белья, выпеканием хлеба и мытьем посуды в Богом забытой деревушке. Мариса не хотела обижать Джозефа, но она видела то, чего он видеть не мог. Война никогда не кончится. Солдаты снова придут, мужчины пойдут воевать, а деревня их останется слабой и беззащитной, и ничего они не смогут сделать, когда враг, который сильнее их, придет в их деревню и выгонит их оттуда. Когда враги будут насиловать женщин и жечь дома.

— Прости, Джозеф, — еле слышно произнесла она. Они не так далеко успели отойти от трагедии, когда Джозеф решил, что они свернули не туда. Здесь почти не было людей.

— Нам надо возвращаться.

— У тебя есть карта? — спросил Эри.

Джозеф достал карту, Мариса огляделась. Здесь темно. Воды канала казались черными. Несколько фонарей отбрасывали черные тени на черный тротуар и черные стены домов.

— Сюда, — позвал Эри.

— Нет, я думаю, нам надо туда, смотри-ка на карту, — возразила Лизабет.

Мариса ни на кого не обращала внимания. Когда глаза ее привыкли к темноте, она увидела мужчину, поднимающегося по ступеням дома, в плаще и маске. Она почувствовала, как сердце ее забило. Может, тот самый, что поцеловал ее руку?

Он, словно почувствовав ее взгляд, обернулся и, приложив палец к губам, вернее, к тому месту, где должны быть губы — из-за маски лица не было видно, — поманил к себе.

И скрылся за дверью.

— Я иду туда, — сказала она.

— Мариса, оставайся с нами! — велел ей Джозеф.

— Я не могу остаться с вами, так я никуда не приду!

— Значит, так, — объяснил Джозеф. — Мы идем к тому мосту, переходим его и попадаем на площадь. Когда тебе надоест темнота, присоединяйся к нам.

Даже Джозеф повернулся к ней спиной, облегчив Марисе ее задачу. Они двинулись в путь, а Мариса прижалась к стене дома и стала ждать, пока не стихло эхо их шагов. А потом побежала вверх по ступеням.

Дверь была приоткрыта. Она распахнула ее пошире.

— Есть кто?

Внутри было темно, но кое-где горели свечи. Мариса прошла вглубь, оглянувшись на дверь — ей показалось важным, чтобы она осталась приоткрытой, — и пошла дальше по коридору, образованному колоннадой.

— Есть здесь кто? — еще раз громко спросила она. Стены отражали ее голос — эхо казалось зловещим шепотом. Мариса продолжала идти вперед. Церковь, наверное, с неким благоговейным страхом подумала она, но не такая церковь, как другие. Скамеек для прихожан она не увидела, и когда подошла к алтарю, то заметила, что над ним нет креста. Только рисунки. Один очень странный рисунок, на котором ангел рвал зубами жертвенного агнца. Рисунок висел как раз над алтарем на месте креста. Она огляделась. У церкви, как и везде, были боковые часовенки. Они тонули во мраке — одни занавешенные, другие открытые. Мариса заморгала. Ей показалось, что из боковых нефов вылетели тени.

Он что, играл с ней?

— Я знаю, что вы здесь! — произнесла она, проходя по левой стороне неф за нефом. Свечи горели. Странная черная ткань покрывала алтарь.

Она приостановилась, думая, что слышит шепот или шипение. Крылья трепетали вокруг нее. Она слышала звуки шагов — эхо от каменного пола.

Я не собираюсь играть с вами вечно, знаете ли! — опять произнесла она.

Перекрестившись, она пошла по правому центральному проходу, мимо маленьких боковых нефов, глядя на рисунок, висящий над покрытым черной тканью алтарем. Некто в терновом венце держал связку отрезанных голов.

Ей внезапно стало холодно в костюме наложницы. И снова ей послышался шепот или шипение. Звук катился по проходу.

— Эй, вы где? — позвала она, разозлившись и уже не на шутку испугавшись. — Если вы хотите, чтобы я осталась, покажитесь!

Пламя свечей на алтаре метнулось в сторону, воск затрещал. Что-то со свистом или шипением пронеслось мимо, коснулось волос.

Мариса медленно начала пятиться.

Вначале она едва расслышала скрип. Оглянулась — и увидела, как закрылась дверь. Медленно закрылась. И звук закрываемой двери отозвался в ее сердце ужасом.

Она помчалась к двери, но тут она с силой захлопнулась.

Мариса бросилась на дверь, принялась бить в нее кулаками, кричать, ругаться.

Наконец она вымоталась.

Она оглянулась на алтарь.

— Я пойду в полицию. В полицию, вы меня слышите? — Набравшись храбрости, она решительно направилась к алтарю. — Я уйду отсюда, вы понимаете? Вы понимаете?!

И вот тогда... Словно ее коснулись льдом. Словно ледяной палец, взявшийся из ниоткуда, невидимый, жуткий, протянулся к ее затылку, прошелся вниз по позвоночнику.

Она стремительно обернулась и завизжала от ужаса.

Он был там. Человек в черном плаще и странной маске медленно шел к ней. Она смотрела на него и чувствовала, как горло сдавливает спазм.

Но сказать ей было нечего.

Он шел очень медленно. Она могла видеть его глаза. Теперь они не казались такими красивыми, но она смотрела прямо в них и не могла оторвать взгляда.

Он подошел к ней и расстегнул крючки лифа ее костюма наложницы. Она хотела приказать ему остановиться, но не могла говорить, как не могла отвести взгляда от его глаз. Он запустил руки под ткань, и лиф соскользнул с плеч и упал на пол со странным шелестом. Он отступил.

— Красивая, — признал он.

Затем поднял руки — так воздевают руки к небесам монахи.

— Дети мои, я привел вам красавицу! — провозгласил он.

Она по-прежнему не могла отвести взгляда от его глаз. Она снова услышала шелест, шепот, шипение. Дуновение ветра и свист, что-то обвивало ее, что-то касалось ее волос.

И тогда зашевелились тени.

И опустились.

На одно краткое мгновение ей пришло в голову, что она могла бы поехать домой. Она могла бы выйти за Джозефа и нарожать ему дюжину детей, растолстеть и печь хлеб.

Она почувствовала первое прикосновение.

И начала визжать.

И визжала.

И, когда ее подняли и положили на алтарь, она поняла, что говорила правду.

Ей суждено остаться в Венеции.

Остаться навсегда.

Глава 11

К тому времени как они добрались до дворца, который Анна Мария арендовала для проведения бала, празднество уже началось.

У остановки водного такси их встретили одетые в карнавальные костюмы хозяева бала, а у входа во дворец гостей приветствовали фанфары. Они вошли в просторный холл, где уже собралось много гостей — все в костюмах и масках. Люди общались и угощались закусками, сервированными на столах, расположенных вдоль стен. «Беллини» и шампанское разносили официанты в традиционных черных костюмах.

Джаред тут же обступили партнеры по бизнесу. Он представил незнакомых друг другу, после чего начался разговор об организации посещения Венеции выпускниками одной из художественных школ США.

Синди предложила перекусить.

— Я за! Джордан, так как насчет того, чтобы что-нибудь пожевать?

Джордан бродила взглядом по залу.

— Я ищу Тифф.

— Она появится, — пролепетала Синди. — Джордан, мне Тифф нравится. Честно. Она резковата, у нее темное прошлое, но мне она, повторяю, нравится. Только, Джордан, Джаред знает ее лучше нас с тобой: вот уже несколько лет подряд он организует для нее поездки, и она все время заставляет его все менять в последнюю минуту. У нее ветер в голове. Так что не расстраивайся и не порть себе вечер.

Джордан ничего не сказала. Синди не могла знать, что у Тифф серьезные виды на Рагнора. Впрочем, Рагнор остался ждать ее, так что ей ничего не оставалось, кроме как надеяться, что он все устроит. Вечеринка обещала быть веселой и интересной. На возвышении у подножия широкой парадной лестницы танцевали под звуки флейты наряженные наложницами из восточного гарема юные девушки. В толпе то тут, то там мелькали арлекины, показывающие фокусы. Все одеты как нельзя лучше. Таких нарядных костюмов Джордан еще не видела. От блеска драгоценностей слепило глаза. Гладиаторы, лесные нимфы, рыцари и их дамы, повесы времен Эдуарда Седьмого, благородные разбойники — все смешалось, танцевало, жевало, пело. На столах красовались ледяные скульптуры, нарядные цветочные аранжировки, сверкающие кофейники. Оформление столов настолько поражало красочностью, изяществом и обилием, что можно просто растеряться.

— Эти маленькие печенья на вкус так же прекрасны, как и на вид, — заметила Синди, с удовольствием откусив кусочек, — а я, надо сказать, страшно проголодалась.

Золотистая блондинка, высокая и стройная, в полумаске, шляпе с пером и платье эпохи Регентства, Синди была очень хороша, если не считать излишней бледности кожи и впалых щек. Джордан подумала, что Синди действительно стоит поесть как следует.

— Отведи меня к столу, — попросила она.

Не успели девушки попробовать угощение, как к ним подошла элегантная южная красотка в корсете и множестве пышных юбок, с красивыми вьющимися волосами.

Чао! приветствовала красотка.

Чао! — ответила Джордан, уставившись на незнакомку.

— Чао! — вежливо поздоровалась Синди.

Джордан и Синди выжидающе смотрели на красотку. И тут незнакомка разразилась хохотом.

— Это же я!

— Рафаэль! — пробормотала Джордан, не веря глазам.

— Разве я не хороша? — кокетливо повернувшись и шурша юбками, спросил Рафаэль.

— О, вы превзошли самого себя! — выдохнула Синди. Рафаэль захлопал ресницами. Джордан успела подумать о том, как ему удалось наклеить их совсем незаметно.

— Ты чудо! — оценила Джордан.

— Благодарю, — скромно потупился Рафаэль, — и вы, дамы, великолепны.

— Спасибо, — поблагодарила Синди.

— Здесь каждый впечатляет, — призналась Джордан, — хотя ты превзошел всех. Рафаэль, ты, между прочим, не видел Тифф Хенли?

— Нет, не видел. Впрочем, разве можно здесь кого-то узнать? Может, и видел. Если бы я с вами не заговорил, вы бы догадались, что это я?

— Логично, — ответила Синди.

— Она подойдет, — нахмурился он и уточнил: — Вы должны были здесь с ней встретиться?

— Нет, она пригласила нас на вечеринку с коктейлями перед балом, но, когда мы пришли, ее не оказалось дома.

Рафаэль помахал рукой в воздухе, давая понять, что Тифф весьма необязательная личность.

— Она, наверное, забыла, что вас пригласила. Снова зазвучали фанфары.

— А, вот и началось. Нас приглашают наверх занять места.

— Идите вперед, — предложила Синди, — а я поищу мужа. Рафаэль взял Джордан под руку, улыбаясь ей.

— Твой наряд что надо. Ты великолепна и загадочна, как сирена.

— Спасибо, но с тобой мне все равно не сравниться. Рафаэль довольно засмеялся.

— Мы двое будем здесь самыми красивыми. Я буду сидеть с вами. Анна Мария хотела посадить тебя, Джареда и Синди за один стол с деловыми партнерами Джареда, но я не мог такого допустить.

Спасибо.

— Со мной тебе будет веселее.

— Я уверена.

— И я умею танцевать. Все мужчины будут пытаться нас разбить. А мы будем выбирать самых лучших.

— Согласна целиком и полностью. Кто еще с нами за столом?

— Линн. Она помогла мне убедить Анну Марию в том, что тебя нельзя оставлять наедине с председателем ассоциации путешествующих дантистов или агентом группы американских банкиров. Его жена... Ну, сидеть с ней — все равно что сидеть с флагманским фрегатом: она такая седая, монументальная и серьезная. Я еще ни разу не видел, чтобы она улыбалась. Я думаю, она нарядилась франкской королевой Брунгильдой.

— Быть может, она весьма приятная леди. Рафаэль с улыбкой приподнял бровь.

— Я всегда могу уступить свое место за столом.

— Не обижайся. Кто еще будет с нами?

— За каждым столиком сидят по десять человек. За нашим — Джаред и Синди, Линн, я, автор кулинарной книги и ее муж — оба англичане, художник из Англии, его жена и мой друг, полицейский Роберто Капо. Тебе ведь он понравился, верно?

Джордан Роберто Капо вполне устраивал. Он понравился ей уже за то, что не считал ее ненормальной, как все остальные.

И у него она могла спросить по поводу головы в канале.

— А как насчет Тифф?

— О, ее место уже давно распределено — она сидит с другими людьми. Но, если хочешь, мы можем ее позже поискать.

— А Рагнор?

— Он говорит хорошо на многих языках — мы посадили его за столик с несколькими парами из Скандинавии и Германии. На севере большинство людей говорят по-английски. Понятно почему. Куда ты еще, кроме Швеции, можешь поехать, если говоришь на шведском? И все же Анна Мария очень старалась, чтобы рядом сидели люди, которые говорили бы на одном языке.

— Где она сама будет сидеть?

— Анна Мария не сидит, она порхает! — Рафаэль закатил глаза. — Она хозяйка, и поэтому сидеть ей некогда. Она всю ночь на ногах — следит, чтобы всем было хорошо. Надо сказать, что она и нам спуску не давала. Но она не требует ничего взамен. Она замечательная.

— Вне сомнений, — согласилась Джордан. На верхней площадке лестницы их встретила «стража» в костюмах швейцарских гвардейцев. Гостей проводили в большой бальный зал, где находилось еще больше столов, уставленных изысканнейшими закусками. В дальнем углу помещения на помосте играл камерный ансамбль.

— Вот мы и пришли, — указал на их стол Рафаэль. Роберто Капо и две другие пары уже сидели.

Мужчины встали, когда Рафаэль представлял гостей друг другу. Английского художника звали

Питер Смит, его жену — Шерри. Американку, написавшую кулинарную книгу, — Мэри Уинстон, а ее мужа — Фред. Они оба выглядели веселыми толстячками — наглядная иллюстрация того, как можно наслаждаться рецептами Мэри. Джордан не помнила, чтобы ей попадалась на глаза книга Мэри, но, если ей случится написать рецензию, надо найти хорошие слова для автора.

— И, наконец, Роберто, — закончил представление Рафаэль, сумевший даже из такого обыденного действия сотворить шоу.

— Как поживаете? — спросила Джордан, улыбнувшись Роберто.

— Я счастлив видеть вас, — ответил Роберто.

— *Il piacesse e mio*, — отозвалась она, довольная тем, что эквивалент фразы «мне вдвойне приятно» она научилась произносить на итальянском почти без акцента.

Он улыбнулся, и она села рядом с ним.

Вскоре подошла Линн, одетая как матадор, с черными усами, в красном плаще и с пикой.

— Боюсь, она пластиковая, — заявила Лини, чуть не проткнув юбки Мэри Уинстон в стиле Марты Вашингтон.

Подошли Джаред и Синди, и снова начались представления. Джордан восхищалась умением Анны Марии устраивать рауты. Компания подобралась идеальная — за столом сразу возникла непринужденная атмосфера, располагающая к приятной беседе. Временами ей казалось, что Роберто не все понимает, но тогда Рафаэль быстро переводил ему сказанное. Подошли официанты, наполнили бокалы, и все двинулись к буфету.

— До замужества меня звали Астрелла, — сообщила Джордан Мэри Уинстон, пока они стояли в очереди. — Мне так нравится итальянская кухня. Моя следующая книга будет посвящена блюдам Тосканы. Не могли бы вы написать рецензию для ваших газет?

— С удовольствием.

— Мое издательство совсем маленькое, — со вздохом призналась Мэри, — а ваши рецензии так популярны, что они не решаются вам присылать свои книги. Спасибо вам.

— Вам спасибо. Я не знала, что я так популярна.

— О, вы пробовали каракатицу?

— Спасибо, я уже пробовала. Пожалуй, возьму меч-рыбу. Когда беседа возобновилась за ужином, Джордан, пользуясь тем, что сидит рядом с Роберто Капо, спросила тихо:

— Я слышала, что в канале нашли отрезанную голову. Роберто показался расстроенным.

— Вы не должны волноваться...

— Я не волнуюсь.

— Вы... Вы полагаете, что были правы насчет графини?

— Я не знаю. Мне просто любопытно. Уже выяснили, кому принадлежала отрезанная голова?

Уже выяснили...

Джордан осеклась. Она заметила, что говорит слишком быстро для Роберто Капо.

Но Рафаэль пришел ей на помощь. Он слышал, о чем она говорила, и тихо перевел ее слова своему другу из полиции, Рафаэль тактично сделал так, чтобы Джаред не услышал, о чем шла речь. Он чувствовал, что Джордан не хочет, чтобы Джаред знал.

Роберто покачал головой и ответил Рафаэлю на итальянском.

— Голова все еще у судебных медиков. Тело пока не найдено, и сравнение с описаниями пропавших за последние месяцы людей тоже ничего пока не дало. Сейчас идет работа над тем, чтобы по тому, что осталось от головы, воссоздать изображение человека и разослать по всей Европе для опознания.

Джордан расстроилась, так как ничего нового не узнала.

— Я понимаю вашу озабоченность, — проговорил Роберто.

Джордан кивнула. Джаред смотрел на нее с подозрением. Когда он повернул голову, Джордан машинально отметила, что черты его лица стали резче, щеки впали. Возможно, она причинила кузену больше неприятностей, чем думает, и из-за нее у Синди такой бледный и утомленный вид.

И все же Джордан чувствовала, что правда на ее стороне. Либо графиня действительно принимала у себя компанию монстров, одержимых страстью к убийству, либо ее чувство юмора и представление о том, как следует развлекать гостей, извращены сверх всякой меры.

Между тем подали кофе и десерт и объявили дальнейшую программу праздника. На первом этаже начинают выступать рок-музыканты, а сам бал должен происходить в зале на втором этаже. Там же будут работать хироманты и предсказатели судьбы по картам Таро — у самого входа в бальный зал. Жонглеры и фокусники будут переходить с этажа на этаж. Кофе, сладости и ликер подаются на каждый столик. Для любителей острых ощущений на втором этаже в дальнем зале открыт «Дворец наслаждений».

— Потанцуем? — предложил Рафаэль.

— Еще никогда меня не приглашала танцевать столь очаровательная красотка, — ответила Джордан.

Рафаэль решил, что стоит для начала станцевать что-то быстрое под рок-музыку, и повел Джордан вниз, на первый этаж, но на подходе к лестнице Джордан остановила его.

— Где должна сидеть Тифф?

— За седьмым столиком, как мне кажется. В том зале, где разместился «Дворец наслаждений». Думаю, что Тифф одним посещением не ограничится, — с усмешкой заметил Рафаэль.

Они подошли к седьмому столику. Столик уже опустел, но со стороны казалось, что свободных стульев там не было — на каждом кто-то сидел.

Рафаэль пожал плечами.

— Теперь понимаешь, почему мы не очень переживаем из-за Тифф? Не переживай и веселись

по полной!

— Подожди... А где должен сидеть Рагнор?

— За восемнадцатым столиком — этажом выше. — Рафаэль удрученно вздохнул. — Ну что же, пойдём посмотрим. Но и восемнадцатый стол оказался пуст.

— Может, они оба решили попытать счастья, — предположил Рафаэль. — Забудь о них.

И они пошли вниз танцевать. Как и предсказывал Рафаэль, их парочку разбивали весьма часто. Джордан пригласил некто в костюме дотторе. Джордан решила, что это Джаред, но, когда она заговорила с ним, а он не смог ответить, Джордан поняла, что ошиблась. Он по-итальянски поблагодарил ее за танец, прежде чем откланяться.

В облике его ей показалось что-то очень знакомое...

Но Джордан некогда было поразмыслить на сей счет, ее уже пригласил танцевать коротышка в костюме Цезаря. В зале она насчитала человек пять дотторе, и все были примерно одного роста.

Около полуночи Рафаэль удалился, чтобы потанцевать с Анной Марией. Партнером Джордан оказался красавец в национальном испанском костюме, который веселил ее тем, что показывал огромные бицепсы правой руки и куда меньшие левой — результат многих лет игры в джай-алай, чем-то напоминающий бейсбол.

Когда танец закончился, Джордан поблагодарила его и направилась к Анне Марии и Рафаэлю. Анна Мария, одетая в костюм Марии Стюарт, расцеловала Джордан в обе щеки. Джордан сказала ей, что праздник удался на славу, и спросила о Тифф.

Анна Мария ответила примерно так же, как Рафаэль:

— Должно быть, она очень умело замаскировалась, по крайней мере, я ее не видела. — Анна Мария нахмурилась. — Кажется, все места были заняты, но, поскольку здесь собрались люди, которые знают друг друга много лет, они могли поменяться местами...

— Верно, поменяться местами.

— Давайте пойдём к предсказателям! — предложил Рафаэль.

— Я даже не знаю, — пробормотала Джордан. Но ей не дали договорить. Она сама не заметила, как оказалась у стола гадалки. Итальянка разложила перед ней карты и жестом попросила Джордан дотронуться до них. Перевернув карты, гадалка покачала головой и снова их перетасовала. Теперь Джордан решила внимательно проследить за тем, что увидит. Она заметила старуху с косою до того, как гадалка собрала карты.

— Там была смерть, ведь верно? — уточнила Джордан у Рафаэля.

— Гадалка говорит, что эта карта может означать много чего.

Гадалка что-то быстро и искренне говорила Рафаэлю на итальянском. На Джордан она взглянула так, словно готова была осенить себя крестным знаменем, лишь бы отогнать наваждение.

— Рафаэль...

— Она говорит, что ты должна быть настороже. Что тени грозят тебе. И особенно ты должна оберегать себя ночью.

— Она предупреждает меня о смерти.

— Нет, карта может многое значить.

— Но смерть...

— Джордан, остерегайся темноты. И не гуляй с незнакомцами по темным улицам ночью. Глубокой полночью.

— Что ты называешь глубокой полночью?

— Время, когда все словно умирает. Когда тускнеет любой свет. Когда даже в темноте сгущаются тени. Давай танцевать. Зря я тебя сюда привел.

Внизу первым, кто пригласил ее танцевать, разбив их пару, был Роберто Капо. Во время танца он спросил у нее, счастлива ли она, хорошо ли проводит время.

— Да, очень.

— Вы выглядите обеспокоенной.

— Я сегодня ходила к подруге и не застала ее дома. И здесь ее тоже нет. — Джордан старалась говорить как можно медленнее. — Ее зовут Тифф Хенли. Вы ее знаете?

Капо покачал головой.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Вчера.

— Значит, голова не ее.

— О нет, конечно. Но я все же немного волнуюсь.

— Дайте мне знать, если она не появится. И если... если вы выясните еще что-нибудь.

— О графине?

Он пожал плечами.

— О графине. О том человеке, который тоже там был. Волк, кажется?

Джордан успела подумать о том, какой жест выдал ее, когда Капо спросил:

— Вы ведь его видели снова?

— Нет, — покачала она головой. Зачем ей лгать? Она абсолютно уверена в том, что Рагнор...

— Я все еще служу в полиции. Вы знаете, в каком участке. Приходите ко мне, если почувствуете страх. Или беспокойство. Или озабоченность. И если ваша подруга так и не появится.

Спасибо, — ответила Джордан.

Чуть позже к ней опять подлетел Рафаэль.

— «Дворец наслаждений»! Мы немедленно должны идти туда!

— Чем конкретно там занимаются? — спросила Джордан.

— С тебя снимают одежду, купают тебя в меду и ароматических маслах и любят тебя до упаду!

— Пожалуй, я пас.

Рафаэль вздохнул.

— Не глупи. Тебе мажут ладони горячим ароматическим маслом и кладут тебе в рот холодные виноградины. Очень приятно и вполне пристойно.

Джордан понимала, что просто так от него не отделается.

— Рафаэль, если со мной случится что-то подобное тому, что ты описал вначале, я тебе никогда не прощу.

— А если со мной станут делать нечто такое, что я тебе описывал вначале, а ты их остановишь, я тебе тоже никогда не прощу, — парировал Рафаэль. — Пойдем скорее, повеселимся.

Очевидно, повеселиться хотелось не только Рафаэлю. Очередь оказалась длинной. Вернее, две очереди — к каждому из двух входов в шатер, расположенный в дальнем углу зала. В одной были женщины, в другой — мужчины. Женщина в одежде Марии Антуанетты появилась из шатра вместе с мужчиной в облике Юлия Цезаря. Оба смеялись.

— Подходите, подходите, — поманила их с Рафаэлем девушка в наряде наложницы и распахнула узорную дверь шатра. Рафаэль слегка подтолкнул Джордан к входу.

Она зашла в шатер.

Полог упал, и ей показалось, что она провалилась в черную дыру.

Прошло несколько мгновений, и ничего не случилось. Темнота угнетала ее.

Джордан закрыла глаза, решив, что так быстрее привыкнет к темноте. У нее возникло странное чувство, что ее тянут куда-то помимо ее воли.

«Иди ко мне».

Джордан не знала, слышала ли в самом деле эти слова или только вообразила их. В шатре чем-то пахло, вероятно, ка ответить, Джордан поняла, что ошиблась. Он по-итальянски поблагодарил ее за танец, прежде чем откланяться.

В облике его ей показалось что-то очень знакомое...

Но Джордан некогда было поразмыслить на сей счет, ее уже пригласил танцевать коротышка в костюме Цезаря. В зале она насчитала человек пять дотторе, и все были примерно одного роста.

кими-то благовониями, и все же...

Сандаловое дерево. Запах напомнил ей Стивена. Последнее время слишком многое напоминало ей о нем. Все просто, объяснила она себе. Она испытывает сильное влечение к другому мужчине. Стивен покинул этот мир. Для нее он потерян. А она должна жить дальше.

«Иди ко мне».

Слова с такой отчетливой силой прозвучали у нее в голове, что она подалась вперед. Но не шагнула. Страх темноты внезапно охватил ее, страх разрастался, еще немного, и она ринется отсюда в панике. Что-то грозило прыгнуть на нее, утащить ее в нечто ужасное. В ад?

Она чувствовала, ощущала металлический привкус страха во рту, она почти осязала его...

Что-то очень нежно коснулось ее руки. Джордан едва не завизжала от ужаса. Но теперь, когда глаза привыкли к темноте, Джордан уже могла разглядеть девушку в костюме наложницы, державшей в руках нечто светящееся в темноте.

Девушка взяла ее за правую руку. Кто-то другой коснулся ее левой руки. Ее увлекли в глубь шатра, и тогда, хотя она ничего и никого не касалась, она поняла, что перед ней стоит другой человек. Джордан чувствовала тепло, исходящее от него, и тепло окутало ее, успокоило и согрело.

Ей стало хорошо и покойно. Страх почти сошел на нет.

Кто-то приподнял ее руки ладонями вверх. Теплое масло полилось на них, его нежно втерли в тело. Кто-то приподнял ее волосы, чьи-то нежные пальцы массировали ей затылок, втирая масло. Что-то прохладное и экзотичное коснулось ее губ.

Виноградина.

Джордан послушно съела се.

Она чувствовала дыхание стоявшего напротив. Очевидно, второй был мужчиной. Высоким мужчиной. В дыхании его угадывался запах вина. От него исходило ощущение силы и мужества. Скорее всего именно поэтому она чувствовала себя такой защищенной.

«Здорово, — успела подумать она. — Вот со мной чей-то муж».

Щеки ее зарделись, словно зажглись от его тепла. Кто-то вложил ей в пальцы виноградину, и она поняла, что они должны накормить виноградом друг друга. И снова виноградина коснулась ее губ. Джордан разомкнула их и взяла ее в рот, успев подумать, как все довольно глупо и смешно. Вернее, должно казаться глупым и смешным, но отчего-то таковым не казалось. Она поднесла виноградину к смутно угадывающимся в темноте губам своего партнера, и он взял ее в рот.

Джордан не помнила, чтобы испытывала с кем-то такое чувство близости.

Масла, которые втерли ей в ладони и затылок, казалось, начали немного жечь кожу. Тепло проникало в глубь ее. Ее охватила истома. Вот-вот она подастся вперед, найдет те руки, что касались ее, чтобы они опять сотворили с ней чудо...

Пальцы вжались в ее плечи и принялись массировать их, растирая. Джордан почувствовала,

как напряженность куда-то уходит. Сквозь нее будто прошел луч света, и она закрыла глаза. Джордан могла бы уснуть, пристроившись калачиком возле совершенно незнакомого человека, ощущая приятное тепло и сладкую истому. Костяшки пальцев скользили, едва касаясь, по шее, нежно ласкали. Руки ее сами вспорхнули, легли на щеки незнакомца, скользнули вниз, по лацкану его пиджака. Что-то снова коснулось ее губ. Вино. Теплое, с насыщенным фруктовым вкусом. Затем снова его пальцы. Пальцы на ее плечах, пальцы, поглаживающие ее щеки...

Зазвенел колокольчик, и Джордан вздрогнула, очнувшись от приятного забытья. Девушка в костюме красотки из гарема с чем-то светящимся на голове взяла ее за руку и повела к выходу.

Джордан вышла из шатра и вздрогнула, покраснев от злости. Перед ней стоял Рагнор — он подждал ее, чтобы помочь сойти вниз по ступеням. Она приняла его руку еще до того, как увидела, кому подает ее. Что за дура. Могла бы догадаться, могла бы узнать его запах, его размеры, его рост...

— Вы все нарочно подстроили!

— Простите меня, мы были в разных очередях и не могли видеть друг друга! К тому же вы отправились во «Дворец наслаждений» по собственной воле.

— Джордан! — окликнул ее Рафаэль, перед тем как зайти в шатер. — С вами случилось то, чего вы боялись?

— Нет!

— Проклятие! — выругался он и исчез за пологом.

Рагнор откровенно забавлялся происходящим.

— Очень грубо с вашей стороны, — сделала она ему выговор.

— Отчего? Вы же не должны знать, с кем вы там будете.

Но вы-то знали, не так ли?

— Будьте довольны, что там оказался я.

— Почему?

— Будь там кто-то другой, с вами случилось бы то, чего вы так боялись. Вы были податливы как воск.

— Что?

— Как воск, как желе, как мягкая глина — лепи что хочешь.

— В самом деле? О, прошу прощения!

— Я должен был быть с вами там. Вы были очень податливы.

— Податлива? Да когда я вошла туда, я...

— Что? Что именно вы испытывали? — с внезапной тревогой в голосе спросил он.

— Я была напугана, — призналась она. Она оставила его стоять у шатра, а сама чуть не бегом поспешила к выходу из зала. Рафаэль переживет, если выйдет из шатра и не найдет ее. В конце концов, он итальянец и хозяин у себя на балу.

Но тут Джордан остановилась и посмотрела через плечо. Рагнор шел за ней ленивой походкой.

— Вы видели Тифф? — спросила она его. — Она была дома? Может, она нас не слышала? Или ушла? Она пришла сюда с вами?

Он покачал головой, и Джордан показалось, что взгляд у него стал настороженным.

— Прошу прощения. Я так ее и не дождался. Я ее не видел.

— И на балу вы тоже ее не видели?

— Нет.

Не успела Джордан задать очередной вопрос, Рафаэль подбежал к ним. Он уже вернулся из «Дворца наслаждений». Обняв Джордан за талию, он спрятал голову у нее на плече.

— Ах, вы двое — вы получили друг друга, а я — увы!

— Что случилось? Тебя грубо использовали?

— Меня почти съела заживо амазонка весом четыреста фунтов! Она хихикала и совала свои руки куда не следует!

— Ты же сам этого хотел, — напомнила ему Джордан.

— Да, но не такую претендентку.

— Посещение «Дворца наслаждений» — всегда риск, — напомнил ему Рагнор и, извинившись, покинул их, отправившись на балкон, где собирались курильщики или те, кому хотелось подышать свежим воздухом. Джордан смотрела ему вслед, пребывая в некотором замешательстве. Она так разозлилась, узнав, что с ней в шатре оказался Рагнор, потому что на смену страху пришло спасительное и, без сомнения, иллюзорное ощущение благоденствия и покоя. Но страх был самым настоящим.

Он умело манипулировал ею. Ничего видимого не предпринимая. Одно его присутствие успокаивало ее. Быть может, лучше, если бы она продолжала испытывать страх. Страх заставляет собраться с силами, а благодушие расслабляет.

Но сейчас, когда он отошел, Джордан не знала, что и думать.

Ей вдруг вновь стало холодно, будто все тепло, что он вдохнул в нее, ушло вместе с ним.

— Пойдем танцевать, — предложил Рафаэль.

Проходя через бальный зал на втором этаже, Джордан заметила Синди и Джаред. Они танцевали вальс. На первом этаже располагался буфет, и Джордан с Рафаэлем заскочили туда, чтобы выпить кофе с ликером, перед тем как пойти танцевать.

На танцевальной площадке Джордан заметила по меньшей мере троих в костюме дотторе.

Не успели Джордан и Рафаэль начать танец, как к ним подошел Роберто Капо и пригласил Джордан.

— Моя подруга так и не появилась, — сообщила партнеру Джордан, перекрикивая музыку. — Я за нее волнуюсь.

— Вы уверены, что ее здесь нет?

— Я ни о чем не могу говорить с полной уверенностью, но ее не было у себя в палатке сегодня, что, согласитесь, очень и очень странно. Для нее вечеринка была слишком важна. Я обеспокоена, а вы единственный, кто меня здесь слушает.

Джордан была возбуждена и, возможно, говорила слишком быстро, но Капо, кажется, ее понял.

— Приходите завтра в участок. Чтобы встретиться со мной. Только со мной, вы меня поняли?

Джордан кивнула и вдруг замолчала. Спиной она чувствовала, как к ней приближается дотторе.

Дотторе пригласил ее на танец. Джаред?

Сердце ее упало. Подсасывало под ложечкой — она сильно волновалась. Потому что это мог быть Джаред.

Или потому, что это мог быть и не он.

Глава 12

Дотторе оказался немцем, неплохо говорящим по-итальянски и гораздо хуже по-английски. Он был весьма с ней любезен и вообще оказался приятным молодым человеком.

Во время танца Джордан заметила, что сюда, на первый этаж, подошли Синди и Джаред. По крайней мере она подумала, что это Джаред.

Немецкий дотторе был душкой и танцевал здорово. После трех танцев подряд Джордан едва могла дышать. Ей ничего не оставалось, как, извинившись перед своим партнером, уйти с танцевальной площадки, чтобы отдышаться и выпить воды. У буфетной стойки она окинула взглядом зал и насчитала четырех дотторе.

Хотелось бы ей, чтобы Джаред выбрал себе более оригинальный костюм или хотя бы менял его от случая к случаю.

Не успела она допить минеральную воду, как ее вытащил танцевать еще один дотторе. Она пристально посмотрела ему в глаза — говорить из-за грохочущей музыки бесполезно.

Нет, не Джаред.

Во время прекрасной интерпретации одной из рок-баллад Элвиса Пресли Рагнор пригласил ее на танец, отняв у дотторе. Джордан хотела отказать ему, но не нашла повода. В конце концов, ей нравилось быть с ним рядом, даже если мысли ее принимали слишком отчетливый эротический оттенок. Она давно уже совершеннолетняя, Стивен ушел навсегда вот уже более года назад. Она не заслужила чувства вины, которым терзала себя.

Джордан позволила себе поуютнее устроиться в его объятиях.

— От Тифф все еще ничего? — спросила она.

— Ничего, — покачав головой, ответил он.

— Я чувствую, что случилась беда. Настоящая.

— Она все еще может здесь появиться, — пробормотал он.

Она видела, что он и сам не верит в то, что говорит.

Когда песня закончилась, она сказала, что хочет пить. Холодное пиво оказалось единственным напитком, с помощью которого можно утолить жажду, поскольку вся минеральная вода в буфете закончилась.

Джордан все же успела подумать о том, что творит со своей печенью: шампанское, «Беллини», красное вино, кофе с ликером, а теперь пиво, — но отказать себе в холодном и вкусном напитке не могла.

Рагнор снял маску. Очков на нем тоже не было. Теперь она могла ясно видеть его глаза. И зрачки его скользили по залу.

— Ищешь Тифф?

— Что? — словно очнувшись от своих мыслей, переспросил он. — Я отойду на минутку, можно?

И снова он просто взял и ушел.

Линн отыскала Джордан у стойки.

— Эй, звучит моя любимая песня. Хочешь станцевать с матадором?

Джордан взглянула на танцевальную площадку. Гости постепенно начинали расходиться, так что всю площадку оккупировала буйная компания счастливых, слегка пьяных молодых людей. Как всегда бывает на вечеринках, подходящих к заключительной стадии, пол партнера уже не имел значения. Люди просто веселились.

— Конечно.

— Может, выбор костюма оказался не вполне удачным, Ни один классный парень меня так и не пригласил. Если честно, меня вообще ни один парень не пригласил.

— Боюсь, все дело в усах! — перекрикивая музыку, ответила Джордан.

Буквально в ту же минуту Джордан пригласил очередной дотторе, а Линн развернулась и принялась плясать с цыганским богом солнца.

— Итак?

Джордан недоуменно вскинула брови, глядя на компаньона.

— Это я, Джаред. Тебе здесь хорошо? В чем дело? Слишком много дружков завела себе в Венеции, со мной теперь и говорить не хочешь?

Джордан рассмеялась.

— Джаред, я уже пыталась заговорить с немецким и, как мне показалось, бразильским дотторе. Откуда мне догадаться, что это ты?

— Я высок и ослепительно хорош собой, даже в балахоне и маске! Вот тебе и приметы, — назидательно сообщил Джаред.

— Как глупо с моей стороны! Я забыла! — насмешливо ответила Джордан. — Ты Тифф не видел?

Джаред покачал головой.

Но если бы я и увидел...

— Да, знаю, ты мог бы ее не узнать.

— Вполне в духе Тифф всех нас взвинтить, напустить туману, а назавтра сообщить, что она была серебристым пришельцем или Снежной королевой в хрустальном плаще и маске. Ты видела ее костюмчик? Ей-богу, впечатляет!

— Здесь все костюмы впечатляют. Музыканты перестали играть. Джордан вдруг поняла, что сейчас объявят последний танец.

— Иди и разыщи жену! — приказала Джордан своему кузену. Джаред кивнул.

— Ты в порядке, верно? Тебе хорошо?

— Превосходно.

Джаред отошел. Джордан подошла к буфетной стойке. Со столиков уже начали убирать остатки еды. Официант протянул ей еще бокал пива. Джордан, пожав плечами, все же взяла его. Потягивая прохладный напиток, она наблюдала за танцующими. Неожиданно к ней подошел бог солнца.

— Можно вас пригласить? — вежливо попросил он. Джордан сделала долгий глоток, поставила бокал и пошла танцевать.

Бог солнца во время танца несколько раз сказал ей, чтобы она не забыла посетить Музей Пегги Гугенхайм. Джордан, в свою очередь, заверила его в том, что была там уже несколько раз.

— И церкви! Их так много, но вы должны постараться их увидеть. Их более двух сотен. — Бог солнца оказался итальянцем, неплохо знающим разговорный английский. — Когда пишут «кампо» рядом с каким-то названием — значит, площадь с церковью. Загляните в любую, вас поразит художественное убранство, особенно тех, что известны не так широко.

— Я на днях увидела красивую церковь, но... мой приятель меня остановил. Может быть, я смогу снова ее отыскать.

— Уж постарайтесь.

Объявили самый последний танец: еще одну песню Элвиса Пресли, нежную и протяжную.

— Ему нравится Пресли, — заметила Джордан о певце. Бог солнца кивнул.

— Это верно. Адриетти — мой друг, он знает все песни Пресли. Ему нравится бал, здесь всегда бывает много американцев. И он поет похоже, не так ли?

— Да, он просто великолепен.

Бог солнца был явно польщен, к тому же танцевал он весьма прилично. Когда танец закончился, он спросил, может ли проводить Джордан до отеля.

Джордан краем глаза заметила дотторе у двери. Высокого, темноволосого и, безусловно, дьявольски интересного даже в маске.

— Спасибо, но я пришла сюда с родственниками. Они как раз уходят.

Солнечный бог вежливо поклонился и отошел.

Дотторе скользнул за дверь.

Джордан последовала за ним, озираясь.

Ни Линн, ни Анны Марии, ни Рафаэля она не видела, но должно быть, они где-то поблизости. Джордан была уверена, что Анна Мария, хозяйка бала, не уйдет, пока не проведет всех гостей. Но, кажется, во дворце остались лишь официанты, убирающие посуду, да несколько запоздалых гостей, плетущихся к выходу.

Джордан и сама поспешила к выходу. Она не хотела упускать дотторе из виду.

Кто-то схватил ее за руку. Она остановилась, оглянулась. Это был Рагнор.

— Я должна догнать Джаред.

— Это не Джаред.

— Откуда вы знаете?

— Джаред ушел пару минут назад вместе с Синди. Ей стало нехорошо.

— Так что, он меня просто взял и бросил?

Он знает, что у вас здесь есть друзья.

— В самом деле? — Джордан пристально смотрела Рагнору в глаза. — Мне кажется, что вы ему не нравитесь и он вам совершенно не доверяет.

Рагнор пожал плечами.

— Неудивительно. Но вы не можете возвращаться домой одна.

— Мы в Венеции. Здесь, говорят, вполне безопасно.

— Мы идем в один и тот же отель.

— Пожалуйста, можете идти следом. Последние лодки отчалили. Джордан и Рагнор вместе с немногими припозднившимися гостями отправились на поиски водных такси. Они оказались

последними в очереди.

Вот видите, вы должны быть мне благодарны, — заметил Рагнор, когда таксист взял на борт последних трех пассажиров, стоящих в очереди перед ней.

— В самом деле?

— Смотрите, здесь никого не осталось.

Джордан кивнула в сторону человека в костюме швейцарского гвардейца, стоявшего на пристани, готового перехватить их такси.

— Вы его не знаете.

— Не думаю, что я здесь знаю кого-то так же хорошо, как вас.

Рагнор пожал плечами.

— Возможно.

— Почему вы не хотите рассказать о себе?

— Почему вы не доверяете своим чувствам?

— Быть может, я чувствую, что вы личность опасная.

— Может, так оно и есть. В определенном смысле.

Джордан вздохнула.

— Так мы ни к чему не придем.

— Мы бы пришли, если бы вы позволили, — очень тихо сказал он. На нее словно повеяло легким ветерком, теплым, несмотря на прохладу ночи. В его словах крылся сексуальный подтекст. По крайней мере ее реакция была такой же.

Но даже сейчас, когда она чувствовала, как растет в ней возбуждение, как тепло медленно разливается по телу, она различила поблизости шипящий звук. Джордан посмотрела в сторону дворца. Черные тени легли на тротуар, затемняя вход. Она подняла голову. Быть может, луну закрыли тучи? Страх и тревога снова стали овладевать ею.

Да, она была рада, что он оказался с ней.

Не осознавая того, она шагнула к нему.

Она не стала возражать, когда он обнял ее за плечи.

Прибыло такси. Швейцарский гвардеец и лодочник помогли ей спуститься в лодку. Рагнор последовал за ней.

Моторная лодка сорвалась с места и помчалась по каналу. Джордан поняла, что выпила лишнего. Голова сильно кружилась.

Она прислонилась к его плечу, пальцы его перебирали волосы у нее на затылке, доставляя ей

необычайно приятное ощущение. Джордан расслабилась.

Через пару минут они уже были возле отеля.

Который час? спросила Джордан, стараясь удержать равновесие, чтобы сойти достойно.

Почти три.

Боже мой!

Глубокая полночь, — пробормотал он.

Джордан тряхнула головой. Снова она услышала то же выражение. Рагнор выпрыгнул из такси, и Джордан заметила, что он действует очень осторожно, стараясь исключить любую возможность попадания в воду. Он помог ей выйти. Джордан чувствовала легкую беззаботность. Ей вдруг стало весело.

— Боитесь воды? — поддразнила она его.

— Поверьте мне, вода очень, очень холодна.

Он повел ее к отелю. Уже у входа она оглянулась на пристань.

Тени изменили форму. Джордан тряхнула головой, поскольку ей показалось, что она снова слышит шелест и хлопанье крыльев. Такие звуки могли бы издавать птицы. Или летучие мыши...

Но откуда на пристани взяться летучим мышам?

Рагнор оглянулся. Звуки прекратились. Игра воображения или нет? Если те звуки действительно кто-то издавал, как Рагнор мог одним взглядом заставить их умолкнуть?

— Давайте пойдем в номер. Уже очень поздно. И облака сгущаются. Скоро луна совсем скроется.

Они шли в обнимку. Она положила голову ему на плечо.

— Вы боитесь темноты? — спросила Джордан.

— Я люблю темноту, — ответил Рагнор.

Уже у дверей в отель она остановилась и оглянулась. Тень, казалось, протянулась до самой двери, меняя свои очертания. Страх сковал Джордан. Она могла бы поклясться, что снова слышала шелест.

Но если Рагнор слышал то же, что она, он просто не подал виду. Он чуть подтолкнул ее к входу. Они подошли к консьержу, чтобы взять ключи. Она назвала свой номер, он — свой.

— Получается, что вы и в самом деле здесь живете, — пробормотала она.

— Разумеется, а вы как думали?

— Не знаю, — честно призналась она. — Ну, спокойной ночи.

— Я провожу вас в номер.

Она кивнула.

Когда Джордан открыла дверь, он вошел первым. Она наблюдала за ним в приятном удивлении. Он обошел комнату, заглянул в ванную, еще раз проверил кровать, кресла перед камином, заглянул под кровать.

— Вы надеетесь застукать злонамеренную горничную? — спросила она.

Джордан стояла, прислонившись спиной к двери. Голова ее кружилась. Со злым любопытством она спросила себя, что ей слышится сейчас — кажется, чей-то шепот или, может, гудит в крови алкоголь.

— С вами все в порядке? — с интонацией скорее утвердительной, чем вопросительной, спросил он.

— Абсолютно, — ответила она, но при попытке сделать шаг споткнулась.

Он засмеялся и пришел к ней на помощь, проводив до кровати.

— Слишком много выпивки? — спросил он, присаживаясь рядом. — Тиара ваша съехала набок.

Рагнор ловко освободил ее от тиары, вынул шпильки и распутал волосы, не причиняя боли. Он положил корону на кресло, стоящее напротив закрытого ставнями окна, не отводя глаз от Джордан. Отличный глазомер. Он даже не оглянулся. Он смотрел ей в глаза. Пальцы его перебирали ее волосы, гладили их. Костяшки пальцев поглаживали щеки. Затем он ее поцеловал.

Жар, мгновенно охвативший ее, напоминал электрический разряд, стремительно прошедший путь от ее рта через все тело, пронзив конечности. Она задрожала, инстинктивно обхватив руками его шею: ей надо было за что-то зацепиться, за что-то прочное. Он целовал ее как умелый любовник, размыкая ее губы со страстью, которую, она это чувствовала, он держал под полным контролем. Джордан нравился вкус его губ, его языка, и с каждым его движением нарастало ожидание восторга. Когда он перестал ее целовать, ощущение медленного, лавой ползущего внутри ее горения оставалось. Она чувствовала собственный ускоренный пульс, жар, лихорадку. Она судорожно глотнула воздух.

— Мне уйти?

Он произнес это или нет? Очень похоже на шелест и трепетание крыльев.

Нет, прошептала она. Он продолжал смотреть ей в глаза.

Джордан облизнула губы, чтобы заговорить снова. Господи, взмолилась она, только бы все это не было следствием алкоголя!

Но алкоголь был здесь ни при чем, хотя слова, которые она произнесла затем, ничем иным объяснить нельзя.

— На самом деле я умираю от желания увидеть вашу грудь.

— В самом деле? — едва слышно проговорил он. Дыхание его щекотало ей лоб. — Я покажу вам свою, если вы покажете мне вашу.

— Очень старая присказка.

— Не такая старая, как вам кажется.

Она протянула руку, коснувшись его лица, провела рукой по губам. Губы их снова сомкнулись, языки переплелись, он скинул камзол, жилет, рубашку. Джордан оторвалась от его губ, мелко и часто дыша, и положила ладони на его грудь.

Налитые мышцами грудь и плечи поражали своей мощью, мощью штангиста. На груди он носил медальон. Религиозный медальон. Красивый, старинный, с кельтским рисунком. Отчего-то Джордан почувствовала облегчение.

Джордан вдруг осознала, что стоит и смотрит на него во все глаза.

— Ну? Вы хотели только увидеть мою грудь или собирались что-то с ней делать?

Джордан провела по ней ладонью, коснулась медальона и почувствовала острое томление. Все должно получиться...

Опьянение от прикосновения к его телу оказалось почти непереносимым. Она забыла о его медальоне, о том, что почти ничего о нем не знает, о том, что опасность ходит за ней по пятам, обо всем забыла.

— Я всегда думала, что руки у вас тоже замечательные.

— Ну, знаете ли, я не хочу показаться вам распушенным, но многие люди видели мои руки. Немногие знают, что они умеют.

— Они впечатляют?

— Вам судить.

Он привлек ее к себе, распростер на кровати, прижался губами к ее губам, задержался у горла, опустился ниже, до ключицы, к декольте ее маскарадного платья. Она не знала, каким образом она осталась без одежды, она не заметила, как ее белый с золотом костюм оказался снят, и осознала, насколько у него талантливые руки... и губы, и вообще все тело. Очень скоро Джордан уже ни о чем не могла думать, и не было скелетов в шкафу, и не было угрызений совести. Тело его, поразительно крепкое, сильное и ладное, обладало неземной ловкостью, и он ласкал ее жадно, с бешеной страстью, которую усмирляла лишь нежность. Ей хотелось пропустить все предварительные ласки, настолько отчаянно острым было желание, но он умел выжидать. Он оказался опытным любовником и внимал ее отчаянию, ведя игру, соблазняя, хотя соблазнять ее уже не было нужды.

Он обольстил ее уже давным-давно.

Соблазнена. Заморочена. Околдована.

И все же, Господи, хорошо ли...

Его ласки становились все интимнее, каждое прикосновение его губ будило в ней все новые ощущения. Казалось, он знал ее тело лучше, чем она сама. Она прижималась к нему, металась, выгибала спину, жидкий огонь разливался по ее ногам и рукам, по груди, жег ей живот. Она чувствовала себя кораблем в бурном море — море ощущений такого накала и такой остроты,

что ни для раздумий, ни для смущения не оставалось места. И когда он вошел в нее, Джордан воспарила в облака — поднимаясь и опускаясь в извечном ритме, и каждое его движение вздымало ее все выше и выше.

Ночь потеряла очертания.

Ночь.

Глубокая полночь. Чернота в синь, подсвеченное луной небо, кроваво-красный закат. Ей было так хорошо с ним. Просто лежать рядом. Просто чувствовать его рядом с собой. И тогда не будет никаких кошмаров, никаких призраков, никаких волков, сидящих у подножия кровати. Она уснула, блаженно улыбаясь. Как тепло...

Как спокойно.

Насмешка судьбы. Покой, безопасность!

Он оставался для нее незнакомцем. Она знала его меньше, чем любого прохожего на улице. Чужак.

Чужак...

Может, она полная дура?

Абсолютно...

Одурманенная.

* * *

Она проснулась с жуткой головной болью, застонала в голос, проклиная ту адскую смесь, что выпила накануне: вино, пиво, шампанское и ликер. Быстрый взгляд на соседнюю подушку.

Никого.

Джордан позволила себе вообразить, что все происходившее с ней ночью было сном, вызванным неумеренным употреблением крепких напитков. Если так, то увиденный (и прочувствованный, да еще как!) сон оказался воистину уникален. Затем она поняла, что спит обнаженной, а маскарадный костюм лежит на полу возле кровати. Часы на тумбочке у кровати показывали три часа дня. Джордан слышала, что в коридоре за дверями номера происходит какое-то движение.

Должно быть, решила она, горничная терпеливо дожидается, когда можно будет войти.

Джордан стремительно вскочила, забыв о головной боли. Если он ушел, дверь не заперта.

Дверь оказалась заперта изнутри.

Джордан, хмуря брови, отошла от двери. Остановилась посреди номера, потерла виски.

Какого черта? Как ему удалось?

Или ей все приснилось?

Господи, не может такого быть! Должно быть какое-то объяснение. Вероятно, он позвал кого-то, кто мог бы закрыть дверь снаружи. Конечно, так и было.

Джордан уставилась на дверь, чувствуя, как с новой силой разбухает от боли голова. Зайдя в ванную, она поскорее проглотила две таблетки аспирина. Включила сильную горячую струю и встала под душ.

Джордан прислонилась к кафельной стене, мечтая лишь о том, чтобы лекарство побыстрее подействовало и головная боль утихла.

Она оделась и решила побыстрее выпить чашку крепкого кофе, но заметила, что по дисплею компьютера плавает сообщение: «Вы получили почту!» Джордан торопливо щелкнула мышью.

Всякой всячины накопилось в избытке: шутки от друзей, записка от агента и, наконец, короткое сообщение от полицейского из Нового Орлеана, того самого, кто написал книгу. «Я бы очень хотел поговорить с вами». И адрес с номером телефона.

В Италии уже довольно поздно, но в Штатах еще слишком рано. Она направила ему ответное сообщение, обещав позвонить позднее, и поблагодарила за письмо.

Вооружившись обеими книгами, она поднялась в ресторан, чтобы выпить кофе и перекусить чего-нибудь. Американская пара снова сидела там. Они любезно с ней поздоровались. Джордан поискала взглядом Рагнора, но он пока не объявился.

Джордан открыла книгу и принялась читать о происшествии, случившемся в небольшом шахтерском городке близ Сан-Франциско во времена «золотой лихорадки». Девушка, работавшая в салуне, заболела таинственной хворью, после того как в городке их побывал некий золотоискатель. Болезнь свела ее в могилу. Жители города потужили над загубленной молодой жизнью и похоронили беднягу. Прошло несколько дней, и она стала приходить к своим постоянным клиентам во сне. Трое мужчин заболели и в итоге умерли. Тогда и они тоже стали приходить к своим спящим знакомым. Шериф смотрел на жизнь трезво и реально, не веря в мистические бредни. Он приказал своим подчиненным дежурить и днем и ночью. Трупы погибших от таинственного заболевания он распорядился эксгумировать, а головы отрезать, трупы сожгли дотла, после чего «духи» перестали тревожить жителей и заболевших больше не было.

Джордан перескочила к следующей главе, где шла речь о серийных убийствах на Среднем Западе в середине пятидесятых. Убийца — белый мужчина, возраст около тридцати, женатый, имел одного ребенка, менеджер среднего звена — считал себя вампиром. Жертвы его подвергались пыткам, изнасилованию и, как правило, при обнаружении были совершенно обескровленными. Убийца пробирался в дома через застекленные двери. Жертвами выбирались те, кто жил один на первом этаже тех домов, возле которых росли густые заросли.

Он писал в полицию письма, в которых сообщал, будто «голоса» говорили ему, что он преемник графа Дракулы, что вынужден пить кровь для того, чтобы выжить. В итоге полиция разослала потенциальным жертвам предупреждение, чтобы они развесили у окон и дверей связки с чесноком, большие церковные кресты и всегда держали под рукой сосуды со святой водой. В конечном итоге преступника поймали, и он рассказал полиции, что в самом деле несколько женщин спасли себе жизнь тем, что воспользовались советами полиции: преступник не смог войти в их дома из-за запаха чеснока.

Джордан откинулась на спинку стула, недоверчиво уставившись в книгу. Хотелось бы знать, считают ли себя итальянские потенциальные вампиры невосприимчивыми к чесноку. Джордан

поймала себя на том, что думает о Рагноре. Она никогда не встречала его утром или в первой половине дня. Он имел странную привычку появляться там, где она меньше всего ожидала его встретить, и исчезать тогда, когда ей казалось, что он должен находиться где-то поблизости. И он так и не сказал ей ничего о своем прошлом.

Джордан резко встала и, поблагодарив официанта, который покорял неизменной внимательностью и любезностью с ней, поспешила к себе в номер.

В номере она включила все освещение и встала перед зеркалом. Внимательно изучила шею. Никаких следов. Она чувствовала себя довольно глупо.

Проверила почту. Никаких сообщений. Засунув обе книги про вампиров в сумку, она торопливо покинула отель, исполненная острым желанием как можно быстрее добраться до полицейского Роберто Капо. Полицейский участок Венеции как две капли походил на подобное учреждение у нее на родине. Сразу у входа располагалась стойка, за которой сидел офицер полиции, дающий справки. У стойки толпилось довольно много народа, все говорили между собой на разных языках. Двух женщин полиция привела сюда за занятия проституцией. Лысеющий мужчина, стоявший в очереди сразу перед ней, пришел в участок, потому что потерял бумажник в гондоле. Симпатичная итальянка, пришедшая следом за ней, принесла своему мужу ленч.

Джордан поинтересовалась, где она может найти Роберто Капо. Ей удалось так гладко построить вопрос на итальянском, что офицер стал отвечать ей пространно и быстро. Однако, увидев выражение ее лица, все понял и с улыбкой сказал, что Роберто приходил утром и только что ушел. Он неважно себя почувствовал.

— Прошлой ночью у него был выходной, так что он снова появится завтра утром.

Спасибо большое. Он обычно работает по утрам или по вечерам?

— Сейчас, во время карнавала, он работает постоянно. Если хотите, перед тем как прийти сюда, звоните. Меня зовут Доминик Донателло. На следующей неделе я работаю с девяти до пяти каждый день. Я выясню, какой у Роберто распорядок, и сообщу вам.

— Спасибо большое.

— Вы та американка, которая была напугана на балу графини?

— Да, это я.

— Я вам сочувствую.

— Еще раз спасибо. Особенно за то, что вы надо мной не смеетесь.

Полицейский взмахнул руками.

— Такие, как графиня, не понимают, что в мире совершается достаточно много настоящих преступлений, и ей не пристало шутить со смертью и страхом.

Джордан услышала, как ее окликнули по имени. Она обернулась и увидела Альфредо Манетти.

— Как поживаете, мисс Райли?

— Спасибо, хорошо.

— Что вы тут делаете? — вежливо спросил он. — Заходите ко мне в кабинет.

Уже через минуту она сидела в знакомом, даже слишком, кабинете, за тем самым столом, за который усадили ее в ту ночь, когда она чудом вырвалась из палаццо графини. Несколько дней назад ей со всей определенностью дали понять, что она круглая дура. Однако сегодня Альфредо, казалось, отнесся к ней с полной серьезностью.

— Вы все еще расстроены, — констатировал он. Джордан положила локти на стол и подалась вперед.

— Я уверена, что мой кузен все успел вам рассказать. Я была обручена с полицейским, работавшим в отделе расследования убийств, и он погиб, пытаюсь задержать оккультистов. Я знаю, что такие люди есть, они среди нас. И вот — у вас отрезанная голова.

Тогда подался вперед Альфредо.

— Уверю вас, наши специалисты усиленно трудятся над идентификацией трупа и выясняют причину смерти.

— Ну, на мой взгляд, причина смерти ясна — если человеку отрезать голову...

Альфредо покраснел. Джордан удалось поменяться с ним ролями — теперь в игре вела она.

— Что еще? — спросил он.

— Пропала моя подруга. Тифф Хенли.

Альфредо сделал жест, будто отмахивается от назойливой мухи.

— Тифф как ветер — сегодня здесь, завтра там.

— Да, но она пригласила к себе компанию, и, когда мы пришли, ее не оказалось на месте. К тому же она не пришла на вчерашний бал, куда была приглашена. Я хочу, чтобы вы выяснили, что с ней произошло.

— Я выясню все, что смогу, относительно вашей подруги, — пообещал Альфредо, — а что касается графини... она жертвует огромные деньги на сирот во всей Италии. Она помогает финансировать приезд в Венецию больших групп бедных европейцев, чтобы они могли полюбоваться красотами города. Она весьма щедра.

— Я ни в чем не обвиняю вашу графиню. Я просто пытаюсь сказать, что, на мой взгляд, здесь происходит что-то плохое, и, если их не остановить, много людей может погибнуть.

— Я приму ваше мнение к сведению, — заверил ее Альфредо.

Джордан встала, не зная, верить полицейскому или нет. Возможно, он просто насмеялся над ней. Она решила поговорить с Роберто Капо, даже если ей станут чинить препятствия. Страшно не хотелось терять еще один день, но с Альфредо она больше ни о чем говорить не желала.

Поблагодарив его, Джордан покинула участок.

В отеле консьерж подозвал ее и сказал, что ей звонил Роберто Капо и просил о встрече. Он оставил адрес траттории, где она могла бы найти его между половиной восьмого и восьмью

вечера.

Джордан посмотрела на часы. Было только пять, но она решила пойти прямо сейчас.

Консьерж принес карту и показал ей, как дойти до места. Он предложил ей взять такси, поскольку пешком до траттории довольно далеко. Джордан ничего не имела против прогулки. Если верить карте, по пути ей должны встретиться две церкви. Еще она собиралась заглянуть к Тифф. Может, сегодня ей повезет увидеться с приятельницей.

Джордан поблагодарила консьержа и вышла из отеля.

В пять уже сгустились сумерки, заметила Джордан.

Перед отелем Джордан немного постояла, прислушиваясь. Но, кроме смеха, болтовни и криков торговцев, она ничего не расслышала. К пристани причалило водное такси, вокруг стояло много людей.

Джордан замерла. Она ловила себя на том, что пытается расслышать трепетание крыльев, шипение и шелест.

Но ничего не было.

Подойдя к палаццо, которое снимала Тифф, она постучала, подождала минут десять и, не дождавшись ответа, постучала еще. Тифф так и не появилась.

Убедившись, что ждать бесполезно, Джордан не торопясь пошла по направлению к траттории.

Поначалу людей на улицах встречалось довольно много. Карнавальные празднества потихоньку сворачивались. Некоторые прохожие еще попадались в костюмах, очевидно, они шли на частные вечеринки, но в основном люди уже носили обычную одежду и выглядели вполне буднично.

По мере приближения к траттории, в которой ей назначил встречу Роберто, людей на улицах становилось все меньше и меньше. Джордан взглянула на карту. Ей предстояло пересечь очередной мост. За ним другой.

Все меньше магазинов.

Все меньше света.

С беспокойством она отметила, что стало совсем темно. Зимой в Венеции ночь наступает внезапно. По небу пробегали тучи, закрывая луну. Вечер выдался промозглым и холодным.

— Снова может пойти снег, — произнесла она вслух, даже не заметив того. И вдруг сильно испугалась.

Сверившись с картой, Джордан увидела, что должна пересечь еще один мост. Место ей отчего-то показалось знакомым.

Она поняла, что идет тем же путем, что и тогда, когда догоняла дотторе и случайно наткнулась на красивую, но заброшенную церковь. Где-то здесь ее окликнул Сальваторе Д'Онофрио.

Джордан остановилась посреди моста. Остановилась, потому что здесь луна хоть не очень ярко, но все же освещала какой-то участок.

На другой стороне канала дома погрузились во мрак. Джордан проглотила ставшую вязкой слюну.

Отсюда она видела еще один мост. И посреди моста в точности, как она, стоял человек в длинном бесформенном плаще с капюшоном. Костюм дотторе. Только его и было видно, все окружение тонуло во мраке.

Уж не привиделась ли ей эта фигура?

Таинственный дотторе кивнул ей. Сердце Джордан сильно забилося. Инстинкт понуждал ее бежать со всех ног, но ноги не слушались. Она продолжала стоять, боясь шевельнуться, слушая, как колотится сердце.

Затем дотторе повернулся и пошел. Отсюда ей казалось, что он парит над мостом, и капюшон его плаща развеивается на ветру.

Вот тогда она побежала. Как только она оказалась на тротуаре, потонувшем во мраке, родился знакомый свистящий звук. Джордан успокаивала себя, что слышит собственное дыхание и только.

Джордан чувствовала себя странно, будто в другой реальности. Ей казалось, что мимо нее пролетают птицы — много, десятки, и каждая пронесется все ближе к ней, едва не задевая ее волосы, уши. Писк, шелест, нашептывания...

Джордан пыталась сверяться с картой на бегу. Ей нужно как можно скорее оказаться на свету. Темный проулок сменился аллеей пошире, тоже не слишком хорошо освещенной, но все же...

Неяркий свет рассеивался туманом, создавая ощущение чего-то призрачного и тревожного. Там, в конце аллеи, виднелся размытый силуэт церкви. Джордан остановилась. Церковь внушала страх, и в то же время ее страшно тянуло заглянуть туда. Тянуло буквально, не фигурально...

Джордан посмотрела на карту. Траттория находилась справа от нее.

Она собралась вернуться к церкви, но какая-то сила, непреодолимая, способная противостоять той, что манила ее туда, заставила Джордан повернуть прочь.

Она увидела огни маленькой траттории. Свет падал на тротуар, освещая путь.

Джордан пошла на свет, следуя изгибу узкой улицы, которая вела к входу в тратторию.

Перед Джордан возникла средневековая арка, соединяющая два очень старинных здания. Еще до того, как она успела нырнуть под арку в темноту, она заметила на другой стороне Роберто Капо. Он яростно мотал головой.

— Не ходите сюда! Уходите! Разворачивайтесь и держитесь левой стороны, там остановка вапоретто! Уходите!

Внезапно ей отчетливо послышался трепет крыльев. Тени под аркой растягивались, растекались, словно черные потоки, гнались за ней.

Ничего страшного, просто тени от домов, говорила она себе, и они меняются в зависимости от освещения!

Но Роберто велел ей бежать. А тени вытягивались и в противоположном направлении тоже. Внезапно ей показалось, что черная волна накрыла Роберто Капо... Как гигантский вал чернильно-черного злобного океана.

Или как крыло громадной иссиня-черной птицы...

И тогда она повернулась и побежала прочь.

Карта выпала у нее из рук. Она не стала останавливаться, чтобы поднять ее. Она не оглядывалась. Она чувствовала, что черные крылья настигают ее, тени подкатываются, и она должна успеть отдалиться от них раньше, чем...

Она почувствовала ледящий холод на затылке. Слово костлявый льдисто-холодный палец протянулся к ней из мрака и коснулся ее. Сейчас он вытянется, лианой обовьет ее горло, утащит ее назад во тьму...

Не чуя под собой ног, обезумев от страха, она метнулась влево, как ей сказал Роберто.

И вот тогда, как жена Лота, она обернулась.

Там стоял дотторе, на том пяточке, где недавно стояла она, рядом с аркой, за которой она увидела Роберто Капо.

Джордан стояла не шевелясь и смотрела.

Дотторе приподнял маску. Лицо его оставалось в тени. Он полез за чем-то в карман.

За ножом? Кто он? Психопат? Венецианский Джек Потрошитель?

Но он достал из кармана не нож, а сигарету и спички. Джордан стояла и смотрела, надеясь разглядеть его лицо, но он наклонил голову, закрывая пламя от ветра.

Ножа у него не было.

И все же почему-то в его руках даже невинная сигарета казалась ужаснее, чем острый как бритва нож. В его движениях заключалось нечто такое, что наводило на мысль о его страшной силе, при которой этому человеку (человеку ли?) не нужен нож, не требуется никакого грозного оружия, чтобы пытаться, разрушать, убивать. Она могла бежать или оставаться на месте — не важно. Убежать от него она все равно не сможет. Он настигнет ее, как бы быстро она ни бежала.

Джордан заставила себя дышать медленнее, взывая к доводам разума, заклинала себя стряхнуть оцепенение.

Она попятилась, но тут снова встала как вкопанная.

Новая угроза.

У нее за спиной.

Она ничего не видела, она только почувствовала тень, надвигающуюся сзади. Тень нависала, окутывала, походила на безводный водопад, в котором вместо воды — чернота, чернота гуще, чем сама ночь. Водопад, казалось, готов поглотить ее. Ужас, не шедший ни в какое сравнение с тем, что она испытывала раньше, захватил ее. Джордан, не в силах тронуться с места, стояла,

дрожа всем телом. Она и рта не могла открыть.

Она видела, как вокруг нее сгущается мгла.

Она смотрела на пляску теней, уверенная в том, что и дотторе видит то же, что видела она.

Да, и он все видел. Он попятился словно от нее.

Она услышала эхом отраженные слова Роберто Капо.

Беги!

И она побежала. Не переставая насмехаться над собой. Она как идиотка убегала от тени!

Нет, не от тени. От зловещего дотторе, от обретшего форму теней зла, крадущегося за ней по улицам Венеции. Венеции, пребывавшей в блаженном неведении.

Джордан выбежала на широкую площадь. Остановка вапоретто как раз перед ней. И люди. Целые семьи, группы туристов, деловые люди. Господи, она с трудом смогла отдышаться! Легкие горели, икры болели так, будто их искололи ножом. Еще немного, и сердце бы лопнуло.

И все из-за того, что человек в маске дотторе закурил сигарету!

Она испугалась просто туриста, любителя карнавала, одного из многих, кому пришелся по сердцу костюм средневекового доктора. Одного из многих любителей маскарада...

Теперь к ней вернулась способность мыслить рационально. Тяжело дыша, она встала в очередь на вапоретто. Все, кто находился там, выглядели абсолютно нормально. Никто ничего не боялся. Люди разговаривали. Женщина, извинившись перед Джордан, обошла ее, присоединившись к своим знакомым. Джордан вдруг поняла, что, вместо того чтобы встать в конец очереди, зашла в самую гущу толпы.

Может, страх рождает страх? Может, все — игра ее больного воображения? Что на самом деле она видела?

Мужчину в костюме дотторе, зажигавшего сигарету.

Но как насчет Роберто Капо, предупредившего ее криком? Полицейского, кричавшего ей, чтобы она бежала прочь?

Прибыл катер, и она зашла на борт, с запозданием вспомнив, что не взяла билет и не знает, куда он идет.

К счастью, народу было много. Никто не попросил ее показать билет. После того как вапоретто сделал первую остановку, Джордан на ломаном итальянском спросила, идет ли корабль до площади Св. Марка.

— Да, да, — ответили ей. — До «Даниэль». Джордан поблагодарила пассажира. Судно часто останавливалось, люди заходили и выходили, и Джордан поймала себя на том, что больше не доверяет собственным ощущениям. Право, не повредила ли она рассудком, в самом деле? Она словно смотрела на совесть сделанный фильм ужасов. Пока фильм идет, ты леденеешь от страха. По вот пленка закончилась, включили свет, и запах воздушной кукурузы и звуки человеческой речи прогоняют страх. Ей так понравилось сравнение, что она мысленно ухватилась за него, стараясь припомнить ощущения досконально. Возможно, они помогут ей не

соскользнуть окончательно в бездну безумия.

Но она видела Роберто Капо, и он велел ей бежать! Вапоретто наконец причалил у отеля. Джордан направилась к входу, но посреди улицы вдруг остановилась. Столько людей! И, кажется, все отлично себя чувствуют. Неужели во всем городе ее одну заботил тот факт, что в канале выловили отрезанную голову?

Джордан попросила ключи, но, не дойдя до лестницы, заметила Рагнора. Он сидел в холле и читал газету. Перед ним стояла пустая чашечка из-под кофе. По-видимому, он здесь уже довольно давно.

Он увидел ее, сложил газету, нахмурился и встал. Когда она подошла к нему, он без предисловий спросил:

— Где вы, черт возьми, пропадаете?

Джордан приподняла бровь.

— Не ваше дело.

Ваш кузен вне себя от волнения. Джордан почувствовала укол совести.

— Они спали, когда я уходила.

— Я волновался.

— Сожалею. Но вас я тоже не видела. — Джордан почувствовала, что краснеет. Горячая волна накрыла ее лишь оттого, что он был рядом. Для нее он ни на йоту не утратил своей привлекательности, хотя никаких тайн в физическом смысле после вчерашней ночи между ними не осталось. По сути, та ночь близости еще сильнее привязала ее к нему.

Но она никого не нанимала себе в телохранители, и, как бы ей ни нравилось находиться рядом с ним, оставалось еще немало других тайн, которые требовали разгадки. Она не хотела, чтобы он знал о полицейском участке, где она побывала. Не хотела она делиться с ним и только что испытанным ужасом, чувствуя себя мотыльком, летящим на огонь. Огонь искушал без меры, но в отличие от мотылька она знала, что пламя грозит опалить ей крылья.

— Вы ужинали?

— Мне надо навестить Джаред и Синди.

— Они поужинали и пошли спать.

— Уже? И вы утверждаете, что они за меня волнуются?

— Я сказал Синди, что, если вы не появитесь в ближайшее время, я сам пойду вас искать. Но все же позвоните им в номер. Ей будет приятно узнать, что вы вернулись.

Джордан последовала его совету. Синди взяла трубку. Голос у нее казался усталым.

— Что-то не так?

— Не знаю. Может, грипп. Я спала все утро, а сейчас снова чувствую себя разбитой. Но ты, как ты могла! Мы смертельно за тебя боялись!

— Я гуляла. Вспомни, Венеция — безопасный город. А полицейские носят оружие.

— Венеция безопасный город, и все же... — Синди осеклась. — Я не знаю. Мне просто отчего-то страшно, когда я не знаю, где ты.

— Со мной все в порядке.

— Отлично. Идешь куда-нибудь ужинать с Рагнором?

— Не знаю. Наверно.

— Ну, хорошего вам вечера. И, пожалуйста, не срывайся с места завтра, не сообщив, куда идешь. Хорошо?

Джордан так и подмывало сказать, что ей уже больше двадцати одного года, что она жила самостоятельно в Чарлстоне, что она знает итальянский пусть и не слишком хорошо, но вполне достаточно, чтобы сориентироваться на местности, но искренне озабоченную Синди не хотелось обижать.

— Синди, мне не нравится твое состояние. Может, тебе следует показаться врачу?

— Я так и сделаю, если не начну чувствовать себя лучше. Впрочем, я не могу сказать, что больна, только странное изнеможение.

— И все же лучше проконсультироваться с врачом, — настаивала Джордан.

Синди пообещала внять совету и попросила не вешать трубку: Джаред собирался ей что-то сказать.

Синди вздохнула, вновь взяв трубку:

— Он говорит, чтобы ты была осторожнее с Рагнором. Не доверяй ему и не пускай его к себе в номер.

Джордан не стала говорить ей, что предупреждение несколько запоздало.

— Я собираюсь поужинать с ним, и все, — ответила Джордан. Она не солгала. Как она могла спорить с Джаредом, если и сама точно не знала, что чувствует в отношении своего нового знакомого?

— Поужинать, — повторила Синди и перешла на шепот: — Что до меня, то я думаю, что лучшей пары тебе в мире не найти!

— Спасибо. Ладно, ложись спать.

Повесив трубку, Джордан вернулась к Рагнору. Он снова принялся за чтение газеты.

— Все в порядке. Они легли спать.

— Итак, вы не против поужинать.

— Не против. Дайте мне минутку, я хочу подняться к себе в номер.

Он слегка нахмурился, не вполне одобряя ее намерение. Сложив газету, он встал, собираясь

пойти вместе с ней.

— Я сейчас спущусь, — опередила его действия Джордан и поспешила к лестнице, словно боялась, что он ее остановит.

Джордан чуть не бегом влетела в номер. Быстро проверила, нет ли для нее сообщений. От полицейского из Нового Орлеана пришло еще одно письмо. Написанное просто, кратко и по сути.

«Пожалуйста, звоните мне в любое время».

Джордан хотела позвонить немедленно, но решила, что не стоит задерживаться. Завтра около полудня она позвонит. В Штатах, конечно, будет еще очень рано, но ведь он сам просил звонить в любое время.

К тому же в полдень по тем или иным причинам все, кого она знала, обычно спят.

Джордан быстро умылась, передела жакет и открыла дверь. Рагнор ждал ее в коридоре.

— Я уже начал волноваться. Джордан раздраженно вздохнула.

— Почему все здесь постоянно за меня волнуются?

— Я уже говорил. Вы можете натворить бед. Он молчал по дороге в ресторан, расположенный всего в сотне шагов от отеля. В небольшом зале оказалось много людей, на улице тоже.

Джордан чувствовала себя в полной безопасности. Они заказали вина и обменялись шутками с официантом, который, кажется, хорошо знаком с Рагнором. Затем заказали поесть. Когда принесли вино вместе с антипасто, Рагнор вытащил газету из кармана синего замшевого пиджака. Он развернул ее, разгладил и показал на рисунок.

— Узнаете этого человека?

Джордан во все глаза смотрела на изображение. Заголовки ничего ей не говорили, она смогла разобрать лишь слово «смерть».

— Я никогда не видела этого человека. Почему вы спросили?

— Рисунок сделан специалистами в полиции. Так мог выглядеть мужчина, чью отрезанную голову нашли в канале. Джордан вгляделась в рисунок пристальнее.

— Нет, я никогда его не видела, — медленно покачала она головой. — Я уверена, что никогда.

— Они полагают, что он славянин.

— Я его не знаю. А вы?

Рагнор покачал головой. Джордан почему-то была абсолютно уверена в том, что он говорит правду.

— Нет, — ответил он.

— Как вы думаете, за что его убили?

— Я не знаю.

В его искренности сейчас она засомневалась. Но тут Рагнор наклонился к ней и взял за руку.

Не ходите в город одна.

— Одну минуту. Вы пытаетесь мне сказать...

— Я говорю, чтобы вы не ходили одна.

— Вы никогда ничего не объясняете.

— Я не могу объяснить.

— Почему? У вас что, обет молчания?

— Что-то в этом роде.

— Вы говорите загадками.

— Давайте побеседуем о чем-нибудь другом.

— Хорошо, давайте поговорим о вас.

— Нет, о вас.

Принесли спагетти. Джордан попробовала. Блюдо оказалось на редкость вкусным. Рагнор знал Венецию и знал, в какой ресторан следует ходить.

Джордан пригубила вино, не сводя глаз со своего спутника.

— Я — открытая книга. Живу в Чарлстоне. Родилась в Чарлстоне. Мы с Джаредом росли с моей бабушкой, мы ее звали «баба Джей». У нас обоих ее глаза. Я маленького роста, Джаред — высокий. Он начал встречаться с Синди еще в школе. Они обожают друг друга.

— Вы рассказываете о Джареде и Синди. А как насчет вас?

— Ну что же. Из Чарлстона я уехала в Браун учиться в университете, где специализировалась в английском и сравнительной лингвистике. Время от времени я пишу статьи, но в основном — обзоры и рецензии на различные книги: художественные и нехудожественные. Я работаю на синдикат, и за последние годы неплохо смогла продвинуться. Зарабатываю прилично.

— А с личной жизнью как?

Джордан глотнула еще вина.

— Я уже рассказывала. Была помолвлена с копом по имени Стивен, которого убили. Я уверена, что вы в курсе подробностей — именно из-за них все полагают, будто я свихнулась на балу у графини, приняв шоу за реальность.

— А после его смерти?

— Я работала, И сейчас работаю. Вы не хотите спросить меня о моей личной жизни до Стивена? У меня был парень по имени Захар на первом курсе колледжа. Душка с красивыми

волосами. Потом — Джимми Адар. Он мечтал уехать в Монтану и жить в глуши — без людей. Вернуться в прошлое. Поселиться в вагончике без электричества и изучать волков.

Вы имеете что-то против волков?

— Нет. Я бы хотела как-нибудь его навестить. Но жить там я просто не хотела. Я, знаете ли, люблю иногда ходить в кино. Ну а потом появился Стивен. Дальше вы все уже знаете.

— Он был само совершенство.

— Вам бы следовало сказать, что вы сожалеете или что-то в этом роде.

Рагнор лишь пожал плечами.

— Итак, вы пребывали в глубоком трауре. Верно?

— Конечно.

— Я польщен.

— Спасибо, — как бы невзначай бросила Джордан. — Итак, теперь давайте поговорим о вас.

— Рагнор. Вулфсон.

— Это ваше настоящее имя?

— Да, мое настоящее имя.

Принесли главное блюдо. Они заулыбались, перебросившись репликами с официантом. Дождались его ухода.

— И вы из Норвегии.

— Да, оттуда родом.

И вы много путешествуете.

— Достаточно много.

— Род занятий?

— В разное время занимался разными вещами. Но в основном тратил семенные деньги. Расставался с антиквариатом.

— И изучал языки. Вы, должно быть, очень способный.

— Такой, как все. Путешествую, слушаю. И никуда не тороплюсь, — печально добавил он. — Чем дольше вы живете в определенном месте, тем лучше можно выучить язык. Время помогает.

— Как я поняла, вы встречались с графиней раньше.

— Мне не очень хочется углубляться в эту тему.

— Но вы считаете ее источником зла? упорствовала, насмешливо выгнув бровь, Джордан.

— Я знаю, что она несет зло, — уточнил Рагнор.

— Вы считаете графиню виновной в смерти того человека, не так ли?

— У меня нет доказательств.

— Вам следовало бы сообщить в полицию.

— В самом деле? Вы полагаете, ее арестуют лишь потому, что я думаю, будто она причастна к его смерти?

Джордан пожала плечами.

— Ваш визит в полицию мог бы помочь. Тогда они и ко мне отнеслись бы более серьезно. Хотя, должна сказать, Роберто Капо... — Джордан осеклась.

— Что Роберто Капо? — ухватился за ее слова Рагнор.

— Он не считает меня сумасшедшей. Вам бы надо сказать ему, что вы по этому поводу думаете. Наверное, ваши слова имели бы значение. Возможно, они бы внимательнее присмотрелись к деятельности графини.

— Ничего бы не изменилось.

— Почему?

— Поверьте мне, она умеет прятать концы в воду. И вновь к ним подошел официант. Пора заказывать кофе и десерт. Оба решили обойтись лишь кофе. И только тогда Джордан вспомнила, о чем хотела спросить Рагнора.

— Никаких вестей от Тифф?

Он весь насторожился.

— Нет.

— Разве вам не тревожно?

— Что с того? — устало ответил он вопросом на вопрос.

— Надо бы нам дать знать о том, что Тифф пропала.

— Я думаю, полиция уже занимается ее делом.

— Что заставляет вас так думать? Рагнор не торопился с ответом.

— Я навел справки.

— Вот как?

— Послушайте, я сделаю все, чтобы завтра местонахождение Тифф стало известно, идет?

Джордан благодарно кивнула. Официант принес чек, Рагнор расплатился, и они вышли из ресторана. Теперь на улице попадалось меньше людей, но рядом с Рагнором Джордан чувствовала себя в безопасности. Ни теней, ни зловещего шепота.

— Вы в самом деле настояли на том, чтобы они занялись Тифф? — спросила она.

— Да.

В отеле он проводил ее до номера, вошел следом и проделал все то же, что и накануне. Джордан наблюдала за ним.

— Вы еще больший неврастеник, чем я.

— Я вам сказал, что волнуюсь за вас.

Она молча встретила его взгляд, затем тихо спросила:

— Вы остаетесь?

— Да, — так же тихо ответил он. Джордан заперла дверь. Еще минута, и она была в его объятиях. Потом, глубокой ночью, несколькими часами позже, она повернулась к нему лицом и снова задала тот же вопрос:

— Кто вы на самом деле?

Он не отвечал, глядя ее по волосам.

— Я сказал вам правду. Я из Норвегии. Я жил по всему миру. И меня зовут Рагнор Вулфсон. — Он привлек ее к себе и притворился спящим.

Но она знала, что он не спит.

Джордан слегка отстранилась. В комнате было очень темно, но она могла различить черты его лица.

Она легонько провела пальцем по овалу его лица, подумав о том, какие правильные у него черты. Он невероятно хороший любовник, он ей нравился, если не сказать больше, ей нравилось находиться с ним.

Ей нравились его прикосновения... Она никогда не чувствовала того, что чувствовала с ним.

Если не считать...

— Ладно, — очень тихо спросила она, — кто ты?

— Человек, — пробормотал он. — Человек.

Он лежал не шевелясь.

Да, подумала она, он по-прежнему не спит. Она хотела бы знать о нем больше.

Глава 13

Будучи маленьким мальчиком, Рагнор не ведал того, что мир полон насилия и жестокости, как и того, что его ждет удивительное наследие в будущем.

Деревушку возле моря, в которой он родился и жил, можно назвать благословенным местом. Земля рождала отменно, здесь царили мир и покой. Фермеры пестовали землю, рыбаки

выходили в море, пастухи заботились о тучности стад. Весной и летом наливались богатым урожаем поля, а в лесах водилось полно дичи. Долгими холодными зимами мужчины вырезали на брусках дерева затейливые узоры, а сказители развлекали молодых и старых сказками о богах, о войнах с гигантами, о безрассудстве всех земных созданий. Над людьми царствовала власть закона, и потому все жили в мире и согласии. Представители семейств собирались в большом доме, и его двоюродный дед имел решающее слово на совете старейшин. Когда спор нельзя было разрешить миром, мужчины брались за оружие, и тогда раздавался лязг мечей, как во времена битв между богами, когда Один раздувал северный ветер, а Тор в гневе своем метал громы и молнии. Умереть в такой битве считалось честью, ибо Валгалла была открыта только для тех, кто сражался храбро и победил королевство Зла, пристанище богов нижнего мира. Религия и сказания сплетались воедино.

Несмотря на то что деревня, в которой жил Рагнор, считалась небедной, несмотря на мирное течение жизни, он с ранних лет обучался основам боевого искусства. Отец его приходился племянником старейшины и в своем королевстве находился не на последнем счету. Его уважали и боялись — он слыл великим и сильным воином, часто бывал в отъезде, и имя его произносилось почтительным шепотом. Он внушал благоговение и страх одновременно. Будучи седьмым сыном такого выдающегося человека, мальчик находился под пристальным присмотром. За ним наблюдали, на него возлагали надежды, и он знал с того самого часа, как научился говорить и ходить, что однажды он войдет в мир, где от него потребуют превзойти других мужчин в доблести и отваге. Ему не позволят обмануть возложенные на него надежды. Собственно, тут не было ничего особенного, ибо все юноши знатных родов обучались ценить силу и мужество как высшие добродетели. Несмотря на удачное географическое расположение и тучные поля его родины, она могла оставаться богатой и плодородной только при условии, что многие сыны ее будут плавать за моря и создавать новые поселения, привозя из-за морей новые богатства. Богатства, принадлежавшие другим людям.

Он всегда знал, что станет викингом. Таков был порядок вещей. Его старшие братья разлетелись из отчего дома и возвращались порой спустя годы, чтобы похвалиться великими завоеваниями и привезти домой золото, произведения искусства. Они рассказывали о монахах, которые переписывали книги, привезенные ими из-за моря. Монахи поражали их своей беспомощностью. Слабаки, они плакали и молились, взывая к своему Богу, но не получали от него помощи, умирая в неравном бою с людьми его племени, которых они называли демонами.

Часто, когда отец его уходил в море, мать шепотом молилась Фрее. Потом, повзрослев, он часто задавался вопросом, молится ли она о том, чтобы он вернулся, или о том, чтобы не возвращался никогда.

К тринадцати годам он уже перерос большинство мужчин в деревне, а ведь все жители отличались высоким ростом, и владел лучше всех оружием.

Одно из первых его воспоминаний относилось к тому, как он ходил на пристань встречать возвращавшихся воинов, храбрых, яростных, неистовых, среди которых находились те, что слыли неуязвимыми. Они плавали в поисках золота и сокровищ по морям, терзаемым штормом, наводили ужас на жителей прибрежных городов и селений. Они сеяли хаос и часто возвращались не только с мертвым металлом, но и с живой добычей, привозя рабов для жен знатных людей. Рабы обрабатывали поля и собирали урожай. В их сообществе существовали занятные законы: поскольку стойкость и мужество считались высшими добродетелями, раб, сумевший доказать, что обладает доблестью и храбростью, однажды мог стать одним из них и сам воевать за морем на их стороне. Когда возвращались воины, трубили в длинный рог, и вся деревня выходила встречать героев, чтобы послушать их рассказы о битвах и победах и подивиться тому, что создавали иные цивилизации.

В тринадцать лет он впервые отправился в море со своим старшим братом Хаганом. Они сделали остановку на острове к северу от берегов Шотландии, затем путь их лежал на юг, вдоль Гебридских островов, где, по слухам, жили монахи, привезшие из Франции реликвии, выполненные из золота лучшими парижскими мастерами. Моряков мало интересовали хрупкие кусочки костей, хранившиеся в золотых ковчегах. Их интересовал только сам металл.

Рагнору понравилось плавать. Он любил море и не возражал против ломовой работы. Рагнор мог грести часами без усталости в штиль, когда ладья с головой дракона на носу могла передвигаться только на мускульной тяге. Он любил и штормовое море, когда ветер перемешивал небо и воду, черные волны вздымались ввысь и рождалась буря, которая заставляла его чувствовать себя как нельзя остро воином, сражавшимся со стихиями, ниспосланными богами.

Острова, где правили его дальние родственники, погонщики рабов, в которых они превратили местных жителей, будили в нем острый интерес. Он никогда не видел столько разных народов: многие племена отличались низкорослостью. Маленькие черноволосые и смуглые люди говорили на незнакомом языке, который он находил занятным. На островах они запасались провиантом для дальнейших странствий и чинили суда. Там же они упражнялись во владении оружием, устраивали состязания, в которых призами служили женщины, доспехи, оружие и щиты. Все шло хорошо, пока один из хозяев островов, на которых они отдыхали, не услышал о сокровищах, которые они собирались захватить на юге. Жители островов посчитали, что сокровище по праву принадлежит им, завязался спор. Ссора разгоралась, грозя перейти в резню. В круглом зале старейшин на собрании, проходившем у огромного костра, брат его Хаган похвалился, что его брат рожден под особой звездой и отмечен богами, поэтому способен победить воина вдвое крупнее себя. Брат его, седьмой сын седьмого сына, рожденный под черной луной глубокой полночью, способен победить самых сильных, самых искусных воинов. Они будут биться до смерти, и люди победителя отправятся в плавание, чтобы добыть сокровища юга.

Многие стали смеяться над Рагнором. Рагнор был потрясен, он совершенно не мог понять, отчего его брат так жаждет его смерти. Старейшина пристально посмотрел на него, оценивая его шансы. Рагнору пришлось сказать, что его доблесть еще не подвергалась проверке, но старейшина настоял на битве, которую предложил Хаган. Старейшина пригласил самого сильного из своих людей, человека по имени Олаф, по кличке Гигант.

Гигантом его называли не зря. В плечах он был так же широк, как высок ростом, а рост его поражал воображение. Однако толстым его нельзя было назвать — сплошная глыба мускулов. В возрасте тринадцати лет Рагнор оставался худым, несмотря на тяжелый физический труд на корабле и неустанные упражнения с оружием. Боги ждали от него неколебимого мужества перед лицом битвы, но Рагнор не мог не бросить взгляд на своего брата, прежде чем сразиться со своим будущим и скорым убийцей. Во взгляде его читался упрек — брат предал его. Однако Рагнор знал, что лучше пасть от руки Олафа Гиганта, чем проявить трусость и стать объектом гнева своих братьев-викингов.

Он вышел в круг перед костром — место, означенное для битвы. Ему дали три щита и три вида оружия. Рагнор выбрал топор, палицу и меч. Едва он вышел в круг, едва заслонился деревянным мечом, как Олаф налетел на него, пообещав подарить смерть быструю и безболезненную, что позволит ему занять «детское» место среди богов. Одним взмахом боевого топора Олаф разрубил деревянный щит противника. Рагнор отступил, взял протянутый ему второй щит. Он едва успел схватить его, как Олаф наскочил на него вновь и занес боевой топор.

Рагнор отскочил в сторону. Олаф промахнулся, и боевой топор глубоко ушел в землю.

— Убей его! Вот твой шанс! — закричал ему брат. Но Рагнор медлил с ответным ударом. Олаф вытащил оружие из земли и вновь пошел в наступление.

Рагнор пригнулся и пошел вкруговую под одобрительные крики присутствующих. Когда Олаф разрубил второй его щит, Рагнор уронил палицу и, бросив на землю расщепленный щит, уже не годный для боя, взял меч.

Когда Олаф бросился на него, со смехом занося топор, Рагнор сделал стремительный выпад. Он ударил молниеносно и нанес удар с потрясающей, смертельной точностью.

Рагнор попал Олафу в горло. Олаф, ошалело глядя на юнца, уронил оружие и схватился за горло обеими руками.

Кровь текла по пальцам гиганта. Мгновения казались вечностью. Олаф во все глаза смотрел на Рагнора.

Затем, мертвый, повалился на землю.

Мужчины ликовали, приветствуя победителя. Хаган выступил вперед и обнял брата за плечи.

Ему бы следовало испытать восторг, душевный подъем, какой испытывали его соотечественники, но внутри его оставалась пустота.

В ту ночь старейшина острова дал ему щит, обрамленный серебром, древнюю реликвию, привезенную с развалин римской деревни, расположенной далеко на юге, на континенте, не на островах. Старейшина наградил его еще и двумя женщинами, привезенными с тех островов, где живет желтая раса.

Рагнор ничего не имел против такого подарка. Женщины научили его таким вещам, о которых он раньше не имел представления. Но, несмотря на все выпитое, несмотря на силы, отданные женщинам, он так и не уснул в ту ночь.

Ведь он должен был умереть.

На следующее утро он обратился к брату:

— Ты не раздумывал, рискуя моей жизнью.

— Я никогда не рисковал твоей жизнью.

— Он был вдвое больше меня.

— Но ты седьмой сын нашего отца.

— Значит, я бессмертен? Сын богов? — презрительно процедил Рагнор.

Хаган ткнул пальцем брату в лоб.

— Седьмой сын волка, седьмого сына волка. Дитя глубокой полночи, зачатый глубокой полночью, рожденный глубокой полночью. У тебя есть хитрость волка, голод волка и волчья верность.

— И потому я бессмертен? Хаган широко улыбнулся.

— Ну, я слышал о бессмертии, а теперь у меня есть доказательства.

— Ты рисковал моей жизнью! — гневно воскликнул Рагнор.

— Викинги не живут вечно. А место в Валгалле им гарантировано, лишь если они совершают великие подвиги на земле.

На следующий день они отплыли на поиски сокровища юга.

На берегу началась резня, от которой Рагнора замутило. Викинги напали на маленькое поселение монахов и затеяли кровавую бойню.

Мужчины в коричневых одеяниях, с выбритыми тонзурами носились по берегу, вопя и падая на колени. Они взывали к своему единственному истинному богу. Хаган смеялся и рубил их в щепки, неуклонно приближаясь к их капищу.

Рагнор шел следом, напоминая себе, что он здесь на испытании, что его назовут трусливой девчонкой, если он осудит насилие.

Но они заставили его драться с Гигантом, и он имел право голоса.

И вот он закричал так громко, что заставил их прекратить бойню и посмотреть на него.

— Оставьте их! Оставьте им жизнь! — приказал он и, подойдя к брату, выхватил у него из рук тощего человечка, которого тот хотел убить.

— Вы пришли за сокровищем. Берите сокровище.

— Ты струсил? — закричал один из самых неистовых воинов, викинг по имени Ульрик. — Седьмой сын седьмого сына — трус? — Ульрик трясся от хохота.

Наступила мертвая тишина.

— Берите сокровище! — стоял на своем Рагнор. Монахи были слишком потрясены, чтобы протестовать. Позже Рагнор подумал, что при иных обстоятельствах они предпочли бы умереть, защищая свои реликвии. Один из них стоял у входа в монастырь. Высокий, очень высокий мужчина.

— Берите золото и серебро. Оставьте то, что для вас ничего не значит, — кости и прах.

— Кости и прах принадлежат земле! — выкрикнул Хаган.

— Оставьте им их талисманы, — приказал Рагнор. — Я слышал о дворцах Валгаллы и понял, что великие воины умеют проявлять милосердие.

Викинги, сквернословя сквозь зубы, позволили оставшимся в живых монахам переложить свои драгоценные реликвии в каменные чаши, которые они скорее всего использовали для еды. Брат с собой то, что монахи считали священным, воины не стали. Перед отплытием к Рагнору, ожидавшему погрузки судна на каменистом утесе, подошел тот самый высокий монах.

— У меня было видение, что ты придешь, — сообщил он юноше.

Рагнор скептически на него посмотрел. Монах улыбнулся.

— Не досаждай мне, не то я велю им перерезать тебе горло.

— Паренек с огоньком, — пробормотал монах, — но ребенок остается ребенком.

— Я больше не ребенок.

— Пройдут годы, прежде чем ты превратишься во взрослого мужчину. Но я начал молиться много лет назад, зная, что корабли викингов опять выходят в море. И Бог ответил мне во сне, он велел мне не бояться. Ты придешь, чтобы защитить нас.

— Я пришел, чтобы украсть серебро.

Монах пожал плечами. Он снял с шеи медальон и протянул его Рагнору. Рагнор едва не ударил его, когда тот попытался надеть ему цепочку на шею.

— Вот серебро, но не украденное, а подаренное. Медальон украшен драгоценными камнями, это реликвия. Он снят с тела самого Иоанна Крестителя.

— Я не верю...

— Ты согласишься. Ты седьмой сын седьмого сына, но не седьмой сын своей матери. Рагнор нахмурил брови.

— Твой отец забрал ее из наших краев много лет назад. Она была целительницей, ребенком язычников, принесенным в церковь на крещение. Твой отец благословен — или проклят — властью. Твоя мать знала дела земные.

— Ты глупец, старик. Откуда ты все знаешь?

— Вы зовете его Одним. Римляне звали его Юпитером. Он могущественнее, чем думаете вы или думали римляне, но он остается самим собой. И поэтому я знаю, о чем говорю.

Монах покинул его. Позже, вечером того же дня, Рагнор спросил Хагана об отце. Хаган, смачно вгрызаясь в ногу барана, некогда принадлежавшего монастырской братии, пожал плечами.

— Он имел три жены. Майда, которую он любил ребенком. Моя мать Ингрид, которую он выкрал у датчан. Элспет, твоя мать, которую он привез из набега много лет назад откуда-то к северу от этих мест.

Потом, когда судно отчалило с отливом, Рагнор вновь увидел монаха. Тот стоял на ступенях, ведущих в монастырь. Он поднял руку, прощаясь с Рагнором.

Рагнор не ответил ему прощальным приветствием — уж слишком зол он был на него.

В Норвегию они так и не вернулись. Весть о том, что случилось в монастыре, переходила из уст в уста, путешествовала с теми, кто узнавал новости от других, и, вместо того чтобы прослыть слабыми и трусливыми, викинги из деревни Рагнора вдруг обнаружили, что стали знамениты — их услугами жаждали воспользоваться многие их благородные сородичи, правящие на островах. Искали их услуг и шотландские лорды, и ирландские короли. Люди Рагнора доходили по морю до самой Сицилии. Хаган выслушивал тех, кто желал воспользоваться их услугами. И, как принято у норвежцев, людей Севера, Хаган предлагал дружинникам выбор — участвовать в

предложенной битве или отказаться от нее.

Рагнор стал замечать за собой, что хочет еще раз побывать в монастыре, который они когда-то разграбили. Его влекло к книгам, сама личность монаха казалась ему интригующей, как и тот факт, что монахи умели говорить на многих языках мира — живых и мертвых.

Он вернулся и вернул отнятую реликвию.

— Что ты хочешь в обмен? — спросил у него худой востроносый аббат.

— Языки.

— Что?

— Я хочу выучить языки, на которых ты говоришь. Хочу уметь говорить так же, как ты. Хочу знать латынь, на которой ты пишешь, гэльский, что я слышал в деревнях Шотландии, и английский нижних стран. Еще я хочу знать французский и...

— По очереди, дружок. По очереди...

Итак, он стал в монастыре частым гостем.

Со временем Рагнор научился драться в настоящем бою, в совершенстве овладев искусством воина. Среди викингов было много таких, кто подходил к нему и спрашивал, что именно он думает о той или иной битве. Например:

— Дублин — город, основанный викингами. Теперь короли просят нас сразиться против пришельцев с Севера. Это хорошая битва. За правое дело.

Он соглашался, что дело правое. И еще он замечал за собой, что если бывал убежден в правоте дела, то становился в бою неистовым и беспощадным. Не раз он отнимал жизнь, не щадя своего врага, жестоко и яростно, но никогда не забывал, что чувствовал, когда погиб Олаф, поэтому строжайше запретил убийство ради убийства — крестьян, женщин, детей и стариков. Рагнор понимал, что жажда мести может сделать убийцами тех, с кем жестоко обошлись победители. И еще Рагнор обнаружил, насколько поразительно быстро те, ради которых они дрались, способны повернуть мечи против своих благодетелей.

Как-то они бились на стороне короля, правившего островом к западу от Шотландии. Дрались они против датчан, хотя войско, выставленное датчанами, очень сильно напоминало их собственное.

Король острова наградил их меньшим островом, который теперь они могли назвать своим собственным. Они богатели, и другие викинги присоединялись к поселенцам. Мужчины брали себе жен — некоторые женщины шли за них по своей воле, кого-то брали силой. Путешествуя по морю, они добывали богатства и привозили их с собой, но Рагнор не захотел оставаться на острове постоянным жителем. Во время очередного отъезда умерли мать Рагнора и его отец. Рагнор глубоко скорбел о смерти матери. Что же касается отца, то, несмотря на уважение и почитание, смешанное со страхом, который испытывали к нему все, Рагнор не настолько хорошо знал своего отца, чтобы сильно тосковать по нему. Тем не менее Рагнору жаль, что он не смог у отца получить ответы на многие вопросы.

Дядя Рагнора тем не менее по-прежнему оставался в их деревне старейшим. Он рассказал Рагнору, что его мать, которая была изначально захвачена и увезена с родины как рабыня,

много лет впоследствии жила среди его народа как равная. Рагнор знал, что его мать любили и уважали. И похороны ей устроили на славу. Дядя сказал, что ковчег с ее телом, сожженный на фьорде, горел поразительно ярко всю долгую лунную ночь.

— Мои родители многое могли бы мне рассказать, — промолвил Рагнор.

— Возможно, не так много, как ты думаешь. Что слова — сама жизнь наш учитель, и она научит куда лучше, чем любое родительское наставление.

Рагнор вместе с Хаганом и верной дружиной вернулся на маленький остров у шотландских берегов. Теперь мало что связывало его с родной деревней.

К тридцати годам он обзавелся собственным домом, стадом коров, отарой овец и табуном лошадей. Он не был женат, но одиноким тоже не оставался. В жизни он имел много женщин — чужестранки с дальних берегов, пленницы, всегда готовые угодить, служанки, сами предлагавшие ему свои услуги. С Хаганом они крепко сдружились и вместе командовали дружиной.

В том году их позвал па помощь богатый вождь, живший в двух днях пути к югу, в поселении на берегу реки. Рагнор вместе с Хаганом отправился на переговоры с вождем.

Людей забирали и убивали. Враги обитали неподалеку, приходя в деревню и превращая ее в руины. Смуглые, черноволосые, на низкорослых конях, они приходили ночью и исчезали в темноте — ночь была их союзницей.

Люди их страшно боялись, ибо они не просто убивали. Они забирали с собой детей.

Рагнор и Хаган согласились помочь истребить врагов. На обратном пути Рагнор с братом заехали в монастырь, тот самый, откуда они когда-то украли серебряный ковчег. Рагнор и сам не знал, почему ему так захотелось поговорить с монахом, которого он когда-то защитил. Монаха звали Питером.

Питер, кажется, ждал его приезда. Он уже приготовил для него суи и хлеб и слушал с живым интересом то, что рассказывали ему Рагнор с Хаганом.

— Зло пришло, — констатировал Питер.

— Ба! — презрительно воскликнул Хаган. — Иностранцы — трусы, как любит говорить Рагнор. Воюют они без оружия и нападают на слабых.

— Ты советуешь нам не вступать в битву? — уточнил Рагнор, ибо монах вел себя странно.

— Нет, вы должны вступить с ними в бой. И вы должны не просто убить их, вы должны их разбить наголову — уничтожить полностью. Оружием для них будут служить кулаки и зубы. Да, зубы. О них вы не должны забывать во время боя. Берегитесь их зубов! Они древние воины, одни из самых древних на земле, и принося? не просто смерть, но заразу. Их называют воинами ада — черной силой, воюющей с Богом.

— Если бы твой единственный Бог был таким всемогущим, он уничтожил бы их, — раздраженно высказался Хаган.

— Наше дело правое, их — нет.

Питер не обращал на Хагана внимания, он обращался только к Рагнору.

— Берегись их.

— Мы их уничтожим, — уверенно заявил Хаган. — Мы вернемся на наш остров, погрузимся на корабли и отправимся к вождю. Там мы поможем ему выстроить укрепление. И сразим врага.

Две недели спустя они отправились в плавание. И уже направляя корабли из моря в реку, они увидели то, что ждало их впереди. Приблизившись к деревне, которую они совсем недавно посетили, ту самую, где их приветствовал вождь, просящий их помощи, они не нашли ничего, кроме обгоревших головешек и жалких землянок.

Вытащив ладьи на берег, викинги молча взирали на пепелище. Гудрик, толкователь рун, покачал головой.

— Вернемся назад! — посоветовал он Хагану.

— Нет, — ответил Хаган. — Мы посмотрим, остался ли кто в живых. Мы обещали помощь, и мы сдержим слово даже перед мертвецами.

Рагнор вышел на берег без большой охоты. Он знал, что и брат его испытывает те же чувства, но знал он и то, что Хаган свято верит, что мужчина не должен руководствоваться страхом, какова бы ни была его природа.

Не успели они сойти на берег, чтобы увидеть мертвецов и мух, вьющихся над ними, как Эрик, оставленный сторожить корабль, окликнул их.

По реке шли корабли. Пораженный, Рагнор увидел, что сюда прибыли монахи. На носу корабля, следовавшего первым, стоял Питер, и седые волосы его трепал ветер.

Все монахи держали в руках мечи.

Рагнор и Хаган подошли поприветствовать новоприбывших.

— Вы забыли об обете жить в мире, данном вашему Богу, и взяли в руки мечи? — воскликнул Хаган.

— Мы идем на битву во имя Бога. Мы идем воевать против тех, кто крадет мертвых, а не живых.

— Монах, ты говоришь чепуху, — презрительно молвил Хаган.

Рагнор пошел в глубь деревни, где царил смертельная тишина. Казалось, ни одного существа не осталось в живых. Лошади, собаки, домашний скот — все лежали вповалку вместе с человеческими трупами.

— Здесь веет злом, неземным злом, предупредил Гудрик и, кивнув в сторону аббата Питера, добавил: — Как он сказал, его Бог побоялся бы ступить сюда.

Но норвежцы продолжали продвигаться вперед. Оглянувшись на странный звук, Рагнор увидел, что Питер методично отрубает мертвецам головы.

— Питер! Что ты делаешь? — скорее в недоумении, чем с отвращением или гневом воскликнул Рагнор.

— Мы сожжем их с молитвой, — сказал Питер, как будто его слова могли дать объяснение его действиям.

— Давайте поищем живых, — предложил Хаган. Они продолжали путь, пока не набрали на деревенскую церковь. Дверь приоткрылась и закачалась на петле. Братья переглянулись. Хаган пожал плечами.

— Кто хочет жить вечно? — с напускной веселостью спросил он.

— Я пойду первым, — пожал плечами Рагнор и добавил: — Я — седьмой сын.

— Мы пойдем вместе.

— Здесь всего лишь церковь.

Они сделали вместе еще один шаг, приблизившись к входу. Дверь широко распахнулась. Из церкви выбежала девочка и бросилась к Хагану, который от удивления чуть не упал.

Затем вышел юноша, щеки которого едва покрывал пушок.

— Мы побежали в церковь, когда они начали наступать, — торопливо заговорил он. — О Господи! Вы меня понимаете? Мы единственные выжили! Они... Они напали на овец и коров. Я видел, как мой отец...

Больше он ничего не сказал, он перегнулся пополам и упал на землю в рыданиях. Монахи подошли сзади. Один из них помог мальчику подняться на ноги.

— Сколько людей выжило?

— Пятнадцать — двадцать... все в церкви.

— Начинаем строить баррикаду, — громко приказал дружинникам Хаган.

— Вы можете строить свои баррикады, — объявил Питер, но я вам говорю — в церкви вы будете в безопасности.

— Мы должны строить заграждения, — начал втолковывать монаху Рагнор.

— Если должны, то стройте, — ответил ему Питер, — а мы должны делать то, что нам надлежит. Сын мой, — спросил Питер у мальчика, — где же остальные?

— Сейчас выйдут, теперь, когда... мы вас увидели. И тут из церкви начали выходить люди. Те, кто шел позади, в безумии своим толкали тех, кто выходил первым.

Какая-то женщина бросилась к Рагнору. Она обхватила его руками и подняла лицо с огромными черными глазами. Растрепанные темно-каштановые волосы ее разметались по спине. Юбка была порвана, рубашка вся в пыли, щека поцарапана. Она была очень красива.

— Слава Богу! — прошептала она. Он смотрел на нее во все глаза.

— Вы здесь, вы пришли. Вы не солгали моему отцу, вождю.

— Мы пришли слишком поздно.

— Но вы спасете жизнь нам, оставшимся!

— Спасем или умрем вместе с вами, — пообещал Рагнор.

— Алан, помоги им. Отдай им то, что осталось у нас из инструментов. Мэри, помоги мне принести воды и все, что мы сможем найти из еды.

Она все продолжала его обнимать.

— Мы будем сражаться вместе с вами или погибнем, — тихо произнесла она.

— За работу! Скоро наступит ночь!

— Принимайтесь за мертвецов, други мои! — призвал Питер монахов. Рагнор покачал головой, но монахи продолжали работать с утроенной энергией, собирая и животных, и людей. Разожгли огромный погребальный костер.

Запах горелой плоти оказался мерзок.

— Даже для викинга, — печально усмехнулся Хаган. Когда стемнело, Питер настойчиво велел всем идти в церковь. Хаган согласился.

— Норвежцы не боятся темноты, — обратился к монаху Хаган, — но люди устали.

Церковь представляла собой наилучшее укрытие — что-то вроде крепости. Тем более что вокруг нее успели возвести частокол.

Прошло несколько часов. Оставшиеся в живых женщины принесли воду и все, что осталось из еды. Дочь вождя подошла к Рагнору. Тот стоял у освещенного луной окна.

— Хаган сказал, что на твое место придет другой часовой. Тебе надо поесть. Пойдем, я приготовила для тебя пищу.

Она повела его в угол, где несколько деревянных скамей сдвинули вместе так, что получился стол.

Он ел жадно, с волчьим аппетитом, а насытившись, спросил:

— Я съел и твою долю?

— Даже если так, я не возражаю. Я к твоим услугам, хотя такие, как ты, берут то, что хотят, не спрашивая о желаниях других.

— Такие, как я?

Она пожала плечами.

— Ну да. Викинги.

— Ах, викинги.

Она опустила голову, но вскоре вскинула ее с дерзкой улыбкой.

— Хорошо. Может, дело не только в том, что ты — викинг.

— В самом деле?

— Ты — мужчина. Мужчины всегда берут то, что хотят, оставляя после себя... разрушение.

— Ты видела людей, темных врагов, приходящих ночью?

Она отвернулась.

— Я ничего не видела. Я приходила сюда и пряталась под алтарем, как мне велел отец. Мы знали, что они приходят в темноте. Большинство мужчин выходили им навстречу, чтобы драться. Ты видел, сколько их там полегло снаружи, Некоторые женщины и дети прятались в церкви. Но большинство надеялись отсидеться в домах.

— Я не видел тебя, когда мы встречались с твоим отцом и его помощниками, — проговорил Рагнор. — Я не знал, что у вождя есть дочь. Как тебя зовут?

Она смотрела на него, сияя карими глазами.

— Нари, — назвала она свое имя. — Меня зовут Нари. — И она взяла его за руку и переплела свои пальцы с его пальцами.

Глава 14

Синди крепко спала. Спала крепким здоровым сном, без сновидений. Спала так, словно весь мир умер для нее, а она для мира.

Ее разбудило прикосновение мужа.

Она тихо застонала.

Он что-то прошептал ей на ухо. Руки его двигались по ее телу.

Хочешь, чтобы я прекратил?

— Да! — едва не закричала она в голос.

Но она не стала ничего говорить. Ей нравилось его внимание, просто она устала. Честно говоря, она не была уверена в том, что муж ей верен, и она ужасно ревновала его к графине, хотя твердо решила не показывать и виду. Вначале, разумеется, она не желала признавать очевидное. Потом пыталась уверить себя в том, что ошибается. Она влюбилась в Джареда, будучи еще подростком, и за все совместно прожитые годы не растеряла своего чувства к нему. Но в последнее время...

Было так, словно они оба вернулись в последний класс школы.

Она собрала остатки сил и повернулась к нему лицом, глядя его по щеке.

— Не останавливайся, — обратилась она к нему. — Я люблю тебя.

Он был полон сил, настолько же полон сил, насколько ей их не хватало.

— Прости, я только очень устала...

— Не страшно. — Голос его звучал, как у старого доброго Джареда — задорно и чуть

насмешливо. — У меня запала хватит на двоих, детка.

Ей даже шевелиться не пришлось. Силой своей неизбывной страсти он подарил ей неземное блаженство.

Но он все распался — ласки его становились слишком рискованными. Болезненными. Временами ей даже нравилось, но сегодня...

Он нашел то, что искал, и, надо признать, она тоже не осталась внакладе. Но даже теперь, когда оба они, медленно кружась, с высоты опускались на землю, он продолжал целовать ее в шею. Болезненно, царапая зубами...

— Джаред! — Она нашла в себе достаточно злости и силы, чтобы остановить его. — Джаред, видит Бог, я люблю тебя, но мне больно.

Еще секунда — и он был на ногах. Она увидела, что он стоит у открытого окна.

Теперь ей стало холодно и больно.

— Джаред, прошу тебя! — прошептала она.

Он закрыл окно. Она не почувствовала, чтобы он подошел и лег рядом.

Ей пришлось собрать все свои силы, чтобы дотянуться до выключателя и зажечь свет. Лампа стояла на тумбочке у кровати.

Джаред ушел.

* * *

Джордан спала прекрасно, глубоко, без сновидений. Во сне она чувствовала тепло лежащего рядом мужчины.

Наверное, именно для того люди в наши дни женятся и выходят замуж, подумала она. Так здорово засыпать, когда рядом кто-то есть. Спать и знать, что он рядом, как щит, как заслон против ночи и мрака, против всех невзгод мира. Хорошо, когда есть кому сказать спокойной ночи и доброе утро. Не так часто встречается тот, кому хочется говорить подобные слова. Если дневные проблемы проникают сюда, в обитель сна и покоя, исчезает и прекрасное чувство комфорта от того, что спишь не одна.

Шли часы, но она знала, что он рядом. И перед рассветом, когда первые бледные лучи солнца едва осветили небо, он все еще оставался рядом с ней.

Чуть позже она повернулась, чтобы занять более удобное положение. Сейчас солнечные лучи уже успели пробиться сквозь тучи, сквозь шторы и ставни, воздух в комнате окрасился серой пастелью. В лучах, пробивавшихся сквозь прорези ставен, заиграли пылинки.

Рагнора уже не было рядом с ней.

Она встала, прошла в ванную.

— Рагнор? — позвала она. Ответа она не услышала. Внезапно почувствовав озноб, она прошла по комнате, зажгла везде свет. Номер пуст. Она проверила дверь. Дверь заперта.

В растерянности и недоумении она села на пол у подножия кровати. Надо снова лечь. Еще очень и очень рано.

Но спать она не могла, и потому встала и пошла принимать душ. Стояла под водой долго, наслаждаясь горячими острыми струями. Оделась, бросила взгляд на книги. Не стоит больше читать. От чтения у нее плавают мозги и безумные мысли лезут в голову.

Она подошла к столу, взяла книгу, написанную полицейским, и, подоткнув подушку, легла с книгой на кровать и начала читать все сначала, пытаясь понять логику построения. Вначале автор дает исторический очерк проблемы — от полного неприятия непостижимого, примером чему могли служить костры инквизиции, на которых горели «ведьмы» по всей Европе, или виселицы в Салеме. Затем приводились документированные факты массовых убийств, относящихся к тому же времени. Описывался случай массовых убийств во Франции периода Революции, почти незамеченный, ибо гильотина работала как заведенная и людей убивали сотнями в день на «законных основаниях». Однако когда некий д'Аларгон был обезглавлен, убийства прекратились так же внезапно, как и начались.

Покончив с веками семнадцатым, восемнадцатым и девятнадцатым, автор переходит к исследованию современности. После обзора современных сатанинских культов он более подробно останавливается на психологии современных людей, считающих себя вампирами. Джордан, читая раздел, не переставала покусывать губу, а потом вдруг вскочила с постели, бросила книгу, схватила кошелек и сумочку и вылетела из отеля.

День выдался ясный и холодный, но очень красивый. Она отправилась бродить по улочкам и площадям, по которым шла накануне ночью. Повсюду были люди: выгуливали собак, делали покупки, торопились на работу. Джордан заглянула в маленькое кафе, заказала кофе с булочкой, перекусила и пошла дальше. Она остановилась у церковной лавки и купила несколько распятий, больших и маленьких, потратилась на маленький, но очень искусно сделанный серебряный крестик на цепочке. В следующий раз она остановилась возле лавки, где продавали стеклянные сосуды для святой воды, после чего она зашла в первую же действующую церковь — маленькую, но очень милую. К счастью, туристов оказалось немного. Джордан все же чувствовала себя не совсем уютно и огляделась, прежде чем заполнить свой новенький сосуд святой водой.

Затем она заглянула на уличный рынок, где купила бананы, яблоки, виноград и... несколько связок чеснока.

Вернувшись в отель, она развесила чеснок на окнах. Горничная уже успела убрать в номере, так что до конца дня ее странное украшение должно продержаться. Побрызгав святой водой подоконники, Джордан помолилась. Возможно, следовало читать какую-то особую молитву, но она не знала, какую именно, и потому лишь приговаривала:

— Господи, не дай мне окончательно сойти с ума.

Она поставила сосуды со святой водой на видное место на столе. К счастью, Италия — страна католическая, и здесь привыкли к религиозным символам.

Потом она спустилась к консьержу и попросила его позвонить в полицию Роберто Капо. Тот еще не пришел на работу.

Затем она попросила консьержа позвонить Тиффани Хенли. У Тиффа работал автоответчик.

Джордан поблагодарила консьержа и хотела попросить принести ей кофе в номер, но заметила

Синди в холле. К удивлению Джордан, Синди надела солнечные очки. Зимой в Италии, да еще и в помещении! А ведь в самые жаркие дни дома, в Южной Каролине, она их никогда не носила.

Джордан подошла к жене брата.

— Синди, что с тобой?

— Привет, Джордан! Хочешь кофе?

— Конечно.

Джордан села в большое уютное кресло напротив подруги и уставилась на нее.

— Что-нибудь поешь? — спросила Синди. — Здесь очень милый официант. Молоденький такой. Он зарабатывает деньги на учебу в Штатах. Будущий специалист по международным отношениям.

— Я уже перекусила. Но кофе выпью с удовольствием, ответила Джордан.

Подошел официант — приятный молодой человек с темными глазами и волосами цвета меда. Синди представила их друг другу, и они немного поболтали о путешествиях, Штатах и о том, куда он поедет в Америке. Учиться он хотел в одном из трех мест: в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке или в Майами. Джордан посоветовала ему посетить заодно и Канзас, чтобы лучше почувствовать атмосферу центральных штатов.

Официант принес кофе, а когда он ушел, Джордан, перегнувшись через стол, спросила:

— Зачем очки?

— Ах, посмотри... Синди сняла очки. Вокруг глаз у нее выделялись темные круги. — Я... Я просто выгляжу дерьмово.

Вот и решила...

— Синди, ты должна показаться врачу.

— Через неделю мы возвращаемся в Штаты.

— В Венеции прекрасные врачи. Я не знаю в подробностях, чем занимается Джаред, но я читала...

— О, я знаю, что врачи здесь хорошие, я просто не хочу думать о плохом.

Джордан удивленно приподняла бровь. Синди пожала плечами.

— Все просто. Поздно ложимся спать. Очень поздно.

Джордан откинулась на спинку кресла.

— Джаред такое ненасытное животное?

Синди вспыхнула.

— Такое чувство, будто мы вернулись в медовый месяц. Я, конечно, вне себя от восторга. Ты знаешь, мы с Джаредом вместе уже целую вечность...

— Он должен давать тебе отсыпаться.

— Не говори ему ничего. Я сейчас вернусь, приму горячую ванну и посплю немного.

— Я постараюсь не проболтаться, — пробормотала Джордан и тут же спросила: — А он разве сам не видит, какие у тебя мешки под глазами?

Джордан, если ты ему скажешь что-нибудь, я тебе никогда не прощу. И, пожалуйста, осторожнее. Он идет сюда.

Джордан оглянулась. Джаред в джинсах и повседневном пиджаке только что вошел в отель и неспешной походкой направился к ним. Итак, Джаред уже успел куда-то сходить. Ранняя пташка, подумала Джордан и взглянула на часы. Впрочем, час не такой уж ранний — полдень давно миновал.

Он остановился возле кресла Джордан и поцеловал ее в лоб, после чего сел рядом с женой. Джордан наблюдала за ним. Он вел себя как заботливый муж. Взял ее за руку, поцеловал в щеку. Казалось, он совершенно не замечал синяков под глазами жены.

— Заказала мне кофе? — спросил он у Синди.

— Я не знала, что ты придешь. Я понятия не имела, где ты.

— Вы обе забыли: я здесь еще и работаю.

— Так на кого же ты все-таки работаешь, Джаред? — спросила Джордан.

— Что?

Синди так выразительно на нее посмотрела, что Джордан решила изменить вопрос:

— С кем ты работаешь?

— А, со многими... — Джаред небрежно взмахнул рукой. — С некоторыми из тех, кто входит в состав комитета по спасению Венеции. Они спонсируют реставрацию зданий и все такое. — Джаред взглянул на часы. — Вообще-то у меня через пару минут назначена еще одна встреча. А ты, — Джаред вдруг выставил вперед указательный палец в сторону Джордан, — тебя завтра графиня приглашает на ужин. Она настаивает. Хочет загладить спую вину — ей очень жаль, что ты так испугалась тогда.

— Джаред, я не хочу ужинать с графиней.

— Почему нет?

— По нескольким причинам. Я не хочу видеть ее палатку. Никогда больше. И вообще... Я и представить не могу, что ужин с ней способен доставить мне удовольствие. Мне эта женщина очень не нравится. Я серьезно.

Джаред глубоко вздохнул и выставил перед собой руки в умоляющем жесте.

— Джордан, я тебя понимаю. Но мне приходится иметь дело со многими людьми, и далеко не

все мне приятны. Ты не представляешь, что ты со мной делаешь, вот так поступая. Графиня — огромный денежный мешок. Она оказывает влияние на многих людей с большими деньгами.

— Она не единственная женщина в мире, у которой есть деньги.

— Венеция — моя специализация и моя любовь, Джордан. Джаред взглянул на часы и встал.

— Все, времени на кофе у меня нет. Джордан, будь ради меня хорошей девочкой, ладно? Ты здорово мне тут все подпортила, и теперь мне надо, чтобы ты пошла на ужин. Поняла?

Джаред поцеловал Синди в щеку, очевидно полагая, что с Джордан разговор окончен и ее согласием он заручился.

— Чем сегодня намерена заняться? — спросил он Синди.

— Поспать.

Джаред пожал плечами, гордый как павлин, эдакий мачо.

— Хорошо, — нежно прошептал он, — я вернусь к ужину.

— Люблю тебя, — проворковала Синди уходящему мужу. Джаред уже направился к выходу, но вдруг остановился, обернулся и спросил у Джордан:

— А ты что намерена сегодня делать? Джордан пожала плечами.

— Быть может, мне удастся пустить еще пару-тройку мерзких сплетен о графине.

— Джордан...

— Я собираюсь вернуть костюм. Может, прошвырнусь по магазинам. — Джордан встала и помахала рукой Синди. — Через пару минут я буду у себя в номере. Имей в виду, если тебе что-то понадобится.

Джордан направилась к лестнице, но когда она поравнялась с кузеном, тот схватил ее под локоть.

— Джордан!

— Оставь в покое свою жену! — со злостью бросила она ему и рывком высвободилась.

Она была уверена, что Джаред хотел броситься следом, и не сомневалась, что он с удовольствием ударил бы ее. Но Синди окликнула мужа, и он обернулся к жене.

Джордан, воспользовавшись моментом, бегом бросилась по ступеням.

В номере она пробыла меньше, чем намеревалась. Джордан на самом деле крепко переживала за Синди, но, поскольку та собиралась принять ванну и лечь, помощь едва ли ей сейчас понадобится. Джордан взяла карнавальный костюм и, бросив взгляд на книгу о вампирах, решила захватить и ее.

В вестибюле ни Синди, ни Джареда уже не было. Джордан еще раз попросила консьержа позвонить Тифф и Роберто Капо. В палаццо Тифф работал автоответчик, Роберто Капо на дежурство еще не заступил.

Джордан вышла из отеля и направилась прямо в магазин Анны Марии, где взяла напрокат костюм. Расцеловавшись по итальянскому обычаю с продавцами, Джордан постояла немного, любуясь новыми куклами Линн, и спросила, как идут дела.

— Отлично, просто отлично, — заверила ее Анна Мария.

— Наконец появилось время выпить кофе и перекусить, — довольным тоном заявил Рафаэль.

— Не у всех, — поправила его Анна Мария.

— Людей не так много, спешить некуда, — с надеждой в голосе принялся уговаривать хозяйку Рафаэль. — Джина наверху, она посторожит. — Рафаэль обнял Анну Марию за талию. — Мы отведем Джордан в тратторию за углом. Совсем на чуть-чуть. Деньги есть — столько костюмов взято напрокат!

— Позови Джину! — попросила Рафаэля Линн. — Мы будем ждать снаружи.

— Ты хотела только зажечь сигарету, а сама уже куришь.

— Линн, подожди в магазине, а нас потом догонишь, — кивнув в сторону витрины, сказала Анна Мария. — Вон та дама на улице собирается купить твоего последнего арлекина. Поговори с ней. Цена на кукле висит немалая, верно?

Линн, делать нечего, осталась общаться с потенциальной покупательницей, Анна Мария отправилась наверх поговорить с Джинной, а Джордан и Рафаэль отправились в тратторию.

— Как ты? — спросил он у нее.

Джордан исподволь наблюдала за своим спутником. Ей показалось, что его забота о ней — искренняя.

— Не знаю, что и сказать. Ты помнишь, у тебя есть друг, полицейский по имени Роберто Капо. Ты нас познакомил.

— Конечно, помню.

— Ну вот, я пошла на встречу с ним в бар. Я уверена, что он, как и я, считает, что в городе происходит что-то нехорошее, но, хотя я не слишком разбираюсь в вопросах субординации в итальянской полиции, мне кажется, что Альфредо Манетти его начальник. И вот Манетти убежден в том, что я — сумасшедшая.

— Ты встречалась с Роберто?

— Нет, я отправилась на встречу с ним, я уже почти дошла до места, и тут он велел мне бежать.

— Он велел тебе бежать? — переспросил Рафаэль, словно решил, что неправильно ее понял.

— С того места, где я находилась, был виден бар, и я увидела Роберто. И он крикнул, чтобы я убегала.

— Может, он внезапно стал свидетелем ограбления или чего-то еще. Мы не Рим, где повсюду полно карманников, но все же...

— Не знаю. Я несколько раз звонила в участок, но его так и не смогла застать.

— Странно. Я попробую позвонить сам из траттории. Путь к траттории лежал по очень живописной улице. И сама траттория оказалась местом вполне приятным. Все блюда были выставлены на обозрение. Никаких осьминогов и карактиц.

Усевшись за столик рядом с Рафаэлем, Джордан показала ему книгу, которую по наитию прихватила с собой. Она медленно потягивала кофе, наблюдая за своим приятелем.

— Я знаю, что все в Венеции уверены, что я слишком бурно на все реагирую, потому что была обручена с полицейским, которого убили. Но книга делает упор на тот факт, что сатанинские культы существуют, существуют маньяки, и плохие вещи иногда случаются.

Рафаэль не успел ответить — к столику с подносом подошла Анна Мария. Она взяла себе холодной закуски и спагетти.

— Наконец-то поем, — устроилась поудобнее она и, заметив книгу, спросила: — Что за книга?

— Книга об убийцах, которые являются вампирами, — ответил Рафаэль.

— Рафаэль, — с упреком возразила Джордан, — книга о реальных криминальных расследованиях, в которых фигурировали люди, считавшие себя вампирами или иными монстрами.

— Тебе не следует такое читать, — наставительно проговорила Анна Мария, уплетая спагетти. — Ты и так достаточно настрадалась со своим женихом.

— Я знаю, что Джаред спекулирует на моем прошлом, но, клянусь вам, я абсолютно вменяема, — с жаром объяснила Джордан и тут же поймала себя на мысли, что совсем не так уверена в ясности своего рассудка, как хочет представить. Действительно, какой нормальный человек станет тратить утро на покупку чеснока и святой воды?

Рафаэль пробежал глазами несколько страниц.

— Знаете, я не удивился бы, если бы узнал, что графиня не человек, а чудовище.

— То, что некоторые люди нам не нравятся, еще не превращает их в чудовищ, — рассудила Анна Мария.

— Но отрезанную голову все же в канале нашли, — напомнила Джордан.

— И не только, — поддержал ее Рафаэль. — Конечно, живи мы в другой стране, никто не увидел бы тут ничего особенного, но здесь, в католической Италии, осквернить католическую церковь...

— Какую католическую церковь? — с живым интересом спросила Джордан.

— Но к тому времени, как появились надписи, здание уже церковью не являлось! Оно было секуляризировано, потому что пришло в негодность. Там больше нельзя было проводить службы — фундамент разрушился.

— И все же оно выглядит как церковь, — уточнил Рафаэль.

— Что с ним случилось?

— Странные надписи на стенах, только и всего, — поспешила ответить Анна Мария.

— Странные древние знаки, — пояснил Рафаэль, — Египетские, наверное. Или надписи на древнеперсидском. Ученые до сих пор не могут их расшифровать.

— Египетские? — задумчиво переспросила Джордан. Рафаэль пожал плечами.

— Римляне завоевали Египет!

— Граффити можно увидеть повсюду, в любой стране мира, — парировала Анна Мария.

— Чао! — воскликнула Линн, подходя к ним с подносом. — Я продала своего арлекина! Так что за ленч плачу я... Ах, вы ведь уже заплатили, как я могла забыть!

— Ты можешь пойти и купить нам шампанского, — предложил Рафаэль.

— Я пас, — тут же отреагировала Джордан, — больше никакого алкоголя.

— И Рафаэль тоже пас, — предупредила Анна Мария. — Ему нести костюмы в чистку, и он может перепутать шляпы — сдать не с тем костюмом.

Рафаэль никак не отреагировал на слова Анны Марии. Он весь подался вперед.

— В сегодняшней газете напечатано интервью с несколькими молодыми людьми из очень бедных семей — их привезли в Венецию на автобусе из охваченных войной районов бывшей Югославии. Они говорят, что в Венеции им очень понравилось, вот только одна из девушек не вернулась к автобусу. Кажется, они решили, что она так полюбила город, что решила здесь остаться навсегда.

— Если бы я приехала из района военных действий, я бы тоже захотела остаться, — отреагировала Линн.

— Она, вероятно, с кем-нибудь подружилась, — предположила Анна Мария. — Бедная девочка. Быть может, ей удастся найти свою мечту.

Рафаэль резко встал.

— Пойду позвоню Роберто.

Он вышел из-за стола. Анна Мария покачала головой.

— Предположим, Джордан, графиня действительно преступница. Но у нас нет никаких доказательств ее вины. Ты из ее палатки отправилась в полицию. Полиция отправилась к ней. Они ничего не нашли. В Венеции встречается граффити. Туристы приезжают, некоторые не хотят возвращаться. Как ты сможешь доказать, что здесь что-то происходит?

— Я не могу, — признала Джордан, — но почему-то я уверена, что отрезанная голова в канале и графиня как-то связаны между собой.

Рафаэль вернулся на место, взглянул на Джордан и сообщил:

— Роберто Капо взял сегодня больничный. Я пытался дозвониться ему домой, но там включен автоответчик. — Он протянул Джордан листок с цифрами. — Вот его домашний телефон. Позвони, если хочешь, позднее.

— Спасибо. Большое спасибо. — Джордан убрала записку в карман джинсов. — Да, вот еще, — внезапно заявила она, — Тифф Хенли все еще нигде не объявлялась.

— И даже теперь, боюсь, мы ничего не можем доказать, — заметила Анна Мария. — Тифф известна своей взбалмошностью. Может поклясться, что будет в городе всю неделю, а сама в тот же день сорвется с места и полетит в какой-нибудь Цюрих.

— Тот, другой полицейский, с которым я встречалась, Альфредо Манетти, пообещал, что займется поисками Тифф, — промолвила Джордан.

Хорошо бы, — протянула задумчиво Мария, — тебе так будет спокойнее, верно?

Рафаэль все листал книгу.

— Интересно, — вдруг произнес он, — сколько людей пропадает каждый год? В Венеции у правительства с недавних пор появилась новая головная боль — автобусы с туристами. Люди спят там, есть им почти нечего, а когда автобусы уезжают, никто толком не знает, сколько этих туристов осталось в Венеции. И те, кто приезжает и остается, в основном родом из бедных стран. У них нет родственников или же родственники сами борются за выживание, у них просто нет денег на поиски пропавших. Они, возможно, думают, что их невернувшиеся братья, сестры, сыновья нашли богатых покровителей, которые согласились их приютить и дать работу. Возможно, так и случается — кому-то везет и над ними берут шефство обеспеченные американцы, японцы или немцы.

— Рафаэль! — вздохнула Анна Мария. Рафаэль поднял глаза на хозяйку магазина.

— Ты помнишь, что говорила Карлеона, когда забегала взять костюм? Она говорила, что возле той оскверненной церкви творятся странные вещи. Она слышала странные шумы, там мелькали тени.

— Тени в Венеции по ночам, как странно! — насмешливо воскликнула Линн.

Рафаэль скорчил гримасу, взглянув на Линн, и, посмотрев на Джордан, медленно покачал головой.

— Я все пальцы до костей исколол, зарабатывая на хлеб насущный, а она продала куклу и нажила целое состояние!

Джордан решила не говорить о том, что она тоже слышала странные шумы и видела странные тени.

— Я думаю, что вы... — он замолчал, подыскивая нужное слово на английском, — вы слишком скептически ко всему относитесь. Да, именно скептически! Джордан права — здесь что-то не так. Посмотрите, сколько людей видели привидения. И сколько верят в духов. Отец Веско как-то сказал во время мессы, что если мы верим в божественную силу, то должны признать, что зло тоже имеет силу и власть. Китайцы называют это инь и ян. Как мы можем утверждать, что нет никого, кто бы считал себя монстром и безнаказанно выходил охотиться на людей?

— Рафаэль, ты окончательно расстроил Джордан, — со вздохом констатировала Анна Мария.

Я вовсе не расстроена, — подтвердила Джордан, — я рада, что Рафаэль понимает, почему я так обеспокоена, особенно по поводу Тифф.

Лини посмотрела на Анну Марию.

— Лучше нам все же признать, что плохие вещи случаются. Тогда Джордан не будет чувствовать себя глупо.

— Ты что, меня подводишь? — спросила Анна Мария.

— Нет, скорее подстрекаю, — ответила Линн. Анна Мария кивнула.

— Я не люблю графиню, — не слишком охотно начала она говорить и после некоторых колебаний продолжила: — Это может показаться невероятным и даже глупым, но иногда мне кажется...

— Что вам кажется? — не дала ей упустить мысль Джордан.

— Если есть люди, которые несут в себе злое начало, то графиня одна из них. И совершенно не важно, сколько денег она жертвует на благие дела.

Джордан услышала то, что хотела. Признание Анны Марии ее не столько удивило, сколько испугало. Она резко выпрямилась и замерла. Со своего места за столиком небольшой траптории она ясно могла видеть то, что происходило за большой стеклянной витриной. И ей показалось, нет, она была уверена в том, что увидела Рагнора.

Немногие мужчины отличались таким завидным ростом, и, хотя в Венеции довольно много светловолосых мужчин, таких ярких блондинов, как Рагнор, надо еще поискать.

Она встала и поцеловала Анну Марию в щеку.

— Вы все правильно чувствуете, — поддержала она. — Графиня и есть воплощенное зло. Я убеждена и рада, что и другие так чувствуют. Я думаю, даже Синди это знает, просто притворяется несведущей ради Джареда. Простите меня, друзья. Я только что увидела приятеля.

Рафаэль начал возражать, но Джордан уже вышла из траптории.

Она не ошиблась. Рагнор стоял на площади перед церковью примерно в квартале от траптории. Джордан хотела догнать его, но тут остановилась как вкопанная.

К нему подошла женщина, одетая в традиционный просторный карнавальный плащ с капюшоном, в шляпе с широкими полями, затенявшими лицо, но маски на ней не было.

Определенно это была графиня.

Она схватила Рагнора за предплечье. Он обернулся. Она начала что-то говорить весьма серьезно. Он, опустив голову, внимательно слушал.

Джордан видела, как он обнял графиню одной рукой за плечи. Они свернули в проулок.

Какое-то время Джордан стояла не шевелясь, чувствуя, как холодок овеивает щеки.

Затем пошла следом.

Она свернула на ту же улицу, но их там не было. Улица вела к каналу.

Ни Рагнора, ни графини она нигде не увидела, но вдруг она поняла, что где-то звучит музыка — протяжная мелодия. Люди на улице тоже останавливались и прислушивались, глядя на канал.

Мимо нее проплыла гондола.

Гондола, задрапированная черным. На носу венки и букеты.

Посреди гондолы стоял гроб. Большой, черный, отделанный золотой каймой. Гроб также задрапирован и украшен цветами. Высокая женщина, одетая в черное, с черной вуалью на лице стояла на корме, как будто на страже гроба.

За гондолой следовали другие, тоже задрапированные черной тканью.

Джордан поняла, что видит венецианскую похоронную процессию.

Рядом с ней женщина тихо заговорила по-английски.

— Бедный Сальваторе, — перекрестилась она, — какая ужасная смерть.

— Как жаль. Он был самый лучший. Такой красивый, очаровательный и любезный молодой человек, — ответил ей высокий мужчина с немецким акцентом.

— Говорят, все произошло случайно. Он не пригнулся перед мостом, — объяснила женщина.

Мужчина с сомнением покачал головой.

— Он работал гондольером с малолетства! Он знает каждый мост в Венеции. Он нашел голову в воде и передал ее полиции, после чего и умер.

Джордан в ужасе смотрела на говорящих.

— Простите, что вмешиваюсь, но... хоронят Сальваторе Д'Онофрио?

— Да, как прискорбно, не правда ли? — отозвалась женщина. — Он так много раз показывал мне город и пел. Каждое путешествие в его гондоле становилось незабываемым.

— Он показал Венецию многим, многим туристам, — отозвался мужчина.

— И он... он нашел голову в канале?

— Да, и доставил ее в полицию.

— И на следующий день его убили. Он получил страшный удар в голову, и его нашли мертвым в канале. Тело, должно быть, плыло по течению. — Женщина проглотила слюну и покачала головой. — Простите, но я... Итак, тело поплыло по течению и попало в двигатель какой-то моторной лодки... и... боюсь, акулы над ним хорошо поработали.

— Он уже ничего не чувствовал, — утешил мужчину обеих.

— Спасибо, спасибо вам за информацию, — поблагодарила Джордан. Ей стало холодно, смертельно холодно под ярким солнцем. До конца дней своих она не забудет черную гондолу с черным гробом на ней, и цветы, и женщину в черной вуали.

Сальваторе. Тот самый Сальваторе, который так заботливо к ней отнесся, который волновался за нее.

Кто нашел отрубленную голову в канале...

Добрый, замечательный, мягкий, красивый, такой молодой. Впереди у него была вся жизнь. Сальваторе Д'Онофрио, который знал об опасности, притаившейся в тенях, человек, который предупредил ее, отвел от беды, теперь мертв.

На мосту над каналом, наблюдая за похоронной процессией, стоял человек.

На нем был костюм дотторе.

Когда процессия проплыла, он взглянул прямо на Джордан. Он смотрел на нее не отрываясь несколько минут, поднял руку и исчез за мостом.

Глава 15

Вначале Джордан не заметила записку. По дороге в отель она лишь молилась о том, чтобы никто ничего не менял в ее номере.

Связки чеснока так и висели на окнах. Весь номер пропах чесноком.

Сосуды со святой водой стояли там, где она их оставила, на письменном столе. Джордан дотронулась до большого серебряного креста у себя на шее. Крест был на месте.

Она подошла к компьютеру. Обрадовалась, увидев, что от новоорлеанского копа пришло еще одно сообщение.

«Пожалуйста, приезжайте к нам домой в любое время».

Он оставил адрес. Она попробовала до него дозвониться, но там работал автоответчик. Она оставила сообщение: «Спасибо большое, с удовольствием загляну».

Она попыталась набрать номер Роберто Капо, который дал ей Рафаэль. И снова на том конце прозвучал автоответчик. Джордан оставила ему сообщение: «Роберто, это Джордан Райли. Пожалуйста, позвоните. Я беспокоюсь о вас. И еще... гондольер, который умер недавно при ужасных обстоятельствах, был тем самым человеком, который нашел отрезанную голову в канале. Я знала его. Он предупреждал меня об опасности».

Джордан колебалась, стоит ли продолжать.

«Что-то здесь все же происходит, и вы, кажется, мне верите. Пожалуйста, позвоните мне». Она оставила название отеля, в котором жила, хотя он прекрасно знал, где она остановилась.

Джордан уже хотела позвонить Тифф, когда вдруг увидела конверт, подсунутый под дверь. Она подняла его и, вскрыв, увидела от руки написанную записку. Оператор на телефоне отеля записала то, что услышала: «Звонила мисс Хенли. Пожалуйста, встретьтесь с ней сегодня днем, если можете».

Внизу стоял адрес. Название улицы ничего Джордан не говорило.

И снова Джордан прошла по комнате, дабы убедиться, что надежно защищена. Не желая, чтобы ночная горничная зашла сюда и навела по-своему порядок в номере, Джордан повесила

на ручку табличку с просьбой не беспокоить. Прикоснувшись к нательному кресту, Джордан положила в сумочку сосуд со святой водой и поспешила вниз.

У стойки консьержа она спросила, как пройти по указанному адресу.

— Это рядом с тем местом, куда вы ходили вчера. У вас не будет проблем. На вашей карте...

— Простите. Я потеряла карту.

— У нас есть другая. Вы пойдете пешком?

Скоро должны ступить сумерки, но пока день не перешел в вечер, Джордан решила прогуляться. Но она хотела точно знать, как побыстрее добраться до места, как вернуться иным путем и каким образом сделать все быстро, если в том будет нужда.

— Да, я пойду пешком.

Консьерж отметил маршрут на карте и сказал, что, если она устанет, можно воспользоваться вапоретто. Остановка неподалеку. Она поблагодарила консьержа и вышла из отеля.

По дороге она вспомнила, что оставила книгу о вампирах у Рафаэля, за столиком траттории. Сначала она хотела заглянуть в магазин, но потом решила отложить все на завтра. Сегодня она должна найти Тифф.

Солнце понемногу садилось, и ветер усиливался, но она по-прежнему пребывала в уверенности, что найдет указанное в записке место до темноты. Она то и дело прикасалась к кресту, молясь за спасение души Сальваторе Д'Онофрио.

— Какой хороший человек! — проговорила она вслух.

Прогулка оказалась приятной. На улицах много людей, некоторые все еще в костюмах. Время от времени ей встречались артисты и художники, включая того, кто делал зарисовки с наряженных туристов. Большинство уличных музыкантов и танцоров носили костюмы. Ей понравилась женщина в серебристом, танцевавшая на манер балерины из музыкальной шкатулки на серебристом пьедестале. Па углу пожилой мужчина играл на виолончели.

Джордан останавливалась возле каждого, клала деньги в шляпы и шла дальше.

По мере приближения к цели улицы становились все уже, все неказистее. Все меньше нарядных магазинов с залитыми светом витринами, все больше старых, мрачноватых зданий. Она миновала уличный рынок, встречалось много площадей. В центре каждой — красивая церковь, колодец и статуи, даже маленькие скверы. Джордан потеряла счет мостам, через которые переходила. Она не собиралась ни при каких обстоятельствах отклоняться от цели и старалась запоминать дорогу, но красота окружающей местности отвлекала. Завороженная красотой той Венеции, что лежала вдали от проторенных туристами троп, она даже не почувствовала, как легче стало на душе. На время она даже позабыла о том, какую страшную весть принес ей уходящий день — весть о смерти Сальваторе Д'Онофрио.

Наконец она оказалась в квартале, который помнила. Вот и знакомая арка. За ней она видела Роберто Капо. Вот и траттория, где он назначил встречу. Хозяин заведения поздоровался с ней по-английски, как будто у Джордан на лбу написано, что она американка, лингвистически неполноценная.

— Столик на одну персону, синьорина?

— Спасибо, не сейчас. Вчера я должна была здесь встретиться с другом Роберто Капо. Вы его знаете?

— Да, да. Хороший клиент. И мой друг тоже.

— Вы его сегодня не видели?

— Нет, сегодня нет, увы. Прошлым вечером... он ждал кого-то, верно. Он все время чихал. Простудился, наверное.

— Так он болен?

— Да, думаю, что так. Он очень хотел с вами встретиться, Вероятно, он позже придет. Вы можете подождать. Выпейте что-нибудь. За счет заведения.

— Спасибо, но у меня сегодня назначена другая встреча. Вот адрес. Мне сказали, что отсюда близко. Не поможете сориентироваться?

— Возвращайтесь к площади. По правую сторону. Я не могу сказать вам точнее, но, оказавшись на площади, вы наверняка найдете то, что вам нужно.

— Спасибо большое.

На улице Джордан обнаружила, что солнце почти закатилось. Тени легли на узкие тротуары.

Джордан громко говорила сама с собой, чтобы придать себе мужества.

— Если я прямо сейчас не найду Тифф, то вернусь в тратторию, а оттуда на остановку вапоретто.

Она пошла в направлении, указанном хозяином траттории, и вскоре оказалась на небольшом островке. Из центра лучами в разных направлениях расходились маленькие узкие улицы. Она взглянула на адрес, и оказалось, что она находится там, где надо. Джордан, увы, не видела ничего, кроме жилых зданий, пусть красивых и старинных, но никак не похожих на те места, где принято назначать встречи. Ни кафе, ни ресторанов. Где, черт возьми, Тифф?

Джордан окинула взглядом остров и увидела ту старую красивую церковь, что так заинтриговала ее в свое время. Церковь находилась в плачевном состоянии и остро нуждалась в реставрации.

Подойдя ближе, Джордан увидела, что некоторые доски, которыми заколочены окна без стекол, упали. Каменные ступени вели к красивым резным дверям парадного входа. Она смотрела на церковь, борясь с искушением зайти. С трудом она вспомнила о том, что очень хотела встретиться с Тифф. Она решила немного пройтись по улице на случай, если ей встретится кто-то, кто мог бы точнее указать возможное место пребывания американки.

Уже повернувшись, чтобы уйти, Джордан оглянулась. Ей припомнились слова Рафаэля о секуляризированной церкви, которую осквернили таинственными надписями.

Здесь же никаких надписей на стенах не видно, как и на досках, которыми заколотили окна, но отчего-то Джордан ни на минуту не сомневалась, что церковь секуляризирована, о чем говорил ей и Сальваторе Д'Онофрио. Джордан огляделась. Она внезапно испугалась, что сейчас опять

услышит знакомые шумы: шепот из темноты, хлопанье крыльев, шипение и шелест возле самой уха — непостижимые звуки ночи. Однако вечер поражал тишиной, и тени были как тени. Но в тишине каждый шаг отдавался гулким эхом. Она повернула за угол и увидела пожилую женщину, подметавшую крыльцо.

— Простите... — Джордан забыла, как правильно спросить дорогу по-итальянски.

Женщина поняла, что Джордан нуждается в помощи. Пригладив седеющие волосы, она внимательно посмотрела на карту, подставив ее под свет фонаря над входом.

— Si. La chiesa.

— La chiesa? — переспросила Джордан. Ах да, церковь. — Вы уверены?

Женщина вздохнула и спустилась со ступеней, чтобы показать Джордан дорогу. Прямо и за угол. La chiesa.

— La chiesa, — повторила Джордан и поблагодарила женщину.

Джордан медленно побрела назад, к острову, не спуская глаз с церкви. Теперь она заметила, что внутри горел свет. И еще она увидела, что прежде закрытая дверь теперь слегка приоткрылась.

— Тифф, если ты так шутишь, я задушу тебя собственными руками! — процедила сквозь зубы Джордан.

Она осторожно, словно ступала по топи, приближалась к церкви и настежь распахнула дверь.

Но дверь со скрипом подалась назад. Джордан огляделась вокруг, плотно сжав зубы, чтобы не стучали. Неподалеку от входа у маленького фонтана она увидела железный скребок для обуви.

Фонтан мирно журчал — струйка воды лилась изо рта бронзовой рыбы.

Мысленно ругая Тифф на чем свет стоит, Джордан подошла к скребку, выполненному в виде двух металлических рыб, глядящих друг на друга.

— Чертова штукovina наверняка забетонирована намертво, — пробормотала Джордан, изо всех сил рванув скребок на себя. Она едва не упала под тяжестью трезубца. — Ну что же, я ошибалась, — констатировала Джордан и потащила железное сооружение вверх по ступеням к двери.

Открыв дверь шире, она подставила металлический скребок в проем так, чтобы он не давал ей закрыться. Сделав дело, она заглянула внутрь.

— Тифф?

В церкви горели свечи, большинство из них, кажется, находилось возле алтаря. Свет шел с возвышения, на котором обычно стоят хористы. От двери до того места было довольно далеко.

— Тифф, черт тебя дерит!

Джордан вошла в церковь и направилась по проходу вперед к алтарю. Она решила идти быстро.

Но идти быстро не получалось.

Она видела нефы по обеим сторонам. В каждом из боковых нефов было по алтарю, и над каждым из них висели картины.

Джордан крепко сжала в ладони нательный крест.

Тифф?

Ее все больше охватывал страх. Она то и дело посматривала на боковые нефы, дабы убедиться, что тени не движутся. Ей показалось, что она услышала трепет крыльев.

Нет, это звук ее собственного дыхания.

Уходи отсюда, идиотка!

Затем она обратила внимание, что свечи в зоне алтаря расположены в виде прямоугольника. Длинного, вытянутого прямоугольника.

Тело.

На мгновение она замерла, словно окаменела. Даже сердце, казалось, перестало биться.

Тифф?

Джордан пошла вперед, принуждая себя двигаться быстрее.

Да, то была Тифф. Она лежала, вытянувшись во весь рост, на алтаре, в длинном белом одеянии, словно девственница, принесенная в жертву; Джордан, кажется, уже видела такое в каком-то фильме ужасов.

— Тифф, черт возьми, совсем не смешная шутка! Вставай! Что-то пролетело мимо лица Джордан.

И вдруг церковь ожила: под потолком дружно захлопали крылья.

— Летучие мыши! — воскликнула Джордан, глядя под потолок.

Да, летучие мыши.

— Только посмейте налететь на меня снова, и я принесу сюда канистру с бензином и подожгу ваш чертов дом! Пусть хоть полгорода сгорит, мне плевать! Мне плевать, даже если меня арестуют за поджог!

Джордан потрясала кулаками, грозя летучим мышам.

— Черт побери, Тифф!

Джордан подошла к алтарю, трясась от страха и гнева, но без Тифф Хенли она уходить не желала. Не желала уходить, не сказав ей, что думает по поводу дурацкого розыгрыша. Дурацкого и жестокого.

— Тифф, вставай!

Джордан выругалась, задев рукавом о свечу — она пыталась тряхнуть Тифф за плечо.

Закутанная в белые пелены, как мумия, Тифф лежала бледная и спокойная. Только голова ее была свободна от пут. Вот сейчас Тифф откроет глаза и скажет: «А вот и я!» Она станет говорить, что просто не могла удержаться от искушения разыграть Джордан, тем более что деньги на подобную постановку у нее есть. Она скажет, что решила посмеяться над тем, что случилось с Джордан в палатке графини.

Но Тифф не пошевелилась, когда Джордан трянула ее. Плечо ее оказалось холодным как лед.

Джордан смотрела в лицо женщины, лежавшей на алтаре. Глаза закрыты, цвет кожи — пепельно-серый.

Нет, не серый, белый-белый, ни кровинки, словно лицо ее специально долго отбеливали.

— Тифф?

Она снова трянула ее. Тело Тифф было не просто холодным, оно было ледяным. Джордан проглотила вязкую слюну. Дышать стало совсем трудно.

— Тифф? — еле слышно, с мольбой в голосе проговорила она.

Но Джордан уже знала правду.

Тифф мертва.

Она приподняла свою мертвую подругу за плечи. И завизжала от ужаса, уронив тело.

Голова Тифф осталась лежать на алтаре, отделенная от тела. Она была отрублена.

Джордан обрела способность дышать и завизжала истошно. Несколько мгновений она пребывала в ступоре от ужаса, но далее сработал инстинкт самосохранения. Резко, словно ее пробил молнией.

Она повернулась спиной к алтарю и бросилась бежать. Она не сразу заметила, что проход закрыт.

Там стоял мужчина.

В черных брюках и черном кожаном пиджаке.

Волосы его сияли золотом в свете свечей.

Рагнор Вулфсон.

— Ах, это ты, ублюдок! — завизжала она, озираясь в поисках какого-нибудь оружия, чего-нибудь, что можно было бы в него швырнуть. На полу валялся пыльный псалтырь. Она схватила его и швырнула в него.

— Нет, Джордан! — воскликнул он, но она пребывала вне себя от страха и гнева и неспособна была что-либо воспринимать.

Она бросилась назад, схватила свечу, опрокинув половину других и задев тело.

Словно в тумане она услышала, как некий круглый предмет упал на пол.

Она стала швырять в Рагнора свечи.

— Джордан! — закричал он снова и пошел к ней по проходу. — Джордан, черт тебя дери! Берегись! Иди ко мне, беги ко мне!

Но она пятилась, отступая к алтарю.

Она должна как-то его обойти.

— Джордан! — воскликнул он еще раз.

И дальше она ничего не помнила. Она почувствовала сильную боль в затылке, как будто ее ударили чем-то тяжелым.

Тени определенно двигались.

Они пронеслись у нее перед глазами.

Встали стеной — твердой черной стеной — сплошной стеной черноты.

И она упала на покрытый пылью мраморный пол секуляризированной церкви.

Глава 16

— Джордан, Джордан...

Вначале она лишь смутно осознавала, что кто-то зовет ее по имени. Затем почувствовала гул в голове. Звук ее имени пробился сквозь завесу глухоты, и она открыла глаза.

Ночь.

Она слышала журчание воды. Она слегка приподняла голову, и перед глазами у нее поплыли светящиеся круги. Затем они пропали, взгляд сумел сфокусироваться на лице человека, склонившегося над ней.

Рафаэль.

— Вот ты и очнулась. У меня нет сотового. Полежи здесь, я позову на помощь.

Джордан протянула руку, схватив его за предплечье. Она старалась как можно скорее прийти в себя, вспомнить, что с ней произошло.

— Нет, не уходи. Загляни в церковь. Он смотрел на нее так, будто полагал, что она еще не вполне оправилась от удара головой.

— Джордан, церковь не самое лучшее место для встречи, да еще в такой час. Не знаю, чего ты хотела, но...

— Церковь, загляни туда, — в отчаянии прошептала она. Она понимала, что находится в нескольких шагах от ступеней, ведущих в церковь. Она лежала на земле — вернее, ноги у нее были на земле, а верхняя часть тела — на парапете дурацкого фонтана. Она дотронулась до лица. Щеки ее оказались влажными. Должно быть, Рафаэль обрызгал ее водой из фонтана,

чтобы привести в чувство. Он встал.

— Тебе надо в больницу...

— Нет! — твердо заявила Джордан. Разве она сошла с ума? Ей определенно надо в больницу. Что, если ей проломили череп? Что произошло? Она пришла сюда, зашла в церковь, увидела тело...

А потом Рагнора.

И тогда...

— Подожди! — внезапно закричала она. Джордан не знала, как ей удалось выбраться из церкви, но Рафаэлю входить туда не стоило. Что-то там было не так.

—Что?

— Тифф... Тифф мертвая. На алтаре. С отрезанной головой. Рафаэль ошалело посмотрел на нее и направился к входу в церковь.

— Нет, не ходи! Там опасно, Рафаэль...

Но он ее не слушал. Он стоял уже у самой двери, которая все еще была открыта.

Скребок для обуви занял свое место у фонтана, там, откуда она его взяла. Джордан заметила, что она лежала так, будто споткнулась об него, упала и ударилась затылком о парапет фонтана.

Рафаэль поднимался по ступеням. Джордан поднялась на ноги. Ее качнуло, но голова кружилась совсем чуть-чуть. Сознание прояснилось. Она ощупала череп. Все вроде бы нормально. Сжимая руками голову, она пошла следом за Рафаэлем.

Он стоял в проходе. Света было мало, так что вглубь он проходить не стал.

Ни одна свеча не горела.

Там, в конце прохода, смутно различался алтарь. Кажется, он казался пустым.

Джордан кожей чувствовала, что нельзя ей вновь заходить в эту церковь, но она не могла поверить глазам — и она пошла по проходу к алтарю.

— Эй, Джордан, стой! Здание закрыли, пока не проведут реставрацию. Здесь может быть опасно.

Джордан его не слушала. Она продолжала идти к алтарю. Никаких следов Тифф. И ни капли крови.

— Она лежала здесь! — показала Джордан.

— Кто? — переспросил Рафаэль.

— Тифф! Я говорю тебе: она лежала здесь с отрезанной головой.

Рафаэль подошел к ней. Вытащил из кармана брелок с ключами. На связке висела

миниатюрная зажигалка. Он зажег огонь, чтобы было виднее.

— Джордан, — тихо сказал он, — здесь никого нет.

— Но она была тут! — настаивала на своем Джордан.

— Джордан, Анна Мария права. Мне не стоило забивать тебе голову...

— Проклятие! — взорвалась Джордан. — Повторяю, я пришла сюда, я видела тело на алтаре. Я подумала, Тифф хочет меня разыграть — она оставила мне сообщение, назначив местную церковь местом встречи. И она была там, на алтаре. Вот я и пришла, звала ее, кричала, просила ее прекратить жестокий розыгрыш, а потом... Потом я дотронулась до нее, хотела тряхнуть за плечи. Тело подалось, а голова осталась лежать. Голова находилась отдельно от туловища. Потом я увидела Рагнора у двери, и потом... кто-то ударил меня!

Рафаэль смотрел на нее, стараясь скрыть скепсис.

— Тебе не кажется, что ты так торопилась встретиться с Тифф, что споткнулась, упала и додумала остальное?

— Нет, у меня не бывает галлюцинаций! Рафаэль смотрел на нее стеклянным взглядом.

— Говорю тебе, я ничего не придумала.

Рафаэль осветил своей миниатюрной зажигалкой темноту, стараясь особенно подсветить темные углы. Ничего и никого тут не было. Даже крыса не пробежала по полу.

— Ты видела Рагнора?

— Да.

— Прямо перед собой?

— У двери.

— И он подошел к тебе и ударил по голове?

— Я... Нет! — пробормотала она, растерявшись на миг. Она видела Рагнора так же близко, как Рафаэля. Он кричал ей, разве нет? Велел подойти к нему. И она что-то швырнула в него. Да, псалтырь.

— Я не знаю.

В церкви было очень темно и пусто, а пламя зажигалки делало углы еще темнее. Рафаэль поежился.

Пошли отсюда.

Нет, погоди! — прошептала Джордан.

Она вернулась к алтарю, провела по нему рукой.

— Рафаэль, смотри! На нем ни пылинки! Послушай, если бы здесь ничего не было, то на нем лежал бы слой пыли!

— Мы пойдем в полицию, — успокоил ее Рафаэль. Может, Роберто Капо уже явился в участок. Если даже предположить, что она стала участницей розыгрыша, то сообщить об увиденном она просто обязана.

— Хорошо, но лучше позвонить, чтобы полиция приехала сюда. Нам нельзя уходить. Здесь слишком быстро все меняется. Рафаэль кивнул.

— Мы позвоним из телефона-автомата. Он вон там, недалеко. Но только, Джордан, пожалуйста, давай выйдем отсюда.

Они пошли к двери по проходу — два вполне прагматичных и рациональных человека. Они шли уверенной походкой. Джордан чуть прибавила шагу, чтобы не отставать от Рафаэля. Он пошел еще быстрее, она — следом. К тому времени как оба достигли двери, они уже бежали.

Джордан едва не споткнулась. Она бы угодила в фонтан, если бы Рафаэль ее не подхватил.

Он поддерживал ее под локоть, когда они спускались по ступеням.

Рафаэль выразительно посмотрел на нее. Джордан правильно истолковала его взгляд.

— Я точно знаю, что не споткнулась на бегу, и головой я не о фонтан ударилась, — твердо объяснила Джордан.

— Позволь мне посмотреть, — коснулся ее виска Рафаэль.

— Не там, на затылке. Как я могла бежать вперед и удариться затылком? — в сердцах воскликнула она. Рафаэль пожал плечами.

— Мы вызовем полицию.

— Лучше будет, если сюда приедет Роберто Капо. Они подошли к телефонной будке на краю сквера. Рафаэль набрал номер и, закрыв трубку рукой, спросил у Джордан:

— Какой тебе нужен участок?

— Возле отеля «Даниэль». Я туристка, адреса не знаю. Ты должен знать!

— Мне никогда не приходилось звонить.

— Роберто твой друг! Ты должен знать номер. Рафаэль тихо выругался по-итальянски.

— Да-да, у меня есть номер.

Он что-то проговорил оператору, она его соединила. С минуту он поговорил, затем прикрыл ладонью трубку.

— Капо сегодня не будет. У него высокая температура. Джордан слышала, как на том конце кто-то заговорил. Рафаэль поморщился.

— Альфредо Манетти на проводе.

Джордан безнадежно всплеснула руками. Убедить в чем-то Манетти не представлялось возможным. Она должна преподнести ему собственную голову на серебряном блюде, тогда он, может быть, поверил бы, что что-то не так.

Рафаэль начал говорить. Говорил он довольно долго.

Бросая на Джордан выразительные взгляды, он продолжал говорить.

Наконец повесил трубку.

— Сейчас они приедут, — сообщил он. — Давай сходим выпьем чего-нибудь.

— Я не хочу нить — никакого алкоголя.

— У тебя может быть сотрясение, верно? Большая шишка, кровоподтек. Алкоголь тебе не нужен, верно. Но кофе или чай — в самый раз. Нам, возможно, придется подождать, пока полиция прибудет. Я сказал им, что особой срочности нет, ничья жизнь не в опасности.

Джордан, правда, очень сомневалась в этом. Она обвела взглядом сквер и поежилась. Впрочем, никаких подозрительных звуков не слышала. Ни шипения, ни свиста. Длинные тени ложились на тротуар, но они не двигались.

И все же у нее оставалось чувство, что за ней наблюдают. Словно чьи-то злобные глаза выискивают их в темноте.

— От кофе я бы не отказалась, — пробормотала она.

Они пошли к траттории. Тот же хозяин встретил их. Не успела Джордан что-то сказать, как Рафаэль уже объяснил хозяину, что с ней произошел несчастный случай. Мать хозяина оказалась там же, и она принесла Джордан лед, холодную воду и горячий чай. Она предложила девушке вытянуть ноги, пододвинув ей еще один стул, и укрыла ее пледом. К ней отнеслись с такой добротой и сочувствием, что она почувствовала себя виноватой.

Только теперь Джордан догадалась спросить у Рафаэля о том, как он оказался у церкви. Рафаэль удивленно на нее посмотрел.

Ты мне позвонила.

Я позвонила?

— Ты позвонила в магазин и оставила для меня сообщение. Джордан покачала головой.

— Я никуда не звонила.

— Ну, значит, позвонил кто-то другой. Я трубку не брал. Линн ответила и записала сообщение. Мне показалось, что она меня к тебе приревновала — разозлилась на то, что ты меня попросила прийти, а не ее.

— Но я не звонила!

Через минуту в тратторию вошел Альфредо Манетти. Он подошел к столику, за которым сидели Джордан и Рафаэль, и выжидающе на них посмотрел. Потом так же молча выдвинул стул, уселся и, откинувшись на спинку, обратился к Джордан:

— Ладно, мисс Райли, расскажите мне, что произошло. Джордан выпрямилась, убрала грелку со льдом с затылка и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я получила сообщение от Тифф Хенли. Помните, я вам говорила, что она пропала? И вы

пообещали все про нее выяснить.

Манетти кивнул.

— Продолжайте.

— В записке указывался адрес, но которому я должна прийти к ней на встречу. Консьерж показал мне дорогу. Я следовала его указаниям. Я не смогла найти место точно, но дама на улице сказала мне, что это — церковь. Когда я зашла туда, там горели свечи. Я увидела что-то на алтаре и подошла. То, что я увидела, — была Тифф. Как жестоко она меня разыграла, подумала я. Но я попыталась ее приподнять и увидела, что она обезглавлена.

Манетти смотрел на нее и никак ее слова не комментировал.

— Но тело исчезло, не так ли? — высказался он наконец.

— Тело лежало там — заставьте своих людей проверить. На алтаре ни пылинки. И знаете, если бы вы сделали то, что я предлагала раньше — использовали люминал, — то могли бы обнаружить маленькие капельки крови, не видимые невооруженным глазом в темноте.

— Вы пытаетесь обвинить итальянскую полицию в некомпетентности, мисс Райли?

— Нет, я просто подвергаю сомнению эффективность ваших личных методов расследования.

Казалось, ситуация Манетти позабавила. Но затем он спросил:

— Вы уверены, что действительно видели Тифф Хенли?

— Абсолютно.

— Странно.

— Почему?

— Потому что когда вы велели мне навести справки, я выяснил, что она улетела в Париж в субботу в одиннадцать утра.

Джордан почувствовала себя так, словно ее окатили ведром ледяной воды.

— Невозможно.

— Она лично брала билет в аэропорту, клерк ее помнит.

— Значит, она вернулась! — прошептала Джордан, но ей и самой такая версия казалась невероятной. И все же она наклонилась к Манетти, перегнувшись через стол. — Вы не будете так любезны осмотреть церковь?

Он мрачно кивнул и обратился к Рафаэлю:

— Что именно вы видели?

Рафаэль оказался в трудном положении. Он не хотел подводить Джордан.

— Ну, когда я туда зашел, тела не было.

— А что вы вообще делали в запертом здании? — продолжал насесть Манетти.

— Джордан позвонила...

— Я не звонила.

— Кто-то позвонил и назвался Джордан, попросив меня прийти сюда.

Манетти кивнул, приняв вид сочувствующего человека. «Чертов шпик!» — подумала Джордан.

— Итак, вам позвонили, вы прибыли и обнаружили мисс Райли без сознания у фонтана.

— Да, — с несчастным видом согласился Рафаэль.

— У меня на затылке шишка.

— Может, нам следует отвезти вас в больницу?

— Нет.

— Возможно, вы упали, потеряли сознание, и вам что-то привиделось.

— Я не страдаю видениями.

— Ну ладно. Мы еще раз прокрутим все сначала. Все трое вышли из трапезной и пошли к церкви. Манетти взял с собой помощников, и они уже находились в церкви. Теперь вся церковь была освещена мощными полицейскими фонарями. При таком свете церковь не казалась капищем зла. Картины, висевшие над алтарями в боковых нефках, куда-то делись, да и над главным алтарем тоже ничего не было.

— Здесь висели картины, — пробормотала Джордан.

— Но и они пропали, — сухо констатировал Манетти. Джордан всплеснула руками.

— Вы не хотите даже попытаться мне поверить. Вы совсем не желаете вникать в суть!

— Напротив, — глубоко вздохнул Манетти, — вы, должно быть, заметили, что, кроме меня, здесь еще шесть человек. Я не поленился отправиться в аэропорт, когда узнал, что мисс Хенли пропала. А теперь, как вы видите, мы смотрим и смотрим, но ничего, кроме пыли, не видим.

Джордан сердито подошла к алтарю. Она провела по нему рукой.

— Как вы заметили, на нем нет пыли!

— Верно. И еще мои люди обнаружили здесь пакет с объедками. Кто-то, вероятно, спал на алтаре. В Венецию приезжают бедные иностранцы, мисс Райли, и кто-то из них предпочел устроиться на ночь здесь, в заброшенном здании.

Джордан поняла, что она уже ничего не докажет. Что бы она ни говорила, все бесполезно. Ей не под силу убедить полицейского Манетти в том, что действительно видела Тифф Хенли мертвой.

И обезглавленной.

— Я едва не вышла замуж за полицейского, как вам известно. И у меня нет привычки разыгрывать слуг закона, — сердито заявила она.

— Мне известно.

— Тогда...

— Простите. Вы ударились головой, мисс Райли. Я позвонил в отель, но вашего кузена и его жену я не застал на месте.

Ей нужна помощь. Помощь психиатра. Вот что он пытается ей внушить.

— В то время как карнавал является полезным и приятным увеселением для большинства людей, вам, возможно, не следовало бы сюда приезжать, — осторожно заметил Манетти.

Она пристально смотрела на него, но ум ее лихорадочно работал в ином направлении.

«Я больше не доверяю своему кузену. Как ни печально. Вы сомневаетесь в каждом моем слове. И к тому же мужчина, который заставил меня почувствовать себя в безопасности, оказался...»

Кем оказался?

— Я видела Рагнора Вулфсона, после того как увидела тело. Разыщите его и приведите сюда, и у вас будет подтверждение тому, что я сказала.

— Отлично, мы его поищем. А сейчас я не вижу, что мы могли бы еще здесь сделать. Я думаю, вам следует самой отправиться в больницу, раз нам не удалось найти ваших родственников...

— Нет, — пробормотала она. — Я отлично себя чувствую. Я уверена, что и падение я тоже придумала. — Джордан холодно посмотрела на полицейского. — Я возвращаюсь в отель и побуду у себя в номере. — Уверенная в том, что ни зрение, ни прочие четыре чувства ее не обманули, она со всей ясностью осознала, что именно ей грозит здесь опасность. — Пожалуйста, не затрудняйте себя, но, если нам удастся связаться с моим кузеном и его женой, передайте им, что я буду ждать их в баре «У Гарри» между десятью и одиннадцатью. Обычно в это время туда можно попасть, не заказывая столик заранее.

— Мисс Райли, может быть, вам лучше прервать визит в Венецию и поехать домой?

— Спасибо. Возможно, вы правы. Я попробую заказать билет на один из ближайших дней.

— Мы навестим вас в отеле, — пообещал Манетти.

— Я мог бы проводить Джордан, — предложил Рафаэль.

— Мы сами ее проводим, — твердо заявил Манетти.

— Очень мило с вашей стороны, офицер Манетти, — сказала Джордан, — тем более что нам все равно придется по пути заглянуть в полицию.

Манетти нахмурился.

— В полицию? Зачем?

— Я хочу написать заявление. Если впоследствии окажется, что я ничего не придумала, вы,

конечно же, захотите заглянуть в мои записи.

— О да, конечно, конечно, — пробормотал Манетти.

— Рафаэль, я вам весьма обязана и сейчас очень прошу пойти с нами. — Джордан в упор смотрела на Манетти. Она хотела удостовериться в том, чтобы все записали в точности по ее словам, а Рафаэлю она доверяла.

Полицейское судно доставило их в участок. Она сидела напротив незнакомого офицера и старалась не замечать его скептических взглядов, когда он печатал то, что переводил следом за ней Рафаэль, Манетти просто стоял и смотрел. Когда рассказ уже близился к завершению, снаружи, у входа в участок, послышался какой-то шум. Манетти извинился и вышел. Джордан закончила рассказ, Рафаэль прочел, что было напечатано, кивнул Джордан, мол, все верно, и она подписала документ.

— Пошли, — предложила она Рафаэлю.

Он кивнул, и они вышли из участка. У входа стоял Манетти. Он пытался успокоить молодую женщину, которая выглядела очень расстроенной.

— Что происходит?

— Женщина — сестра гондольера, который умер, — объяснил Рафаэль. — Она злится на Манетти, который пытается втолковать ей, что расследование установило причину гибели ее брата — от удара головой о каменный мост, — даже несмотря на то что тело сильно повредили акулы. Она говорит, что его убили.

— Она права, его убили, — пробормотала Джордан. Рафаэль в недоумении уставился на нее.

— Я знаю, что она права, — повторила Джордан. — Разве Манетти не видит тут связи? Человек находит отрезанную голову — и внезапно сам умирает?

— Я не думаю, что если ты сейчас поднимешь этот вопрос, то кому-то сможешь, — прошептал Рафаэль.

Может, да, может, нет. Джордан не могла удержаться. Она подошла к Манетти и сестре гондольера, извинилась перед женщиной на итальянском и заговорила с Манетти:

— И вот я снова пытаюсь вас оскорбить. Послушайте ее! Что же вы за осел? Займитесь расследованием смерти Сальваторе!

Не дожидаясь, пока Манетти ей ответит, ибо ответом его мог последовать арест или немедленная отправка в итальянскую психушку, Джордан подбежала к Рафаэлю, схватила его под руку и едва не побежала прочь от участка.

— Я останусь с тобой, пока не объявится Джаред или Синди, — предложил он, но Джордан решительно покачала головой.

— Честно, Рафаэль, со мной все будет в порядке. На самом деле я хочу побыть одна. А ты — береги себя, Рафаэль. Манетти считает меня сумасшедшей, но я-то знаю, что здесь происходит что-то очень плохое. Пожалуйста, Рафаэль, держись поближе к людям. И носи крест. Ты отнесся ко мне по-дружески, а теперь из-за меня ты можешь попасть в беду.

— Джордан...

— Сальваторе Д'Онофрио отвез меня в отель с той площади, где мы с тобой были. Как раз перед смертью. Прошу тебя, Рафаэль, береги себя.

— А ты что собираешься делать?

— Не волнуйся. Я вернусь в отель, закроюсь на ключ...

— Ты сказала, что пойдешь к «Гарри».

— Позже. До десяти еще есть время, и я пойду по главной улице, где много народу.

Рафаэль проводил ее до отеля и, прощаясь, расцеловал в обе щеки. Она пообещала увидеться с ним на следующий день. Она знала, что лжет, но она все равно позвонила бы в магазин, чтобы заверить его, что с ней все в порядке.

Как только Рафаэль ушел, она стремглав побежала в свой номер. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь ее увидел.

Рагнор имел поразительную привычку появляться в самый неподходящий момент.

Вначале она узнала по Интернету, что может успеть вылететь из Венеции прямо сегодня. Она решила отправиться рейсом на Париж, а оттуда пересесть на самолет, летящий без пересадки до Нового Орлеана. Успеет, если поторопится. Если удастся сразу поймать такси.

У Джордан вдруг перехватило дыхание. Ей показалось, что она ощутила холодное дуновение. Но в номере не было сквозняков. Она огляделась. Тревожное чувство усиливалось. Она вскочила, обшарила номер, заглянула в ванную. Все делала с бешено бьющимся сердцем. Дверь была заперта. Джордан вернулась к компьютеру, заказала билет, молясь, чтобы ее кредитка не оказалась пустой — в поездке всегда тратишь больше, чем думаешь. Стараясь не замечать ползущего по спине холодка страха, она все же послала сообщение в Новый Орлеан автору книги, сообщив ему, каким рейсом намерена приехать. Если ей удастся вылететь из Венеции девятичасовым рейсом в Париж и там пересесть на ближайший рейс до Нового Орлеана, то на месте она окажется как раз около полуночи. Чуть позднее.

Сложив портативный компьютер, побросав в сумку нижнее белье, она не стала тратить время на упаковку прочих вещей, небрежно закрыла «молнию» и, гонимая страхом, выскочила из номера. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться и запереть дверь.

Она не стала выписываться из отеля, не стала брать такси возле «Даниэль». Она направилась к площади Св. Марка и уже оттуда взяла такси до аэропорта.

Джордан оказалась последней из пришедших на рейс. До самолета ей пришлось бежать. Она смотрела, как исчезает Венеция, чувствуя странную грусть. Самолет прорезал ночное небо. Она любила этот город, как никакой другой в мире.

Но ведь она еще сюда вернется.

* * *

Джино Мерони зашел в бальный зал на втором этаже палаццо.

Он оказался один в комнате, одетый в костюм дотторе. Он любил этот образ. Ему нравилось,

когда о нем говорили, как о дотторе. О да, говаривал он, ему нравилось излечивать людей от всех болезней.

Джино привычен к внушающим страх карнавальным костюмам, как и к странностям своих нанимателей. Он знал, что осрамился. Но он также знал, что искупил свою вину и теперь не будет испытывать страх перед встречей.

Но случилось неожиданное.

Огонь трещал в громадном камине, оставаясь единственным освещением зала. Дотторе сидел в огромном кресле перед огнем. Он был весьма крупным мужчиной, и кресло было как раз по его размерам. Ею съедала злость. В том, что произошло сегодня вечером, Джино лично не участвовал, но у них все пошло не так. Он знал, что графиня отсутствует, она залечивает раны. А дотторе...

Он сумел ретироваться без особых потерь, но что касается графини и прочих, то им дорого пришлось заплатить за его избавление.

В ту ночь Джино хорошо выполнил свою работу.

Тени от языков пламени плясали на стенах зала — кроваво-красные тени. Дотторе сидел неподвижно, и костяшки пальцев, сжимавших подлокотники кресла, побелели от напряжения. Тишина стояла зловещая. Дотторе заставил Джино очень долго стоять в тишине, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну? — протянул дотторе наконец.

— Я пришел, как было велено, — ответил Джино. — Я сумел очистить место, но с женщиной ничего не мог поделать, так как она была не одна. — Он не сообщил, что успел убрать последнее, когда мужчина уже вошел с женщиной в церковь. — Прибыла полиция. Много полицейских. Я проследил за тем, чтобы не осталось следов.

— Но девушка ушла вместе с полицейскими?

— Не важно. Полиция считает, что она сумасшедшая. — Джино говорил тоном усталого изнеможения. — Вы оставили после себя порядочно мусора. Я едва успел все убрать. Пришлось очень торопиться ради вашей безопасности.

Дотторе мрачно кивнул.

— Не пришлось бы так стараться, если бы ты лучше относился к своим обязанностям. Из-за твоей неспособности эффективно справляться со своими задачами нам еще придется хлебнуть лиха.

Он потерял голову. Только голову! Он так старался, убирая все, что было, но он потерял голову...

— Я хорошо работаю на вас, — уверял Джино. — Я не задаю вопросов. Я рискую собой.

— Ты не привел девчонку.

— Я не мог. — Джино вскинул руки в отчаянии. — Что особенного в девчонке? Я могу привести их вам дюжину.

— Мисс Райли — моя забота, — холодно ответил дотторе. — Ты меня подвел.

— Не я создавал проблемы в церкви.

— Ты подвел меня.

— Я защищал вас! Девчонка все еще здесь — доступна. Рано или поздно она будет вашей. Ваша игра лишь продлится чуть дольше. А что касается остального... Я допустил одну оплошность. Одну ошибку.

Дотторе нагнулся в кресле.

— У меня, как правило, ошибок не бывает, Джино.

— Графиня сказала, что... — начал Джино, чувствуя, как пот катится по его телу. Странно. Он потел и чувствовал холод. Внутри он был холодным как лед.

— Что сказала графиня — больше не имеет значения. Ты подвел меня.

С юных лет Джино постоянно имел дело со смертью и опасностью. Став частью преступного мира, он знал, какие могут быть последствия.

Он думал, что будет знать и примет с покорностью факт, когда придет его время. И вот оно пришло.

Страх, панический, омерзительный страх, что он испытывал, был ужасен. Он боялся, что его начнет трясти, что он потеряет контроль над мочевым пузырем и опозорится окончательно.

Быть может, дотторе все же блефовал, угрожая ему.

Но дотторе не блефовал.

— Итак, после всего, что я для вас сделал, вы мной утолите вашу жажду крови, — проговорил он, стараясь, чтобы слова его звучали достойно.

— Я? Меня от тебя стошнит, Джино, — сказал дотторе.

— Тогда...

— Есть и другие, которые тоже голодны.

Дотторе поднял руку.

Из дальних углов зала послышался писк.

Шипение...

Смех.

Шепоты.

Он не собирался кричать, он не собирался...

Первая острая боль пронзила его. И ужас пополз по спине, парализуя члены.

Он страха он не мог дышать. Он давился собственной слюной и собственной кровью.

Малиновые языки пламени, освещавшие комнату и предвещавшие пытку огнем, были только прелюдией к тому, что его ожидало. И когда смерть заглянула ему в глаза, он окончательно потерял самообладание.

Его крики, жуткие крики нестерпимой боли и ужаса, эхом отразили стены палатки.

Но их поглотила ночь.

* * *

Несмотря на то, что самолет прибыл точно по расписанию, Джордан пришлось бежать, чтобы успеть на пересадку. Подбежав к регистрационной стойке в Орли, она едва могла дышать. Но медаль имела и другую, хорошую сторону. Она вынужденно попала в салон бизнес-класса с комфортабельным сиденьем и множеством дополнительных услуг. Несмотря на крайнюю усталость, Джордан испытывала привычную напряженность, опускаясь в свое мягкое кресло. Бокал шампанского — совсем неплохо в такой ситуации. Вино, подаваемое здесь к ужину, могло подарить ей несколько часов сна — выпив вина, она смогла бы отдохнуть до прибытия в Новый Орлеан. Ужин оказался на редкость вкусным. После ужина она попыталась посмотреть фильм. Сиденье рядом с ней пустовало. Все складывалось как нельзя лучше.

Джордан знала, что очень скоро ее хватятся в отеле. Манетти, должно быть, уже связался с Джаредом и Синди, а те, в свою очередь, поняли, что на ужин она не придет.

Если Манетти действительно отследил, каким рейсом улетела из Венеции Тифф, то ему ничего не стоило навести те же справки о ней, Джордан. Она собиралась навестить человека, которого совершенно не знала. Он вполне мог оказаться безумцем или наемным убийцей. Джордан только сейчас начала осознавать, что те, кто считал, будто она сходит с ума, имели основание так думать.

Или нет?

Джордан поймала себя на странном занятии: она озиралась, пристально вглядываясь в лица тех, кто находился в салоне. У нее возникло то же ощущение, что и тогда в номере. Но из номера она могла убежать, а здесь путь к отступлению отрезан.

Кто-то тут присутствовал.

Разумеется, кто-то находился в самолете. Салон был полон.

Люди читали, дремали, просто бездельничали казалось, никому нет до нее дела.

Но Джордан не могла успокоиться. Ей казалось, что ее... Преследуют?

Стюардессы выглядели подозрительно, они будто бы исподволь за ней наблюдали. Она уверена, что та дама с кислой миной тоже смотрит на нее. Худоба ее поражала. Джордан могла бы поклясться, что сквозь ее кожу просвечивают зубы. «Ты сошла с ума», — сказала себе Джордан. Она заставила себя закрыть глаза и попыталась уснуть. Шампанское, вино и позднее время сделали свое дело. Она уснула.

И тут она услышала шум. Ужасное шипение. Шепот. Трепет крыльев.

Она открыла глаза. Стюардессы собрались вместе и смотрели на нее. Тощая дама оказалась в их компании. Они смотрели и улыбались, затем они открыли рты.

Полные острых зубов. У всех были клыки — жуткий оскал, белые, сверкающие клыки, с которых, кажется, капала какая-то зеленая жидкость. Нет, их оскал не напоминал собачий. То были змеиные зубы, длинные, острые, блестящие, и все они смеялись, потому что она оказалась загнанной в угол, в их власти, и потому что в мире вопреки уверенности прагматиков благоденствовали монстры.

Она повернулась, пятясь в соседнее кресло. У нее с собой были крест и святая вода...

Но она никак не могла дотянуться до сумочки. Она не могла перебраться в соседнее кресло, потому что там кто-то сидел. Рагнор. И он смеялся, и самолет вдруг наполнился трепетом крыльев. Повсюду летали какие-то мерзкие твари — летучие мыши. Она прошептала Рагнору: «Помоги мне, пожалуйста, пожалуйста, помоги». Но, конечно, он не стал ей помогать. Он одурачил ее, он с самого начала ее дурачил. Он открыл рот, и тогда она увидела его клыки — самые длинные, сверкающие, острые как бритва. По откуда свет, ведь сейчас ночь, глубокая полночь, и она почти физически ощущала боль от его прикосновения...

— Мисс Райли!

Она внезапно проснулась.

Молодая француженка, стюардесса, прекрасно говорившая по-английски, стояла над ней. Она осторожно трясла ее за плечо.

Клыков у нее не было.

И никаких летучих мышей по салону не летало.

— Боюсь, вам приснился кошмар, — тихо объяснила ей стюардесса с виноватой улыбкой. — Вы кричали, — добавила она, кивнув в сторону раздраженного мужчины, что стоял у нее за спиной. — Видите ли... понимаете, мы не можем позволить нашим пассажирам кричать во время ночного перелета. Другие пассажиры могут подумать бог весь что, решат, что у нас происходит нечто плохое.

— О, простите! — извинилась Джордан. Женщина ей улыбнулась.

— Ничего страшного. Никто из нас не властен над своими снами. Если бы вы только попытались не засыпать...

— Да, конечно, — виновато пробормотала Джордан.

— Видите ли... Я действительно прошу вас не спать. Я знаю, что это нелегко, и все же так для вас будет лучше, мне кажется.

— Да, конечно, еще раз простите.

— Простите и меня тоже, но вы кричали очень громко — последние ряды слышали.

Джордан почувствовала, что щеки ее залила краска. Она еще раз попыталась извиниться перед мужчиной, что стоял позади стюардессы. Но он неумолимо повторял:

— Не спать...

Она и в самом деле сходила с ума.

Представляя всех окружающих монстрами.

Нет...

Она не сходила с ума. Ей просто приснился дурной сон. Она знала, что видела кошмар.

Но то, что произошло в церкви, произошло на самом деле, не во сне.

Она посмотрела на часы.

И стала молиться, чтобы время перелета над Атлантикой промчалось как можно быстрее.

И все же у нее было весьма острое ощущение опасности, ощущение беды. Что к ней подкрадывается нечто невидимое.

Что за ней охотятся.

Глава 17

Рагнор смотрел в лицо своему брату, плоть от плоти, кровь от крови, смотрел в лицо полчищу демонов. Их привела Нари.

Нари, которую он пытался спасти, и в своей попытке спасти ей жизнь навлек смерть на десятки невинных. Нари, которая разделила его первобытную страсть, его первобытный голод и надежду на то, что он нашел выход.

Она не собиралась принимать участие в бойне, она не хотела рисковать собой. Она просто стояла в стороне, подальше от единоборства.

— Итак, ты выжил, — обратился к Хагану Рагнор, выигрывая время и пытаясь прикинуть, когда придет пора вытащить меч.

— Да, выжил, брат. Выжил, ибо мне дана сила мощнее, чем твоя. Седьмой сын седьмого сына — чудесный ребенок волка! Ты отказался принять дар твоего рождения, брат. Я бы знал, как распорядиться такой силой и такими способностями. Многие годы я жил в твоей тени, зная, что сила нашего отца живет в тебе. Все время я был великим воином. А теперь у меня есть сила даже больше той, что ты знал от рождения. И знаешь что, братишка? Я не хочу делиться с тобой моей новой властью. Я знаю, как использовать ее, как с ее помощью править. Я не позволю тебе охотиться за людьми моего клана, нашего клана, заодно со своими жалкими якобы святыми монахами! — Хаган замолчал и сплюнул на пол. — Только один из нас может остаться здесь. И тем, кто останется, кто будет править, буду я.

Станный страх, страх, более глубокий, чем страх смерти, пронзил Рагнора.

— Что ты сделал с Питером? Хаган развязно оперся на меч.

— А ты как думаешь, братец? Кровь священника... оказалась весьма вкусной. А когда мы напились крови, то решили поджарить мясо. В окружающих местах совсем мало дичи, если ты заметил. Кровь — наша жизнь, но должен сказать, удовольствие от хорошо приготовленной еды никуда не пропало. Если ты помнишь, наша предыдущая жизнь научила нас тому, что все должно идти в дело.

Гнев обуял Рагнора.

И та сила, что, если верить Хагану и прочим, дана ему от рождения, и та болезнь, или как еще можно назвать состояние, в котором он существовал ныне, не должны лишить его рассудка. Но в данный момент он не мог рассуждать здраво. Он бросился на Хагана.

Орда брата двинулась на него. Рагнор нырнул под них и покатился по соломенному настилу. Оказавшись на другом конце, он вскочил и выхватил меч, стремительно обернувшись к врагам. Кровь стекала с его меча, когда он врезался в толпу существ, незадолго до того надругавшихся над святыми и слабыми, но кровь текла и по его телу, его собственная кровь. Он чувствовал боль, но острее была боль потери, и он знал, что не должен уступать.

Черная фигура выступила из задних рядов, и Рагнор сделал выпад, пригнувшись, вонзив меч в живот врага. Он чувствовал, как со спины на него наступает другой, и, прекрасно сознавая, что раны на нем заживут, какими бы чудовищными они ни были, он изо всех сил стремился сохранить голову.

Ему надо сохранить голову. В буквальном смысле. И в переносном тоже.

Меч вонзился ему в спину. Он замер, цепенея от боли, но заставил себя обернуться и нанес удар в шею врагу. И враг упал, прижимая руки к горлу.

Еще один выступил вперед, поднял меч и упал наземь. Легкая мишень. Не зря он учился боевому искусству. Не зря учили его лучшие из викингов.

Еще один бой, еще один. Пол усеивали поверженные тела. Но врагов слишком много.

Кровь текла у него из сотни ран. И в конце концов он упал, и он знал, что его брат — неведомый соперник его с самого дня рождения, соперник, копивший годами желчь и зависть, — одержит триумф. Хаган стоял над ним.

— Ты должен меня поблагодарить, — воскликнул Хаган. — Я дал тебе погибнуть в настоящей битве. Ты поднимешься в чертоги Валгаллы и будешь пить и веселиться целую вечность.

— Ты будешь жить во тьме, в мире, где правит Ад.

— Нет, я жил в темноте только при жизни. Теперь я живу во власти и в свете... Хагана! — Он сотрясался от хохота. — А ты, мой маленький брат...

Рагнор сцепил зубы, но не стал закрывать глаза. Он смотрел, как налились бицепсы брата, когда он поднял свой могучий боевой меч.

Но когда стальной клинок опустился, он вошел в землю рядом с ним.

— Убей его, и дело с концом! — зашипела стоявшая рядом с ним Нари. — Он замучен, разбит, ты все, что хотел, доказал. Не позволяй ему возвращаться!

Хаган выкрикнул свой боевой клич и снова занес меч, и снова опустил его. Но как бы он ни рубил воздух в гневе, как бы ни старались те, кто пришел ему на помощь, мечи их всякий раз вонзались в землю. Они рубили плоть, но отрезать ему голову никто оказался не в силах.

— У него на шее цепь, серебряная цепь! Все из-за нее! — закричала Нари.

— Возьми ее! — скомандовал Хаган.

Он ничего не мог сделать, когда Нары опустилась рядом с ним на колени. Она даже в глаза ему не взглянула. Она протянула руку за серебряной цепью, той самой, что отдал ему монах много лет назад. Но, дотронувшись до нее;

она закричала от боли и попятилась. Кожа на пальцах дымилась, прожженная до мяса. Хаган взревел для бодрости духа и схватил цепь, но и он отпустил ее, такую боль не выдержал даже он.

— Дайте кол, мы воткнем его ему в сердце и похороним под пеплом и развалинами его драгоценной церкви! — заревел Хаган.

К тому времени как его поволокли к церкви, Рагнор уже ничего не чувствовал. Он даже не чувствовал, как в тело его втыкают колья.

Он не мог открыть глаза, не мог ничего. Темнота наступала, черная дыра, пустота, ничто...

Итак, вот ты какая, смерть.

* * *

Смерть оказалась безболезненной...

Жизнь или существование полны боли.

Если о том уроне, что нанесли его телу, он не знал почти ничего, то тот миг, когда он вернулся из небытия, он осознал со всей ясностью. Он остро чувствовал все — и каждый кусок дерева, что удаляли из его тела, отзывался в нем болью столь нестерпимой, что криком своим он грозил надорвать легкие.

— Эй, смотрите! С ним что-то происходит! — закричал кто-то.

Рагнор имел видение. Он смотрел снизу вверх на высокого светлого человека, что нависал над ним, испуская свечение. Он лежал среди руин того, что некогда было деревней. Он не знал, как долго пролежал спящим или мертвым в темноте и спокойствии. Деревья проросли сквозь пепел того, что когда-то называли церковью. Плющ обвил деревья, устлал камни. Сколько времени прошло — дни, месяцы, годы, — он не знал. Человек, склонившийся над ним, казалось, относился к одному с Рагнором племени. Викинг удивленно скалился, опираясь на мощный меч, и в голубых глазах его читалось любопытство.

В поле его зрения попал еще один человек. Он тоже с интересом его разглядывал.

Второй присел на корточки. Явно человек иного племени. Черноволосый, пониже ростом, он носил тунуку и шерстяной тканый плед, какой носят шотландцы.

— И что мы тут имеем? — громко спросил он.

— Думаешь, это он? — вопросом на вопрос ответил ему блондин.

— Ходили слухи, что мы можем найти его здесь, и, кажется, так оно и случилось, — заметил шотландец. — Ты известен как сын волка?

Рагнор изучал взглядом странного человека, который, кажется, откопал его с определенной целью.

— А вы кто? — спросил он.

— Э нет, я первый спросил! Прошел слух, что есть один человек, который может помочь нам выстоять против бича островов — кровожадного викинга и его такой же кровожадной любовницы. Слухи ходили, что его закопали под развалинами церкви в старом аббатстве. Еще раз спрашиваю тебя — ты сын волка?

— Седьмой сын, — согласился Рагнор. — А кто, проклятие, вы такие?

— Я и есть проклятие, — ответил человек. — Но проклятие со сводом правил, со своими принципами и волей к жизни. — Он встал, протягивая руку Рагнору. Рагнор взял его руку, поморщился от боли при попытке встать. Каждая рана, которую он получил до того, как на него пала ночь, дала о себе знать с новой силой. Он с трудом сумел подняться на ноги.

— Ему нужен сон, время для выздоровления, — заявил блондин.

— Да, и время есть, — подтвердил второй. — Я Лючан, самозванный властитель таких, как мы, если желаешь. Возможно, я чудовище. Но таковы условия выживания. Моего — и твоего. Я держу в узде голод и похоть остальных, но на то есть закон — более древний, чем мое брненное существование, и те, кто отказывается соблюдать закон, на всех нас накликают беду. Ты присоединишься к нам со своей таинственной силой или нам надо снова упаковать тебя и опустить в склеп из камня, пепла и скрещенных мечей, куда тебя давным-давно положили?

Рагнор оперся на него, скрежеща зубами. Он понял, что царила ночь. После абсолютной темноты, в которой он пролежал столько времени, даже скупой свет луны мог превратить ночь в день. Оглядевшись, он увидел, что те двое, что его откопали, не одни. Они привели с собой нечто вроде армии, которая состояла из викингов, шотландцев и ирландцев... Сборная команда со всего континента.

Рагнор оглянулся на того, кого звали Лючаном.

— Вы не монахи, — пробормотал он.

— Боюсь, мы далеко не монахи, — ответил Лючан. — Но нам нравится думать, что мы люди — или монстры — с, так сказать, просвещенными взглядами.

— Мы — закон, — вышел вперед другой, похлопав Рагнора по спине, отчего последний чуть снова не упал. — Я — Вулфгар. Ты с нами?

— Почему вы пришли за мной? Откуда вы узнали, что я здесь?

— Даже в аду слухи летят быстро.

— Мы подумали, что тебе пора вставать, — объяснил Вулфгар.

Рагнор устался на того, кто называл себя Лючаном.

— Значит, мне дали свободу, чтобы я уничтожил брата?

— Мы рассчитываем на то, что ты его знаешь.

— Его просто необходимо уничтожить. Уничтожить полностью, — сказал Рагнор.

— Нет, не полностью. Уложить в саркофаг, заточить. Но на вечные времена. Мы не имеем

права убивать своих. И не имеем права создавать себе подобных более чем два процента за век, иначе мы вызовем в мире дисбаланс. Собственно, сейчас и произошел дисбаланс.

— Сейчас?

— Как долго он спал, Вулфгар? — спросил Лючан.

— Почти сто лет, если верны слухи.

— Сто лет... — повторил Рагнор.

— Давно пора просыпаться, — наблюдая за ним, сказал Лючан. — Эй, лови его, Вулфгар, скорее, а то он снова завалится. Ему нужны поддержка и хороший отдых.

— Мне надо найти Хагана и Нари.

— Время лечить раны, мой друг, — посоветовал Вулфгар.

— А потом придет пора драться, — проговорил Лючан.

Ночь сгустилась, но по настоянию монаха они все оставались в церкви, и дверь забаррикадировали грубо отесанными скамьями.

Рагнор поел. Он лежал у двери в церковь, и женщина по имени Нари сидела рядом с ним, прислонившись спиной к стене, с закрытыми глазами. Рагнор тоже дремал. Он научился спать в любом положении и просыпаться при малейшем шуме.

Но разбудил сю не шепот. Шум был ужасен, грохот, подобный раскату грома, потряс церковь. Он шел снизу.

Он встал и вытащил меч. Вокруг проснулись другие, все вскочили с мечами наготове. Грохот стал тише, но на смену ему пришел другой звук. Он нарастал медленно, но верно. Свистящий звук, издаваемый сотней птиц или хлопаньем тысяч крыльев.

Ульрик встал и пошел к двери.

Что творится, ответьте именем Тора!

Отец Питер стоял на коленях возле алтаря.

Рагнор подошел к нему.

— Что это? — грубо прервав молитву монаха, спросил он. Питер поднял руку, дал знак, чтобы ему не мешали. Рагнор подождал, зная, что невозможно отвлечь Питера от общения с Богом. Даже воткнув меч монаху в горло. Через некоторое время Питер поднялся на ноги.

— Это силы зла, но ночь мы выстоим.

— Если это зло, мы выйдем на бой! — проревел Хаган.

— Вы не можете бороться с подобным злом вашими примитивными методами жестокого насилия, — со вздохом ответил Питер.

— А ты можешь? — с насмешкой спросил Хаган.

— Да, ибо я знаю его в лицо.

— Я тоже узнаю его в лицо, если выйду и увижу его! — сердито прервал его Хаган. Питер покачал головой.

— Моя вера в Бога сильнее.

— Я не верю в твоего Бога.

— Тогда молись своему Одину, и, если хорошенько прислушаешься к тому, что он тебе скажет, тоже не станешь высовывать носа за стены церкви.

Так же резко, как начался, шум стих.

Питер с минуту простоял в тишине.

— На сегодня все, но они снова придут.

— А мы что должны делать? Прятаться за стенами церкви ночь за ночью? Мы так не привыкли, поп.

— Я не поп, я монах, — спокойно поправил его Питер. — Нет. Они и днем сильны, но совсем не так, как ночью. В лучах солнца они не обращаются в пепел. Хотя солнце делает их слабее. Бог видит, зимой у солнца мало силы. Мы выйдем на охоту на них при свете дня. Мы выманим их. Мы найдем их логово. Мы станем охотиться на них так, как охотятся на волков, и мы их уничтожим.

Ульрик и остальные дружно недовольно загудели, но даже в голосах бесстрашных мужчин слышалось нечто непривычное — страх.

Все легли спать.

Утром Питер велел всем заготовить колья. Он сказал, что только ими можно победить зло, затем врагов надо сжечь или отрубить им голову, иначе они оправятся от ран и вернутся.

Рагнор пошел в лес. Спустя время женщина по имени Нары пришла к нему и принесла еды и воды. Когда он поел, она села рядом и сказала, что верит словам монаха, поскольку деревня погибла у нее на глазах.

Она отличалась от остальных, и он снова сказал, что не знал о том, что у вождя, недавно почившего, есть дочь.

— Здесь люди хорошие. Вот они и взяли меня к себе, когда я осиротела. Мои родители пришли на Север, чтобы воевать с шотландцами. Отец мой из Нормандии. Моя мать с юга. — Она засмеялась. — Бедный мой отец! Он все беспокоился, хотел удачно выдать меня замуж. Все боялся, что кровь у меня слишком горячая. Он мало знал женщин, ибо жена его умерла вскоре после свадьбы, а ему некогда было заниматься женщинами, хватало иных забот — защищать клан от других вождей и от таких, как ты. Он понятия не имел, что мы, хотя и ходим с опущенной головой и молимся, одержимы теми же желаниями, что и мужчины.

Она ясно давала понять, чего хочет. Они боролись против незнакомого и грозного врага, и каждый день для них мог стать последним. Он и не мечтал, что они займутся любовью в тот же день. Они соединились в лесу, и ока оказалась на редкость страстной.

Позже, когда небо окончательно прояснилось, они поехали верхом осматривать окрестности. Но в тот день они ничего не нашли, а ночью слышались за дверью те же звуки, и грохот был таким, словно за стенами церкви бушевала страшная буря. Хаган ходил кругами и ругался, Питер молился. Звуки прекратились, но глубокой ночью все началось снова.

— Их атаку, — говорил Питер, — стены церкви, какими бы хлипкими они вам ни казались, выдержать смогут. Потом будет искушение, плач в ночи, искус. От них стены церкви вас не спасут. Ищите спасения в собственной душе.

Хагана удалось убедить не выходить из церкви.

На следующий день они снова совершили вылазку в лес.

И снова безрезультатно.

Тон ночью за церковью снова слышался шум, и снова враг отступил. Рагнор крепко уснул, но вдруг что-то его разбудило, и он резко проснулся.

Он понял, что спит, прислонившись к стене, но Нарю рядом с ним нет.

Рагнор выругался, вставая. Баррикады из скамей возле двери больше не было. Он подошел к выходу и увидел, что брат его и несколько воинов из его дружины стоят у входа снаружи.

— Они пробрались внутрь! — гневно воскликнул Хаган, обращаясь к монаху.

— Они не вошли, — ответил Питер, — но Нарю поддалась искушению.

— Где был твой Бог? — в гневе вопрошал Хаган.

— Где угодно, но не в душе Нарю, — ответил Питер. Рагнор слушал, но участия в перепалке не принимал. Он вытащил из ножен огромный боевой меч и приготовился выехать в ночь.

— Дай мне какое-нибудь оружие, Питер. Я поеду за ними. Дай мне твои кресты, которые ты называешь святыми, и я пущусь за ними в погоню.

— Глупцы! Разве вы не понимаете? Крест поможет вам лишь в том случае, если вы верите в его силу! Разве вы не можете понять, что те существа не могут войти сюда, покуда крепка наша вера.

— Тогда не давай мне ничего, я еду за ними, — произнес Рагнор.

Питер побежал за ним следом, но Рагнор не желал внимать его словам. Они выехали в ночь, команда из двадцати викингов, закаленных в боях воинов со щитами, мечами, боевыми топорами, палицами и пиками наготове. Глубокой ночью трудно отыскать тропу. Ульрик разглядел отпечатки человеческих ног. Рядом — следы четвероногих существ с сильными лапами и мощными когтями.

— Ба! Вот, оказывается, что за чудовища! Нас терроризирует стая волков.

И он бы пришпорил коня и помчался по следу, если бы Рагнор не остановил его.

У волков нет крыльев, они не могут издавать тех звуков, что слышали мы по ночам.

— Сейчас мы вышли на волков, и мы их остановим.

— Будь осторожен.

— Ведь твою женщину они забрали, — проговорил Хаган, — я приведу ее назад. Но мы будем настороже.

И они поехали в темноте, разрываемой лишь неверным светом факелов и тусклой луной. Через какое-то время они оказались у скалистого утеса, и в лесу, окружавшем его, был вход в пещеру.

— Брат, береги себя! — предупредил Рагнор. Но Хаган оглянулся и крикнул:

— Пусть я не седьмой сын седьмого сына, но я сын великого воина, прозванного волком нашим народом, и я не боюсь боя. Эй, вы, те, кто хочет поужинать в Валгалле, за мной!

Викинги вытащили мечи и направились ко входу в пещеру. Гунтер, самый неистовый в боях, выступил вперед, и еще до того, как остальные достигли входа в пещеру, он испустил истошный крик, будто в него разом вонзилась сотня мечей.

И тогда враги бросились на них. Это были люди и одновременно не люди. Одни были смуглокожи, как народы Средиземноморья, другие имели светлую кожу народов Севера. Их насчитывалось не так много, около дюжины, и среди них находились женщины. Казалось, им не нужна твердая земля для опоры, они словно парили над ней и перемещались с поразительной быстротой. Они взлетали в воздух и исчезали в дыму, превращались в пар и снова появлялись там, где их меньше всего ждали.

Рагнор бросился вперед на защиту своих людей. Враг дрался без оружия, помогая себе лишь руками.

И зубами.

Они были волками или могли оборачиваться в волков. Вот он человек, а через мгновение — волк. Рагнор вступил в битву, разя мечом направо и налево. Но он помнил предостережение монаха и, разя врага, старался отрубить голову. Двое упали наземь, затем еще один. И тогда Рагнор увидел, что дерется в одиночестве, ибо товарищи его слишком быстро пали под натиском врага. Четвертый, пятый, шестой... Он дрался один против многих, и меч его рубил без усталости. Он видел, как кольцо врагов смыкается вокруг него. Сухощавые и худые темнокожие бойцы в накидках из волчьих шкур, пришельцы, должно быть, с юга, высокий блондин — возможно соотечественник, женщина родом с Востока...

Они не говорили друг с другом, но общались как-то по-своему. Круг сужался. Рагнор описал мечом полукруг, стараясь убить как можно больше за один взмах...

Но настал миг, когда он больше не смог поднять меч. Он почувствовал агонизирующую боль, когда плоть его стали рвать зубами. Глаза его застлал кровавый туман.

А потом — чернота.

* * *

Он пришел в себя к вечеру следующего дня. Он лежал на земле, и первое, о чем он подумал, — как ему удалось выжить. Затем он почувствовал страшную боль и столь же невыносимую жажду. Скрежеща зубами, он привстал и огляделся. Земля вокруг него была усеяна трупами товарищей. Большинство изрублено в куски.

Покачиваясь, он поднялся на ноги.

Странно, но в нем еще остались силы. Если бы найти где-нибудь воду, он смог бы утолить жажду и проводить в последний путь мертвых. Он сжег бы останки... Он бы...

Вода. Сейчас ему нужна вода.

Он оглянулся, отыскал глазами вход в пещеру и лишь потом взглянул на небо. Скупое зимнее солнце светило невыносимо ярко. Он побрел в пещеру, забыв о врагах, главное — укрыться от нестерпимого света. Пещера оказалась пустой. Враги ушли. Он сполз по стене пещеры на пол. И тут он увидел Нарю. Она выглядела мертвой, но ран у нее не было видно. Он присмотрелся к ней внимательнее — она дышала.

Рагнор стал искать воду. Для себя и для нее. Воды он не нашел.

Мимо него пробежала крыса. Не успев осознать, что делает, он молниеносным движением поймал ее, вонзился в нее зубами, как безумец, и высосал кровь. С ужасом он посмотрел на безжизненную тушку и отшвырнул ее. Крысиный труп отлетел к противоположной стене пещеры. Он думал, что его стошнит, но жажда жизни и воля к жизни пересилили отвращение. Он встал и вышел из пещеры. Надо найти дрова для погребального костра. Когда он начал складывать костер, чтобы сжечь останки товарищей, проводив их в Валгаллу, услышал стук копыт. Он выпрямился, выхватил меч и приготовился ждать встречи с врагом, кто бы он ни был. Но появились монахи. В мрачном молчании они приближались к месту битвы.

Питер, казалось, не удивился, увидев его живым.

— Остальные? — спросил он.

— Ты видишь.

— Сожги их.

— Я и хочу.

— Ты нашел Нарю?

— Она в пещере.

— Я о ней позабочусь.

Слова Питера вызвали у Рагнора беспокойство.

— Что ты с ней сделаешь? — гневно крикнул он.

— Ее нужно уничтожить.

— Они не убили ее. Возможно, ее забрали, чтобы вытащить нас из укрытия.

Питер его не слушал. Рагнор пошел следом за монахом, схватил его за руку, развернул к себе лицом. И тут невыносимое желание вонзиться в монаха зубами, разорвать его голыми руками охватило Рагнора. Он что есть мочи сжал челюсти, невероятным усилием воли поборов в себе невесть откуда взявшийся кровожадный инстинкт.

— Оставь ее! — приказал он. — Мы сожжем покойников. Монахи принесли еще хворосту, и

огромный погребальный костер взметнулся в небо. Рагнор оставался в печали. Глубокая скорбь объяла его, когда в костер бросили тело самого отважного и неистового из них — Гунтера. Они собрали тела по кускам, как смогли. Рагнор не мог найти слова прощания, когда пламя охватило трупы. Монахи читали молитвы на латыни. Ему оставалось лишь надеяться, что молитвы чужому Богу не помешают его товарищам оказаться среди своих собратьев в Валгалле. Запах паленой плоти носился в воздухе, языки пламени взмывали в небо, трещал хворост. Рагнор вдруг схватил Питера за руку.

— Мой брат! Я не нашел его тела. Ты его не видел? Его надо похоронить вместе с остальными...

— Все тела подобраны, — проговорил Питер. — Кроме тела женщины, Нари.

Рагнор кивнул и, когда с похоронами покончили, вернулся в пещеру за Нари. Она зашевелилась и проснулась, посмотрев на него с мрачной серьезностью. Ее трясло, когда она протянула к нему руки.

— Мне было страшно.

— Сейчас с тобой все в порядке.

Я так напугана...

Он обнял ее и покачал, как ребенка.

— Я думал, что ты мертва. Тебя чуть не швырнули в костер, — сказал он ей.

— Но ты спас меня, — улыбнулась Нари. — Ах, Рагнор, во имя спасения моего отца ты все потерял, но мы с тобой построим новый мир, наш мир — один на двоих.

Он усадил ее на коня, и они отправились назад, к церкви у моря. Нари хотела остаться на улице, погреться под солнцем, хотя к тому времени, как они вернулись, уже начало смеркаться.

Она ничего не помнила из событий предыдущей ночи и ничего не могла рассказать людям о врагах.

Питер сидел с Рагнором, слушая, как тот раз за разом пересказывает подробности минувшей битвы.

Монахи принесли еду — птицу, пойманную в лесу. Рагнор ел и никак не мог насытиться, еда не утоляла терзавший его голод. Питер молча наблюдал за ним, и Рагнор видел, что монах не сводит с него глаз. Вновь им овладело желание сожрать монаха живьем.

Они побывали в церкви. Рагнор постоял немного, и вдруг, ни слова не говоря, вышел оттуда. Нари сидела на камне у берега моря, и, к ужасу своему, Рагнор увидел, что на коленях ее покоилось безжизненное тело одного из братьев с прокушенным горлом. Нари подняла глаза на Рагнора. Губы ее были в крови.

Рагнор хотел в ярости отхлестать ее, но вдруг почувствовал, что ему самому мучительно захотелось разделить ее пиршество. Запах крови имел над ним власть, подобной которой он не знал до сих пор. Он оттолкнул Нари, схватил мертвеца и допил его кровь. Насытившись, он, покачиваясь, встал на ноги.

Нари улыбнулась ему.

— Есть, оказывается, еще один мир, мир, которого мы не знали. Мир абсолютной власти, власти более могучей, чем знают люди.

Рагнор рывком поставил ее на ноги.

— Нет, мы не будем так жить. Она отстранилась.

— Ты считаешь себя сильным, так знай: ты слабак! Ты даже не хочешь понять, какой тебе дан дар.

— Дар? Да мы прокляты!

Она подошла к нему вплотную, прильнула к нему.

Тогда помоги мне, помоги.

— Должен быть выход, — пробормотал он и тряхнул головой. — Пошли. — Он вытащил меч из ножен и принес его назад, в церковь.

Нари попятилась у дверей.

— Я не могу... Не могу войти.

— Тогда жди меня здесь.

— Ты намерен нас уничтожить.

— Я намерен подарить нам Валгаллу.

Рагнор вошел в церковь и бросил меч к ногам Питера.

— Прошу тебя! — потребовал он, дрожа всем телом. Голос его напоминал рев. — Отруби мне голову и позаботься о том, чтобы меня превратили в пепел и развеяли над морем. Проклятие, немедленно сделай так! Что до Нары... Ты и о ней позаботишься.

Питер словно не замечал меча, лежавшего у его ног.

— Питер, ты разве не понимаешь, глупец, я только что пил кровь одного из твоих братьев!

Питер покачал головой.

— Посмотри, где ты стоишь. В святой обители Господа. Я видел, как тебе хотелось прокусить мне горло еще днем, когда мы нашли тебя. Я уже знал, что ты больше не один из нас. Но ты тот, кто ты есть, и, даже изменившись, все еще можешь бороться со злом.

— Ты идиот, я и есть зло!

— Ты не мог бы находиться здесь, в доме моего Господа, если бы ты был прав.

Рагнор испустил вопль гнева и вышел из церкви. Он хотел показать Питеру, что он такое, и пошел за Нарой, но ее уже не было.

Тупой монах! Он не поверил бы, он не смог бы постичь той агонии, того голода, что рвал его на

куски. Рагнор прошагал мимо монахов, спокойно делавших свое дело, монахов, разжигавших костер, рубивших дрова. Он заревел, закричал, потом завыл. Он готов броситься на любого, чтобы выместить свою злобу. Но монахи в неведении своем подставляли ему свои спины и сохраняли непоколебимость.

Он повернулся и пошел в лес, затем побежал...

И когда он бежал, что-то произошло с ним. Он оказался на четвереньках, он стал зверем, могучим зверем, несущимся через кусты и кочки. Затем он замедлил бег.

Впереди на лугу пасся самец оленя. Он прогнулся и начал медленно, крадучись, подбираться к животному, скрываясь в траве. И затем он напал.

Руки его не имели пальцев, лишь когти. Он случайно заметил это и даже не удивился, настолько поглотила его радость охоты, настолько опьянил вкус крови.

А потом...

Снова вышла полная луна. Он встал и снова стал собой. Обхватив голову руками, Рагнор завыл. Слезы не шли. Тело его содрогалось в агонии, и в конце концов он опустился на землю и смотрел на закат солнца, ощущая, как незнакомая, странная сила вливается в него.

Питер нашел его и сел рядом, не боясь ни ночи, ни его, Рагнора.

— Ты должен меня уничтожить, — опять сказал он монаху. — Посмотри, что я сделал.

— Ты съел оленя, — с иронией ответил Питер. — Я и сам не прочь полакомиться мясом.

Рагнор покачал головой.

— Я — один из них, я чудовище.

— Ты должен пойти со мной.

— Куда?

— Назад, в церковь.

Рагнор ошалело посмотрел на монаха. На смену удивлению пришло раздражение и гнев.

— Чтобы я съел еще одного монаха?

Питер молча встал и пошел. Рагнор, ругаясь, пошел следом, не отставая от монаха, но и не обгоняя его. Он словно хотел предупредить его, что способен напасть в любую минуту. Вцепиться в шею... Но Питер ни разу не потрудился обернуться.

На площадке перед церковью, да и везде на развалинах деревни, пахло паленым мясом. Монахи кремировали своих братьев.

В церкви Питер взял Рагнора за руки.

— Сегодня ты прочтешь клятву. Ты поклянешься перед высшими силами.

— Я не верю в твоего Бога.

— Я думаю, ты веришь. Но если ты обратишь свою клятву к единственному истинному Богу, или Аллаху — богу арабов, или Тору, или даже мелким божествам язычников, живших здесь до нас, богам земли и воды, — единый Бог все равно примет твою клятву. Люди дают имена всему сущему. Разные имена. Но от них ничего не меняется. Такова природа человека, так устроен мир. Есть высшие силы, никто не может отрицать их. Есть гром, есть молнии, есть и безмятежный покой. Земля сотрясается, потом успокаивается. Люди воюют, а потом заключают мир. Есть невинность, есть зло. Ты поклянешься так, как я велю тебе, потому что ты мне нужен, потому что ты должен существовать, потому что каждому действию существует противодействие. Мой Бог никогда бы не использовал тебя в иных целях, кроме как для защиты свободной воли людей и для того, чтобы между ними существовали сострадание и сочувствие.

— Ты безумец.

— Считаю тебя безумцем. Но делай, что я прошу.

Рагнор повторил слова, которые потребовал от него произнести монах.

Закончив, он понял, что монахи вошли в церковь и стояли на коленях.

В ту ночь он лежал в церкви и мучился. Но ночь прошла тихо. Ни криков, ни грома, ни хлопанья крыльев, ни мерзкого свиста. И все же далеко за полночь в самый темный час ночи он почувствовал острое желание выбраться на волю.

Он вышел и остановился у дверей церкви. Питер вышел следом.

— Чего ты хочешь от меня? — с надрывом крикнул он монаху.

— Ты научись. Ты научись усмирять себя.

Рагнор ему не поверил.

На закате следующего дня вернулась Нарн. Она подошла к нему с опущенной головой, и в глазах ее блестели слезы.

— Помоги мне, они за мной охотятся, хотят меня уничтожить.

— Нас надо уничтожить.

— Нет... Тебе они не причинят вреда. Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой. Если возможно... Я должна быть с тобой, молю тебя.

Рагнор никогда не чувствовал себя таким одиноким, таким озлобленным и таким беспомощным. Нарн знала, что он чувствует, и понимала, как смягчить его. Был способ. Она останется, и она научится.

Монахи построили им домик, в то время как сами братья постоянно находились в церкви. Со временем Рагнор понял, что тревогу можно унять.

В лесу почти исчезли олени.

Самого злого вепря ничего не стоило усмирить.

Странную они вели жизнь. Монахи исподволь следили за ними, но постоянно оставались

настороже. Каждый день они выезжали в лес на поиски врага. Рагнор наконец спросил Питера, зачем он остается здесь и что хочет найти во время своих вылазок. Атаки более не повторялись, враги, очевидно, ушли в другое место.

— Я буду здесь, пока нужен тебе, — ответил ему Питер, и Рагнор удивился. Он считал, что рядом с ними монахи находятся в большей опасности, чем где бы то ни было.

Но Питер ничего не стал объяснять.

В то время Рагнор не очень расстроился. Он сам мог немало понять и узнать. Он обнаружил, что сию способности к размышлению весьма обострились, как и умение выживать. У него появилась странная, вызывающая страх сила собственного рассудка, острота ума и острота чувств. И еще были ночи с Нари.

Между ними крепла связь. Прочная связь, способная противостоять ужасу от осознания того, кем они стали и чем они были. Казалось, она его понимала. Ночью они неслись как ветер, наслаждаясь темнотой и собственной силой. Они пировали кровью, они занимались любовью с той же яростной страстью, с которой охотились и утоляли голод.

При первом свете дня они засыпали и отдыхали.

Монахи ждали, настороженные.

Через год Рагнор почувствовал беспокойство. Он поговорил с Питером и сообщил ему, что хочет поехать домой или на тот остров, который он много лет считал домом.

Питер внимательно на него посмотрел.

— Ты готов.

— Я знаю, что я готов.

— А Нари? — спросил Питер.

— Она меня слушает. Питер помолчал немного.

— Тогда отправляйся домой, но помни: мы здесь.

— Почему? Почему бы вам тоже не вернуться домой?

— Потому что не все еще кончено.

Рагнор ему не поверил. Больше никто их не беспокоил. Немногие уцелевшие жители заново отстроились и сняли урожай. Земля воздала им сторицей. Скоро народится больше детей, дети вырастут и дадут новое потомство, и жизнь войдет в свое русло.

— Возвращайся, когда почувствуешь, что должен возвратиться, — велел ему Питер.

На следующий день Рагнор уплыл вместе с Нари, вернувшись на остров, где жили преданные ему викинги. Викинги сразу признали в нем своего командира. Он рассказал им, что брат погиб в битве, украсив рассказ красивыми подробностями, ибо каждый воин достоин саги.

Он жил вместе с Нари и снова стал отправляться в море со своими дружинниками. В мире еще велись войны за правое дело, и он бился за тех, кого считал правым, неустрашимо и яростно,

как подобает викингу.

Он упивался насилием, неизбежным в любой битве. Наря стала чем-то вроде королевы викингов. Она ждала его возвращения, и одна делила с ним тайну его мистической силы.

Так прошли месяцы. Рагнор вновь почувствовал сильное желание увидеться с Питером, вернуться в церковь, которую тот по-прежнему охранял, готовый в любой момент отразить атаку сил преисподней. Наря предпочла остаться дома, сославшись на то, что толкователь рун не велел ей трогаться в путь.

Рагнор вернулся в церковь с острым предчувствием беды. Однако оказалось, что все идет своим чередом. В деревне все жили, как в старые добрые времена, и только ночью жители спали в церкви. Поля приносили богатый урожай, дичи водилось много, и снова деревня у моря стала вожделенным приютом для тех, кто искал себе место в жизни.

Рагнор спал один в маленькой деревянной избушке, что когда-то построили для него монахи. Почти все дни он проводил с Питером. Он учился у монаха, говорил с ним и спорил.

И как-то на закате Рагнор увидел Питера сидящим на ступенях церкви. Монах вглядывался в темную даль и прислушивался.

— Что там? — спросил Рагнор.

Питер как-то странно на него посмотрел.

— Ты не знаешь? Не чувствуешь?

Нет.

Что-то происходит.

— Что?

— Они возвращаются.

— Они?

— Они где-то рядом. Хотят чего-то. Высматривают. Ждут.

— Тогда оставайся внутри. Они ничего не смогут сделать.

Но на следующий день церковь загорелась.

Пламя занялось на закате, и отчаянные действия, предпринятые для ее спасения, оказались бесполезными. Когда наступил рассвет, головешки еще догорали, и людям ничего не оставалось, как в страхе жаться друг к другу у огня.

Рагнор стоял на страже. Сейчас и он чувствовал близость чего-то... кого-то...

Злобный шелест пронесся по воздуху.

А потом пришли они.

Они налетели стаяй, на крыльях ночи. Они разорвали ночную тишину своими криками,

оставаясь лишь тенями. Они издавали звуки, словно что-то бьется о воздух. Потом они обрели плоть. Вначале чернота уплотнялась, обретала формы, затем костер зашипел, и в ослепительных сполохах пламени явились они.

Враги не были похожи на воинов в своих коричневых одеяниях и с тонзурами на головах. Монахи дрались с ними, рубили мечами. Они убивали демонов, ибо знали их уязвимые места и старались отрубать головы. Враги падали замертво. Некоторые падали наземь, как простые смертные из плоти и крови, иные поверженные рассыпались в прах прямо на глазах, становились подобными пеплу костра.

И все же, когда все закончилось, несмотря на то, что враги лежали на земле, на той же земле осталось немало от монашеской братии. И костер в ночи гневно гудел, когда монахи кремировали останки.

На рассвете Рагнору нестерпимо захотелось спать. Монахи и поселенцы принялись за работу, они стали строить новую церковь. У них получалось убогое строение, но монахи молились, чтобы Господь принял его как свою обитель.

Рагнор проснулся и увидел, что он не один. Нары пришла к нему.

— Я слышала зов, — нежно прикоснулась она к его щеке, свернувшись клубочком рядом.

Нары погладила его по лбу, прижалась к нему, давая понять, что хочет его, и он проснулся, исполненный страсти, которую могла утолить только та страсть, что предлагала она. Но потом он уснул, а проснувшись, пошарил рукой подле себя и не обнаружил Нары...

Он вскочил внезапно и только тогда увидел, что она сделала.

Его меч лежал на земляном полу. Они окружили соломенный матрас, что служил ему постелью. Их предводитель зашел в хижину и вытащил меч. На губах его играла насмешливая улыбка. Рагнор приподнялся на локтях, пораженный увиденному.

— Неужели? Ты!

— Время принять смерть, седьмой сын седьмого сына.

Нары скользнула за спину того, другого.

— Прости, Рагнор, но мы не созданы для того, чтобы пить кровь крыс и вепрей. Ты мог бы быть самым главным среди нас, но...

Она затихла.

Она все хорошо спланировала. У нее было время. Она подставила его.

— Прости, Рагнор. В Валгалле, я думаю, ты сможешь меня простить.

Человек с мечом подступил к нему, и Рагнор вскочил, нагой, безоружный, но исполненный решимости биться до конца.

— Кто хочет жить вечно?

Меч хлестнул сумеречные тени, блеснув серебром.

Покинув самолет и пройдя таможенный досмотр, Джордан отправилась брать напрокат машину.

Она все пыталась и не могла избавиться от ощущения, что на борту самолета ее окружали чудовища, что каждый бросавший на нее взгляды имел одну лишь цель: уничтожить ее.

Она едва успела подписать договор аренды, как к ней подошла женщина, высокая, худая, зеленоглазая, с густыми каштановыми волосами и улыбчивым лицом. Довольно привлекательная.

— Мисс Райли, меня зовут Джейд Деве. Я здесь, чтобы встретить вас.

Джордан пожала протянутую руку, но в тот же миг ощутила, что страх подкрадывается к ней со спины.

Паранойя!

До чего она дошла! Джордан улыбнулась женщине. Она не хотела показывать своего состояния. Но у нее сразу возникали вопросы. Откуда женщина знает, что она прилетела? Кто она такая? Полицейского, которому Джордан написала, звали Кейнади. Возможно, она его подруга, сослуживица. Мало ли что...

Но Джордан не желала рисковать.

— Здравствуйте, — пробормотала Джордан. Она огляделась. В аэропорту народу было немного. Ее что-то страшно угнетало. Она решила никуда не ехать с этой женщиной.

— Моя машина на стоянке, — начала женщина.

— Отлично, — перебила ее Джордан. — Вы извините, если я отойду на минуту? — Она указала в сторону дамской комнаты.

— Разумеется, — ответила женщина.

Джордан сделала вид, что направляется к дверям туалета. Женщина села в кресло зала ожидания. Джордан просто прошла мимо двери и выбежала из аэропорта. Она задыхалась — сумка все же что-то весила. Молитвы ее были услышаны — у здания аэропорта стояло свободное такси. Она не осмелилась искать автобус, который отвез бы ее к прокату автомобилей.

Оказавшись в такси, она со вздохом облегчения откинулась на спинку. Затем резко выпрямилась и напряженно замерла, стараясь разглядеть водителя. Им оказался афроамериканец, весьма достойно выглядевший, средних лет. И все же страх не желал уходить, он, наоборот, усиливался. Она увидела четки, висящие возле зеркала. Может, он все-таки... благонадежен? Оставалось только надеяться. Ей надо как-то доехать до проката, а там уже никакие таксисты с наклонностями вампиров ей будут не страшны.

«Доверяй только себе!»

Водитель подвез ее прямо к дверям проката. Джордан чувствовала себя совершенно разбитой, когда, наконец, забравшись в «хонду», принялась изучать карту, которую дали ей в прокате.

Джордан уже бывала в Новом Орлеане и любила этот город. Но всех названий улиц она не знала.

«К тому же я не могу мыслить ясно, — думала она. — Я измотана, напугана и, может быть, на самом деле сошла с ума».

Она заставила себя сосредоточиться на самом процессе вождения. Она уже и так свернула не туда. Джордан находилась где-то на задворках Французского квартала, а ей нужна дорога на Старые плантации.

Она не могла одновременно вести машину и читать карту, надо притормозить где-то у обочины. Джордан попыталась найти зажигалку, но не смогла. Она огляделась и поняла, что находится за воротами знаменитого старого кладбища. За резными оградами белели ангелы, кресты и склепы. На землю садился туман, который рождал странные, причудливые образы.

Надо отсюда поскорее выбираться.

Она чуть-чуть приоткрыла дверь, и в салон проник свет. Не успела она взглянуть на карту, как стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Она чуть не умерла от страха.

— Эй, леди, может, дадите двадцатку? Ну, хотя бы пятерку? От человека, стоявшего у дверей ее машины, разлило перегаром и невымытым телом. Он выглядел настолько грязным, что был похож на негра.

— Эй, леди, я знаю, что от меня пахнет. Но если я и выпил виски накануне, это совсем не значит, что я собираюсь покупать еще выпивку. Ладно, мелочь у вас есть?

Она увидела его зубы, вернее, то, что от них осталось. Они были зеленые и тонкие. Ей показалось, что он на глазах превращается в другое существо — со слюнявыми клыками и змеиным оскалом.

Она завизжала, и ее крик испугал его.

Он тоже закричал и отступил. Она нажала на газ. Шины взвизгнули, и машина помчалась прочь от проклятого места.

Она не знала, куда едет. Просто ехала, и все.

* * *

Руди Трентон проводил взглядом улепетывающую на всех парах «хонду». Покачав головой, он снял бейсболку и поскреб затылок.

— Ладно, леди, я действительно хочу купить еще виски! — пробормотал он. — Сумасшедшая, просто сумасшедшая. И куда катится мир? Может, не стоило просить у нее двадцатку? Некоторые люди до сих пор не знают об инфляции.

Он потянулся, думая, что пора перемахнуть через ограду и забраться в какой-нибудь уютный склеп на ночлег. Многие склепы заперты, некоторые и в самом деле очень старые и могли рухнуть на голову в любую минуту, поскольку у трупов, лежавших там, не осталось поблизости живых родственников, чтобы присматривать за последним пристанищем покойных. Собственно, найти место для того, чтобы провести ночь, труда не составляло.

Руди усмехнулся. Народ побаивается кладбищ. Глупые люди. Разве живые менее опасны, чем мертвые? Нет, мертвецы никого не могут обидеть.

Руди обернулся. Он был изумлен, увидев идущего со стороны кладбища человека. И человек ли он? Как он мог выйти с кладбища? Ворота закрыты, а через ограду он не прыгал, как только что собирался сделать Руди.

— Эй, парень, дай двадцатку, ну хоть пятерку, хоть доллар? Мне надо чего-то поесть. Ну ладно, не поесть, выпить.

Мужчина улыбнулся, словно просьба Руди его позабавила. Руди улыбнулся в ответ. Кажется, ему повезло. Парень может понять, что такое страшная жажда, возникающая с завидной регулярностью.

— Знаешь, мне правда надо выпить, — повторил Руди.

Парень захохотал в ответ.

— И мне.

Руди ухмыльнулся.

Он все продолжал улыбаться, когда мужчина схватил его за плечи. Он не переставал улыбаться, пока не почувствовал укол. Боль. Агония. Плечевые кости его хрустнули.

Он начал кричать, но звук прервался почти немедленно, когда открылась яремная вена и звук захлебнулся в крови.

* * *

Джордан наконец добралась до нужного дома. По крайней мере, она надеялась, что дом тот самый. Красивый старинный особняк, прекрасно ухоженный. Вход украшен колоннами, на веранде белоснежные приветливые качели. Она сверилась с записями. Да, адрес верен.

Итак, она на месте.

Выйдя из машины и сжимая крест на шее, свободной рукой она прижимала к боку сумочку, в которой лежали пузырьки со святой водой.

«Если коп обычный служака, он решит, что я ненормальная, — подумала она. — До чего же я дошла!»

Она громко хлопнула дверцей машины, прошла по лужайке, поднялась по ступеням и постучала в дверь.

Дверь немедленно открыла та самая женщина, что встречала ее в аэропорту.

— Слава Богу! — очень серьезно воскликнула она.

Джордан, краснея, переминалась с ноги на ногу.

— Простите, со мной столько странного происходит в последнее время...

— Да, конечно, мы понимаем. И все же мы все очень волнуемся. Проходите в дом, пожалуйста.

Джордан все еще колебалась. Но где-то в доме заплакал новорожденный, и крик его был для Джордан весьма оптимистичным знаком. Она решилась переступить порог. Высокий темноволосый мужчина пожал ей руку.

— Мистер Кейнади? — спросила она.

— Нет, я Лючан Деве, муж Джейд. — Он обернулся, представляя стоявшую у него за спиной женщину. — Это Мэгги Кейнади. Я уже собрался выходить вас искать. Джейд очень расстроилась, когда поняла, что потеряла вас в аэропорту.

— Простите. Мне искренне жаль, что так получилось.

— Но вы здесь, и ваше поведение вполне можно понять. Заходите, нам надо поговорить.

Джордан зашла в холл и обомлела. Как красив был старинный особняк! Величественная лестница уходила ввысь от самого входа, и на стене над верхней площадкой висел портрет красивой женщины в платье девятнадцатого века.

— Чудный дом, — пробормотала Джордан.

— Спасибо, — отозвалась Мэгги. — Я как раз собиралась уложить малыша. Чуть позже присоединюсь к вам. Должно быть, вы устали, проголодались и хотите пить. Но Джейд даст вам все, что вы захотите.

— Спасибо.

Все было так странно. Люди, казалось, ожидали ее, и всем им представлялось вполне обыденным, что она приехала сюда. Странное дело, они не только не удивились, но и обрадовались ее приезду.

— Сюда, пожалуйста, — пригласил Лючан.

— Я могу показаться очень грубой, — залепетала Джордан, — но...

— Я издатель книги Шона, — представилась Джейд. — А Лючан...

— Пусть познакомится с Шоном, — предложил Лючан, — и тогда мы начнем объяснять то, во что она ни за что не захочет верить.

Лючан прошел через комнату в библиотеку. Джордан пошла следом. Когда она вошла, то увидела мужчину, стоявшего у камина. Опираясь локтем на каминную полку, со стаканом в свободной руке, он говорил с кем-то, кто находился в другом конце комнаты.

— Шон, она приехала. Мне не пришлось ее искать, — проговорил Лючан.

— Итак, вы Джордан Райли, — обратился к ней Шон Кейнади. Он был высок, подтянут, хорош собой, на вид — около сорока лет. Джордан направилась к нему, готовая пожать его руку, но тут заметила того, с кем Шон разговаривал.

Она застыла на месте. Шон говорил с Рагнором Вулфсоном.

— Джордан. — Рагнор пошел к ней.

Господи, вот оно! Она летела всю ночь, пересекла Атлантику, и лишь затем, чтобы встретиться

лицом к лицу с тем же ужасом.

Бежать здесь ей некуда, подумала Джордан. Гонимая страхом, она покинула город, где у нее остались друзья и родственники, а здесь она совсем одна. Наедине со своим ужасом.

— Нет спасения...

Перед глазами ее встало пепельно-серое тело Тиффани, она словно воочию еще раз увидела, как плечи отделились от головы.

Она повернулась и бросилась бежать.

Не обращая внимания на испуганные крики Джейд Деве, она оттолкнула женщину, стоявшую у нее на пути, и, выскочив из дома, бросилась вниз по ступенькам. Забравшись в машину, она трясущимися руками включила зажигание, смутно сознавая, что может загнать машину в грязь и забуксовать на земляной дороге, если не успокоится. Она не знала даже, куда едет. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Она резко нажала на тормоза. Впереди на дороге что-то маячило. Тень. В форме...

Мужчина. Свет фар осветил стоявшего на дороге мужчину. Рагнора Вулфсона.

Она нажала на кнопку, и окно открылось.

— Уйди с дороги, не то, клянусь, я тебя перееду!

— Джордан, прекрати, ты в опасности...

— И опасность исходит от тебя!

— Нет, черт возьми, не от меня! Ты вернешься в дом, чтобы поговорить? Мы постараемся объяснить.

Объяснить, что вы монстры, что вы убиваете людей и что Шон Кейнади пишет о вампирах с такой осведомленностью, потому что сам — вампир?

— Шон не вампир.

— Но ты — ты вампир?

— Джордан, я должен объяснить...

Она не дала ему закончить. Она разогнала машину, холодея при мысли о том, что раздавит его сейчас. Но она была не в силах справиться со своим страхом, поэтому ничего другого ей не оставалось. Но в тот момент, когда он должен был попасть под колеса, Рагнор растворился в темноте.

Она затормозила перед перекрестком, выглядывая в окно, отчаянно пытаясь решить, какая дорога приведет ее назад, к людям. Туда, где много людей. Много нормальных людей.

И тут она завизжала от ужаса. Рагнор стоял подле ее окна.

— Джордан, тебе придется меня выслушать... И снова она нажала на газ и вылетела на перекресток. Слева от нее двигалась машина. Водитель загудел.

Джордан завертелась на месте и потеряла управление. Машина вращалась. В следующее мгновение она уже летела в канаву возле дороги. Машина резко остановилась, ударившись о ствол дерева. Джордан забыла пристегнуть ремень в спешке. Единственный способ остаться в живых — держаться изо всех сил за руль.

— Джордан!

И вот он уже позади нее, положил ей руки на плечи. Она обернулась, визжа, пинаясь. В своем стремлении освободиться от его хватки она оступилась и упала ничком, увлекая его за собой.

Он продолжал сжимать ее плечи.

— Джордан, прекрати, ради Бога, прекрати! Ты должна меня выслушать...

Он освободил ее плечи так внезапно, что она прекратила борьбу. Она уставилась на него и вдруг поняла, что он прислушивается к чему-то, чего она не слышит. И это что-то отвлекло его внимание. На время он забыл о ней. Если она выберет момент верно...

Но теперь и она услышала. Крылья...

Крылья в ночи.

Шепот, шипение, угроза...

Ей не пришлось бежать от него. Он больше ее не трогал. Вглядываясь в темноту, она увидела тень. Всего в нескольких футах от нее. Рагнор вскочил на ноги, повернулся к тени лицом. Темнота обрела форму. Человек в просторном черном балахоне, под плащом которого блеснуло лезвие меча.

Рагнор подошел к человеку в плаще. Джордан, онемев, смотрела на него. Затем, увидев, что Рагнор достает какое-то оружие, она тоже поднялась на ноги.

Она смотрела, как соперники сближаются. Первый выпад мечом сделал незнакомец — его лица Джордан прежде никогда не видела. Рагнор пригнулся, и меч резанул воздух.

Джордан нашла силы двигаться. Ее машина стала бесполезна. Она двигалась осторожно, тихонько шла по дороге, остановилась в стороне.

И тогда она увидела, как ударил Рагнор длинным острым ножом. Нож против меча... Но незнакомец потерял равновесие. Рагнор сделал уверенный выпад, он точно прицелился и попал незнакомцу в горло.

Джордан завизжала.

Незнакомец уронил меч, схватившись за горло. Кровь текла из раны. Рагнор добил раненого. Безжалостно. Беспощадно.

Джордан закричала еще громче, когда голова незнакомца свесилась набок, но Рагнор не остановился. Он ударил еще раз, затем еще, пока голова не отделилась от тела и не упала в кусты. Еще секунда, и тело — тело без головы — осело в кусты.

У Джордан началась истерика. Она стояла и визжала, надрывая горло, а потом увидела, что Рагнор смотрит на нее, и попятилась. Джордан хотела бежать, но не могла, она лишь смотрела на него, как будто возможность спасти свою жизнь заключалась лишь в том, что она будет

стоять и смотреть ему в глаза.

— Джордан!

И снова она принялась пятиться, качая головой от ужаса и неверия.

— Джордан, его послали... убить тебя. Или остановить тебя, подчинить. Я сам еще не все понимаю...

— Прекрати! — Джордан подняла руку, пятясь. Она оступилась и попала в топкую грязь. Каблук ушел в жижу, и она снова оступилась и упала на спину.

Еще секунда, и он навис над ней.

— Сделай свое дело! — завизжала она. — Убей меня, отрежь мне голову, ну, давай, давай...

Он протянул ей руку.

— Вставай, покричи, если тебе нужно, а потом возьми за ум и выслушай меня!

— Возьми за ум! — воскликнула она. Он взял ее за предплечье и поднял на ноги. Фары встречной машины неожиданно залили их обоих светом. Джордан озиралась в поисках помощи.

За рулем сидел Шон Кейнади.

Сердце ее упало.

— Джордан, поехали, — бросил Рагнор. Он подтащил ее к машине. Кейнади открыл дверь, Рагнор втолкнул ее в машину, сам сел на заднее сиденье. Машина быстро развернулась.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросила Джордан.

— Прежде всего вас переодеть. Судя по тому, как вы выглядите, вы нуждаетесь в какой-нибудь чистой одежде. А затем выпить чего-нибудь покрепче.

Она поймала взгляд Рагнора в зеркале. Жесткий и холодный как лед.

— Представьте себе, каково быть полицейским и занять такую головную боль, — непринужденно заметил Кейнади.

— Полицейский, но не вампир? — уточнила Джордан.

— Да. Почти... но по-настоящему — никогда, — пояснил Кейнади.

Джордан затихла. Она подумала, что, наверное, спит и ей все снится. Снится, как тогда, в самолете. Но сон прошел. Теперь была явь. Она чувствовала боль в лодыжке, и колено саднило. И еще спина болела. И, увидев собственное тусклое отражение в лобовом стекле машины, она заметила траву и прочий мусор в волосах.

Машина подъехала к дому. Не успела Джордан шевельнуться, как Рагнор уже оказался снаружи, распахивая перед ней дверь. Он не слишком галантно вытащил ее из машины.

— А теперь мы не могли бы обсудить все в доме, с вашего позволения?

Джордан стряхнула его руку и поднялась по ступеням. Обе женщины ждали ее на веранде.

— Лючан? — спросил Рагнор.

— Он отправился тебя искать. Подумал, что у тебя могут быть проблемы.

— Он не ошибся.

Ты знал его? — спросила она.

— Нет. Они создают нечто вроде собственной маленькой армии. Они новички и совсем не умеют драться.

— Давайте пройдем в кабинет, — предложила Мэгги. Очевидно, она все-таки сумела уложить ребенка спать.

Не оглядываясь на Рагнора, Джордан села на старинный диван, стоящий напротив камина. В очаге горело пламя. Оно давало тепло. Только сейчас Джордан поняла, что сильно замерзла.

Все они расселись вокруг нее. Мэгги по правую сторону, Джейд по левую, Шон в кресло напротив, а Рагнор, тот самый, что только что отрезал кому-то голову, вальяжно сел в самое просторное кресло. Он был в кожаном пиджаке и дышал ровно — ни за что не скажешь, что совсем недавно ему пришлось приложить столько физических усилий. Светлые длинные волосы его чуть растрепались, но одежда оставалась в абсолютном порядке. Ей хотелось бежать к нему и в то же время бежать от него.

Теперь она поняла почему.

— Джордан, в первую очередь я хочу поклясться, что никто из нас не сделает вам ничего плохого, — произнес Шон Кейнади.

— Мы стараемся вас защитить, — пояснила Мэгги. Джордан смотрела на нее во все глаза.

— Вы тоже... из вампиров?

— Нет. Сейчас нет, но у меня была очень длинная история, и я не очень разбираюсь в том, какие силы дали мне избавление.

— Я вампир, — спокойно сообщила Джейд. — Я сама сделала выбор.

Джордан стремительно повернулась к ней и уставилась во все глаза.

— Как и Лючан, — пояснила она.

— Итак, вы видите, что мы знаем, о чем говорим, — попытожил Шон.

Джордан переводила взгляд с одного на другого и молчала. Потом взглянула на Рагнора.

— Отлично. Просто чудесно.

— В мире есть много такого, что вам пока трудно осознать, — заявила Мэгги.

— Думаю, ей надо налить чего-то покрепче, — предложил Шон.

Возможно, вам лучше приготовить коктейль. Боюсь, из моих рук она его не возьмет — побойтся, что я ее отравлю, — проговорила Джейд.

Шон принес ей что-то в стакане. Джордан сжала стакан в ладони, стараясь поднести содержимое к губам, не расплескав. Ее трясло крупной дрожью. Она решила выпить все махом. Что теперь могло усугубить ситуацию?

— Я постараюсь вам все объяснить как можно более кратко, — продолжал Шон. — Вампиры существуют. И не одно столетие. Чтобы выжить, они обычно стараются не высовываться.

— Не высовываться, — повторила Джордан. — Пожалуй, я выпью еще.

Рагнор присел перед ней на корточки.

— В древние времена это было просто. Войны, феодальные междоусобицы, массовые болезни, влекущие поголовную смерть.

— И никаких средств массовой информации, — подхватила Джейд.

— И никаких судебных медиков и реставраторов, — добавил Шон.

— Но существовали легенды, — подключился Рагнор. — Некоторые из них весьма близки к истине, некоторые преувеличены, некоторые — сплошная выдумка.

— Я жила многие годы, ни разу никого не тронув, — промолвила Мэгги. — Но есть инстинкт. Голод. И голод рождает безразличие к человеческой жизни.

— И безразличие выказывали на протяжении истории человечества совсем немало так называемых нормальных людей. В мире всегда правили деспоты, тираны, короли и диктаторы, готовые убивать сотни и тысячи себе подобных, — продолжал Рагнор, не сводя с нее взгляда. — Римляне покоряли целые народы и не щадили никого. Затем варвары напали на Рим. Англия раз за разом посылала армии в Шотландию и Ирландию, века длилось противостояние двух стран: Франции и Англии. Петр Великий многое сделал для России, но был безжалостным правителем. Европейцы буквально вырезали коренное население Америки. Тысячи погибли в эру работорговли. Но вот мы вошли в новое время. Гитлер пытался истребить целые народы. Японцы зверски обращались с китайцами. Не было десятилетия, свободного от бессмысленной резни и убийств. Массовых убийств. Так что смерть всегда могла найти место, чтобы остаться незамеченной.

— Но были и случаи странных убийств в нашей истории, — заметила Джейд, — и, конечно, некоторые из них случались из-за болезни людей.

— А другие — от голода, — добавил Лючан.

— Но это болезнь, очень странная болезнь, — быстро пояснила Мэгги. — И тот, кто является вампиром, совсем не обязательно убийца.

— Но те, кто убивает, конечно, исключительно опасны из-за своей силы, — пояснила Джейд.

— Большинство нас совершили много такого, о чем не хочется вспоминать, — прозвучал голос с порога.

Джордан обернулась и увидела, что Лючан вернулся.

— Но все уже в прошлом, — улыбнулась выразительно Джейд и, пожав плечами, посмотрела на Рагнора.

— Мне в самом деле нужно еще выпить, — попросила Джордан.

Мэгги вскочила с места.

— Вкратце, — продолжал Шон, когда его жена пошла за выпивкой для Джордан, — могу сказать, что раньше существовал закон — свод правил. Лючан дорос до должности, которая соответствует званию...

— Короля, — закончила за мужа Мэгги. Джордан благодарно схватила стакан.

— Он был королем вампиров, — уточнила она.

— Итак, существовал закон, — пояснил Лючан. — Есть вещи, которые мы могли делать, и вещи, которые мы делать не могли. Закон передавался из поколения в поколение. До меня правил другой король, который умер. С незапамятных времен у нас были законы. Правила выживания. Вампиры не могут создавать более чем двух себе подобных за сто лет. Некая форма контроля населения, можно сказать. Нам не позволено убивать себе подобных. Мы обязаны избавляться от наших жертв и не привлекать к себе внимания, как и не навлекать на себя гнев, грозящий массовым уничтожением вампирам. Таковы правила, действующие многие годы.

— Но всегда находились такие, кто восставал против правил, — отозвалась Мэгги. — Те, которые убивали всех подряд, упиваясь жестокостью.

И те, кто игнорировал тот факт, что мы живем в двадцать первом веке и можно найти сколько угодно альтернативных вариантов, — высказался Шон.

— Шон написал книгу, Джордан, и Джейд, которая владеет небольшой издательской компанией, продвинет ее на рынок. Книга необходима людям, ибо есть опасность. Только в последнее время, благодаря прогрессу науки и большей открытости средств массовой информации, стало возможным провести четкое разделение между теми из нас, кто воспринимает себя хищником, и теми, кто просто стремится выжить, — подытожил Лючан.

После двух полновесных стаканов виски Джордан уже не знала, плакать ей или смеяться. Наверное, ее просто разыгрывают, показывают аттракцион. Вот она в Новом Орлеане с полицейским и его издателем и бог знает с кем — или с чем — еще.

После всего того, что она увидела, что она узнала...

— Итак, вы король, — обратилась она к Лючану и, повернувшись к Рагнору, спросила: — А какова ваша, именно ваша роль во всем происходящем?

— Рагнор — тот, кто приводит закон в действие, — спокойно пояснил Лючан. — Он рожден седьмым сыном седьмого сына, и его отец передал ему поразительную силу и власть.

— А ваш отец, надо полагать, был волком, отсюда и ваша фамилия — Вулфсон?

— Я привожу в исполнение те решения, что мы принимаем, — ответил Рагнор.

— Ис-пол-ни-тель, — по слогам повторила Джордан. Она поймала себя на том, что, как попугай, повторяет все услышанное. — Так на балу у графини находились вы, — холодно

констатировала она. — В костюме волка.

— Вам не следовало там появляться.

— И вы были тем треклятым волком, что я видела на улице.

— Это еще как сказать. То, что мы видим глазами, является преломлением нашего воображения и наших понятий. Да, я был там. Я охранял ваш номер снаружи, пока вы не пустили меня внутрь.

— Так, значит, вампиров все-таки приходится приглашать к себе?

— Я думал, вы прочли книгу, — проговорил Шон.

— Графиня охотилась за вами — она мстила лично вам, — стал объяснять Рагнор. — Я наблюдал за ней, за ее передвижениями по городу. Я знал, что она и ее последователи намерены нанести удар во время бала. Но я не представлял, во что вырос ее культ, какие вещи она творила. Что они творили.

— Они?

— Нарі никогда не действует в одиночку, — заключил Лючан. — На протяжении веков она всегда подбирала себе самых отъявленных подонков в компаньоны.

— Вам нельзя было там находиться, в том зале, где вы оказались, — повторил Рагнор. — Даже при том, что она хищница и, как львица, обречена охотиться и убивать, чтобы не умереть. Нарі совсем не глупа. Она любит жить в роскоши и комфорте, а это возможно только при условии, что ее примет избранное общество. Таким образом, для охоты и такого рода пиров она выбирает иностранцев, у которых в стране ее проживания нет родственников. К ним относятся бедняки, бродяги, проститутки, известные мошенники, наркоторговцы, убийцы и прочие. Исчезновение «дурного семени» редко вызывает желание искать причины смерти, а о мертвой проститутке люди привыкли думать, что она лишь получила то, на что запрашивалась.

— Таким образом, вы решили уберечь меня от беды? — пробормотала Джордан. — Как мне повезло.

— Я вернулся, — холодно заметил он.

— Вы знали, что должно произойти, и вы позволили людям умереть.

Рагнор покачал головой.

— Я не знал, что именно должно произойти. Я выяснил, что ей удалось сбежать и в Венеции она находилась с кем-то, чья сила и власть превосходит ее собственную.

— Сбежала? Откуда?

Рагнор взглянул на Лючана, и тот ответил:

— Ее заключили в свинцовый гроб и опустили на дно Адриатики, она пролежала там две сотни лет. Каким-то образом ей удалось выбраться.

— Если она такое ужасное создание, почему бы вам не остановить ее и тех, кто с ней заодно?

Рагнор вновь покачал головой.

— Саму Нари используют. Впрочем, вы правы: она ужасное создание. Но без нее мы потеряем ту силу, что стоит за ней.

Почему вы не сказали мне...

— А вы бы поверили?

— Я видела все своими глазами!

— Нет, я не мог просто взять и прийти в участок венецианской полиции и заявить, что Нари — вампирша. У меня есть возможность убить Нари, вы правы...

— Если бы не старинные правила, вы бы ее убили, — перебила Джордан. — Но я только что видела, как вы отрезали кому-то голову...

— Он напал на меня, — поглядел Рагнор на Лючана и пожал плечами. — Наш старый закон перестал действовать. Мир повергнут в хаос. Так что нам ничего не остается, как пересматривать правила. Но, возвращаясь к нашей теме, вначале я подумал, что вы просто забрели не туда. Оказались в плохом месте не в самое удачное время. Я боялся, что вы навлечете на себя беду, продолжая настаивать на том, что стали свидетельницей настоящего преступления. Но оказалось, что я ошибся. Ваше присутствие в зале второго этажа спланировали. Иными словами, мне пришлось следить за Нари и следовать ее маршрутами, чтобы выяснить, кто на самом деле стоит за всеми действиями.

— Что вы имели в виду, говоря, что мое присутствие там заранее подготовили?

— Ваш кузен Джаред вас подставил. Почему, я не знаю. Но он находится под влиянием Нари.

Джордан почувствовала, как по спине у нее пробежал холодок.

— Джаред — мой ближайший родственник. Он не дал бы меня в обиду.

— При обычных обстоятельствах — нет. Но в данном случае речь не идет об обычных обстоятельствах.

Джордан смотрела Рагнору прямо в глаза.

— Почему вы считаете, что я должна вам верить? После того, как вы столько раз обманывали меня? Когда вы позволили... Тифф мертва. Я видела ее тело. Потом я увидела вас.

Рагнор раздраженно тряхнул головой.

— Да, вы меня видели. Я столько дней ходил за вами по пятам, стараясь быть незаметным для других. Вы должны понять: Нари никогда не действует в одиночку. За ней стоит кто-то более могущественный, кто-то очень сильный, но кто — я до сих пор не знаю. И они создали очень мощный тандем.

— Итак, вы использовали меня как наживку? — спросила Джордан.

— Вначале — да, — согласился Рагнор.

Джордан была ошеломлена его признанием. Она рассчитывала на то, что он станет все

отрицать.

— Как вы здесь оказались? Вы способны переноситься через океаны силой мысли?

— Я летел с вами в самолете.

— И как вам удалось?

— Я был у вас в номере, когда вы заказывали билет по Интернету.

— И вы думали, что Джаред вампир, и не попытались его уничтожить?

Вопрос ее потонул в гробовом молчании, и такая тишина здорово ее напугала. Мэгги откашлялась и заговорила, пытаясь вразумить Джордан:

— Всякое случается в мире. Если у человека выпить кровь, он умрет, но при несоблюдении определенных условий он превратится в вампира. Тело надо обезглавить и сжечь немедленно. Но бывает и по-другому. Кровь можно брать понемногу. Капля за каплей. Иногда болезнь или, как там можно назвать... излечивается. Переливание крови может спасти жизнь, могут повлиять и другие факторы. Когда вампир желает добиться послушания от своей жертвы, он высасывает кровь понемногу. И тогда жертва становится рабой вампира и будет делать для него то, что в нормальном состоянии никогда бы не делала. Таков случай с Джаредом.

— Джаред пьет у Синди кровь, — напрямик сказал Рагнор. — И я уверен, что вы догадываетесь о том, что я говорю правду.

— Я не дам вам уничтожить Джареда, — предупредила Рагнора Джордан. — Я успела прочесть большую часть книги Шона. Я уничтожу вас до того, как вы посмеете к нему прикоснуться.

— Покуда Джаред жив, всегда есть вероятность того, что он окажется послушным орудием в руках Нары, — произнесла Мэгги, заставив обоих мужчин обернуться к ней.

— Вы не уничтожите моего кузена, — возразила Джордан. У меня есть святая вода.

На самом деле при себе у нее никакой святой воды не было. Сумка осталась во взятой в аренду машине. После того как она стала свидетельницей битвы между Рагнором и незнакомцем, ей и в голову не могло прийти вернуться к машине и забрать оттуда свои пожитки.

Но ее угроза никого не смутила.

— Вы позволили Тифф умереть! — бросила она Рагнору.

— Я не имел представления о том, что Нары пойдет к Тифф, — тихо заметил он. — Я был занят другим: я охранял вас.

— А как насчет Роберто Капо?

— С Роберто Капо все в порядке. По крайней мере все было в порядке в тот момент, когда я покидал Венецию. Я не думал, что мне придется уезжать в такой спешке.

— Зачем вы последовали за мной, если знали, что я еду сюда?

— Я знал, что они тоже последуют за вами.

— Откуда?

— Мы живем в компьютерную эру, — раздраженно пояснил Рагнор. — В мире совсем немало тех, кто с нами, и тех, кто против нас. Разве непонятно? Хватит одного e-mail, и убийца будет поджидать вас в аэропорту. И убийца ждал вас в аэропорту. Все изменилось за последние несколько лет. Стороны поменялись местами. Нар и ее сподвижники нарушили все мыслимые законы, они создают себе все новых и новых последователей. Пусть они слабы и глупы, и у них нет времени чему-то научиться. Они мрут как мухи. Но Нар подобное обстоятельство не волнует. Она не дорожит своими творениями — для нее они «расходная часть». Однако они остаются очень опасны.

— Я видела его, я видела его той ночью под аркой.

— Да, и он знал, что что-то не так, поэтому он, как мог, предупредил вас. Нар и ее недавний компаньон создали в Венеции целый штат, набранный из таких, как тот парень, которого я обезглавил на дороге. Я оставался там до тех пор, пока не убедился, что Капо ничего не грозит, а затем пустился за вами вдогонку. Капо на самом деле сильно болен — у него страшный грипп.

Джордан не сводила с Рагнора глаз.

— Если все в самом деле правда и большая часть ваших... собратьев действительно такие чудесные ребята, почему вы не находились в Венеции, когда там все началось?

— Нар не единственная наша головная боль, — сообщил Лючан.

Если бы Нар была одна, я мог бы справиться с ней в ту ночь во время бала, — заверил Рагнор. — Но сейчас для нас важно то, что вы являетесь их мишенью. Пока мы не можем понять, чьей именно и почему. Нам нужна ваша помощь.

— Я не знаю ни одного вампира, — сердито воскликнула Джордан. — Ни разу до сих пор не видела, чтобы у меня на глазах высасывали чью-то кровь.

— Ну, по крайней мере, вы знаете кое-что о вампирах, — пояснил Шон.

Джордан повернулась лицом к копу.

— Уголовное дело в Чарлстоне не выдумка.

Джордан сделала глубокий вдох, перед тем как произнести:

— И вы думаете, что они не просто оккультисты, что они... как бы сказать... настоящие.

— Вашего жениха убили, верно?

Она кивнула.

— Нар могла быть как-то причастна к его смерти? — спросила Джордан.

— Первое, что я сделаю утром, пойду в полицию и еще раз внимательно просмотрю его дело, — пообещал Шон.

— Джордан, для нас очень важно, чтобы вы рассказали нам как можно больше о случае с вашим женихом. Все, что вы помните. Любую деталь, — попросил Лючан. — Мы должны знать,

с чем имеем дело.

— Я знаю, что он был убит группой сатанистов. Я не работала со Стивенем. Я слушала его рассказы, когда он приходил ко мне после целого дня работы. Я не знаю имен. Я никого не знаю в лицо. Я рецензировала книги, а он работал полицейским.

— Пожалуйста, подумайте и вспомните. Нам надо понять. Нас всех могут уничтожить, — проворчал Лючан. — В прошлом, когда наши переступали черту и могли навлечь на нас массовое истребление, мы нашли способ их обезвреживать — помещать, так сказать, в тюрьму. Но сейчас все изменилось. Сейчас мир поделен надвое. И мы на вашей стороне.

Джордан попыталась встать, но виски, усталость и избыток информации оказали на нее свое действие.

Ноги отказывались ее держать. Она попыталась встать еще раз, но в изнеможении плюхнулась на диван. Говорить она уже тоже не могла — не хватало сил.

Она не потеряла сознание, она просто уплыла в небытие...

Глава 19

Настало время лечить раны и для крохотного островка в Ирландском море, названного островом Смерти.

И шотландцы, и норвежцы все еще не могли решить, кого считать собственниками множества островов, разбросанных к югу от Гебрид, но споры из-за них, часто решаемые с помощью оружия, обходили, к счастью, маленький остров стороной.

Если, конечно, шотландцы и норвежцы не лезли в дела местного населения.

Многие жители днем молились в христианской церкви, а ночью приносили подношения матери-земле, пекли хлеб для гномов и принимали как данность тот факт, что Бог один, но кроме единственного настоящего Бога на свете есть множество существ, не слишком хорошо известных человеку. В то время в своей жизни людям доводилось общаться со многими из числа «чужих». Карлики и гиганты, слепцы, способные создавать чудесные изделия из золота, отшельники в горах Шотландии, живущие по сто и более лет. Существовали на свете отчаянные и храбрые воины — берсерки, способные выдержать схватку с двадцатью отборными воинами вдвое крупнее себя, со святыми, которые могли излечить обреченного одним прикосновением.

Но народ с острова Смерти был другим, его следовало избегать и обращаться за помощью только в случае крайней нужды.

Иногда туда приплывали отверженные: гномы и карлики, попавшие в немилость к хозяевам, которых они прежде развлекали, маги-чернокнижники, которых изгоняли с родины за то, что они якобы навели порчу или чуму. Жили там и другие существа. Дети полной луны — те, что мчались в темноте и выли в ночи. В каждой из стран существовали легенды о тех, чья обитель ныне находилась на острове Смерти. Все побывали там: и ирландские плакальщицы, и «малый народец» шотландских пиктов, и падшие божества, и беспокойные проказники северных стран, и даже ближневосточные ведьмы, пьющие детскую кровь. Привидения, призраки и демоны — все они, как говорили, пребывали на острове Смерти. Среди живущих там встречались и простые фермеры, и торговцы, которые не боялись такого соседства, поскольку, оказывая услуги «чужим», люди оберегали себя от нападков пришельцев с Севера и тех племен, что

правили на многих островах Британии.

Жизнь и смерть — все воспринималось легче в те времена, ибо войны между феодалами — дело обычное, а кровопролитие — способ существования. Каждый из живущих должен был принять сторону того или иного противника, и варварство казалось тоже делом обычным.

Когда битвы утихали, люди находили себе иное занятие — пасли тощий скот, оберегая стадо.

Прошли годы, пока Рагнор восстановил силы, и годы потратил он на учение, ибо самым странным обстоятельством его проклятого существования стало число святых людей, обращавшихся к нему за помощью; его просили карать и его же просили помиловать. Рагнор быстро понял, что Лючану приходится бороться с собственными демонами и что он намерен установить жесткий контроль над их миром. Во время первых лет своего существования среди отверженных Рагнор, обласканный вниманием женщины, красивой и молодой, страдал от того, что она то появлялась, то исчезала, как и все там живущие. В отличие от остальных она к тому же была обречена на постоянное возвращение в море.

Она оказалась женой Лючана, и откуда она родом и сколько прожила на свете, никто не знал. Она никогда ничего не рассказывала и никого не просила рассказывать о себе.

Время лечит все, даже те страшные раны, которыми было покрыто тело Рагнора. Шрамы затянулись, рубцы пропали. Вскоре после полного выздоровления Рагнор проснулся на закате в сильной тревоге. Проснувшись, он понял, что видел сон, в котором к нему пришла Нари, говоря, что она сильно напугана и нуждается в нем. Она плакала слезами страха, стыда и ужаса. И молила его о прощении.

Он встал и пошел к деревянному строению, напоминавшему барак, — дому, где жил Лючан, где он спал и принимал гостей. Там он нашел измученного воина с оборванной цепью на шее, который явился на остров с рассказом о битве, произошедшей на юге Англии.

— Нормандцы пристали к нашему берегу... Наш саксонский король вышел встречать их, и Англия не пала бы, если бы короля Гарольда не убили. Нормандский лорд пробивает дорогу к северу. Кометы летят по небу, и люди думают, что скоро настанет конец света, — говорил им воин. Грязный и оборванный, с длинными волосами, какие приняты у саксонцев, и редкой бородой на лице, он представлял жалкое зрелище.

— Если саксонский король убит, а нормандец сел на английский трон и привел с собой собственную знать, то да — тот мир, который знал народ этой страны, близится к концу, — пояснил Рагнор.

Незнакомец вздрогнул и повернулся к Рагнору лицом. Затем он опустил голову.

— Да, для нас конец света уже наступил, и со свободой, той, что мы знали раньше, нам пришлось навсегда проститься. Но я пришел сюда не затем. — Саксонец поднял глаза на Лючана. — Нормандцы движутся к северу, сея разрушение и смерть.

— Так всегда бывает, когда один народ покоряет другой, — заметил Лючан и поднял руку. — Мы не участвуем в вашей войне и не будем участвовать.

— Но я пришел сюда не потому, что идет война, — откликнулся незнакомец, — хотя смерть и разрушение — трагедия, достойная сочувствия и жалости. Люди сражаются в войнах — кто-то побеждает, кто-то проигрывает. Но в этой битве сам Гарольд решил, что Бог ополчился на него и потому привел нормандцев к власти над Англией. Но большинство нормандских войск

составляли наемники, и я не думаю, что сам нормандский лорд знает, из каких мест они пришли. Он поставил цель занять трон, а в таких случаях редко кто стоит за ценой.

— Зачем ты пришел, если сам понимаешь, что ваше дело проиграно? — грозно спросил Лючан.

— Я не боюсь смерти. Меня зовут Эдгар, я правил нижней землей и попал в плен, как вы видите, — он коснулся ошейника на горле, — и стал рабом. Мне удалось сбежать, воспользовавшись беспечностью стражи. Смерть сама по себе не страшна. Не страшна, когда душа человека попадает в руки Господа. Но с приходом нормандской армии... пришла и ужасная болезнь. Столько завоевателей осталось в покоренных землях властвовать над теми, кого они завоевали, подчинять себе жителей городов и селений, не воинов, нет — крестьян, фермеров, ремесленников, художников, раненых и невинных... И все они стали падать жертвами странной болезни. Она косит людей как чума. Как чума, принесенная демонами! — Эдгар говорил, и в красных, воспаленных глазах его полыхало безумие. Измотанный и изможденный голодом, он говорил с такой убедительностью и с таким достоинством, что его речам нельзя было не внимать. Жалкие лохмотья его никак не вязались с гордой осанкой и мужеством, которые сопровождали его рассказ. — Только Бог знает, застану ли я в живых кого-нибудь из моих соотечественников с юга, когда вернусь. Говорю вам, я сумел сбежать лишь потому, что сами нормандцы напуганы. Они боялись выходить по ночам, трусы — они боялись лишь за себя. Зло пришло на наши земли. Зло, облаченное в тени, призраки. Они нападают на своих жертв из темноты. И наутро несчастных находят мертвыми. Но потом по ночам те, кто умер, приходят к другим — кого они любили при жизни, и наутро их сестры, братья, матери или жены тоже умирают. И болезнь распространяется с чудовищной стремительностью, словно чума, даже еще быстрее.

— Возможно, это и есть чума, — предположил Лючан, внимательно глядя на своего собеседника. — Мужчина прикасается к своей жене, заражая ее. А мать качает на руках умирающее дитя и тоже теряет жизнь.

Эдгар покачал головой.

— Нет, если и чума, то иная, чума, что может принимать человеческое обличье и может смеяться, когда священники читают молитвы над умирающими и мертвыми.

— Ты говоришь, что зло принимает человеческий облик, — подошел к Эдгару Рагнор. — И ты его видел. Тени, становящиеся людьми, так? Мужчины или женщины?

— Женщина подошла ко мне, когда я помогал священнику облегчить участь умирающего перед церковью Святой Марии, недалеко от поля битвы при Гастингсе. Она встала передо мной, закутанная в черное, словно была плакальщицей. Но тут она захохотала и сказала, что нормандцы открыли ворота проклятым. И...

Мужчина вдруг замолчал на полуслове.

— И?.. — помог ему Рагнор.

— Человек, над которым я прочитал молитву, человек, умерший у меня на глазах, на следующий день встал и пошел. Пошел с ней, когда настали сумерки, и зашагал по лугу перед церковью, зашагал среди других, тоже умерших.

Зачем ты пришел к нам? — спросил Лючан.

Потому что ходят слухи, что вы тоже обращаетесь в тени, а потом в людей, — не сразу ответил

Эдгар. — Я хочу сохранить душу.

— И ты нас боишься? — пристально глядя на него, спросил Рагнор.

— Да, боюсь.

— Но ты все равно пришел? — продолжал допрос Лючан. — Пришел, в то время как страна твоя лежит в руинах.

— Кто-то выигрывает войны, кто-то, наоборот, проигрывает, но душа человека вечна. Да, я боюсь. И на поле битвы я знал страх. Но я боялся не так, как сейчас. Говорят, что другие пришли сюда. Что вы можете быть жестокими, как все завоеватели... но когда с боем покончено, восстанавливается нормальный порядок жизни и смерти и даже павшие могут молить о милости.

— Неплохая у нас репутация, — пробормотал Лючан.

— Мы пойдем с тобой на юг Англии, — произнес Рагнор.

— Я среди вас в безопасности, — отозвался сбежавший раб. В его словах слышалась утвердительная интонация, но все же Рагнор уловил в его утверждении вопрос.

— О да, — с мрачной серьезностью подтвердил он. Вулфгар, который до сих пор хранил молчание, тихо засмеялся.

— Мы пьем кровь побежденных и святых по праздникам, которые только наш народ считает для себя священными. Саксонец побледнел, но не дрогнул.

— На вашем острове есть церковь?

— Да, есть, — ответил ему Вулфгар.

Саксонец направился к выходу, но, поравнявшись с Рагнором, остановился и протянул руку к серебряному медальону, что висел у того на шее. Он быстро отдернул руку, но от Рагнора не отошел.

— Ты был рожден стать великим правителем, избранником Господа, — сказал он, пристально глядя на Рагнора.

— Может, и так, — ответил Рагнор, словно ждал такой реплики, — но Бог, видно, пересмотрел в отношении меня свои планы.

— Скорее всего, как зло приходит из теней, так и справедливость можно отыскать во зле, — выговорил Эдгар и вышел из дома.

Саксонцы всегда говорят загадками, — пробормотал Лючан, — и ищут ответов там, где их нет.

— Ответ есть — баланс сил, — возразил Рагнор и, когда все обернулись в его сторону, пожал плечами. — Мы все трое не раз бывали в битвах. И раньше, и теперь. И никакой нашей вины в том нет, ибо мы родились в мире, где войны и жестокость — дело обычное, когда сражаешься с таким же жестоким врагом. Так повелось среди людей. Нормандцы пришли захватить трон, и они будут продолжать убивать, чтобы завоевать его; нормандский лорд будет утверждать, что Бог на его стороне, на стороне правого. Саксонцы будут биться и убивать, и их будут убивать. Мы все верим в то, что наше дело — правое, когда убиваем врагов. Все племена, раньше

населявшие Англию, воевали в прошлом, а теперь настал их черед. Нормандцы не станут вырезать всех поголовно, ибо тогда некому будет пахать поля и пасти скот, некому готовить еду и шить одежду. Все старо как мир. Самый безжалостный разрушитель ничего не добьется, если не оставит в живых тех, кто будет ему служить. Как сказал саксонец, он понимает, что в борьбе за власть смерть неизбежна. Но он верит в то, что после смерти душа человека отправляется к Богу. Может, мы и прокляты им, но мы тоже понимаем, что если не будет равновесия на земле, то мы все исчезнем.

— Да ты оратор, — усмехнулся Лючан. — Итак, мы выходим в бой — как лучшие из мертвых.

— Мы выходим в бой, потому что я знаю: вина наверняка лежит на Нари и моем брате. А месть — моя главная забота. Я выздоровел и готов встретиться с ним вновь.

— Да будет так. Плыдем на юг вместе с саксонцем.

— И будем молиться, чтобы наши корабли не затонули, — проворчал Вулфгар.

Они поплыли на юг, обогнув побережье Корнуолла, а затем верхом направились в глубь острова. По дороге они не раз натыкались на дома с вырезанным на стенах крестом. Огромные погребальные костры горели в полях. У каждого жилища, в каждом хуторе они останавливались и обезглавливали трупы, которые находили в домах. Они делали свою работу, ибо встречалось немало таких мест, где в живых не осталось никого и некому было позаботиться о мертвецах. Путешествовали они главным образом ночью, и когда останавливались, то обшаривали и кладбища в церковной ограде. Эдгар зеленел от отвращения и страха, когда, копаясь в свежих захороненных останках, они находили тех, кому приходилось отрубать голову или пронзать осиновым колом сердце. Но Эдгар ни разу не высказал и слова протеста. Наконец они набрали па деревню под названием Твикем, где когда-то правил оверлорд Эдгара. Там саксонский феодал построил крепость из дерева и земли, возвышавшуюся над зеленой рощей.

Когда кавалькада приблизилась к воротам, Эдгар попросил их остановиться.

— Ворота были крепко заперты, когда я уходил, теперь они распахнуты настезь.

— Подожди здесь, — велел Эдгару Лючан.

— Я бы предпочел пойти с вами, — ответил Эдгар.

— Пусть останется во плоти, а мы обернемся теньями, — предложил Рагнор.

— Я буду у вас вместо наживки? — спросил Эдгар.

— Мы будем с тобой, — заверил его Рагнор. И вот они оставили коней пастись, сами обернулись теньями и медленно двинулись следом за Эдгаром.

Факелы, закрепленные скобами на стенах, загорелись ярким огнем к тому времени, как Эдгар подъехал к воротам. Во дворе крепости прямо на земле лежали воины в латах, тут же валялись трупы животных и всяческие отбросы. Конь Эдгара закосил, взбрыкнул и встал, отказываясь двигаться дальше. Ему ничего не оставалось, как слезть с коня. Эдгар шел по двору к хозяйскому дому, тени следовали за ним. Вдруг саксонец вскрикнул от ужаса, ибо лежавший без движения латник вдруг зашевелился и потянулся, норовя схватить Эдгара за щиколотку. Рагнор обрел плоть. Рука латника была холодна как лед. Рагнор одним ударом меча избавил от головы тело некогда могучего нормандского рыцаря.

— Иди дальше, — шепнул Рагнор из темноты.

Эдгар продолжал путь.

Дверь в хозяйский дом тоже была распахнута настежь.

А в доме за длинным столом напротив костра сидел Хаган. Он отдыхал, откинувшись на спинку вырезанного из цельного куска могучего дуба кресла, закинув руки за голову, а ноги поставив на грубо сколоченный табурет. Огонь ревел. По всему залу мертвые и умирающие валялись в причудливых позах. Люди Хагана рыскали между ними, пытались найти еще живых, чтобы упиться кровью, не успевшей остыть. Нари сидела за другим концом стола, сложив на коленях руки, и, поджав губы, смотрела на Хагана. Рагнор заметил и причину ее неудовольствия. Хаган надел один из ошейников, что нормандцы надевали на шеи своих саксонских рабов, на молодую светловолосую девушку, одетую в тунику из беленого льна. Она стояла на коленях перед креслом, в котором восседал Хаган, и глаза ее были опущены.

— Довольно, Хаган, — крикнула Нари сердито. — Ты видишь — наши воины рыскают в отбросах. Ты сам обещал, что мы будем двигаться вместе с нормандцами и обретем власть, положение и пиршество над павшими.

Хаган ее как будто не слышал. Он потянул за цепь, прикрепленную к ошейнику пленницы, поймал ладонью прядь светлых волос, потер их между пальцами. Затем взглянул на Нари.

— Храбрость девчонки меня забавляет. Я думаю, она должна стать одной из нас.

— А я так не думаю.

— Ты ревнуешь, Нари, и очень глупо с твоей стороны, дорогая!

Нари вздохнула.

— Я устала от тебя!

— Ты трусиха. Ты боялась того крепыша, что так лихо рубил головы крестьянам. Ты боялась, что он с той же прытью отрубит и твою хорошенькую головку. Ты хотела убежать и спрятаться. Разве не так, Нари? Ты к тому же такая лгунья. Лгунья и обманщица. Ты хотела бежать обратно в Шотландию и откопать моего дорогого братца. Усмири свой аппетит! Да ты и меня боишься!

— Ты идиот. Забыл, видно, кто я такая.

— Я? Нет, Нари. Ты не дочь вождя, ты никогда ею не была. Тебя привезли из восточных земель ребенком, и вождь удочерил тебя. И ты обвела вокруг пальца буквально всех жителей деревни — наивные простофили никогда так и не узнали, что ты — прелестное дитя, взятое в дом к облеченному властью человеку, — навела на них проклятие! Но ты и представить не могла, что тебе попадетсся воин с жаждой сильнее, чем у тебя, и ты обретешь компаньона, о котором и мечтать не могла! Увы, ты все еще тоскуешь по моему брату, а потому не можешь не позволить мне играть со своими пленницами.

Прислушиваясь к разговору, Рагнор ни на миг не расслаблялся, дабы не потерять связь с миром теней. Он и представить не мог об обмане Нари. Брат Питер тоже не догадывался о том, что они пригрели на своей груди змею, с которой и начался весь ужас.

Она приходила к нему во сне — она выглядела испуганной, ей, казалось, претил тот образ жизни, что она вынуждена вести. Наверное, ему самому очень хотелось верить в то, что увиденное во сне — правда. Он не мог даже заподозрить, что она и была тем изначальным злом, что, разрастаясь, накрыло их всех своей черной тенью.

И все же...

Сподвижники Хагана, темные и светлые, шотландец, норвежец и человек с востока, затихли. Сам Хаган затих.

Они видели Эдгара, стоящую у двери.

— Прекрасно, — пробормотал Хаган, вставая. Он лениво улыбался. — Кого мы видим? Поверженного саксонского лорда, вернувшегося в свой дом! Ну что же, господин саксонец, тебе должно быть приятно представшее перед тобой зрелище. Насладись им, пока жив. Вот они, твои враги, валяются на полу. Разве тебе не греет душу, что те, которые так плохо с тобой обошлись, тоже пали?

— Я вижу лишь то, что вы — большие разрушители, чем нормандцы, чем любые из тех, кто обитает на земле, — заявил Эдгар. — И я пришел сюда, чтобы остановить вас. — Он вытащил меч.

Нари тоже встала и, сощурившись, попятилась. Как всегда, она не желала рисковать собой. Опасность ее пугала.

Хаган, откинув голову, захохотал. Двое его последователей из числа ни живых ни мертвых выступили вперед.

Эдгар не слыл трусом. Он занес меч, желая отрубить голову одному из двоих, но второй приподнялся в воздухе, готовясь взмыть над дерзким смертным. Рагнор метнулся на того, кто чуть не схватил Эдгара за горло. Началась схватка.

Как только Хаган понял, что Эдгар явился не один, он потянулся за своим мечом. Боевой клич его был полон ярости.

— Прочь из моей вотчины! — взревел он. — Я не позволю никому, ни живому ни мертвому, хозяйничать здесь! Плевал я на древние законы!

Эдгар бился отчаянно — меч его мелькал в воздухе, рубя головы, каждая секунда промедления грозила ему гибелью. Но тут и Рагнор, и другие, что пришли с Эдгаром, скинули теневые покровы, и зал превратился в поле битвы.

Сподвижники Рагнора рубились с армией Хагана. Рагнор же хотел поквитаться с братом в поединке один на один.

— Ты! Я мог бы догадаться! — воскликнул Хаган не без приятного возбуждения. — Мой маленький братец, сколько же раз ты будешь вынуждать меня низвергать тебя в ад?

— На сей раз, Хаган, ты не застанешь меня врасплох. Я знаю, на какое вероломство ты способен. Поверь мне, не я, а ты отправишься нынче в ад.

Звякнули мечи. Сталь сошлась со сталью. Братья смотрели друг другу в глаза. Хаган бросился на Рагнора, тот низко пригнулся, ударив брата в подреберье. Удар был настолько сильный, что

Хаган потерял равновесие и, отлетев на пару шагов, ударился о каминную полку. Из очага брызнули искры. Огонь сердито заревел.

Хаган вскочил на ноги почти мгновенно, скрипя зубами от боли — огонь обжег его. В гневе он бросился на брата, высоко подняв меч обожженной рукой. Рагнор отразил нападение и вовремя отступил, успев рубануть Хагана по плечу. Как только Хаган упал, Нари вдруг ожила, подбежала к Рагнору, схватила его за руку.

— Рагнор, он твой брат... Он один из нас. Ты должен остановиться, ты не можешь...

— Чего я не могу, Нари? Вы оба пытались меня уничтожить, смею тебе напомнить.

— Но ты не сможешь отплатить ему той же монетой. Я знаю тебя, и мне нужно твое прощение, и... Внезапно Нари кто-то оттащил в сторону.

— Нет, дорогуша, они сами все решат, без тебя, — говорил Вулфгар, надевая ей на шею нормандский железный ошейник для саксонских рабов. Намотав на руку свободный конец цепи, он отволок ее к каминной решетке. Вулфгар запросто отшвырнул подлетевшего к нему вампира, оскалившего клыки, и, привязав цепь к решетке, зашвырнул в него бревно из очага, чтобы тот успокоился.

Но Хаган к тому времени успел подняться на ноги. Кровь текла по нему ручьями — он вдосталь наслаждался кровью последнее время. Хаган улыбался.

Кто хочет жить вечно, братец? Я хочу.

Он снова бросился на Рагнора, высоко занеся над ним свой тяжелый меч.

Рагнор уронил свой меч и, пригнувшись, нырнул в сторону, так что меч брата вонзился глубоко в земляной пол. В то время как Хаган вытаскивал меч из земли, Рагнор обошел его со спины и нанес удар.

На сей раз Хаган полетел прямо в огонь.

Бревна затрещали, огонь выскочил из очага, словно горящая комета рванулась с небес.

Рагнор смотрел на бушующее пламя.

Чья-то рука легла ему на плечо. Лючан.

— Уходим. Нам надо уходить.

Вулфгар, схватив Рагнора за вторую руку, потащил его к выходу.

Эдгар Саксонец стоял у двери.

— Подождите! Девушка-пленница!

Он бросился в огонь. Рагнор выругался и, стряхнув руки Вулфгара и Лючана, побежал следом за Саксонцем. В черном дыму и огне ничего не было видно. Рагнор на ощупь отыскал женщину, поставил ее на ноги, закинул на плечо и поспешил прочь из горящего дома.

Едва они успели выбежать, крыша с грохотом обвалилась.

Они оглянулись.

— Рагнор! — услышал он голос Нари. Рагнор посмотрел на женщину. Он не нашел саксонской девушки. Вместо нее он спас Нари.

Глава 20

Джордан спала. Ей снился сон. Над ней в костюме дотторе стоял Джаред. «Прости, Джордан, мне так жаль», — повторял он.

Он снял маску. Глаза его, обведенные красным, странно блестели, во рту поблескивали длинные, похожие на змеиные клыки. Он напоминал персонажа из сериала о пришельцах. Джордан смотрела на него, на его зубы, которые все приближались и приближались.

— Нет, Джаред, нет! Они убьют тебя, разве ты не понимаешь, тебя убьют.

Еще мгновение, и он вонзит в нее свои зубы. Должно быть, она закричала, потому что кто-то будил ее, тряс за плечо. Она открыла глаза и увидела Рагнора. Рагнор — создание ночи. У нее была связь, страстная связь с бессмертным. Джордан чуть не закричала вновь.

— Джордан, никакой опасности нет. Ты снова видишь сон.

Она села, моргая от яркого света. Рагнор сидел рядом, на краю постели. Должно быть, она находилась на втором этаже особняка. Окна комнаты выходили на круговой балкон.

И окна плотно закрыты.

Она спала на старинной кровати из красного дерева с резным изголовьем. Рядом стояло трюмо из того же гарнитура, кресло-качалка у окна, небольшой камин. В камине посверкивали уголья. Кто-то дал ей фланелевую пижаму. Она не помнила, как переоделась, но она не помнила и того, как вошла в спальню.

Джордан отстранилась, и Рагнор тут же отпустил ее плечо.

— Я росла с бабушкой, — пробормотала Джордан, — и она не уставала предупреждать меня, чтобы я держалась подальше от бесшабашных парней на мотоциклах, от наркоманов и алкоголиков и от женатых мужчин. Но она ни разу ничего не говорила мне о вампирах.

Рагнор сделал вид, что ее не слышал.

— Очень важно, чтобы вы нам помогли.

— Конечно. Я буду наживкой.

— Не совсем так.

— Вы сказали, что следили за мной, чтобы понять, что затевает графиня.

— Вначале.

— Ага. А потом вы влюбились без памяти.

— Вы мне понравились. Мне понравился ваш бойцовский характер. К тому же, — он слегка улыбнулся, — я предупреждал вас насчет винила. Вы выглядели необыкновенно

привлекательно.

— И вам было нужно держаться ко мне поближе.

— Я всегда находился рядом. Я стал одержим одной мыслью — спасти вам жизнь.

— Почему мне так трудно вам поверить? — раздраженно спросила она. — И почему ваши слова так больно ранят?

Она с самого начала знала, что здесь что-то не так. И все равно ее отчаянно к нему тянуло. И все еще тянет.

Очень просто. Вы в меня влюбились по уши.

— Вы правы. Но вы уполномочены следить за исполнением закона. И вы — седьмой сын седьмого сына. Образцовый кровопийца. Знаете ли, я как-то спросила вас, кто вы на самом деле, а потом уточнила: кто или что. И вы ответили, что вы — человек.

Он поднял руки.

— Я и есть человек. А что еще? Что именно еще? Я точно не знаю. Сам факт тою, что я седьмой сын седьмого сына, был окутан мистической тайной. Люди считали, что я наделен силой. Особенной силой. Быть может, весь секрет в умении выжить в трудных условиях. Монах, которого я встретил, счел, что мне суждено быть милосердным, что весьма странно для того, кто рожден викингом.

— Так, значит, вы были викингом, который никогда не разбойничал, не грабил и не дрался?

— Я дрался. — Рагнор взглянул на свои руки. — Я проливал кровь, да. Но монах считал, что у меня есть другая сила. Когда мы пытались спасти последних жителей деревни от вампиров, им пришлось здорово потрудиться, чтобы свалить меня. Когда я подумал, что монах меня прикончит, он заставил меня вылечиться. И дать обет.

— Обет?

— Да, обет. Защищать тех, кого преследуют, не проливать кровь невинных... Я поклялся именем Одина и именем христианского Бога. Так кто я? За тысячу лет своего существования я так и не смог это понять. И сейчас я говорю вам правду. Я признался вам, что стал за вами наблюдать с тем лишь, чтобы понять, кто стоит за Нари. Я хорошо ее знаю. Слишком хорошо.

Она лишь последователь. Дотторе — тот, кто стоит за ней. Но мне так и не удалось приблизиться к нему настолько, чтобы понять, кто он. Когда-то закон был настолько силен, что мы могли чувствовать, что происходит.

— Лючан был законом?

Рагнор пожал плечами.

— Лючан все еще поразительно силен. Но... в прошлом общество имело больше насилия, больше преступлений против человечности. Лючана называли королем, поскольку лучшего определения не нашлось, но и на его счету немало преступлений. Мэгги... Мэгги другая. Всегда была другой. Она с самого начала отказывалась признать свою судьбу. К тому же она намного моложе.

— Сколько ей? Лет пятьсот — шестьсот?

— Около трехсот. Мэгги всегда отличалась своей исключительностью. И даже если вы примете как должное все, что я сказал, советую не обманываться на наш с Лючаном счет: никто из нас близко рядом с Мэгги не стоит. Она — чистая душа. Наши с Лючаном руки обагрены кровью, но даже в стародавние времена Лючан соблюдал закон — ради сохранения равновесия. Никто из нас не в силах прекратить насилие, обусловленное естественным голодом хищника, как папа не может сделать всех католиков, регулярно посещающих церковь, хорошими людьми. Раньше, при размытых границах морали, порядка было больше. Существовали, конечно, повстанцы, восстающие против закона. Но все меняется. И за последние несколько лет те, кто ввергает в страх человеческое сообщество, перешедшее в двадцать первый век с его знанием о том, как выживать, не убивая беспорядочно, стали наглее. Они хотят переписать закон. Но тогда нам всем придет конец.

— Но если вы говорите правду и многие из вас научились выживать, не убивая, почему бы вам не выйти из тени и не заявить о себе открыто?

Он смотрел на нее как на ненормальную.

— Многие из нас помнят костры инквизиции. Когда сжигали совершенно невинных. Если бы вам сказали, что в вашем районе поселились вампиры, как бы вы отреагировали? Сказали бы: «О, как мило»? Все сразу же восприняли бы такой факт как угрозу, подобную жизни на берегу озера, кишашего крокодилами. Возможно, мы не похожи на рептилий-людоедов, но много ли людей захотят соседства с нами?

— Так вы все-таки можете превратиться в чудовищ, пожирающих людей?

— Я сказал — с меня довольно. — Рагнора ставили в тупик ее вопросы.

— Надо было мне раньше сказать, — настаивала Джордан.

— О да... — протянул он.

— До того как...

— Да уж. Какое приятное вступление. Хочешь быть со мной? У меня нет венерических заболеваний, но я вампир. Честное слово, я обещаю не сосать твою кровь, когда мы этим займемся. Годится?

Он резко встал.

— Вам надо еще поспать, — посоветовал Рагнор и вышел, прикрыв за собой дверь.

Ей очень хотелось окликнуть его. Ей хотелось забыть обо всем, что она только что здесь услышала. Она хотела того незнакомца, что обыскивал ее номер в «Даниэль», а потом любил ее ночь напролет.

Никаких венерических заболеваний. Никаких отклонений от нормы.

Ему просто около тысячи лет, и он вампир.

Впрочем, она уже не так была уверена, что для нее последнее имело значение. Она просто его хотела.

Джордан легла на спину. Надо наконец проявить ум и сообразительность. И научиться держать дистанцию.

Джордан свернулась калачиком и через некоторое время уже снова крепко спала.

Проснувшись на следующее утро, она обнаружила, что ее дамская и дорожная сумки находятся в комнате. Она быстро приняла душ, оделась и вышла из комнаты.

Сюда, на верхнюю площадку лестницы, доносился шум голосов из кухни. Джордан остановилась, прислушиваясь. Наверное, в ее интересах узнать, о чем говорят эти люди, до того, как они поймут, что она их слышит. Вчера беседа длилась достаточно долго для того, чтобы теперь она могла узнавать собеседников по голосам.

— Я думаю, что Джаред Райли становится опасным, — услышала она Рагнора.

— А может, и нет, — засомневалась Мэгги.

— Нам придется вернуться в Венецию, — предположил Лючан.

— Пусть сперва Шон вернется, и тогда будет ясно, что там, в Чарлстоне, — проговорила Джейд.

— Готов поспорить, что я и так знаю, что там произошло, — говорил Рагнор, — но выяснять доподлинно все равно надо.

Джордан встревожило замечание Рагнора по поводу Джареда. Если они сочтут его опасным, то его...

Уничтожат.

Прикусив губу, Джордан на цыпочках вернулась в комнату. Достала из сумочки записную книжку с телефонами.

При обычных обстоятельствах она ни за что не стала бы звонить по межгороду из дома, где гостила. Но обстоятельства совсем не обычные.

Она набрала номер отеля «Даниэль», и через минуту ее соединили с номером Джареда. Телефон звонил, но никто не брал трубку. Руки ее стали липкими от тревоги и страха.

Наконец Синди взяла трубку.

— Синди? Это Джордан.

Ответом ей было молчание. А потом Синди словно с цепи сорвалась:

— Ах ты, сука! Испорченная маленькая сука! Мы полночи тебя искали! И, в конце концов, выяснили, что ты улетела в Новый Орлеан! Ты довела Джареда до такого состояния, что его забрали в больницу. Сейчас я как раз туда иду. Что на тебя такое нашло, что ты с нами так поступаешь? Сказала копу, что встречаешься с нами в ресторане, а сама укатила из города?

— Синди, мне пришлось так поступить. Тифф Хенли убили, Я видела ее тело.

— Тифф Хенли в Париже. Мне коп сказал. И Джаред тоже так говорит.

— Джаред тебе лжет, Синди.

— Ты что, меня не понимаешь? Джаред в больнице! Может, он сейчас умирает!

— Синди, я люблю Джареда, и ты знаешь об этом...

— Любишь! Черта с два! Ты просто тронулась умом, когда Стивен умер. А сейчас ты просто ненормальная! Ты так больно ранила Джареда...

Синди разразилась слезами.

— Мне надо идти. Я вернулась за его вещами, чтобы остаться с ним в больнице. Если Джаред для тебя хоть что-то значит, ты немедленно вернешься сюда, тварь неблагодарная!

Джордан зажала в руке трубку. Она почувствовала, что у дверей ее комнаты кто-то стоит. Молодчина, Джордан, что не решилась стать ни преступницей, ни полицейской ищейкой. Она забыла закрыть за собой дверь, надумав сделать свой тайный звонок.

В дверях стоял Рагнор.

— Я должна возвращаться в Венецию. Немедленно. Возможно, вам не придется убивать Джареда. Синди говорит, что он умирает.

Мы вместе вернемся в Венецию. Но звонить вам не следовало, — сказал Рагнор, окинув ее ледяным взглядом. — По звонку можно вычислять местонахождение звонившего.

— Они уже и так знают, что я в Новом Орлеане.

— А теперь им вдобавок известно, что ты предупреждена насчет Джареда. — Рагнор помолчал немного. — Но перед отлетом нам надо еще кое-куда заскочить.

— Куда?

— В Чарлстон.

— Зачем?

— Шон провел целый день, пытаясь добыть информацию о твоём Стивене Муре. Он действительно появился к Чарлстоне словно из ниоткуда. И так же внезапно исчез с того места, где работал в Нью-Йорке. Предположительно, его ранили и как следствие, он страдал частичной амнезией. Правда, был на пути к выздоровлению. Довольно странно и то, что его семья погибла примерно в то же самое время. Близкий друг в Нью-Йорке погиб в аварии. Тогда же. Так что никто не помнит его достаточно четко.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что ваш друг, вполне вероятно, был довольно сообразительным вампиром.

Джордан отчаянно замотала головой.

— Нет, невозможно. Вы его не знаете. Он был самым добрым на свете, таким понимающим...

— Или он чертовски классный актер. Сделался копом. Поразительно удачный ход — сколько улик можно спрятать. Только подумать, как легко в таком случае избавиться от людей, проявляющих чрезмерное любопытство. И не дать уйти тем, кто стремится исчезнуть.

— Вы ошибаетесь!

— Я был бы счастлив за вас, если бы оказался не прав.

— Каким образом?

Рагнор развернулся и пошел прочь из комнаты. Джордан догнала его и схватила за руку. И тут же ее отпустила — она успела забыть, какие у него великолепно накачанные бицепсы.

— Что вы надумали?

— Придется произвести эксгумацию тела Стивена Мура.

Она вскрикнула и попятилась.

— Он сгорел! К тому же... Вы же не можете просто так взять и выкопать его! Для того чтобы получить разрешение на эксгумацию, потребуются дни, недели. Может, месяцы. А мне надо в Венецию.

— Мы будем на борту самолета уже в полночь, — сообщил ей Рагнор.

— Тогда...

— А в Чарлстон мы прибудем уже через несколько часов. Как только стемнеет...

— Вы собираетесь выкопать его без разрешения? — не веря своим догадкам, уточнила Джордан. — Нет, так нельзя. Говорю вам, он сгорел. Его похоронили год назад. Он глубоко в земле, в запечатанном гробу.

— Готов поспорить, что гроб пуст.

— Стивен никому не причинил зла! Мы просто потеряем время. Вы увидите — он точно там, в гробу.

— Конечно, мы увидим.

— Вы не сможете достать гроб из земли...

— У меня будут помощники. Лючан и Шон поедут с нами.

— Так что же, ваша тройца проберется на кладбище и выкопает гроб?

— Нас будет четверо. Вы тоже будете с нами и убедитесь в моих словах. Я не намерен выпускать вас из виду.

* * *

Они шли в ногу со временем.

Мэгги Кейнади по дороге в аэропорт заказала билеты по мобильному, по приезде в аэропорт — билеты из Чарлстона в Рим, а оттуда в Венецию. Мэгги ни на минуту не оставалась одна с детьми, одному из которых не исполнилось и года.

Ожидая, пока будут сделаны последние приготовления, Джордан оказалась наедине с двумя

женщинами.

— Вы все еще не в своей тарелке, — заметила Мэгги.

— Да, — согласилась Джордан. — Я прочла книгу вашего мужа. Я знала, что в мире происходит много странного, но до сих пор всею искала логическое объяснение. Я полагала, что есть непойманные убийцы, которые...

— Действительно есть, — перебила ее Джейд.

— И большинство из нас убивали в своей жизни, — пробормотала Мэгги.

— Но вы больше не вампир. Я ни разу не слышала о том, что вампиризм можно излечить.

— Существует очень древняя легенда о том, что если между вампиром и смертным возникает очень сильная привязанность, то кровопускание может вернуть смертность. В моем случае... существует очень длинная и запутанная история, чтобы ее можно было пересказать вкратце. Когда я встретила Шона... Ну, я подумала, что он жил раньше. Мы встретились здесь, в Новом Орлеане, и у нас завязались отношения, потому что один мой старый враг вдруг начал действовать, а Шону поручили расследовать дело. Я не знаю ответа на все вопросы, но в нашем случае легенда оказалась былью.

— Ладно. Вы были вампиром, а теперь стали смертной. А Джейд была смертной, а стала вампиром. Таким образом, вас нельзя назвать давней подружкой Лючана.

Джейд посмотрела на Мэгги.

— В ее голосе столько скепсиса. А для тебя разве все это не звучит вполне естественно?

— Я помню то время, когда ты всех нас считала безумцами.

Мэгги пожала плечами.

— Мне случилось встретиться с бандой террористов в Шотландии, изничтоживших туристов одного за другим. Вот тогда я встретила Лючана. Мне кажется, он верит в то, что я жила прежде, я же так не думаю.

— Но вы говорите, что вы теперь вампир, — повторила Джордан.

— Меня поймали в заключительном эпизоде с созданиями, терроризирующими склепы и подземелья Шотландии. С учетом того клейма, что я получила на всю жизнь... ну, это не важно. Лючан не пожелал становиться смертным. Он прекрасно знал, что происходит сдвиг, и видел свое предназначение в том... чтобы изменить мир к лучшему. Он отвечал за своих, он должен следить за тем, чтобы соблюдалось равновесие и...

— И защищать людей, — просто закончила Мэгги. — Джордан, мир черно-белый со всеми возможными оттенками того и другого цветов. Ты должна нам поверить — мы сейчас искупаем свою вину. Быть может, каждый из нас мечтает однажды попасть в рай. Я не знаю. Знаю лишь, что за последний год или около того многие из посвященных — проклятых или благословенных, как вам будет угодно, — образовали нечто вроде коалиции. Они ведут довольно обыденную жизнь, и когда случается сдвиг, борются сообща с ним. В любом случае вот они, пришли за тобой. Береги себя, доверься нам. Еще раз прошу, доверься нам!

Мэгги обняла ее как раз в тот момент, когда подошел Рагнор.

— Быстрее, нам пора на посадку.

Он повел ее в здание аэропорта, а Шон и Лючан попрощались с женами. Рагнор вел себя чрезвычайно сосредоточенно. Он ни за что не мог допустить, чтобы они опоздали на самолет.

Она сидела рядом с ним во время короткого перелета от Нового Орлеана до Чарлстона и все еще чувствовала себя разбитой, а он не захотел вести с ней беседу. Когда самолет приземлился, они сразу же отправились арендовать машину.

— Как насчет той машины, что я разбила вчера? — спросила она.

— Шон обо всем позаботился.

— Но...

— Он полицейский. Он все сделал, — повторил Рагнор. Несколько минут спустя они уже ехали в машине. Еще не совсем стемнело.

— Мы можем заехать ко мне, если хотите, — предложила Джордан.

— Нет, не стоит.

— Ладно, я знаю здесь неподалеку неплохой ресторан, — предложил Шон. — Южная еда, много жирного, но вам двоим, по-моему, беспокоиться насчет излишков холестерина не стоит.

Джордан попыталась улыбнуться шутке.

Она знала то место, куда они заехали. На окраине, совсем рядом с кладбищем.

Шон и Лючан заказали по жареному цыпленку, картофель, салаты и десерт. И еще вина к ужину.

Джордан решила, что, раз уж предстоит выкапывать тело человека, которого она любила, большой стакан вина ей не помешает.

— Только подумать, — заявила она за ужином, — в легендах говорится, что вампиры в еде не нуждаются, им нужна лишь кровь.

Рагнор серьезно взглянул на нее.

— Мы действительно любим есть мясо сырым.

— И как вам удастся... э... получать то, что вам необходимо для жизни? — испытывая определенную неловкость, спросила она.

— Мы довольно часто наведываемся в пункты сбора крови, — объяснил Лючан. — И кровь животных тоже сгодится.

— Но человеческая лучше, — прямо заявил Рагнор.

— Вы стараетесь заставить меня еще сильнее нервничать? — спросила Джордан.

Он наклонился к ней и заметил:

— Если бы я хотел отведать вашей крови, Джордан, я мог бы сделать это много раз.

— Не слишком доверчивая девушка, верно? — подтвердил Лючан.

— А почему я должна быть доверчивой?

Рагнор пожал плечами.

— Покинули угловой стол, — обратился он к Лючану и Шону.

Джордан начала отодвигать свой стул, но Рагнор мягко остановил ее:

— Не надо.

— Что вы им говорите? — спросила Джордан.

— Мы просто держим глаза открытыми.

— Зачем...

— Эй, я же полицейский. Я всегда должен бдеть, — объявил Шон.

Больше никто ей ничего объяснять не стал. Лючан попросил чек и оплатил его.

Когда они подъехали к кладбищу, Шон завел машину в высокие заросли у кромки очень старого участка захоронений.

— Сейчас ворота откроются, — сказал Рагнор, и они с Лючаном пошли ко входу. Они словно растворились в темноте. Еще мгновение, и Джордан услышала натужный скрип старых ворот.

Шон прихватил с собой большой мешок.

— Что, если здесь появятся местные полицейские? — спросила Джордан.

— Мы все закончим до того, как они успеют прийти, — заверил ее Шон. — Пошли.

За уже открытыми воротами ждали Рагнор и Лючан. Как часто бывает по ночам в Чарлстоне, по земле стелился густой туман. Джордан на мгновение прикрыла глаза. То, что им предстояло совершить, было сущим безумием. Туманной темной ночью она слонялась по кладбищу в компании весьма странного полицейского и двух самопровозглашенных вампиров.

Туман укутывал памятники на могилах. Херувимы, мадонны, склонив головы и молитвенно сложив руки, словно приветствовали друг друга.

Туман, казалось, жил своей жизнью: струился, причудливо извивался. Джордан оступилась о вывороченный камень, но Рагнор не дал ей упасть, вовремя подхватив под руку.

— Стивен — следующий по тропинке, — сообщила она спутникам.

Его похоронили на сравнительно просторном месте между двумя мавзолеями, воздвигнутыми еще до Гражданской войны. Джордан указала на могилу.

Надгробием Стивену служила плита черного мрамора, прочесть на ней что-то в темноте почти

не представлялось возможным. Однако у Лючана и Рагнора, как оказалось, проблемы с ночным видением не существовало.

Они остановились у могилы всего на пару минут, за которые Джордан с поразительной ясностью вспомнила тот день, когда она стояла здесь и слушала молитвы, которые читали над телом любимого.

Тогда шел дождь.

Небо было словно свинцом налито. И ей казалось, будто хоронят ее собственное сердце.

А теперь она позволила этим людям откопать его.

Она знала, что все равно не в силах их остановить.

Шон принес в мешке три лопаты. Теперь он их вынул, и все трое взялись за работу. Джордан стояла чуть в стороне, с удивлением наблюдая, с какой скоростью троица копала землю.

Джордан проглотила вязкую слюну — сырость пронизывала до костей, могильная сырость. Она закрыла глаза, представляя, как они достают гроб, запечатанный свинцом. Она не знала, какое приспособление принес сюда Шон, чтобы вскрыть гроб, как не знала, как ему удалось пронести подобное устройство на самолет, но не сомневалась в том, что небольшой задержке перед вылетом, когда делались «последние приготовления», они обязаны именно этому устройству.

Скоро покажется гроб. Джордан боялась, что дальше все пойдет по сценарию старых фильмов ужасов, которые регулярно показывают по телику. Сейчас они откроют гроб, и послышится надрывающий душу треск. А там будет Стивен, живой и здоровый, во всем великолепии парадного облачения. Он будет лежать с закрытыми глазами, сложив на груди руки, а потом он откроет глаза, но то будут не глаза ее Стивена, а красные зрачки дьявола...

— Мы дошли до крышки, — сообщил Рагнор.

Шон выбрался из ямы и, увидев глаза Джордан, постарался успокоить ее:

— Почти все кончено.

В сумке у него лежало нечто вроде ручного сварочного аппарата. Забрав его, он снова прыгнул в яму. Джордан услышала крик совы и невольно застучала зубами, оглядываясь.

Из ямы фейерверком взлетали красные искры — работал аппарат. И тогда, прислушиваясь к работе авторезки, она вдруг почувствовала, что за спиной у нее кто-то есть.

За ее спиной действительно стоял молодой человек в потертых джинсах и поношенной футболке с многозначительной надписью «Смерть в избавление», с длинными и неопрятными волосами. Выглядел он так, словно только что принимал участие в уличной драке.

Джордан не завизжала, она просто удивленно уставилась на юнца. И тогда он улыбнулся, показав клыки, которые преследовали ее в кошмарах. При жизни молодой человек мало заботился о своих зубах. Они выглядели подгнившими и желтыми и даже блестящие клыки имели зеленоватый оттенок.

Джордан открыла рот, но вначале ни звука не могла произнести. Затем ей удалось завизжать и даже залезть в сумочку, где лежал пузырек со святой водой.

Она швырнула в вампира пузырек, не уверенная в том, что он способен причинить ему вред.

К ее удивлению, вампир завизжал еще громче, чем она. Создавалось впечатление, будто в лицо ему брызнула не вода, а кислота — он пятился, прижимая ладони к щекам. Она услышала шипение, увидела, как облезает кожа с его лица...

Он оказался не один. Весьма потрепанного вида юная особа с торчащими во все стороны волосами выскочила у него из-за спины с проворством, достойным дикой кошки. Джордан плеснула на нее водой из припасенного в Венеции пузырька побольше. Но его оказалось недостаточно, ибо девушка продолжала наступать.

Но не успела она приблизиться к Джордан вплотную, как между ними вспорхнула черная тень. Джордан увидела, как Рагнор обретает плоть. Стремительный поворот — и девушка отлетела к дереву. Молодой человек катался по траве, визжа от боли. Девушка ошалело трясла головой, но затем вновь поднялась и с упорством бешеной собаки бросилась к Джордан.

Тогда Рагнор схватил с земли лопату. Джордан не смогла сдержать крик при виде того, как клинок лопаты вонзился девушке в горло. Джордан отвернулась — она знала, что голова, отделившись от тела, покатится по земле.

Лючан тоже выбрался из могилы. Он подошел к катающемуся по земле парню. Джордан отвернулась, не желая досматривать конец.

— Тут еще один подходит, — обратился к Рагнору Лючан.

— Бизнесмен из ресторана, — ответил Рагнор и, кивнув в сторону Джордан, заметил: — Я думаю, что у нашей истребительницы вампиров закончилась святая вода.

Шон кивнул, размял спину, подошел к Джордан. Двое других прыгнули в свежераскопанную яму. Еще через минуту Джордан услышала скребущий звук — будто кто-то царапает ногтями о доску. Они вскрыли свинцовый саркофаг. Затем послышался треск дерева.

Затем...

Тишина.

— Что там? — дрожащим от напряжения голосом спросила она.

Шон Кейнади обошел могилу и осторожно подвел ее к яме.

Он осветил фонариком содержимое гроба.

Там лежало тело. Сожженное, бесформенное. Без волос, едва узнаваемое человеческое обличье.

— Я говорила вам! — выдохнула она и попятилась. — Я вам говорила! Закройте крышку, дайте ему почить в мире! Ради Бога, оставьте его в покое! — Она отвернулась, готовая отойти от гроба, но внезапно остановилась.

Перед ней стоял приятного вида мужчина. В деловом костюме. Светло-русые волосы, красивые глаза, непринужденная улыбка.

Если не обращать внимания на длинные клыки.

Рагнор вспорхнул из могилы, будто его поднимали на невидимой платформе. Джордан вдруг поняла, что больше боится его, чем странного бизнесмена.

Пойдем со мной, — поманил ее новоявленный вампир. — Этот человек не знает, зачем создана женщина. А я могу показать.

Рагнор выступил вперед, Джордан зажмурилась и зажала ладонями уши, Шон подошел к ней, чтобы она спрятала лицо у него на груди.

— Слишком много всего сразу свалилось, верно?

— Прошу вас, заканчивайте побыстрее и давайте уйдем отсюда.

Позже, в машине, по дороге в аэропорт, Джордан спросила:

— А что будет с людьми, которых мы оставили на кладбище? И как насчет свежевскопанной земли над могилой Стивена?

— Полицейским придется поломать голову, — предположил Шон.

— Так как же...

— Сегодня мы больше ничего не могли сделать, — проговорил Рагнор.

Джордан не захотела сидеть с ним. Она предпочла сесть на переднее сиденье с Шоном, который был за рулем.

— Что ты думаешь по поводу наших гостей? — спросил у Рагнора Лючан.

— Новички, — презрительно пробормотал Рагнор.

— Согласен.

— Я думаю, их послали нас задержать, не более того. Или чтобы мы поверили, что нам предстоит иметь дело не с таким уж сильным противником.

— Парень с девушкой были чьими-то детьми, — пробормотала Джордан.

— Родители их и так уже потеряли, — тихо ответил Шон и, посмотрев в ее сторону, добавил: — Может, случившееся заставит тебя понять: такие вещи необходимо прекращать.

Рагнор тронул ее за плечо.

— Ты взяла с собой святую воду, и правильно сделала: против таких, как они, святая вода помогает. Но ты должна знать и другое: морская вода смертельна для вампиров.

— Морская вода?

— Да, для всех нас. А в Венеции полно каналов. Помни на случай, если...

Слово «если» ее напугало. И вдруг она поняла, что боится скорее не его, а за него.

На бензоколонке возле аэропорта они умылись. Они приехали в аэропорт загодя, и Джордан вдруг подумала о том, что тот, кто вкладывает деньги в их предприятие, действительно должен

иметь весьма солидный доход.

Все в последнюю минуту. Билеты первого класса. Самолет — «Боинг-777». Садясь со своими компаньонами в самолет, Джордан чувствовала себя примерно такой же оторванной от реальности, как когда присутствовала с ними на кладбище.

Она села рядом с Рагнором и принялась за шампанское. Он читал журнал «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт».

Где-то над Атлантикой она поняла, что устала достаточно для того, чтобы уснуть. Но до того как откинуть спинку кресла, раскладывающегося почти до горизонтального положения, она повернулась к Рагнору и пристально на него посмотрела.

— Вы верите в то, что я жила раньше?

— Никогда не думал. А почему вы спрашиваете?

Она покачала головой.

— Так, просто любопытно. Мэгги считает, что она встречала Шона раньше, что он был ее самой большой любовью много лет назад. И она говорила, будто Лючан убежден в том, что Джейд была кем-то еще.

Он опять углубился в чтение.

— Я многих людей встречал.

— Ну да. А в вашей жизни существовала одна большая любовь?

Он снова посмотрел на нее.

— Не хочется говорить вам, но если такая любовь и была...

— Продолжайте.

— Много, много лет назад ею была Нари.

— Ах вот как.

Она отвернулась. Ей стало неловко, она чувствовала себя совершенной дурой.

Потом ей показалось, что она почувствовала прикосновение его пальцев, гладящих ее по волосам. Да, ей не почудилось. Она услышала шепот на ухо.

— Грустно, да?

— Что именно?

— Что когда-то я так хорошо ее знал.

— Вы виделись с ней и в Венеции.

Он покачал головой.

— Лишь затем, чтобы остановить ее.

— Я думала, я была уверена... Не знаю, как сказать... Что вы с ней одного поля ягоды. Ну, в какой-то степени так и есть. Я думала, что вы с ней заодно. Один из ее последователей.

Он наклонился к Джордан, но лишь затем, чтобы тихо сообщить:

— Я ее уничтожу.

— Вы в самом деле это можете?

— Запросто. Очень скоро я скажу вам почему.

Она не собиралась выпытывать из него больше информации. Она крутилась в своем удобном кресле, стараясь уснуть.

Он положил ее маленькую подушку к себе на плечо.

Она спала до тех пор, пока в салоне не зажгли свет и стюардесса не предложила завтрак перед тем, как объявить посадку в Риме.

Итак, им предстоял еще один, последний, перелет. В Венецию они прилетели ясным утром.

И сразу подошли к стоянке водных такси. Джордан не пришлось напоминать Рагнору, зачем они вернулись. Он попросил водителя доставить их в больницу как можно скорее.

Морская вода! — вспомнилось ей.

Морская вода может уничтожить чудовищ.

Глава 21

В течение многих лет Нарю оставалась прекрасным компаньоном. Она была так близка к гибели в ту ночь, и, что бы там ни говорили древние законы, Эдгар, который уцелел в той битве, с радостью бы отрубил Нарю голову. Но она так плакала, так просила оставить ей жизнь, что даже у Лючана и Вулфгара дрогнуло сердце и они решили, что по закону не могут ни отрубить ей голову, ни бросить в огонь, ни вырезать сердце.

Итак, ей оставили жизнь. И последующие недели, месяцы, годы, десятилетия она провела, всеми силами стараясь доказать, что научилась верности, самоограничению и умеренности. Рагнор предпочитал проводить время далеко на севере, но она, казалось, ни о чем другом не мечтала, лишь бы только находиться рядом с ним.

Войны начинались и заканчивались, миром правили разумные и щедрые, а потом вновь жестокие и безжалостные. Всякий раз восстание против старого господина заканчивалось тем, что вместо убитого лорда приходил другой, весьма на него похожий.

Но когда король Филипп Французский призвал своих вассалов в Великий крестовый поход, Рагнор решил покинуть северный остров, который служил ему домом много лет, и отправиться с воинами Филиппа. Нарю одобрила его выбор и последовала на Святую землю вслед за ним. Путешествие приятно возбуждало: ему нравились различные страны и земли, что встречались им на их пути в схватке с неверными, — Франция, Испания, Италия. Особенно поразила его Италия: римляне оставили после себя столь чудесные произведения искусства — скульптуры, здания. Он часто с восхищением задумывался над тем, сколь многого достигли древние цивилизации. Поражало, что ни знания, ни величие, ни изобилие не спасли их от

исчезновения. Разумеется, варварские племена тоже сыграли свою роль, и все же... Нарю удивляло его любопытство, его интерес ко всему новому, что видели они на пути к Святой земле. Она была знакома и с Италией и с Римом времен Великой империи. В Италии она призналась ему, что для нее приезд сюда стал словно возвращение домой, поскольку, рожденная на Востоке, она ребенком провела несколько лет в Италии.

Восток поразил его не меньше, чем западные земли. Люди Востока оказались на редкость учеными и верили в Аллаха так же истово, как христиане в своего единого Бога.

Но и горячие пески пустыни, и не менее жаркие битвы всегда ставили его перед выбором принимать ту или иную сторону. Случались победы, были и поражения, и Рагнор сражался с тем же пылом, что и любой другой крестоносец, и убивал, ибо убийство в бою — священный долг каждого рыцаря. Таким, как он, нужно видеть врага в лицо и убивать.

Иногда враги шли на переговоры, и тогда Рагнор часто оказывался среди предводителей похода, встречавшихся с представителями правителя арабов Саладина. Шатры врагов поражали своей роскошью, особенно красивыми были ткани. Во время одной из таких встреч Рагнор встретил человека, в котором тут же узнал себе подобного. Когда переговоры закончились ничем, Рагнор встретился с темнокожим парнем возле шатра.

— Твои христиане пропадут здесь, — предупредил его парень. Оба готовы были сесть на лошадей и разбежаться в разные стороны. — Я с нетерпением жду предстоящей битвы, ибо нет ничего приятнее на вкус, чем крестоносец, убитый в тот момент, когда он стремится захватить землю, на которой живет мой народ.

— Нет ничего приятнее на вкус человека, который верит в то, что его Бог оказал ему честь убивать других, — ответил Рагнор.

Араб пожал плечами и широко улыбнулся.

— В самом деле, мы просто любим вкус битвы, а что может лучше подойти в качестве оправдания потакания своим желаниям, чем война за священные идеалы?

— Такие войны будут всегда.

— Точно. Слава Аллаху и твоему Богу за то, что это так! — заключил араб.

Звали его Али Эбан, и в тех битвах, что последовали за их встречей, он заявил о себе как о неустрашимом и отважном бойце, и воины-христиане отзывались о нем с большим уважением. И даже сильные мира сего, в том числе и король Ричард Английский, сеяли смерть, упиваясь убийством, и посему, какие бы излишества ни позволяли себе Рагнор и Али, они оставались незамеченными на фоне всеобщей оргии смерти.

Однажды ночью, вернувшись на поле битвы, Рагнор обнаружил араба Али, который тоже находился там и впивался в тело еще живых с восторгом и сладострастием, не заботясь о том, что кто-то может застигнуть его за таким странным для человека занятием. Заметив Рагнора, подошедшего к нему вплотную, и оценив силы противника, которого не так легко взять, араб отступил, не забыв напомнить Рагнору о законе древних.

— Хватая своих, тех, которым все равно не выжить, не трогай тех, кто еще может подняться, — проговорил Рагнор.

Али кивнул, принимая условие. Нарю стояла рядом с Рагнором и ушла вместе с ним. Она

ласково говорила с теми, кто был близок к смерти, скрашивая нежным словом путь на небеса. В ту ночь она вернулась с Рагнором в их лагерь, лагерь крестоносцев, и любила его страстно и самозабвенно, как никогда.

Утром она исчезла.

Он искал ее многие месяцы. И когда он застал ее с Али, пирующей ночью на поле брани, забрал ее с собой.

Она снова кричала и плакала, но он не внял ее крикам. Он завернул ее в саван и проткнул ей сердце осиновым колом. Он нашел в одном древнем городе самую древнюю церковь и заплатил человеку, знакомому со священником, чтобы тот проследил за тем, чтобы ее уложили в каменный склеп как можно глубже под землю.

Нари не могла справиться с собственной природой. За все годы она так и не научилась обуздывать свои желания. Пока она была с ним, она могла смириться с ограничениями, что накладывал на нее он, но при каждом удобном случае предавала — стоило лишь появиться новой стае, с которой можно убежать.

Потом Рагнор встретил Нарю еще раз.

В те годы у него завязались отношения с молодой французской графиней, которая хотела решительно избавить своих соотечественников от слишком близкого контакта с недоброй памяти изобретением доктора Гильотина. Французская королевская семья демонстрировала свое презрение к массам слишком явно, но адская машина революции была пушена в ход и все набирала обороты, рубя головы слишком многим невинным. Казалось невозможным остановить наводнение жестокости.

Рагнор был рад возможности очередного приключения, учитывая благородство цели — выкрасть из тюрьмы невинных. Забавно увидеть ужас тюремщиков, обнаруживших пропажу своих жертв.

Он пробрался в Бастилию однажды ночью, чтобы забрать у тюремщиков ключи и слегка пустить кровь охранникам — взять ровно столько, чтобы они потеряли сознание. Он вошел в камеру и увидел, что его старая возлюбленная Наря находится среди пленников — разбитая и подавленная, спит на полу. Вначале он не узнал ее, но другая пленница — девушка, съезжившаяся у стены как можно дальше от Нары, — поведала ему, что женщину зовут графиня Арабелла и что она пойдет под гильотину за издевательства над слугами.

— Издевательства?

— Она была замужем за лордом д'Аржентином. О нем говорили, будто он не человек, а чудовище, но однажды отец крестьянской девушки, над которой он надругался, обезумел от горя и изрубил его в куски серпом. Но графиню гнев народа не остановил. Будучи замужем за человеком королевской крови, она находилась под защитой короны, и правосудие над ней оказалось невластно: судьи сделали вид, словно у них нет доказательств того, что она забавлялась, убивая своих слуг, — рассказывала девушка. — Молю вас, спасите меня! Я такого ужаса здесь натерпелась. Если она проснется и найдет меня... Тогда я готова благословить гильотину! Пока она не успела до меня добраться, поскольку ее притащили сюда еле живую. Если вы должны спасти ее, добрый господин, оставьте меня здесь, ибо лучше умереть, чем жить рядом с такой, как она!

Рагнор задумался. До него доходили слухи о лорде д'Аржентине и графине Арабелле, знатной

даме, которую считали повинной в исчезновении многих юных служанок и слуг.

Прошла не одна сотня лет, а он продолжал чувствовать старую боль.

И все же он повернулся и пошел прочь. Он знал, что Нари пойдет под нож по справедливости.

— Пошли, сегодня мы отправляемся в Англию, — позвал он девушку и вывел ее из камеры.

Потом он все прислушивался к себе. Он думал, что почувствует тот миг, когда на шею Нари упадет нож и прервет ее существование навечно. Но он ничего не чувствовал.

Потом, многие годы спустя...

Он проснулся. И понял.

Нари вернулась.

Глава 22

Рагнор задавал вопросы у регистрационной стойки больницы, объясняя на итальянском, что Джордан — ближайшая родственница Джареда Райли.

Однако подниматься наверх он с ней не стал. Он сказал, что они с Лючаном должны уехать, но ей беспокоиться не о чем, Шон будет рядом. Он коснулся креста, что висел у нее на цепочке, и улыбнулся.

— Против тебя он не работает, — пробормотала она.

Он улыбнулся.

— Я люблю такие красивые вещицы.

— Они что-то для тебя значат?

На самом деле да. У меня был друг, один из самых больших друзей в жизни, аббат. Он научил меня чувствовать себя в безопасности в церкви и научил своей вере. Но все равно носи его — он того стоит. Он может помочь тебе сохранить себя.

— Он может остановить таких, как Нари?

— По крайней мере он может ее задержать.

— Я должна знать еще что-то?

— Да. Такие, как Нари, не могут находиться в освященном помещении. Если почувствуешь опасность на улице, иди в церковь. К счастью, в Венеции, насколько я помню, их сотни две.

Джордан улыбнулась.

— Я помню.

Шон взял ее под руку, и они вдвоем пошли наверх, в палату Джареда. Шон сказал, что будет ждать ее в коридоре, возле двери — на случай, если он ей понадобится.

Джордан вскрикнула, увидев Джареда. Лицо его было серым как пепел. Из капельницы сквозь

иглу, воткнутую в руку, текла кровь. Он выглядел так, будто был уже мертв.

— Ты вернулась.

Джордан обвела взглядом палату и увидела Синди. Она сидела, бессильно свесив руки, на стуле в углу.

Синди выглядела не лучше Джареда. Почти такая же бледная, как ее муж, с потускневшими волосами. Кофта на ней была застегнута не на те пуговицы.

— Вот я и вернулась, — сказала Джордан, гадая, как поступит Синди, если она подойдет и обнимет ее.

Но она напрасно опасалась, что Синди выгонит ее прочь. Она не держала зла на сестру мужа. Синди разрыдалась.

— Я так его люблю! — воскликнула Синди, глядя на Джареда безумными, воспаленными от бессонницы глазами. — Я думала... Нет, я уверена, что у него был роман с графиней. Но я люблю его. — Синди схватила Джордан за руку. Зрачки ее были сильно расширены, как от страха или боли.

Джордан поняла, что ее напичкали транквилизаторами.

— Он умирает из-за нее, из-за той женщины.

— Он не умрет, — убедила ее Джордан. Хотелось бы ей, чтобы голос ее звучал более уверенно.

— Я вызвала полицию. Они собираются приехать и поговорить со мной. Я не хочу его оставлять, но раз ты приехала... Если он шевельнется, позови меня.

Конечно.

Джордан осторожно высвободила руку — Синди сжимала ее так, что сделать это оказалось нелегко, — и подошла к кровати Джареда.

Он по-прежнему казался мертвым, но вдруг помотал головой и зашевелил губами.

— Джаред, все будет в порядке, — успокоила его Джордан. Слезы текли у нее по щекам. — Джаред, тебе дают кровь. Ты оживешь. Тебя вылечат.

Она испугалась, когда он внезапно схватил ее за запястье. Глаза его открылись.

— Джордан! — Он слабо улынулся. — Прости меня. Синди... никогда меня не простит. Полиция... Нет, уже слишком поздно. Господи... Нет, Бог меня никогда не простит.

Джордан погладила его по лбу.

— Джаред, все будет в порядке.

— Нет... Я умираю.

— Нет, уже нет. Ты не умрешь.

Синди услышала его и поднялась со стула. Джордан подвинулась, чтобы жена могла подойти

ближе. Синди снова плакала.

— Джаред, не смей умирать. Я люблю тебя, я прощаю тебя. Я позабочусь о том, чтобы злая графиня умерла.

Джордан смотрела, как она наклонилась к Джареду, как крепко обняла его. Он перестал говорить. На мгновение Джордан показалось, будто и ее собственное сердце остановилось. Затем она заставила себя посмотреть на монитор. Пульс его был медленный, но стабильный.

Он все еще дышал.

В дверь осторожно постучали. Джордан посмотрела туда. На пороге стоял Роберто Капо. Джордан вскрикнула от приятного удивления и пошла ему навстречу. Он жив и здоров. Да нет, не совсем здоров. Он сильно похудел, и нос у него был красный. Когда она захотела его обнять, Роберто поднял руку в знак предупреждения и чихнул в платок.

Но Джордан все равно обняла его.

— Ты жив, как хорошо.

— Жив и надеюсь скоро поправиться. Прости, что заставили тебя поволноваться.

Они вышли за дверь. Шон стоял в коридоре возле палаты, как и обещал.

— Шон, позволь представить...

Мы уже познакомились, — перебил ее Шон.

— Американский полицейский, — угадал Роберто.

— Точно, — подтвердила она и улыбнулась.

— Мы узнаем всю правду о графине, верно? — подтвердил Роберто.

— Да.

Роберто взял Джордан за обе руки и со вздохом сказал:

— Я пришел сюда, чтобы поговорить с Синди. Она почему-то уверена, что Джаред заболел из-за графини. И я пришел, чтобы она рассказала мне все, что думает.

— Слава Богу, что прислали тебя, а не Альфредо, — пробормотала Джордан.

Роберто пожал плечами.

— Альфредо тоже здесь, ждет в приемной.

Джордан подумала о том, что сейчас Синди совсем не готова к скептической манере общения Альфредо. Она посмотрела на Шона.

— Может, тебе стоит представиться еще одному итальянскому копу и рассказать...

Шон выразительно приподнял бровь.

— И рассказать о некоторых убийствах в Америке.

— Разумеется, существует только одна загвоздка...

— Альфредо прекрасно говорит по-английски. Шон облегченно вздохнул.

— Конечно.

— Спасибо, — прошептала Джордан.

Шон спустился в приемную на первом этаже.

— Роберто, может, ты мог бы поговорить с Синди здесь, без Альфредо. Она... Ей дали успокоительное, как мне кажется. И она не слишком адекватна.

— Конечно.

Джордан зашла в палату.

— Синди, Роберто здесь.

Синди подскочила.

— Я все ему расскажу. Они должны арестовать эту женщину.

Синди вышла вместе с Роберто, а Джордан снова присела рядом с Джаредом. Она смотрела на монитор. Потом перевела взгляд на лицо кузена. Погладила его по щеке. «Не умирай! — мысленно приказала она ему. — Я знаю, что в тебе нет зла, ты находился под влиянием чудовища и ты не тот Джаред, что был прежде, и уже не можешь стать собой».

Ей показалось, или он действительно чуть порозовел?

Дверь снова открылась. Зашел Роберто.

— Она... сошла с ума. Она убежала, и я пойду за ней.

Джордан посмотрела на Джареда. Шон все еще находился здесь, в приемной с Альфредо.

Джордан выскочила из комнаты следом за Роберто, через коридор к лифту. Она видела, как он покачал головой, глядя на мелькающие цифры. Он свернул на лестницу, Джордан следом. Но, несмотря на то, что бежали как сумасшедшие, они не успели — Синди уже выбежала из лифта.

— Она... совершенно неуправляема. Я боюсь за нее.

— Боишься, что она может себе навредить?

— Какого дьявола Синди понадобилось убежать из больницы?

— Смотри... Синди.

Синди бежала к пристани, где была стоянка такси.

— Остановитесь! — крикнул ей вслед Роберто.

Слишком поздно. Синди успела прыгнуть в катер.

— Мы должны последовать за ней! — воскликнула Джордан и, схватив Роберто за руку,

побежала к пристани. Перед ними уже стояла очередь из туристов.

— Нет, — обреченно выдохнула Джордан.

Роберто вытащил удостоверение и, решительно выкрикивая: «Полиция!», потащил Джордан за собой вперед.

Они прыгнули на следующий подошедший катер. Роберто что-то сказал водителю.

Катер стремительно выскочил на открытое пространство, но когда, следуя за предыдущим такси, они стали многократно поворачивать в узких каналах, ход пришлось замедлить.

— Куда она едет? — недоуменно спросила Джордан.

— Я знаю куда. Она едет в церковь, расположенную недалеко от трамвайной.

Джордан посмотрела на него и внезапно что-то почувствовала.

Недоверие!

Водное такси причалило к пристани. Пока Роберто говорил с водителем, Джордан пустилась в бегство. Обогнув площадь, она нырнула в узкую улицу, пристально вглядываясь в окружающие ее здания. Она увидела указатель со стрелкой, пошла в этом направлении и с облегчением вздохнула, заметив на двери церкви расписание служб. Направилась прямо туда, пройдя мимо кафе с немногими посетителями.

Кувшин с вином был выставлен на столе прямо на улице у входа. Джордан чуть не сбила его, пролив несколько капель на скатерть, — так торопилась попасть в церковь. Она лишь молилась о том, чтобы ее никто не увидел.

И вот она уже внутри. В церкви оказалось довольно много людей, все сидели с опущенными головами и молились.

Джордан огляделась в поисках сосуда со святой водой, увидела, подошла и наполнила свой пузырек. И тут взгляд ее упал на пастора. Тот, нахмурившись, шел к ней. Она торопливо вытащила крест:

— Я католичка, святой отец, клянусь вам!

С наполовину наполненным пузырьком она бросилась бежать из церкви и тут же едва не наскочила на мужчину. Она извинилась, но тот в ответ нервно рассмеялся.

Перед ней стоял Рафаэль.

— Джордан! — радостно воскликнул он. — Я слышал, что ты уехала из Италии и что твой кузен болен. Прими мои соболезнования...

— Спасибо. Но ты должен мне помочь. Синди в опасности.

Джордан схватила его за руку.

— Рафаэль, здесь полно вампиров, и я не сумасшедшая. Графиня входит в число... кровососущих. Я боюсь, что даже полицейские могут быть из их числа. Пошли скорее!

Рафаэль не спешил бежать следом, и ей пришлось чуть ли не силой тащить его.

— Куда идти?

— В секуляризованную церковь. Пожалуйста, помоги мне!

Рафаэль глубоко вздохнул, но позволил ей потащить себя следом.

— Здесь будет быстрее.

— Нет, мне вначале надо...

— Что? Что тебе надо?

Она увидела пустой мусорный бак возле дверей какого-то офиса. Сойдет.

— Мне нужна вода. Вода из канала.

— Джордан, прошу тебя, позволь мне купить тебе что-нибудь выпить...

— Мне нужна вода из канала. Держи! — Она протянула ему пузырек со святой водой, а сама взяла бак и наполнила его водой из канала.

Нелегко бежать, не расплескав воду, но Джордан старалась двигаться как можно быстрее. Рафаэль еле поспевал за ней.

И вот показались церковь. Джордан не спешила войти, остановилась у двери. Казалось, все здание окружено тенями. Она чувствовала очень странное холодное дуновение. Она закрыла глаза, и ей почудился шепот.

Крылья в ночи.

Синди была там — Джордан не сомневалась.

Она поднялась по ступеням. Рафаэль шел следом. Внутри не горело ни одной свечи — полная темнота. Внезапно у нее за спиной вспыхнул яркий свет, осветив проход.

— Ты притащила сюда ведро холодной воды, а я вооружился куда более полезным предметом — фонарем, — уведомил Рафаэль.

— Отлично, освети мне путь.

Он сделал так, как она просила.

Джордан направилась к гробу, что стоял напротив алтаря. Она подошла, опустилась на колени и заглянула внутрь.

Синди лежала внутри.

Джордан испугалась, хотя и предполагала увидеть ее здесь. Теперь надо было дотронуться до Синди, чтобы убедиться, что голова ее отделена от туловища...

— Она дышит.

— Нам надо ее оттуда вытащить. Но до того, как Рафаэль или Джордан успели пошевелиться,

раздался голос со стороны входа.

— Вот вы где!

Голос Роберто Капо звучал весьма сердито.

Джордан выхватила из рук Рафаэля склянку со святой водой. Роберто направился к ней, и она плеснула ему в лицо из пузырька.

Вода потекла у него по лицу. Он остановился, ошалело потряс головой и вытер лицо. После чего выругался по-итальянски. Фраза кончалась возгласом «Americana!».

— Роберто, прости. Я думала, что...

И вдруг она похолодела от страха, онемела, не успев закончить фразу. Кто-то еще, что-то еще происходило здесь. Она медленно повернулась лицом к Рафаэлю и плеснула святой водой и ему в лицо.

Джордан! — раздраженно воскликнул он, вытирая лицо.

— Немедленно прекрати! — решительно заявил Роберто и полез в карман.

На мгновение Джордан подумалось, что он собирается достать оружие. Он вытащил мобильный телефон.

— Я звоню в главное управление. Вы все...

— Послушай, ты, Синди в гробу! — проговорила Джордан.

— Я звоню в главное управление, — повторил Роберто и раскрыл телефон.

Но до того, как он успел набрать номер, все они встrepенулись от внезапного трепета крыльев, от какофонии звуков, становившихся все громче и громче. Тени, казалось, нависли над ними. Тени чернее самой темноты.

— Летучие мыши, — пробормотал Роберто, глядя на телефон.

Тень опустилась.

Телефон выпал у него из ладони.

Он стремительно обернулся к входу.

По проходу к ним шла сама графиня Нари Триесте в черном карнавальном плаще с капюшоном, с распущенными волосами, струящимися по спине. На ее лице играла улыбка приятного изумления. Она остановилась в нескольких футах от них.

— Глупый, глупый человечешко. Неужто ты можешь вызвать полицию за мной! — Подойдя к Роберто, она дала ему оплеуху, особенно не замахаясь, будто хотела муху пришибить.

Но Роберто от удара отлетел на пару шагов и ударился спиной о колонну.

— Вы, вы... — заикаясь от возмущения, повторял Роберто.

— Что, язык проглотил? Или забыл английский? — с издевкой поинтересовалась Нарі.

Рафаэль оцепенел. Придя в себя, он протянул руку к пузырьку со святой водой, что сжимала Джордан. Джордан послушно разжала ладонь. Но рука Рафаэля задрожала, и пузырек упал на пол и покотился по проходу.

И вновь графиня расхохоталась.

— Как мило с вашей стороны, — сделала она шаг навстречу Рафаэлю. Легкий толчок, и он опять отлетел в сторону.

Рафаэль тяжело упал на пол. Джордан видела, как он, застонав, попытался поднять голову, но снова упал.

Ах, моя дорогая Джордан! Вот мы и вместе наконец! Такой день стоит отметить.

— Какая вы все-таки мерзкая сука, — бросила ей Джордан. У нее оставалось последнее оружие — ведро с морской водой.

Нарі пожала плечами.

— Я Диана, богиня охоты! — заявила она. — А охочусь я, милая, за тобой.

Нарі подняла руки, устремив их к поперечным балкам, подпирающим свод. Сверху послышался трепет крыльев.

И тогда стали спускаться тени. Десятки теней. Они опускались на пол и медленно обретали форму, окружая Джордан.

Существа были в капюшонах и масках. В карнавальных масках. На некоторых застыло выражение скорби или веселья — традиционные маски старого венецианского театра. Некоторые напоминали те, что носят на родине Джордан в канун Дня всех святых, — волков, инопланетян, чудовищ...

Джордан в страхе озиралась. Круг сужался.

Они подходили все ближе...

Джордан выжидала и, решив, что миг настал, плеснула вокруг себя морской водой из ведра.

Удивлению ее не было предела, когда то создание, на которое попала вода, завизжало и попятилось в ужасе.

Послышалось шипение, и порождение тьмы стало таять прямо у нее на глазах.

Все присутствующие уставились на тающего монстра, превращавшегося в черную лужицу на полу. Все, в том числе и графиня. Нарі перевела взгляд на Джордан. Встретилась с ней глазами, и в них Джордан увидела удивление, сменившееся гневом.

— Взять ее, — тихо приказала графиня.

Гвардия графини не торопилась выполнять приказ.

— Взять ее! — завизжала графиня.

Джордан принялась плескаться в них водой, но остановить их не могла. Маски визжали, стараясь смахнуть капли, что касались их, но продолжали наступать.

Настало время снимать маски. Один за другим черные фигуры в балахонах стали открывать лица. На первый взгляд обычные люди — мужчины и женщины, молодые и не очень, обнажив зубы, кто в улыбке, кто в оскале, принимали вид вампиров, монстров. Они рычали и скалились и все ближе подходили к ней.

Джордан плеснула остатки воды в одного из них. Он растаял, обратясь в темную лужу, но все остальные уже могли дотянуться до нее.

Джордан завизжала, когда множество рук протянулось к ней. Она приготовилась к тому, что сейчас придется вытерпеть адскую боль. Сейчас они вопьются в нее клыками...

Но ни один из них не прокусил ей кожу. Ее подняли и, не обращая внимания на отчаянные попытки высвободиться, понесли к алтарю. Она продолжала визжать, дрыгать ногами, извиваться, но ее уже связывали по рукам и ногам. Связав ее, монстры отступили.

Очевидно, ее приготовили на ужин самой графине, подумала Джордан.

Но Нарі просто подошла к алтарю и встала перед гробом, где лежала, погруженная в глубокий сон Синди. Сон стал для нее спасением, поскольку она не видела всего происходящего.

И тогда, повернув голову, Джордан обратила внимание на него.

Дотторе.

Тот самый, что постоянно попадался ей на пути в Венеции. Тот самый, за которым она шла.

Тот самый, который преследовал ее.

Он медленно подошел к ней, и Джордан почувствовала, что от него веет запредельным холодом, не шедшим ни в какое сравнение с тем, что ей доводилось испытывать раньше. Ужас пополз у нее по спине, пробирая до костей, ужас сильнее, чем страх самой смерти.

Он приближался, он подходил все ближе и ближе.

И вместе с ним надвигалась тьма. Могильная тьма. Холодная, черная...

Зло.

Он отодвинул Нарі в сторону небрежным жестом и вплотную подошел к Джордан. Вынув из-под плаща руку в перчатке, он погладил ее по лицу. Джордан внутренне сжалась. Она завизжала бы от отвращения и страха, но голос у нее пропал.

— Привет, Джордан, — нежно поздоровался он.

И снял маску дотторе.

Она вскрикнула. Удивление оказалось настолько сильным, что страх отступил.

Стивен! — прошептала она.

Да, то был он и не он. Тот, прежний, Стивен заразительно смеялся, ласково шутил, и лицо его

отличалось живостью, а под кожей пульсировала кровь...

Теперь глаза его светились красным цветом, как тлеющие уголья. Лицо, стянутое как маска, было неподвижно, и рот, тот самый, чувственный, всегда готовый к улыбке, кривила циничная и жестокая ухмылка.

— Во плоти, можно сказать.

— Невозможно. Я... мы... они...

— Ты выкопала мою могилу, и я был там. Джордан, подумай хорошенько! Другой труп, обгорелый до неузнаваемости, легко сошел за мой.

— Я... Нет! — прошептала она. — Ты же был полицейским! Ты умел так сострадать людям...

— Ты считала меня таким хорошим? Ну что же, ты ошибалась. Мне стало скучно, и, поскольку я боялся, что мои похождения в Европе не останутся незамеченными, решил сменить имя и место жительства. Я не хотел, чтобы меня заметили. Тогда не хотел. О, я помню того славного парня — Стивена Мура. Образцовый парень. Порядочный. Я наслаждался им и его весьма добропорядочной семейкой. Да, тогда я доставил себе массу удовольствия. Затем я взял себе его имя и приехал в Новый Орлеан. Ты была неподражаемой. Столько страсти и жажды жизни в такой компактной симпатичной упаковке. Конечно, ты, как оказалось, принесла мне больше боли, чем я мог представить, да... Ерунда. Все хорошо, что хорошо кончается. Верно?

— Как это кончается, Стивен? — холодно поинтересовалась она. Джордан понимала, что конец для нее знаменует его появление. Ошеломленная, шокированная сверх всякой меры, сейчас... она не могла с ним даже бороться.

Она могла лишь ненавидеть его.

— Какой конец? Единственно возможный, конечно. Ты станешь одной из нас. Одной из нас! Причем не рядовых нас, а наделенных немалой властью! Ты станешь охотницей. Сильнее, лучше, чем раньше. Сейчас ты соединишься со мной. Джордан, ты помнишь, как нам было хорошо? Так вот, нам будет еще лучше. Ты маленькая дурочка! Чью сторону ты приняла? Моих жалких бессильных врагов! Они ничто в сравнении с тем пиром плоти и духа, с тем восторгом упоения, который тебе предстоит узнать. Мы хозяева. Мы хищники. И ты будешь со мной. Они заточили меня в стальной саркофаг в Югославии, и там я долго пролежал. А потом случилось землетрясение. Добрые люди явились меня спасти. Я страшно проголодался. И мои спасители оказались весьма вкусными и питательными. Я долго бродил по свету, снова встретился с моей дорогой Нарис... и нашел тебя. Все выглядело вполне обыденно. Нарис понравился Джаред. Джаред почти убил Синди. И хотя тебе удалось ускользнуть от меня на балу, а потом у тебя в номере, да и на улицах Венеции тоже, теперь уже тебе от меня не сбежать. Я соскучился по тебе, любовь моя, и намерен, чтобы мы были вместе.

Он медленно наклонился к ней, проявляя необыкновенную нежность. Она помнила, как он был нежен в любви. Он остался почти прежним...

Но тут он открыл рот. Показались клыки, блестящие от слюны. Они были длиннее, острее, чем у других... Она смотрела на них. Потом закрыла глаза, сжала зубы и принялась молиться.

Он удивленно воскликнул и отстранился. Джордан широко распахнула глаза.

Спустилась еще одна тень. Тень огромных размеров, накрывшая все пространство церкви.

Рагнор.

Он оттащил от нее Стивена. Теперь Стивен и Рагнор стояли лицом к лицу.

— Оставь ее, — сказал Рагнор.

— Это Стивен, — выпалила Джордан. — Ты был прав.

— Да, Стивен, но не Стивен. Хаган, черт тебя возьми, оставь ее.

Стивен засмеялся.

— Ты в самом деле не догадывался, что это я? Хорошо я все устроил. Тебе не удалось меня разгадать. Ты думал, что я все еще надежно упрятан в землю? Нет, я на воле и пью кровь — много крови! Я силен, настолько силен, что тебе и не снилось.

— Последний раз прошу — оставь ее.

— Нет, братец. Она моя. Я всегда умел находить общий язык с женщинами.

— Брат? — прошептала Джордан, отчаянно стараясь освободиться от пут.

— Сводный брат, — уточнил Рагнор. — Я мог бы догадаться. Последнюю тысячу лет он только тем и занят, что пытается меня уничтожить.

Ты ее не интересуешь, брат. Говорю тебе — я всегда умел переманивать твоих женщин.

— Ты имеешь в виду Нарю? Ну, она оказалась не таким уж ценным сокровищем. Но что касается Джордан, Хаган, ты ее никогда не получишь.

Рагнор улыбнулся Джордан. Она почувствовала, что к ней возвращается уверенность в хорошем исходе. Вера в лучшее крепла. Пожав плечами, Рагнор усмехнулся. Человека, которого он называл Хаганом, Джордан знала как Стивена.

— Ты всю жизнь отравил себе завистью. Всегда мне завидовал. Зависть доведет тебя до конца. Но твой конец не в Валгалле, а в аду, Хаган. В аду, или как ты там привык его называть.

— Я так не думаю.

— Я так думаю. Слишком часто нарушались древние законы. Ты умрешь своей второй смертью, и все будет кончено.

Джордан сжалась от боли и удивления, когда Хаган схватил ее за руку и рывком поставил на ноги. Рывок его был так силен, что узлы на веревках лопнули, он не только поранил ее, но чуть не сломал кости. Он приподнял волосы с ее шеи. Она чувствовала жар его дыхания. Он прикоснулся к ее шее зубами.

— Смотри, брат, — проговорил он. — Я беру ее в вечность.

Прямо перед собой Джордан увидела на полу пузырек со святой водой. Он застрял между двумя плитами пола.

Джордан ударила его локтем под ребра и быстро нагнулась за пузырьком. Как мало! Всего несколько капель. Но она успела плеснуть оставшуюся воду ему в глаза.

Хаган взревел от боли.

Джордан бросилась в объятия Рагнора. Он схватил ее за плечи, посмотрел ей в глаза. И осторожно отодвинул в сторону.

Рагнор подошел к Хагану. Он почувствовал, что к нему направляются, и взмыл вверх, приземлившись на потолочные балки. Рагнор взмыл следом. Наряду вдруг изогнулась и взлетела следом за Рагнором.

Он толкнул ее и она тяжело упала на пол. Физически ощутимая плотная волна прокатилась под потолком, когда Хаган крикнул своим приспешникам:

— Хватайте его, убейте его, вы, идиоты! Я наполовину ослеп.

Но Рагнор успел вернуться на пол до его громового крика. Стронники Хагана наступали, и Рагнор расшвыривал их одного за другим. Он просто хватал их за голову. Поворот... Хруст... И головы отлетали прочь.

Кто-то подлетел к нему из бокового нефа с мечом в руке. Но Рагнор обладал стремительной реакцией.

Внезапно тени стали множиться. Обретали плоть. Джордан наклонилась, закрыла руками голову. Казалось, старинная церковь кишела летучими мышами.

Писк, трепет крыльев, шелест, напоминающий шепот, затем быстрый разговор, становящийся все громче и громче, пока не начало гудеть в ушах.

Внезапно дверь в церковь широко распахнулась. Вошел Шон Кейнади, увешенный пузырьками со святой водой, с мечом на поясе и ведрами с морской водой в обеих руках.

Он лил воду, не жалея, расплескивал вокруг.

Крики смертельной агонии надрывали душу. Джордан зажала ладонями уши, быстро читая молитвы. Она успела поднять глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как тень перед ней обрела форму.

Она повернулась и бросилась бежать к Шону, сорвала у него с пояса пузырек и плеснула водой на того, кто собирался напасть на нее, а потом, не в силах пошевелиться, смотрела, как с шипением тает тень, превращаясь в лужу.

Внезапно шум стих.

Пол был усеян трупами.

И тогда здание завибрировало, задрожало крупной дрожью. Джордан подняла глаза вверх. Там, под потолком, бились Рагнор и Хаган. Шон шагнул ближе к алтарю, но Лючан взял его за руку.

— Нет, Рагнор сам должен его прикончить.

Тени вновь спустились на землю.

Братья в гневе взирали друг на друга.

— Кто хочет жить вечно? — тихо спросил Рагнор.

Хаган взревел и бросился на него. И допустил ошибку.

Рагнор наклонился и схватил брата за голову, словно хотел впечатать его в стену.

Раздался треск. Омерзительный. Громкий. И тогда то, что было у Рагнора в руках, обратилось в истлевший скелет, рассыпавшийся в прах на полу. Рагнор смотрел на свои руки.

Где-то сбоку от прохода послышался шум. Джордан оглянулась. Нарю очнулась и собиралась улизнуть. Джордан, тяжело дыша, бросилась к двери.

Она поздно поняла, что не имеет против Нарю никакого оружия.

Рагнор шел по проходу. Нарю повернулась к нему.

— Рагнор! Как мог ты забыть, кто мы были друг другу.

— Время, моя дорогая, прекрасный лекарь. К тому же на мое к тебе отношение повлияло то, что ты меня предала вместе с братом вы пытались меня убить.

— Рагнор...

— Нарю, тебе все время удавалось выйти сухой из воды...

— Но, Рагнор! Ты не можешь! — прошептала она и, подойдя к нему, положила ему руки на грудь. — Рагнор! — прошептала она, глядя ему в глаза.

Рагнор поднял руку и обнял Нарю за шею. Как и все здесь, он был одет в карнавальный плащ.

Плащ накрыл Нарю, когда она прижалась к его плечу.

И тогда рука его бессильно упала вдоль тела.

На пол упала горсть праха.

— Все кончено, — тихо обратился Рагнор к Лючану.

Лючан кивнул.

— Я разберусь с местными служителями закона, — кивнул Шон в сторону Роберто Капо, все еще лежавшего на полу и лишь начинавшего приходить в сознание.

Рагнор согласно кивнул. Он протянул руку Джордан, стоя в шаге от нее, так, чтобы она приняла его руку.

— Знаешь ли, ты другая.

— В самом деле?

— Между нами тысяча лет разницы, — тихо шепнул он. — Берешь мою руку?

— Куда мы пойдем?

— Придется подумать. Ты хотела правды. Признаний. Теперь я могу о многом тебе поведать.

Джордан склонила голову набок.

— По крайней мере в одном я уверена — слушать будет интересно.

— Я не собираюсь тебя всю ночь занимать разговорами.

Она улыбнулась, протянула ему руку, но остановилась в нерешительности.

— Синди!

Я отвезу ее обратно в больницу, — заверил ее Лючан.

— А Рафаэль, он, должно быть, сильно ударился...

Мы все поедem в больницу, — пожал плечами Лючан.

Ну? — Рагнор все еще протягивал ей руку.

Она взяла ее и улыбнулась.

— Поскольку ты не собираешься говорить всю ночь...

Они ушли вместе.

Он мог говорить и говорить. А ей хотелось получить наконец объяснения.

Но... Только время способно дать ответы на все вопросы.